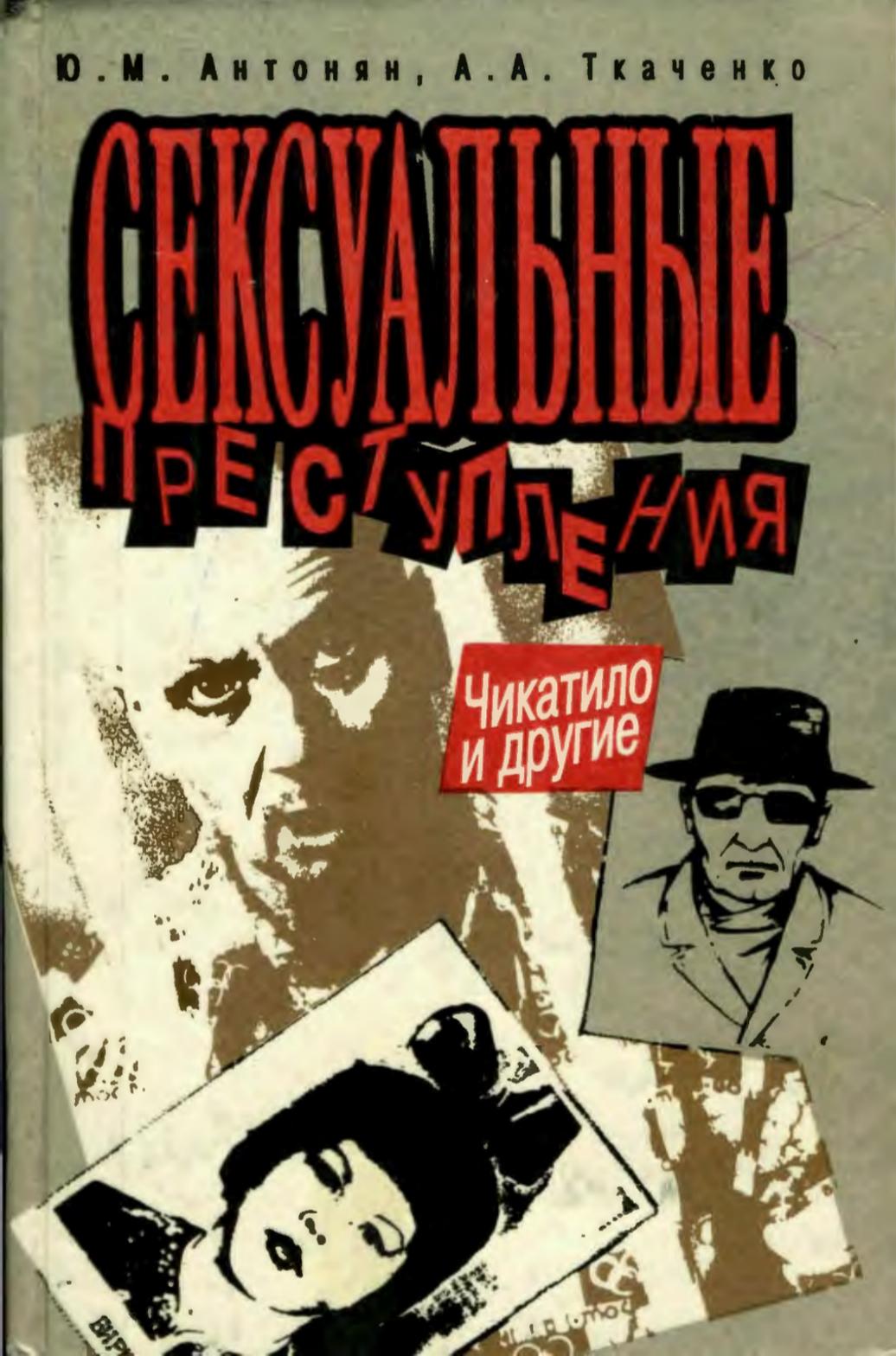

Ю. М. Антонян, А. А. Ткаченко

СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Чикатило
и другие

Ю. М. Антонян, А. А. Ткаченко

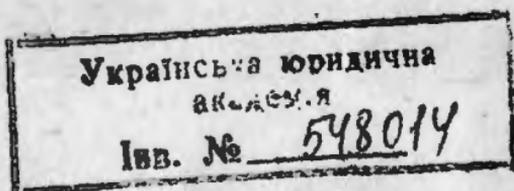
СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Чикатило и другие

Москва
«Амальтея»
1993

Художник *А. Разумов*

Предисловие, §§ 1 и 2 главы I, главы II, IV,
заключение написаны Ю. М. Антоняном.
§§ 3—6 главы I написаны А. А. Ткаченко.
Разделы 1 и 2 § 3 главы III написаны
Ю. М. Антоняном и А. А. Ткаченко.

Антонян Ю. М., Ткаченко А. А.

А72 Сексуальные преступления: Научно-популярное исследование.— М.: Амальтея, 1993.— 320 с.

ISBN 5-7121-0201-3

Опаснейшие сексуальные посяательства на женщин и детей, их убийства, нанесение тяжких телесных и душевных травм—этим самым страшным и в то же время самым сложным для понимания преступлениям посвящена настоящая книга. На основе изучения конкретных уголовных дел и всестороннего освидетельствования сексуальных преступников предпринята попытка показать причины половых посяательств, их скрытые механизмы, возможности профилактики, сведения об опаснейших сексуальных убийцах, таких, как Чикатило.

Расчитана на широкий круг читателей, представляет интерес и для юристов, психологов, психиатров, сексологов.

А 4108110100—5
331(009)—93

ББК 57.0

ISBN 5-7121-0201-3

© Оформление. А. Разумов, 1993
© Ю. М. Антонян, А. А. Ткаченко, 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Любое цивилизованное общество строго охраняет права и законные интересы своих граждан, их жизнь и здоровье, достоинство и неприкосновенность личности, сурово карая за всякое посягательство на них, особенно если страдают дети и подростки. Любое цивилизованное общество строго оберегает честь и достоинство женщин как символ собственной чести, а эффективность этой защиты выступает показателем его культуры. Существующий строй сексуальных отношений охраняется, конечно, не только и не столько с помощью уголовного кодекса, но главным образом путем воспитания нравственных чувств, формирования культуры общения и межличностных отношений, полового воспитания, оказания психологической помощи в разрешении глубинных переживаний и конфликтов. Именно эти меры на фоне общего повышения культуры следует рассматривать как наиболее важные в борьбе с сексуальными преступлениями, особенно изнасилованиями, наиболее эффективные. В структуре преступности сексуальные посягательства менее распространены и не идут ни в какое сравнение, например, с кражами и другими имущественными правонарушениями. Но даже относительно небольшое их количество не может не вызывать тревоги в силу повышенной общественной опасности, необратимости последствий, глубоких физических, моральных и психологических травм.

Закономерно, что изнасилования несовершеннолетних либо сопряженные с убийствами или нанесением тяжких телесных повреждений, с истязаниями и мучениями жертв вызывают однозначное и суровое осуждение общественности.

«Серийные» зверские убийства женщин и детей в Ростовской и Витебской областях, Москве, Иркутске,

Пензе, Ставрополье и некоторых других местах приковали к себе всеобщее внимание, породили страх у населения. Необходимо отметить, что подобные преступления «сотрясают» и многие другие страны. По сообщениям печати, за последние годы несколько таких преступлений было совершено, например, в США (в штатах Вашингтон, Колорадо, Флорида). Поэтому без преувеличения можно сказать, что борьба с половым насилием и убийствами на сексуальной почве актуальна практически для каждой страны. Добавим, что у нас они раскрываются очень плохо, в том числе по причинам их недостаточной изученности, отсутствия необходимых сведений о тех, которые преступили все мыслимые грани.

Мы поставили перед собой задачу рассказать, почему совершается сексуальное насилие, рассказать не только юристам, психологам или сексопатологам, но всем тем, кого интересуют эти вечные тайны, для кого небезразличны нравственное здоровье людей, судьбы жертв таких посягательств, всем, кто хочет знать, как избежать опасности. Как ни странно, для нас важно обратиться и к потенциальным сексуальным преступникам, показывая субъективные причины и механизмы половых правонарушений. Эти движущие силы обычно не осознаются человеком, но поняв, осмыслив их с нашей помощью, они смогут управлять ими и в силу этого избежать совершения опаснейших поступков.

Общество ждет более эффективной профилактики этих преступлений, острого реагирования правоохранительных органов на каждый факт, обязательного изобличения виновных и их наказания. Причем наказание должно быть таким, чтобы исключить возможность рецидива. Однако до сих пор мы не умеем исправлять сексуальных преступников, и работа с ними в местах лишения свободы ведется такая же, как, например, со взяточниками или ворами.

Все это в общем-то неудивительно, поскольку половые преступления еще мало исследованы с широким привлечением современных достижений социологии, психиатрии и в первую очередь сексологии, сексопатологии и психологии.

В нашей стране даже сфера изучения половой преступности в прошлом была весьма идеологизированной. Более того, эти преступления исследовались как-то стыдливо, а публикации о них были недоступны широкому кругу читателей, они охранялись почти

наравне с военными секретами. Здесь проявилась очень интересная тенденция: тоталитарное коммунистическое государство вмешивалось во все дела и поступки человека, даже залезало к нему в постель, установив, например, уголовную ответственность за мужеложство. А поскольку половая жизнь людей все-таки ускользала от бдительного ока, выгодно было делать вид, что этой жизни вроде бы и не существует. По этой причине вся сексологическая (а криминолого-сексологическая тем более) литература оказалась под запретом.

В настоящее время, как известно, началось бурное движение в противоположную сторону, от пуританства и фарисейства к полной разнузданности и резкому падению нравов. Сейчас любой мальчишка и любая девчонка могут в неограниченном количестве приобрести литературу о сексе — низкопробную, грязную, срывающую с него все покровы цивилизации и сводящую его к простому совокуплению. Но серьезных научных и научно-популярных работ о сексуальной жизни и отношениях между полами все еще очень мало.

Если сексуальные преступления еще кое-как описываются, то объясняются из рук вон плохо. Приводимые причины изнасилований (причины других посягательств на половую неприкосновенность человека вообще никогда у нас не исследовались) столь невняты и неубедительны, что невозможно понять, почему они все-таки совершаются. Между тем незнание причин самым пагубным образом отражается на профилактике сексуальных преступлений.

Конечно, работники следствия, суда, прокуратуры и адвокаты имеют свое понимание природы и причин сексуальных преступлений, но оно, по существу, не выходит за рамки обыденных житейских представлений. Многие люди, в том числе юристы, уверены, что если у обвиняемого в изнасиловании выявлена, например, психопатия, то этим все сказано, т. е. совершенно ясно, что по причине такого психического расстройства он и совершил данное преступление. И не всем приходит в голову, что тысячи психопатов никогда не преступают уголовно-правовые запреты. Очень часто принимаются на веру объяснения и мотивировки самих обвиняемых, и дело здесь не в том, что они могут намеренно исказить истину, а в том, что преступники чаще всего попросту сами не знают причин собственных поступков.

Между тем в области изучения сексуального поведения отечественными сексопатологами и психиатрами сделано немало. Но это главным образом психиатрические работы, построенные на изучении аномальных и больных людей, совершивших общественно опасные сексуальные действия. Но их явно недостаточно для объяснения сексуального насилия, хотя бы потому, что многие виновные в совершении сексуальных преступлений психически здоровы. Даже если у них имеются психические нарушения (в пределах вменяемости), их преступное поведение не может быть объяснено с психиатрических позиций. Необходимо комплексное изучение, поскольку никакие внешние и внутренние, в том числе патологические, факторы не действуют напрямую, а только преломляясь через психологию личности.

Одним словом, не зная психологии виновного в посягательстве на половую неприкосновенность, невозможно понять, почему он это сделал. Пока же психология таких людей изучена слабо. Отсюда нерешенность многих криминологических, криминалистических, экспертных, исправительных и других проблем, почти полное отсутствие научно обоснованных предложений и рекомендаций по профилактике и раскрытию этих преступлений, исправлению виновных. Есть еще одно обстоятельство, препятствующее глубокому познанию половых правонарушений: для изучения такого рода преступлений требуются не только специальные знания и навыки применения тонких методик, но подобные правонарушения сами по себе, в силу своего характера и тяжести последствий, нередко как бы отталкивают от себя исследователя. Изнасилования и убийства, совершенные с особой жестокостью, насилие над детьми и причинение им тяжких увечий, различного рода сексуальные извращения всегда вызывали естественное отвращение, а следовательно, и нежелание заниматься непосредственным изучением личности виновных в столь омерзительных злодеяниях.

Уместно отметить, что половое поведение, пусть и преступное, как и сексуальная жизнь человека в целом, относятся к числу самых больших и загадочных тайн природы, общества и личности и, возможно, нигде, как в такой жизни, столь сложно и тесно не переплетаются в человеке природные и социальные силы. Сексуальные эмоции, переживания и установки сугубо интимны, скрытны и глубоки, порой драматичны, име-

ют исключительное бытийное значение. Они оказывают огромное влияние на судьбу личности, подчас круто меняют ее, перестраивают все мироощущение.

Сексуальные отношения множеством невидимых нитей переплетаются с иными связями и ценностями, эти отношения часто непонятны и даже необъяснимы для внешнего взгляда, их познанию существенно препятствуют тысячелетние ошибки и заблуждения, страхи и предубеждения, предвзятые и неоднозначные оценки, суеверия и сложнейшая символика. Слишком часто в межполовых отношениях и эмоциях видели источник и сущность человеческой порочности, а отношения к ним колебались от наготы и цинизма до пуританской стыдливости, замалчивания и даже полного отрицания. Тем не менее секс и сексуальные отношения во всем их многообразии всегда сохраняют свою властную притягательную силу. В качестве объекта изучения они всегда привлекали внимание философов, психологов, юристов, писателей.

Сексуальное насилие как разновидность полового поведения, точнее, как его несоциализированная, вандалическая форма, не может быть адекватно объяснена лишь как правовое явление вне широкого контекста сексуальной жизни человека, разнообразных социально-психологических связей и механизмов, роли сексуальности в его жизни.

Главная задача, которую мы ставим перед собой, заключается в попытке раскрытия внутренних причин названных правонарушений через их мотивацию, не игнорируя при этом и внешние способствующие факторы. Выбор именно мотивации закономерен, ибо в мотивах заключены побудительные силы поведения, его личностный смысл, т. е. то, ради чего совершаются данные преступные действия, в чем их субъективная выгода для индивида.

Ведь очень часто стороннему наблюдателю представляется, что наступающие последствия в виде уголовного наказания неизмеримо превышают все зримые выгоды от совершенного правонарушения и поэтому, казалось бы, нет никакого смысла поступать таким образом. Однако так только кажется, поскольку самые дикие, гнусные, даже нелепые поступки всегда, подчеркиваем — всегда, имеют свою внутреннюю логику, свое внутреннее обоснование, свой психологический выигрыш. Но понять это можно, лишь принимая во внимание мотивы поведения. Знание их дает

возможность понять личность сексуального преступника.

Пристальный интерес к личности вовсе не означает психологизации проблемы половых преступлений, поскольку, во-первых, без знания человека понять эту проблему попросту невозможно. Во-вторых, ее изучение позволяет выйти на широкий социальный уровень, сделать социальные обобщения. Иначе, собственно, и не может быть, поскольку сексуальные преступления, как и любые другие, совершаются личностями, формирование, развитие и поведение которых немислимо вне общественных и социальных ситуаций.

Мы намерены рассказать здесь не только о самых распространенных половых преступлениях — изнасилованиях, которым, кстати, уже посвящен ряд работ. Не меньше места будет уделено убийствам на сексуальной почве.

В книге не обойдены вниманием и потерпевшие, поскольку без анализа их личности и поведения зачастую совершенно нельзя понять, почему и как совершено преступление. Сексуальное — в особенности, потому что самим преступным действиям часто предшествуют более или менее тесные отношения между будущим преступником и будущей жертвой, отношения сложные, запутанные, противоречивые. Это можно сказать, например, о многих случаях изнасилований, когда женщина своим неосторожным, даже аморальным поведением, ведя так называемую любовную игру, вовлекает в нее мужчину. Это и факты изнасилования детей их отцами или отчимами, соседями или «друзьями» дома. Интересно отметить искреннюю убежденность многих преступников в том, что жертва сама стремилась к половой близости.

Чтобы выпукло показать специфику личности преступника, механизмы и истоки сексуального насилия, приведены развернутые примеры. В центре этих иллюстраций личность преступника и история его жизни во всей ее неповторимости. Причем наше объяснение происшедшего — одна из возможных версий, построенная на определенном видении природы преступлений, посягающих на самую интимную сторону человеческой жизни. Наша версия построена на достоверных фактах, на результатах изучения реальных людей. Авторы — ученые-практики, т. е. люди, на протяжении многих лет сами изучающие тех, кто совершил столь тяжкие преступления.

ПРИРОДА СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

1. Что об этом известно в криминологии

Криминологи неоднократно пытались выяснить причины изнасилований и других тяжких половых преступлений. Если суммировать высказанные в разное время на этот счет суждения, то они, в основном, сводятся к следующим:

1) совершение изнасилований и убийств связано с упущениями в нравственно-половом воспитании; не во всех учебных заведениях и трудовых коллективах уделяется должное внимание воспитанию культуры поведения и отношений, борьбе с проявлениями грубости, цинизма, с распространением пьянства и других негативных традиций проведения свободного времени;

2) специфическую роль играют примеры развязного сексуального поведения (например, совершение половых актов в присутствии детей; беспорядочная половая жизнь), распространение циничных взглядов на женщину и отношения полов;

3) развращающее влияние старших по возрасту, безнадзорность подростков в период полового созревания оказывают исключительно отрицательное влияние на состояние половой преступности;

4) криминогенным фактором является распространение представлений об «абсолютной половой свободе» как якобы атрибуте современной молодежи. Крайний индивидуализм, стремление удовлетворить свои узкоэгоистические интересы, представление некоторых мужчин о себе как о существах, имеющих чуть ли не от природы какие-то преимущества перед женщинами; сведение отношений между полами к чисто физиологическому акту. Подобные представления весьма живучи, обращены к самым низменным инстинктам и легко воспринимаются несознательной частью населения;

5) проблема изнасилований и убийств на сексуальной почве тесно переплетается с проблемой криминальной роли потребления спиртных напитков, его влияния на область половых отношений. (Эта схема подкупает своей простотой и доступностью: выпил — изнасиловал или убил, нахулиганил. Никаких особых изысканий тогда не нужно, правда, одно неясно: ведь выпивают миллионы, а насилует, убивает и т. д. — значительное меньшинство);

6) при совершении изнасилований и даже убийств на сексуальной почве виновные руководствуются прежде всего хулиганскими побуждениями. Это якобы подтверждается тем фактом, что свыше 70% этих преступлений совершаются хулиганствующими группами несовершеннолетних. Происходит это потому, что побуждающим фактором к совершению, например, изнасилований выступает в большинстве случаев бахвальство, стремление показать себя взрослым перед товарищами, ложно понимаемый героизм. Сильны при этом и моменты внушаемости, подражания, любопытства;

7) легкомысленное поведение потерпевших от половых преступлений, создавшее у преступников мнение о «естественности» их притязаний на интимную близость или обусловившее благоприятную обстановку для реализации этих притязаний;

8) сексуальные убийства чаще всего связаны с ревностью и частнособственническими воззрениями на женщину, из чего можно сделать вывод, что, когда женщина убивает мужчину, она тоже смотрит на него частнособственническими глазами. А вообще сексуальные убийства привлекали к себе мало внимания в силу неразвитости криминальной психологии, без которой невозможно объяснить, почему подобные преступления совершают вполне преуспевающие люди, весьма недурно адаптированные к существующей социальной системе. Нелишне заметить здесь, что мотивы сексуального характера могут стимулировать совершение не только насильственных, но и костных преступлений — краж, хищений, взяточничества, а также разбоев и грабежей.

Оценивая перечисленные объяснительные конструкции, можно подумать, что действуют не живые насильники, а некие роботы. Отсюда упрощенные, даже умозрительные объяснения, в которых фактически игнорируется то чрезвычайно важное обстоятельство, что изнасилования, внешне справедливо расцениваемые

как грубые, циничные, даже разрушительные действия, тем не менее порождаются глубинными, тончайшими, часто психотравмирующими переживаниями и эмоциями, смысл которых по большей части не охватывается сознанием личности. Виновные в изнасилованиях лишь в редких случаях способны внятно объяснить, почему они совершили такие действия, в чем смысл, значение этих действий для них. Понять, какую субъективную задачу решает человек, совершающий такие и другие уголовнонаказуемые поступки, — долг исследователя. Преступник же, поняв смысл этой задачи, тем самым овладевает и механизмами своего поведения, может лучше управлять им. Именно в этом заключены огромные, но почти не тронутые предупредительные в отношении изнасилований возможности.

Справедливости ради отметим, что изучение природы и причин половых преступлений отечественными юристами никогда не отличалось большой глубиной. Вот что писал, например, о подобных преступлениях известный русский дореволюционный (и «послереволюционный») юрист С. В. Познышев: «Особую разновидность импульсивных преступников составляют преступники половые, изнасилватели и развратители подростков и малолетних. Это — субъекты, у которых существует сильная склонность к половым удовольствиям, не ограничиваемая обычными у людей комплексами морального характера, а подчиняющаяся одним соображениям личной приятности и риска. В силу этих соображений они стараются обставить получение приятных ощущений полового характера такими условиями, при которых им не угрожали бы ни большой скандал, ни ответственность, но о моральной стороне своего поступка и о его социальной недопустимости они не думают... иногда преступления этих субъектов бывают очень тяжки, а иногда носят на себе печать не столько зверской жестокости, сколько не лишённой комизма половой распущенности».¹ Замечания эти не лишены точности, но им явно не хватает глубины.

С. В. Познышев анализирует следующий пример: крестьянин Московской губернии Иван Г., 55 лет, неграмотный, по профессии кузнец, на первый день Рождества в 1920 году, в отсутствие своей жены

¹ Познышев С. В. Криминальная психология. Преступные типы. — Л., 1926. — С. 151.

изнасиловал свою дочь Зинаиду, 14 лет: сбросил с нее одеяло и сорвав рубашку, он совершил с ней половой акт, несмотря на ее сопротивление. С этого времени и до лета 1922 года, угрожая ей избиением, он время от времени жил с ней. Дочь, страшно запуганная, долго скрывала поступки отца, но потом все рассказала властям.

Чем же объясняет автор изнасилование Г. собственной дочери, поступок, кстати сказать, не очень редкий? Он обращается к истории жизни Ивана Г. и сообщает, что тот был сын трезвых родителей, которые отдали его с 9 лет в ученье по кузнечной части и по окончании его он в течение всей жизни работал кузнецом; с 18 лет стал сильно пить, при этом любил пояснять, что «мастеровое дело — известно, не выпьешь и работать нельзя». Груб, драчлив, раздражителен. Женился в 25 лет, до этого с женщинами связи не имел. После смерти жены (прожили вместе 16 лет) женился во второй раз; во время вдовства имел с женщинами редкие половые связи («с кем попало»). В последние годы замечает, что половое желание у него есть, а половой силы нет. Признается, что раз выпив 4 бутылки «ханжи, пристал к дочери». Изнасилование вообще и дочери в частности признает «неудобным», ну а если бы «она согласилась, тогда другое дело». Старается уверить, что дочь на него наговорила. По мнению С. В. Познышева, Иван Г. представляет собой резко выраженный тип полового насильника.¹

Вот, собственно, и все комментарии по поводу данного преступления. Из них невозможно понять, почему это преступление произошло, и можно только строить самые различные предположения. С. В. Познышев пытается проанализировать и несколько случаев растления малолетних. Виновных в таких действиях автор называет сладострастными блудниками, «не доходящими до насильственного совершения акта совокупления, а ограничивающимися разными «блудными» действиями». Например, рассказывается о некоем Иване Х., служившем сторожем при заводе, который зазывал к себе в будку девочек 9—11 лет, сажал их к себе на колени, вводил палец в их половые органы и показывал им свой член; аналогичные развратные действия совершал Ш., который под предлогом угощения конфетами увел пятерых девочек на Ваганьковское

¹ См.: Познышев С. В. Указ. работа.—С. 152.

кладбище; О., учитель музыки и пения в детском доме, который завлекал девочек 8—10 лет к себе домой и т. д. Обо всех виновных говорится, что они импульсивные личности, т. е. люди, действующие по первому побуждению, однако это мало что объясняет, поскольку подобное побуждение может вызвать самые разные поступки, в том числе благородные, о чем предостерегал еще Талейран.

Весьма ограниченными объяснительными возможностями обладают и рассуждения С. В. Познышева по поводу того, что сексуальные преступники, хотя и не могут считаться вполне нормальными людьми, так как у них есть склонности к ненормальным поступкам, однако лишены признаков какого-либо определенного нервного или психического расстройства. Все эти рассуждения вызывают серьезные возражения. Во-первых, здесь очень неубедительным выглядит положение о том, что названные преступники не вполне нормальные в связи с их склонностью к ненормальным поступкам. Однако все (или почти все) преступления можно назвать ненормальными, т. е. выходящими за рамки социальной нормы. С этих позиций и карманный вор, и сексуальный убийца, и взяточник из муниципалитета одинаково ненормальны. Во-вторых, из текстов С. В. Познышева совсем не вытекает, что наличие нервного или психического расстройства было установлено психиатром или невропатологом, а только они и имеют на это право. Очень важно здесь обратить внимание на то, что никакое психическое расстройство непосредственно и однозначно не приводит к преступлению, иначе все психически аномальные люди были бы преступниками. К тому же важно не только констатировать психическую патологию, но и убедиться в том, что она «соучаствовала» в преступных действиях.

Более глубокие и обоснованные суждения относительно половых преступных посягательств высказывал выдающийся отечественный психиатр П. Б. Ганнушкин. В великолепном очерке «Сладострастие, жестокость и религия» он высказывает весьма интересные и нетривиальные мысли. П. Б. Ганнушкин считает, что три чувства, совершенно различные на первый взгляд,—злорадия, сексуальная любовь и религиозное чувство—находятся друг к другу в большой близости; когда возрастает их интенсивность и, в особенности, когда злость трансформируется в жестокость, в свирепость, сексуальная любовь

в сладострастие и религиозное чувство в фанатизм или в мистицизм, тогда эти три чувства совпадают или смешиваются без заметных границ. Религиозное помешательство очень часто связано с болезнями половых органов и в клинической картине этого помешательства галлюцинации сексуального характера, мастурбация и всякого рода сексуальные эксцессы занимают заметное и постоянное место. Известны случаи, когда религиозное помешательство совпадало с очень частыми поллюциями, или со временем полового созревания, или с началом месячных, или с их временной задержкой.

Живопись, скульптура и поэзия, современные роман и драма часто касаются близости сексуального чувства и жестокости, считал П. Б. Ганнушкин. Зло, которое некоторые люди причиняют другим, вызывает у них чувство сладострастия, с другой стороны, не нужно рассматривать как психически больных или дегенератов всех тех, у кого сексуальные функции сопровождаются актами жестокости. Реализация сексуальных функций часто сопровождается жестокостью даже у животных. Так, верблюд в период течки бывает очень злобен и всех кусает, даже самок; в Гамбургском зоопарке самец кенгуру убил самку и детенышей во время вспышки полового возбуждения; кенар в подобных случаях часто разрушает собственное гнездо, разбивает яйца и убивает самку.

Сексуальное чувство, половой акт (копуляция) могут сочетаться с жестокостью тремя способами: 1) жестокость следует за копуляцией; последняя не дает удовлетворения и субъект прибегает к серии зверств над своей жертвой; 2) жестокость предшествует копуляции; в этом случае жестокость восстанавливает потенцию, уже ослабленную или исчезнувшую; 3) копуляция не имеет места и она защищается жестокостью; это садизм в собственном смысле слова, где жестокость является эквивалентом половой любви. Меньшую часть составляют случаи, когда половое возбуждение вызывается не путем совершения поступков, приносящих вред другим, но только при созерцании сцен жестокости и даже только при представлении подобных сцен.

Ссылаясь на ряд исследований, П. Б. Ганнушкин отмечал неограниченные возможности мужчины по отношению к женщине, которая ему отдается, сходство акта половой любви и акта кровавой жестокости, сходство, обусловленное борьбой за первый поцелуй,

борьбой за осквернение женщины кровью через разрушение ее эпидермиса, ее растление, сходство, обусловленное истинным или притворным сопротивлением женщины, наконец переживание победы мужчиной, унаследованное, может быть, с того времени, когда нападение и борьба предшествовали обладанию женщиной. Все это обуславливает некоторое сходство между сладострастием и жестокостью.

С приведенными соображениями можно не соглашаться или соглашаться частично. Например, вызывает некоторые сомнения утверждение по поводу неограниченных возможностей мужчины по отношению к женщине, которая ему отдается. Однако в целом здесь проявлено стремление показать всю сложность проблемы сексуального насилия, скрытый, глубинный характер факторов, вызывающих подобные поступки.

Результаты научных исследований убедительно показывают, что невозможно вскрыть внутренние причины насильственного сексуального поведения с помощью только социологической информации, т. е. сведений о том, когда и какие внешние факторы влияли на человека. Например, совершение половых актов в присутствии детей нельзя назвать веской причиной изнасилований. Такие факты в условиях сельского дома были всегда достаточно распространены. Они могут порождать как циничное к ним отношение, так и равнодушие или отвращение, приводить к невротическим расстройствам и т. д. К тому же, по имеющимся данным, число изнасилований в сельской местности не выше, чем в городах. Более того, есть основания полагать, что в городах оно выше, поскольку там выше уровень латентности.

Совсем неубедительно звучит утверждение, что при совершении изнасилований виновные прежде всего руководствуются хулиганскими побуждениями. По-видимому, настало время отказаться в науке от использования понятия «хулиганские побуждения» для объяснения всего того, что непонятно исследователю, суду, следствию или другому причастному лицу. Мы возражаем также против того, что ненадлежащее, даже аморальное поведение потерпевших может выступать в качестве причин изнасилований. Такое поведение можно рассматривать лишь как условие, способствующее этим преступлениям.

Даже если представить себе человека, который был в детстве и юности свидетелем половых сношений,

слышал циничные высказывания в адрес женщин, испытал на себе «тлетворное» влияние буржуазной пропаганды, потребляет спиртные напитки, который не был объектом направленного воспитания в учебных заведениях и трудовых коллективах и обычно «руководствуется» так называемыми хулиганскими побуждениями, ложно понимая героику, которого провоцировала женщина, все-таки остается совершенно непонятным, почему же он совершил именно изнасилование да и любое другое преступление. Легко можно представить себе тысячи людей, которые воспитывались в ненадлежащих условиях, обладают негативно оцениваемыми качествами или неправильно ведут себя, но тем не менее не совершают столь тяжких преступлений да и вообще никаких. Очевидно, нужно установить истинные мотивы изнасилований и сексуальных убийств, понять, почему данный человек в данных обстоятельствах совершил данный поступок, а не какой-нибудь иной. Ведь любая жизненная ситуация содержит веер возможностей выхода из нее, что и является одним из наиболее существенных оснований ответственности, однако виновный выбирает только ту, которая носит противоправный характер. Поэтому поставленный выше вопрос можно сформулировать несколько иначе: почему он выбрал именно эту возможность? Сказать, что это происходит потому, что таков данный человек, значит, в сущности, не сказать ничего. Поэтому мы попытаемся вскрыть те внутренние, субъективные определяющие, которые приводят именно к изнасилованиям.

Вместе с тем ни в коем случае нельзя отрицать криминогенное значение недостатков в воспитательной работе, в том числе в половом воспитании, роль пьянства, циничных примитивных взглядов на межполовые отношения и других негативных явлений. Эти явления должны быть объектом предупредительного воздействия, но их следует адекватно оценивать, рассматривая не в качестве причин, а условий, способствующих совершению изнасилований.

Не следует игнорировать и то, что многие насильники, действительно, рассматривают женщин как низшие существа, с желаниями которых можно не считаться и которые чуть ли не обязаны делать то, что пожелает данный мужчина. Немало и тех, кто сводит отношения полов к простым физиологическим актам. Не вызывает сомнений, что у насильников не сформировано представление о ценности женщины, ее сво-

боде, достоинстве, половой неприкосновенности. Сами насильственные действия как раз об этом и свидетельствуют, да и сами насильники подчас не скрывают своего пренебрежительного, циничного отношения к ней. Но это не освобождает от обязанности понять, в силу каких психологических стимулов и механизмов подобные установки реализуются в изнасилованиях. Поэтому вновь можно поставить вопрос: почему далеко не все те, которые отводят женщинам столь унижительную роль, которые выхолащивают из межполовых отношений чувства любви, симпатии, взаимного расположения, доверия, наконец, сексуального принятия и т. д., совершают столь тяжкие преступления?

Сказанное относится и к случаям совершения изнасилований лицами, чьи преступные действия связаны (в той или иной мере) с длительной сексуальной депривацией, т. е. невозможностью удовлетворения половой потребности в течение долгого времени. К ним в первую очередь относятся солдаты срочной службы и те, кто недавно демобилизован из армии, а также лица, освобожденные из мест лишения свободы. Изучение этого вопроса показало, что таких лиц среди насильников незначительная часть. Основную массу подобных преступлений совершают лица, которые имели постоянную возможность удовлетворять половую потребность. Более того, как мы уже отмечали, многие из них были женаты.

Аналогичные наблюдения сделаны и зарубежными исследователями. Так, Х. Шрамм пишет, что почти ни один преступник не действует из сексуальной необходимости. Все преступники, за некоторым исключением, имеют сексуальные отношения с женщинами.¹

Мы полагаем, что регулярная половая жизнь женатых мужчин отнюдь не гарантирует того, что они не будут совершать изнасилований и сексуальных убийств. Более того, последние весьма вероятны в связи с интимными трудностями, возникающими в сексуальной жизни супружеской пары. Можно предположить, что семейный фактор играет и другую криминогенную роль, но совершенно в ином аспекте, а именно: неприязненные внутрисемейные отношения, постоянные бытовые неурядицы, конфликты, скандалы

¹ См.: Schramm H. Zur Kriminologie der Sexualdelikte Minderjähriger // Die Polizei. — 1965. — № 1. — P. 28

способствуют взаимному сексуальному отчуждению супругов и как бы выталкивают мужа на улицу, ставя его перед необходимостью поиска новых объектов интимного общения и новых (далеко не всегда правомерных) форм сексуальной близости. В других случаях постоянные скандалы заканчиваются насильственными действиями.

Однако и такая цепочка причинно-следственных зависимостей представляется некоторым упрощением чрезвычайно сложной проблемы связи сексуальных и иных отношений супругов и насильственных посягательств на половую неприкосновенность других женщин или на жизнь своей жены. Эта схема все-таки имеет чисто описательный характер, ориентирована на внешне оцениваемую последовательность явлений без вскрытия их внутренней содержательной связи. К тому же непонятно, почему лица, семейные отношения которых вполне благополучны, совершают такие тяжкие преступления. В этих случаях указанная связь может отсутствовать либо носить глубоко скрытый характер, особенно тогда, когда семейная ситуация насильника со стороны выглядит достаточно благоприятной.

Можно предположить, что причины изнасилований связаны с субкультурой некоторых социальных групп. Наиболее криминогенны те сексуальные нормы, которые влекут за собой отсутствие духовной близости между сексуальными партнерами, пренебрежительное отношение к женщине и понуждение ее к интимной близости. Между тем сексуальные нормы, допускающие насилие, мало распространены. Имеющие криминогенную значимость нормы о взаимоотношениях полов чаще связаны с менее выраженными формами проявления неуважения к личности женщины.

Криминологическое значение может иметь тот факт, что сексуальная культура каких-то групп готовит почву для совершения изнасилования допущением, например, открытости интимных связей. Шаг в сторону применения насилия от нее короче, нежели от сексуальной субкультуры, налагающей табу на гласность в области интимных отношений. Однако следование нравственным предписаниям в одной социальной группе отнюдь не означает, что представители этой группы будут соблюдать их в контактах с представителями другой общности. Так, в Англии в XIX веке мужчины из средних и высших слоев руководствовались господствовавшими там пуританскими правилами при общении

с женщинами того же круга, не могли игнорировать указанные нормы, когда вступали в интимные контакты с представительницами иных социальных слоев. Впрочем, такое встречалось и встречается не только в Англии.

Изнасилования во многих случаях являются воплощением в жизнь представлений о допустимости принуждения к интимной близости с женщиной, которая согласилась распивать спиртные напитки наедине с мужчиной. В других ситуациях эти же мужчины не совершают посягательства на половую неприкосновенность женщины. Этот пример показывает, что конкретная сексуальная субкультура не носит тотального негативного характера и каждый ее представитель действует индивидуально. Другой важный момент: живучесть негативных сексуальных норм определяется не только социальной памятью, но и возможностью их реализации в поведении конкретного человека. Причем они сильнее закрепляются тогда, когда основанное на них поведение позволяет достичь поставленных целей, а наказание за проявленное в той или иной форме неуважение к женщине не следует.

Можно рассуждать и от обратного: если сексуальная субкультура допускает в каких-то интимных обстоятельствах проявление мужчиной неуважения к женщине, то это может означать, что она же содержит нормы, прививающие женщине представление о допустимости такого отношения к ней. Более того, все другие лица, придерживающиеся той же субкультуры, рассматривают такое сексуальное поведение как непорицаемое. Имея это в виду, изнасилование, совершаемое на почве совместного времяпрепровождения мужчины и женщины или в иных ситуациях, можно рассматривать как использование виновным каких-то негативных сексуальных представлений, присущих потерпевшей и ее ближайшему социальному окружению, или как его ошибку в первоначальной оценке сексуального кредо женщины.

Этот уровень объяснения причин изнасилований — преимущественно социально-психологический, основанный на этических ориентациях и ценностях отдельных социальных групп. Эти группы, как можно предположить, в значительной своей части неформальные и выделяются по различным параметрам, в том числе и по месту, которое они занимают в общественном производстве. Социально-психологический уровень достаточно конструктивно объясняет совершение многих насильственных сексуальных посягательств, поэтому

преступники, как бы представляющие этот уровень нами в дальнейшем выделяются в самостоятельный тип насильника со всеми присущими ему психологическими чертами.

Однако только социально-психологическое объяснение причин изнасилований (как, по-видимому, и других сексуальных преступлений) не может, на наш взгляд, иметь всеобъемлющее значение, т. е. не способно раскрыть причины всех таких преступлений, и в этом его недостаточность. Например, оно не может быть полным для понимания внезапных, «ночных» нападений на незнакомых женщин преклонного возраста. Отметим в этой связи, что сексуальные посягательства на малолетних девочек и женщин преклонного возраста порицаются всеми сексуальными субкультурами. В то же время не подлежит сомнению, что любой насильник придерживается каких-то взглядов в области сексуального поведения и является носителем определенных представлений из этой области, присущих его социальной группе.

Сексуальные действия в отношении детей и тем более их убийства почти всегда вызывают крайне негативную реакцию со стороны других преступников. Многочисленные наблюдения показывают, что в местах лишения свободы осужденные за названные преступления постоянно унижаются и преследуются, их избивают и могут убить, издевательства над ними, как правило, принимают сексуальный характер. Они как бы отвергаются сообществом лишенных свободы, становятся изгоями, низводятся на низшую ступень социальной лестницы. Поэтому администрация исправительных учреждений иногда бывает вынуждена охранять таких лиц. Например, М., осужденный за изнасилование своей малолетней дочери, все время подвергался оскорблениям и побоям, ему не разрешали садиться за общий стол, дотрагиваться до ручек дверей и т. д. Администрация одной женской колонии имела все основания опасаться за жизнь одной преступницы, осужденной за то, что она отрубила кисти рук двум детям (4 и 6 лет) своей соперницы.

Разумеется, самоуправные действия одних преступников в отношении других не могут быть оправданы. Но очень непонятны и слишком мягкие приговоры подобным людям. Есть все основания считать, что смертная казнь всегда должна применяться в отношении убийц детей, лиц, совершивших убийства за плату

или убийства с особой жестокостью, всех тех, кто убивает не в силу личной вражды или ненависти к конкретному человеку, а без страсти и эмоций, только потому, что перед ним живая жизнь.

В зарубежной криминологии существует ряд теорий, содержащих попытки объяснения изнасилований. Кратко изложим их основное содержание.

Символическая интеракционистская теория исходит из того, что социальное взаимодействие осуществляется с помощью знаков, символов, жестов, игры глаз и слов. Люди наблюдают друг за другом, интерпретируют действия другого и ведут себя соответственно; к этим реакциям можно причислить и изнасилования. Интеракционисты считают, что изнасилование — это способ выражения отношений и чувств, испытываемых мужчинами и женщинами друг к другу. Здесь упор делается на реакцию насильника на поведение жертвы, которая иногда выступает в роли «вдохновительницы» насилия. Она пускает в ход то, что можно было бы расценить как непристойность в словах и жестах или она ведет себя таким образом, что это рассматривается как приглашение к половой связи.

При таком образе мышления в психологической окраске поведения потерпевших присутствует что-то, что отличает их от нежертв. Провоцирующие поступки женщин могут привести к сексуально опасной ситуации. Теория «провоцирующей жертвы» опирается, в основном, на позицию насильника, которая выражается обычно в таких словах: «она попросила об этом», «она недостаточно сильно сопротивлялась», «ее поведение было провоцирующим», «она изменила свое решение слишком поздно» и т. д. Названная теория превращает подобные рационалистические объяснения насильников в причинное объяснение актов насилия. Сторонники этой теории полагают, что недвусмысленное выражение жертвой ее нежелания сразу бы остановило насильника.

Однако, если насильник при нападении явно неправильно истолковывает намерения женщины, то тогда данная теория опирается на несколько иные исходные посылки. В таких случаях и преступник, и жертва неправильно истолковывают поведение друг друга. Она принимает за милость факт принятия им ее отказа при его заигрывании. Насильник, с другой стороны, истолковывает отказ жертвы чисто как проявление благопристойности. В итоге, считая, что

сопротивление женщины—это маска, под которой скрывается тайное желание подчиниться сильному мужчине, он принимает решение действовать таким образом, как будто бы она дала свое согласие.

Некоторые зарубежные исследователи и практические работники полиции отмечают, что в отдельных европейских странах и США среди насильников и сексуальных убийц довольно велика группа мужчин с черной кожей (до 30—35%). Однако подобные наблюдения не дают никаких оснований думать, что черная раса обладает повышенной предрасположенностью к насилию и никакие расовые теории под это не могут быть подведены. Дело в том, что высокий удельный вес чернокожих преступников наблюдается там, где представители этой расы адаптированы хуже других, т. е. плохо обеспечены материально, заняты непрестижным трудом, имеют низкий образовательный уровень, испытывают к себе недоверие и даже вражду и т. д. Сексуальное насилие для некоторых из таких людей является способом самоутверждения. Нелишне вспомнить и о том, что с древнейших времен женщина ассоциировалась не только с природой и ее способностью к оплодотворению, но и с богиней-матерью. Насильственное овладение женщиной другого рода или племени символизировало овладение божеством этого народа, следовательно, его подчинение. Почему не предположить, что этот древний механизм действует и сейчас?

Некоторые психоаналитические теории исходят из того, что у большинства насильников наблюдается сильная ненависть к женщинам с раннего детства или они пережили события, которые активизировали скрытые гомосексуальные тенденции. В последнем случае насилие мотивируется отчаянным желанием утвердиться в своей мужественности. По мнению Т. и Х. Швендингер, такие объяснения изнасилований не доказаны или доказаны не полностью, однако мы попытаемся показать обоснованность этих взглядов.

Психоаналитические идеи являются центральными в социологической концепции «субкультуры насилия». Данная субкультура предположительно создается мужчинами, живущими в одном и том же районе (местности), которые, прибегая к насилию, находят выход своей сексуальной амбивалентности (двойственности) и расстройством. Доказательств этой концепции очень мало, более того, считают упомянутые авторы, они

никогда не появятся, поскольку есть множество примеров, когда изнасилования совершались людьми из национальных групп, в которых наблюдались традиционные семейные связи. В этих группах женщины подчиняются мужчинам согласно стабильным патриархальным формам доминирования, а не моделям, где доминирует материальное начало. Однако, если воспитанный в такой патриархальной субкультуре мужчина встречается со случаями, когда высокий статус женщины и ее автономия подрывают его мужское превосходство, то это тоже может стать причиной изнасилования.

С совершением изнасилований женщин другой национальности, а в некоторых случаях и их последующего убийства мы сталкивались неоднократно. Такого рода преступления сейчас нередки во время межнациональных столкновений в странах бывшего СССР и преодоление последствий подобных преступлений представляет собой очень трудную, а подчас и неразрешимую проблему. Нельзя делать вид, что ее нет, напротив, следует искать формы и способы помощи обесчещенным (и, конечно, ни в чем не виновным) женщинам. С этой проблемой сталкиваются и другие страны, например Кувейт после иракского нашествия.

Вместе с тем надо иметь в виду и те случаи, когда мужчина, воспитанный в традиционной семейной культуре, совершает сексуальное насилие в отношении женщины, принадлежащей к той же национальной группе. Обычно это происходит в ситуациях, когда потерпевшая представляется насильнику значительно менее ценной в этическом плане, чем его собственная супруга или некий национальный женский образ.

Теория структурной возможности (Л. Кларк и Д. Левис) основывается на том, что мужчины расценивают женщин как владелиц оплачиваемых сексуальных свойств. С точки зрения мужчины, женская сексуальность — это товар, которым владеют женщины, и даже если при определенных условиях мужчина и является владельцем этого товара, его нужно контролировать. Женщины рассматриваются как хранительницы и скупые распорядительницы страстно желаемого мужчинами товара, а мужчины в погоне за ним должны постоянно обихаживать женщин, заключать сделки и оплачивать удовольствие. Если что-то и лежит в основе женоненавистничества, то именно эти факты. Мужчины, естественно, негодуют и ненавидят

женщин, так как они расценивают их как обладательниц того, что им необходимо и на что они имеют священное право, но что женщины отдают с неохотой. Право на обладание женщиной надо покупать.

Женщины со своей сексуальностью продаются и покупаются на открытом рынке. Мужчины, располагающие деньгами и другими ресурсами, просто заключают сделку в своих собственных интересах. Мужчины, которые непривлекательны и к тому же бедны, будут стремиться завладеть женщиной силой, так как у них нет иных средств, чтобы заключить сделку. Не удивительно, что насильники из низших слоев населения часто в качестве жертвы выбирают женщин среднего класса. В обществе, где женщинам приклеиваются разные ярлыки стоимости, неизбежно, что некоторые из них будут стоить для отдельных мужчин очень дорого, но последние, тем не менее, будут стремиться к тому, что не могут себе позволить.

Критикуя теорию структурной возможности, Т. и Х. Швендингер ставят резонный вопрос: почему же совершаются изнасилования мужчинами с достатком, приятной наружностью и с шармом? Исследования показывают, что в большинстве своем жертвами изнасилований являются женщины, принадлежащие к бедному сословию, и обычно на них нападают мужчины, принадлежащие к этому же классу. Как правило, сексуальные отношения не определяются исключительно принуждением и товарным обменом. В каждой стране миллионы мужчин и женщин, выходцев из рабочих, несмотря на трудности жизни, жертвуют собой друг ради друга и ради своих детей. Поэтому претендующие на универсальность утверждения Л. Кларка и Д. Левиса о том, что взаимоотношения между мужчинами и женщинами приводят к женоненавистничеству и тем самым основываются на вражде и недоверии, просто неверны.

Еще одна из современных криминологических теорий связывает изнасилования с животными, несоциализированными инстинктами мужчин. Сторонники этой теории считают, что хищническая природа мужчин и их собственнические устремления являются основополагающими причинами полового неравенства и изнасилований. По мнению С. Браунмиллер, эти явления определяются чисто биологическими факторами: «из-за строения половых органов мужчина был натуральным хищником, а женщина служила для него

добычей». К тому же мужчина деспотичен от природы, и изнасилование поддерживает его превосходство и привилегии. Изнасилование не более как осознанный процесс запугивания, благодаря которому все мужчины держат всех женщин в состоянии страха. Тактически насильники — ударная сила, делающая свою черную работу от лица всех мужчин.

Это не только война мужчин против женщин, но и мужчин против мужчин, поскольку в этой теории женщина рассматривается как собственность других мужчин. Изнасилование является выражением естественного эгоистического желания обладать этой собственностью или проявлением мстительности, желанием подчинить себе обстоятельства, порождаемые всеобщим эгоизмом. Насильники бросают вызов всему мужскому сообществу, они насилуют, чтобы властвовать над другими мужчинами или чтобы отомстить своим соперникам.

2. Сексуальное насилие как решение важнейшей жизненной задачи

Чтобы адекватно объяснить причины изнасилований и сексуальных убийств, недостаточно опираться на достижения сексологии или психиатрии, пусть даже самые современные. Необходимо взглянуть на это преступление с максимально широких социальных, этических и психологических позиций, поставив перед собой вопрос: какую роль вообще играют сексуальные отношения в жизни человека?

Можно взять на себя смелость утверждать, что с древнейших времен и до наших дней внимание мировой цивилизации сосредоточено на трех главных вопросах бытия: жизни, ее смысле и предназначении; таинстве смерти; отношениях между полами. Собственно, этому посвящено все мировое искусство, литература и наука, от «Махабхараты», ведийской и аккадской поэзии, древнееврейских библейских и буддийских текстов, древнегреческих мифов и Гомера — до Пастернака и Фолкнера, и, конечно, с активным участием философов, социологов, богословов, психологов, медиков, этнографов, историков, демографов, юристов и в равной мере скульпторов, художников, композиторов.

Остальные темы — дополнительные и второстепенные, в конечном счете производные, всегда зависящие

от названных трех фундаментальных проблем и определяемые ими. В то же время эти последние теснейшим образом переплетаются друг с другом и не существуют изолированно. Если жизнь и смерть не просто антиподы, но и разные стороны одного целого, то отношения полов находятся между ними, давая начало жизни. Любовь часто становится смыслом жизни и причиной смерти: в убийствах на почве ревности это проявляется очень ярко.

Понятно, что вопросы жизни, смерти и отношений между мужчиной и женщиной нуждаются в особо строгом регулировании и относятся поэтому к числу важнейших в праве. С появлением криминологии как самостоятельной науки эти вопросы стали рассматриваться с активным использованием достижений других наук, в первую очередь психологии и психиатрии, в последние годы — сексологии и сексопатологии, а в будущем, как можно полагать, будут обращаться к достижениям биологии.

Криминология — единственная наука, пытающаяся понять, почему убивают людей, в чем здесь загадка, что хотели сказать природа и общество, делая одного человека орудием уничтожения другого, в чем смысл подобных поступков. Криминология же предпринимает усилия, чтобы объяснить, почему контакт или связь с женщиной либо признание с ее стороны настолько значительны для мужчины, что он применяет насилие, в том числе для овладения ею, а нередко и убивает ее, иногда с особой жестокостью, причиняя невероятные страдания и мучения. Другая не менее сложная тайна: почему жертвами мужского насилия становятся дети — девочки и мальчики, пожилые, даже очень старые, женщины, почему женщины, особенно молодые, принимают активное участие в совершении изнасилований представительниц того же пола? Причем, совершая такие действия, человек обычно теряет свое человеческое обличье, с облегчением сбрасывает с себя покровы цивилизации, рвет ее узы в себе самом, с упоением или яростью отдаваясь инстинктам и влечениям, преступая все мыслимые запреты.

Все эти проблемы имеют бытийный характер, отражают наиболее актуальные потребности людей, их глубинные и интимные основы жизни, причем в таком качестве названные проблемы обычно не осознаются, а еще реже рефлексированы в сознании причины подобных поступков. Но от этого они, вызывая самую острую общественную реакцию, становятся еще больше запутанными.

Понять сексуальных преступников и их поступки можно только в том случае, если проникнуть во внутренний мир этих людей, в то, что составляет основу их бытия и мироощущения. Такое проникновение позволяет отбросить распространенное в отечественной науке мнение, что многие преступления, в том числе сексуальные, совершаются случайно и случайными людьми. Конкретные же исследования живых преступников, а не «мертвых» уголовных дел или данных статистики убеждают в том, что нет случайных преступлений и случайных преступников, а преступное поведение внутренне закономерно и даже целесообразно для данного лица. Образно говоря, преступление — это необходимый выбор. Более того, реализуя такое поведение, преступник всегда выигрывает в психологическом плане, что особенно заметно при анализе половых преступлений, поскольку при их совершении имеет место попытка компенсации индивидуальных психологических дефектов личности. Именно эти дефекты определяют, обуславливают применение насилия, а не иного способа разрешения субъективно воспринимаемой и оцениваемой собственной жизненной ситуации.

Поэтому можно сказать, что внутренние причины преступных сексуальных посягательств связаны с особенностями представления преступника о самом себе, с «Я»-концепцией, самоприятием, а также с потребностью получения максимума удовлетворения и тем самым подтверждения (и утверждения) своей личности. Дело в том, что сексуальное насилие и совращение детей наряду с умышленным убийством и умышленным нанесением тяжких телесных повреждений составляют группу таких поступков, которые посягают на сами основы человеческого существования и сосуществования. Поэтому эти посягательства вызывают наибольшее осуждение общества и для их оправдания и самооправдания труднее всего, а в некоторых случаях и невозможно, найти аргументы. Вот почему достаточно обоснованно предположение, что виновному во что бы то ни стало нужно было их совершить, и только в этом случае он получал тот огромный психологический выигрыш, о котором мы упомянули выше. Выигрыш действительно должен быть огромен, иметь поистине бытийное значение, чтобы человек мог решиться на соответствующее действие.

Многие насильники, как можно заметить по их рассказам и конкретным преступным действиям,

в момент сексуального насилия ощущают себя подлинными хозяевами жизни, и не только жертвы, но и своей собственной. Глумление над женщиной, ее садистское унижение, характерные для многих «серийных» убийц и насильников, а также для преступных подростковых групп, свидетельствуют именно о стремлении возвысить себя, растоптав другого. Смысл такого, да и любого другого преступления никогда не лежит на поверхности, он всегда спрятан в глубины психики, куда сам человек не умеет, а если бы умел, то далеко не всегда захочет заглянуть. Поиски смысла самых кровавых преступлений никогда не представляют собой попытки оправдать преступника — только понять, только объяснить. Это крайне необходимо, чтобы эффективнее предупреждать подобные деяния, чтобы действительно исправлять преступников.

При этом столь острая нужда в подавлении другого человека, как ни парадоксально, может и не осознаваться, впрочем, чаще всего так и бывает. Более того, мы полагаем, что эта нужда принципиально неосознаваема личностью, так же, как, например, собственная психологическая структура. Нужно особенно подчеркнуть, что нужда, потребность, тем более острая, всегда отражает существенную зависимость от чего-то, что имеет жизненно важное значение, и чем жестче эта зависимость, тем выше вероятность, неотвратимость совершения определенных действий, в нашем случае — преступных. Но осознавать подобную зависимость, тем более лежащую в плоскости глубоко интимных переживаний, сексуальных влечений, почти всегда очень травматично для субъекта, и в этом он редко признается даже самому себе. По этой причине она им вытесняется.

Человек совершает сексуальные преступления в том случае, если не принимает себя таким, каким себе представляется. Неприятие прежде всего проявляется в определенном, негативном эмоциональном отношении к самому себе, к собственному поведению, своему биологическому и социальному статусу. Но иногда (это характерно для совершивших изнасилование) человек, как ему кажется, примет себя при некоторых специфических условиях, являющихся порождением его «Я»-концепции. Например, самоприятие может быть достигнуто, если повышен или сохранен его статус в неформальной группе, преодолено, в психологи-

ческом аспекте прежде всего, доминирование противоположного пола, либо осуществилось самоутверждение в мужской роли, которое, естественно, трактуется крайне субъективно и иначе просто не может быть. Утверждение и самоутверждение в мужской роли как раз и имеет бытийное значение для личности. Если она не сможет это сделать, будут подвергнуты сомнению основы ее существования, ее самоприятие.

В иных случаях в основе преступного сексуального поведения лежат не стремление к изменению собственного представления о себе и тем самым повышение самоприятия, а чисто защитные задачи. Изнасилование в этом случае является формой защиты имеющегося представления о себе и самоприятия от угрозы, связанной с определенным субъективно унижающим преступника поведением женщины, которое наносит удар по его самоприятию и оценке себя в мужской роли. При этом важно отметить, что поведение женщины объективно внешне может и не быть таковым. Более того, она может и не подозревать об этом. Представление насильственного преступника о себе строится на том, каким он представляет себя в глазах женщины.

Насильник, например внезапно налетающий на свою жертву, почти всегда выглядит грозным, внушающим панический страх и именно это обстоятельство заставляет цепенеть жертву, полностью лишая ее возможности к сопротивлению. Но потом, добившись своего, многие из таких преступников выглядят жалкими, мелкими, ничтожными людьми. Они что-то бессвязно лопочут в целях оправдания, начинают даже обвинять несчастную женщину, иногда просят прощения, а некоторые вдруг начинают объясняться в любви и предлагают встретиться еще раз. Поэтому есть все основания думать, что эта ничтожность и есть подлинная натура насильника. Конечно, подобные преступники от этого отнюдь не становятся менее опасными, но мы должны знать, что к насилию, как правило, прибегают те, которые слабы. Это проявляется в широчайшем диапазоне человеческой деятельности — от спорта до половых преступлений: футбольный защитник, у которого не хватает мастерства, чтобы обыграть нападающего, бьет его по ногам, мужчина, который не может установить с женщиной нормальный сексуальный контакт, насилует ее.

Еще одно важное замечание, относящееся к большинству насильственных сексуальных преступлений: межполовые отношения лишь в силу определенных личностных дефектов, особенно связанных с прожитой жизнью и приобретенным опытом, становятся субъективно наиболее значимыми, т. е. приобретают бытийный характер. Поэтому такие отношения переживаются наиболее остро, что и определяет фиксацию на сексуальной сфере и повышенную чувствительность, т. е. чувствительность, восприимчивость к любым элементам в сфере контактов между мужчиной и женщиной. Предпринимаемая сексуальное насилие, виновный решает самую главную для себя задачу: подтверждает право на свое существование, бытие в собственных глазах в первую очередь, ибо его бытие зиждется на роли и поведении в сексуальной сфере, на признании себя в этой сфере.

Именно в этом можно найти объяснение, хотя бы и частичное, причин «серии» тяжких сексуальных преступлений, многие из которых заканчиваются убийствами потерпевших, а также многоэпизодных развратных действий в отношении несовершеннолетних. Первое, что обращает на себя внимание при анализе: их совершение почти всегда носит компульсивный характер, т. е. характер вынужденного влечения. Преступника как бы непреодолимо влечет к названным поступкам, его что-то «тащит» за собой, и в общем-то он мало управляет своим поведением. Причем все это делается в условиях очень большого риска, более чем вероятной кары, и, как показали многочисленные беседы с такими лицами, они вполне понимают исключительно безнравственный характер своего поступка, даже осуждают его и не ищут ему оправдания в поведении потерпевших, но ничего не могут с собой поделать. Как легко можно заметить, их действия очень сильно напоминают действия алкоголиков и наркоманов. Но сходство здесь отнюдь не только внешнее, поскольку и те, и другие неудержимо влекомы и не могут обойтись без того, что вызывает осуждение у всех других. Напрашивается вывод, что и причины у них должны быть схожи, особенно если иметь в виду психологический уровень.

Ни в коем случае нельзя снимать ответственность и с общества, которое не оказывает действительную помощь людям с навязчивыми расстройствами сексуальных влечений. Некоторые половые преступники

с полным на то основанием жалуются, что они неоднократно обращались к врачам по поводу таких своих недугов, но им не смогли или не захотели помочь. Например, Ч., 30 лет, был трижды осужден за развратные действия в отношении несовершеннолетних — всегда мальчиков, в присутствии которых онанировал и вовлекал их в гомосексуальные контакты. Онанировать стал с 10 лет, при этом всегда стремился сделать это в присутствии других мальчиков, что позволяет уверенно предположить, что вначале у него развился эксгибиционизм, отягощенный затем гомосексуализмом.

Ч. прожил несчастливую жизнь. До семи лет воспитывался в детском доме, потому что болела мать, а отец был неизвестен, как, впрочем, и отец сестры, и они даже не знают, общий ли у них родитель. Это очень важное обстоятельство, накладывающее значительный отпечаток на всю последующую жизнь, — начать свой жизненный путь в условиях почти полной неопределенности, когда у маленького мальчика отсутствует мать, а об отце вообще нет никаких сведений. Для такого незащищенного родительской любовью ребенка мир приобретает не только враждебный характер, но и весьма неясные очертания. Во всяком случае, это чуждая и непонятная среда, нормы которой поэтому совсем не обязательны, а следовательно, можно потом совращать других мальчиков. Но почему мальчиков, а не девочек? Мать Ч., выздоровев, взяла его домой, но беда в том, что она чрезмерно пила (живший вместе с ней брат был алкоголиком) и вступала в беспорядочные половые связи, причем все это дома, на глазах у сына. Так продолжалось 3 года, и в 10 лет его направили в интернат. Нет ничего удивительного в том, что Ч. «к девочкам никогда не тянуло. Женщины не интересовали и не интересуют совершенно. Я хотел перебороть себя и встречался с одной женщиной 2 месяца, но ничего с ней не получилось, я даже не знал, как и с чего начать». Как мы видим, нанесенная в детстве психотравма оказалась очень глубока.

Этот развратитель трижды отбывал наказание в местах лишения свободы, но ему там не оказали никакой сексопатологической помощи («Меня только все ругали»). Он сам понимал, что так продолжаться не может и уже после первого освобождения обратился к врачу, но помощи не получил. То же самое

повторилось, когда он вышел из тюрьмы во второй раз.

Мы думаем, что влекомость и неудержимость при совершении многих сексуальных преступлений, помимо физиологических механизмов, определяется тем, что человеку чрезвычайно важно утвердить то, что составляет основу его существования, а поэтому вновь и вновь совершает подобные действия. Их повторяемость тем выше, чем меньше его уверенность в себе, чем сильнее у него неосознаваемое стремление стать таким, каким ему хотелось бы себя видеть, но каким он по своему внутреннему ощущению не является, чем больше он нуждается в компенсации своих личностных дефектов и чем болезненнее для него собственные жизненные провалы и катастрофы. Воздержание от сексуальных посягательств может означать утрату своей индивидуальной определенности — как при алкоголизме и наркомании.

Конечно же, приведенные рассуждения представляют собой не первую попытку особо выделить жизненно важное значение отношений между полами. Выдающийся русский мыслитель Н. А. Бердяев писал: «Вопрос о поле и любви имеет центральное значение для всего нашего религиозно-философского и религиозно-общественного мирозерцания. Главный недостаток всех социальных теорий — это стыдливость, а частично лицемерное игнорирование источника жизни, виновника всей человеческой истории — половой любви. С полом и любовью связана тайна разрыва в мире и тайна всякого соединения; с полом и любовью связана также тайна индивидуальности и бессмертия. Это мучительнейший вопрос для каждого существа, для всех людей он также безмерно важен, как и вопрос о поддержании жизни и смерти. Это проклятый, мировой вопрос и каждый пытается в уединении, тщательно скрываясь, таясь и стыдясь точно позора, преодолеть трагедию пола и любви, победить половое разъединение мира, эту основу всякого разъединения, последний из людей пытается любить, хотя бы по-звериному»¹.

Тайна разрыва и тайна всякого соединения... Мучительнейший вопрос, мировой вопрос... Это обо всем человечестве, о всех людях, и преступниках в том числе. Это великая загадка природы, которую каждый

¹ Бердяев Н. А. Эрос и личность. Метафизика пола и любви. — М., 1989. — С. 17.

решает по-своему, «хотя бы по-звериному». Поэтому мы особенно подчеркиваем индивидуально-бытийный характер проблем, решаемых при совершении большинства сексуальных преступлений. Б. С. Соловьев считал, что «смысл человеческой любви вообще есть оправдание и спасение индивидуальности чрез жертву эгоизма»¹. Но это — смысл любви, а при сексуальных преступлениях она обычно отсутствует, посягающий, как можно предположить, тоже спасает свою индивидуальность, но, понятно, не жертвует своим эгоизмом, а приумножает его.

Сексуальных преступников отличает целый ряд специфических представлений и ориентаций. Так, для лиц, совершающих изнасилования, ценность женщины обычно очень велика, но в то же время чрезвычайно низка ее половая неприкосновенность. Более того, последняя ими вообще не воспринимается как какая-то ценность и к женщинам у таких людей двойственное отношение — тяготения и отвергания одновременно. Чем глубже и травматичнее у них переживания в сексуальной сфере и межполовых отношениях, чем меньше они осознаются, чем стабильнее установки на отрицание половой неприкосновенности женщины, чем острее воспринимается она в качестве источника глубокой психотравмы, тем выше вероятность совершения тяжких сексуальных преступлений с нанесением опасных телесных повреждений, в том числе повторных.

Эту же принципиально важную мысль, имеющую объяснительное значение для понимания любых преступлений, можно выразить так: чем жестче психологическая зависимость человека от внешних ситуаций и травматичнее вызываемые ими переживания, тем выше степень его несвободы и, следовательно, вероятность совершения им преступления. Таким образом, несвобода и есть главная глубинная психологическая причина преступного поведения и в этом плане предлагаемое решение соответствует представлению великого датского мыслителя С. Кьеркегора: «Понятие, противоположное греху, есть не добродетель, а свобода».

Весьма важно отметить, что все черты нравственно-психологической характеристики личности сексуального преступника формируются, развиваются и закрепляются в личности с первых дней жизни индивида. Вот почему справедливо утверждение, что сексуальное

¹ Соловьев В. С. Соч. Т. 2.— М., 1988.— С. 505.

преступление, как и любое другое, подготовлено всем ходом жизни, является ее итогом, и вне этого контекста оно не может быть адекватно объяснено. Вот почему генетический анализ преступных половых посягательств крайне важен для дальнейших сексолого-криминологических поисков, его можно и нужно считать самостоятельным направлением исследований.

Очень интересной и столь же сложной является криминологическая оценка роли аномалий психики в совершении половых преступлений, и изнасилования в частности. Однако представляется необходимым вначале изложить некоторые принципиальные соображения о криминогенности психических расстройств применительно к любым преступлениям.

Психические нарушения не представляют собой субъективную причину преступного поведения, т. е. не должны рассматриваться в качестве главного источника такого поведения, поскольку они могут выступать лишь в качестве внутреннего условия. С учетом результатов последних эмпирических исследований и их теоретической интерпретации мы хотели бы изложить некоторые наши взгляды по этой сложной проблеме.

Не психические аномалии сами по себе порождают преступное поведение, а те психологические особенности личности, которые формируются под их влиянием, поэтому правильнее говорить о криминогенности вторых, а не первых. Эту же мысль можно выразить так: как и внешние социальные условия, психические расстройства не ведут напрямую к преступлению, не преломляясь через психологию субъекта. По этой причине и возникает необходимость проведения психологического, а не только психиатрического исследования. Если названные расстройства непосредственно вызывают общественно опасные поступки, минуя психологию личности, то совершивший их человек, безусловно, должен считаться невменяемым, поскольку именно в психологии «хранятся» его возможности оценивать и контролировать свои действия, руководить ими. Вне личности, в том числе и нравственных установок, «вписанных» в ее психологию, антиобщественное поведение не может расцениваться как преступление. Однако у «аномальных» субъектов, как можно предположить, сфера личностного сужена и деформирована по сравнению с психически здоровыми людьми и соответственно шире, действительнее активнее сфера, где проявляются нарушения психики.

Поскольку психологические изменения вызываются расстройствами психики, последние в этом смысле (только в этом!), очевидно, должны быть признаны субъективными причинами преступного поведения. Однако такое признание условно, поскольку надлежащее воспитание, необходимые коррекционные мероприятия способны нейтрализовать криминогенный эффект психических аномалий. Но если такие усилия отсутствуют, преступное поведение становится весьма вероятным. Эта вероятность тем более высока, что в наших условиях психиатрическая помощь населению недостаточна, выявляемость психических нарушений невысока, а традиция обращения к врачу-психиатру практически отсутствует. Особенно пагубно отсутствие коррекционных усилий в отношении детей и подростков, в первую очередь тех, которые живут в так называемых неблагополучных семьях. Здесь сочетание психических расстройств с ненадлежащим отношением родителей к ребенку приобретает качество мощного криминогенного заряда.

В целом же психические аномалии оказывают значительное влияние на сексуальное общение, сексуальные отношения и поведение человека, его полоролевые позиции. Можно выделить следующие аспекты воздействия этих аномалий на совершение половых преступлений, имея в виду, конечно, и период формирования личности преступника:

— психические аномалии, начиная с первых лет жизни человека, могут препятствовать возникновению и развитию адекватных полоролевых установок, осознанию себя в качестве равноправного и равноценного участника сексуальных отношений. Так, психопатии и последствия черепно-мозговых травм способны сформировать ощущение своей сексуальной неполноценности, ущемленности, недостаточности. Более того, в раннем возрасте, например, у мужчины могут быть заложены основы субъективно-искаженного восприятия женщины как угрожающей, разрушительной силы. В силу этого он в отношениях почти с любыми представительницами противоположного пола начинает занимать оборонительную позицию, а лучший способ защиты — нападение. Отсюда — многие изнасилования, совершаемые «аномальными» преступниками; сопровождаются жестокими избиениями и издевательствами над потерпевшими;

— пограничные психические расстройства мешают установлению нормальных, социально одобряемых

отношений с представителями противоположного пола. В этом, как мы уже отмечали, особенно негативную роль играет дебильность. Ей свойственны дефекты мышления и речи, задержки в умственном развитии, низкий запас знаний и слов, неправильное произношение слов, отсутствие многих, необходимых в жизни, навыков. Движения олигофренов в степени дебильности замедленны, угловаты, однотипны, неловки, мимика и пантомимика отличаются однообразием, бедностью, невыразительностью. Для них характерно «тупое», маскообразное выражение лица, иногда нарушение строения черепа, что в сочетании с внешней неряшливостью и неопрятностью вследствие несоблюдения элементарных санитарно-гигиенических норм существенно препятствует завязыванию и поддержанию принятых отношений с девушками и женщинами. Более того, не исключены насмешки и издевательства со стороны последних. Олигофрены лишены возможности удовлетворить свои половые запросы обычным путем, чаще, чем здоровые, прибегают к насилию;

— нарушения психики, которые ослабляют волевые механизмы, способствуют тому, что возникающие у лиц с такими нарушениями половые потребности чаще приводят к преступному сексуальному, в том числе насильственному, поведению. Удовлетворение такой потребности у них не опосредуется социальными нормами, запретами или ограничениями, а потому путь от ее появления до действий по ее реализации короче. Сами же действия достаточно примитивны, иногда внезапны; они подчас и непродуманны, очень редко включают в себя предварительное планирование и тщательную подготовку, сокрытие следов преступлений и т. д. Поэтому успешно предупреждать половые преступления лиц с психическими аномалиями во многих случаях сложно;

— существенное влияние на сексуальное преступное поведение лиц с психическими аномалиями оказывает их внушаемость. Весьма наглядно это проявляется в групповых изнасилованиях, в совершение которых таких лиц, например олигофренов, втянуть легко, особенно учитывая, что многие из них иным путем не могут удовлетворить свои сексуальные нужды.

Очень важно отметить, что психические аномалии существенно затрудняют усвоение социальных норм,

регулирующих отношения между полами. Но это обстоятельство следует рассматривать не изолированно, а в контексте всех связей и отношений лиц с такими аномалиями. Дело в том, что в социально-психологическом плане они отличаются отчужденностью от социально одобряемых ценностей и малых социальных групп, большей, чем здоровые люди, выключенностью из нормального общения, дезадаптацией в микросоциальной среде, ослаблением связей с окружающими. Происходит это и потому, что они обладают субъективно слабыми адаптивными возможностями, и потому, что сама среда их часто выталкивает. Поэтому предупредительное влияние на них других людей в значительной мере неэффективно. В целом, чем хуже человек адаптирован, тем труднее удержать его от антиобщественных действий.

Разумеется, никакой фатальности в совершении сексуальных преступлений, как и любых других, лицами с психическими аномалиями не существует, хотя их среди преступников больше, чем среди законопослушных людей. Криминогенное действие таких расстройств неизбежно лишь на массовом уровне, т.е. на уровне преступности или вида преступности, но отнюдь не отдельного человека. Даже олигофрены при надлежащем воспитании не будут нарушать сексуальные запреты.

Итак, влияние психических аномалий на совершение изнасилований, как и других преступлений, неоднозначно. Поэтому никогда не следует, узнав о совершении необычного сексуального правонарушения, уверенно говорить: «Это произошло потому, что преступник психически неполноценен».

Предлагаемая концепция причин изнасилований, основывающаяся на мотивации этих сексуальных преступлений, может быть названа компенсаторной, поскольку имеет место попытка компенсации индивидуально-психологических дефектов личности, и эта попытка реализуется в преступном поведении. Иными словами, проявляется стремление, как правило бессознательное, компенсации этих дефектов, которое обуславливает сексуальное насильственное преступление. И именно эти дефекты определяют то, что человек прибегает к насилию, а не к иным способам разрешения субъективно воспринимаемой и оцениваемой собственной жизненной ситуации.

3. Парафилии и их роль в сексуальном насилии

Термин парафилия (с греч. *para* — около, *nia* к месту, изменено + *philia* — любовь) впервые был использован Крауссом, а в последующем Б. Карпман ввел его в американскую психиатрию (1934 г.). Он обозначает различные формы отклоняющегося сексуального влечения, которое приводит к поведению, противоречащему стереотипам половой морали. В последнее время этот термин используется все чаще в качестве замены понятия «перверсия» (извращение) с тем, чтобы подчеркнуть биологические, медицинские аспекты отклонений полового влечения, а не фиксировать внимание только на нарушениях половых предписаний общества.

Согласно американской классификации психических расстройств, а также Международной классификации болезней парафилия является особым психическим (сексуальным) расстройством, ей предоставлено право на обособленное и равноправное положение наряду с другими болезнями. Это тем более обоснованно, что современные представления о природе аномального сексуального поведения определенно указывают на первостепенное значение нарушений целого ряда биологических процессов. Становится все более очевидным, что парафилии в конечном счете во многом связаны с патологией мозга, нарушение функционирования которого приводит к глубоким искажениям всего хода биологического и психического развития личности. Несомненно, что социальные влияния остаются крайне существенными, определяя совершенно различные условия для проявления имеющихся аномалий.

Поскольку любое отклонение сексуального поведения является в той или иной мере отражением более глубокого нарушения половой идентичности, т. е. целостного переживания и осознания себя как представителя пола, значимыми оказываются не только психофизиологические задатки, но и особенности раннего контакта с матерью и характера взаимоотношений между обоими родителями. Не менее важное значение имеет общая атмосфера, в которой происходит усвоение общепринятых ценностей и стереотипов поведения. Вряд ли возможно пройти мимо того факта, что у двух наиболее страшных садистов нашего времени детство прошло в условиях оккупационного режима

с неизбежно присущими ему элементами «садического» мира. У одного из них самым ярким впечатлением детства явились последствия бомбардировок, после которых он с трепетом вспоминал лежащие в лужах крови изувеченные человеческие тела. У другого своеобразное эмоциональное состояние с переживанием одновременно страха и сексуальных ощущений впервые возникло в ответ на убийство немцем собаки. В дальнейшем сочетание до блеска начищенных сапог и крови определили даже некоторые конкретные свойства объекта влечения, который обязательно должен был носить сверкающую обувь.

Сутью парафилий является использование в качестве стимулов сексуального возбуждения прежде всего запретов (табу) данной культуры. Несмотря на их в целом всеобщий характер, степень допустимости того, или иного поведения различается в каждом обществе. Различная ценность отдельной человеческой жизни, достоинства личности, особенно если это касается женщины, может определить и ту дистанцию, которая существует даже в патологической психике, от аномальных побуждений до их воплощения, в частности в насильственных формах. Все эти условия, являясь социальными, могут становиться значимыми факторами только тогда, когда они превращаются в социально-психологические, т. е. когда они вступают во взаимодействие с определенной готовностью, создаваемой своеобразными биологическими условиями существования организма.

Стремление к нарушению социальных запретов в случае парафилий приводит к тому, что ряд из них связан с нарушением и уголовно-правовых норм поведения. В свое время именно это обстоятельство особо подчеркивал маркиз де Сад, писавший о первостепенном значении для достижения удовлетворения совершения преступления. Часто это отражается непосредственно в поведении лиц с парафилиями, которые намеренно стремятся к созданию эмоциогенных ситуаций, связанных с нарушением существующего закона. Это поведение начинает напоминать своеобразную игру, балансирование на лезвии бритвы. Типичный пример этого — поведение Джека-Потрошителя, давшего прозвище не одному своему последователю.

Осенью 1888 г. английские газеты, в том числе «Таймс», посвящали целые полосы странным убийствам в одном и том же квартале Лондона — Уайт-Чепл.

Таинственный преступник, сразу же получивший прозвище «Джек-Потрошитель», совершал свои деяния стереотипным, хотя и нестандартным почерком. Одно из судебно-медицинских обследований гласило: «Вскрытие показало тридцать девять ранений, нанесенных двумя видами холодного оружия — ножом с длинным лезвием и хирургическим скальпелем. Десять ранений на горле, семнадцать на груди, тринадцать на животе...» Описание комнаты одной из жертв напоминало акт инвентаризации анатомического театра. Обычно он прежде всего перерезал им горло, затем вскрывал живот и рылся во внутренностях. Во многих случаях он вырезал наружные и внутренние половые органы и брал их с собой. В других случаях он удовлетворялся тем, что разрезал их на мелкие части. Все жертвы — женщины, обычно слегка за сорок лет, известные в своих кругах проститутки. В лондонских трущобах того времени, по оценке одного епископа, их было восемнадцать тысяч, хотя по данным полиции — не более восьми тысяч.

Полиция получила сотни анонимных писем от предполагаемого убийцы, на них тридцать четыре — подписью «Джек-Потрошитель». Результаты графологического анализа были противоречивы, но постепенно полиция пришла к выводу, что убийца — иностранец скорее всего поляк.

Особенно обескуражил полицию иронический тон посланий, убежденность преступника в безнаказанности. Некоторые письма были написаны в стихах. Иногда указывалась дата очередного убийства, которая сбывалась с точностью до одного-двух дней. В одном из конвертов была половина почки. Из примечания следовало, что другая половина пошла на дегустацию в жареном виде.

За ходом следствия следили все в Соединенном Королевстве, а королева Виктория даже давала полиции свои советы и рекомендации. Тираж газет рос, доходы владельцев ночных заведений катастрофически падали. Видя бессилие полиции, они создали Комитет бдительности и назначили солидное вознаграждение за поимку маньяка. Газеты, ориентируясь на общественное мнение, требовали смещения руководителей полиции. В результате ушел в отставку генерал Чарльз Уоррен, верховный полицейский комиссар Англии.

С 9 ноября 1888 г. убийства прекратились. Следы Потрошителя исчезли. Начальник лондонского уго-

ловного розыска Роберт Мелвилл в своих записках пытался позднее занизить число жертв и поднять пошатнувшийся престиж полиции. Он даже утверждал, что располагал документами, устанавливающими личность преступника, но затем был вынужден уничтожить их. По словам Мелвиля, убийца был помещен в психиатрическую лечебницу, где и покончил с собой. Тем не менее профессиональные сыщики и детективы-любители продолжали пытаться установить истину, не выказывая большого доверия к словам сэра Мелвиля. Поиск продолжается и до сих пор. В 1959 г. вышла книга Дональда Мак-Кормика «Личность Джека-Потрошителя», в которой автор на основе анализа всех материалов приходит к выводу, что преступник был выходцем из России по фамилии Коновалов. Не исключалось, что у него была и вторая фамилия — Педаченко и что он работал в поликлинике, которую часто посещали проститутки Уайт-Чепла. Оказывается, в 1905 г. бюллетень российской хроники дал описание Коновалова-Педаченко (была указана еще и третья фамилия), которое совпадало с портретом, составленным лондонской полицией.

Помимо этой книги вышли и другие. Одна из них — «Квартирант», принадлежавшая известной романистке Лондес Беллок, была не раз экранизирована. Писательница сделала из Джека борца за очищение мира от скверны проституции, руководимого добродетельными побуждениями, прилежного чтеца Библии. Однако данное понимание вряд ли соответствует действительности, поскольку речь в этом случае шла о поведении человека с измененным сексуальным влечением.

Лишь совсем недавно в Ливерпуле нашли дневник, как полагают, настоящего потрошителя — Джеймса Мейбрика, торговца хлопком. Примечательна кара, постигшая Мейбрика, — он был отравлен своей женой Флоренс в припадке ревности в 1889 г.

Зачастую сам девиантный акт лиц с парафилиями становится для них не только способом удовлетворения сексуальной потребности, но и своеобразным способом собственной эмоциональной регуляции, связанным с изменением неудовлетворительного психического состояния.

А., 1954 г. р., в Центр поступил 3.03.89 г.

Дед его по линии отца в пожилом возрасте лечился в психиатрической больнице, покончил жизнь самоубийством. Отец злоупотреблял алкоголем, был

агрессивным даже в трезвом состоянии, в состоянии раздражения дрался с матерью, бил мебель, делал в подобных ситуациях часто убегали из дома. Был строг с детьми, держал их в «ежовых рукавицах». До последнего времени отношения с отцом плохие. Конфликты с ним периодически перерастали в драки. Больше тянулся к матери. Воспитывался вместе с младшим на три года братом, с которым, несмотря на возникавшие иногда ссоры, был дружен. Родился слабым, болезненным ребенком, дважды перенес во время раннего детства воспаление легких. В школу поступил в 7 лет, успешно, хорошо, принимал активное участие в общественной жизни, увлекался чтением, занимался спортом. По характеру был общительным, уравновешенным, имел много друзей. До 13 лет был невысокого роста, ниже многих подростков, однако затем стал быстро расти, значительно обогнав сверстников к 17 годам. В возрасте 12—13 лет, упав на катке, перенес травму головы с кратковременной потерей сознания, рвотой. В последующем отмечал у себя раздражительность, вспыльчивость, испытывал сильные приступообразные головные боли, сопровождавшиеся потерей бокового зрения справа, онемением правой половины лица, кисти, туловища. Состоял на учете в ПНД с 4.10.68 по 15.01.71 г. с диагнозом: «Посттравматическое церебрастения». На приемах был бледным, астенизированным, жаловался, что во время резких приступов была сонливость, отмечались шаткость при ходьбе, быстрая утомляемость. После лечения состояние его улучшилось, и с учета он был снят. Либи́до платонического характера с 13 лет. Отмечал, однако, что «с юных лет» у него не складывались отношения с женщинами, в присутствии которых он терялся, чувствовал себя неуверенно, не мог установить более близких контактов. Первый половой акт в 16 лет с женщиной старше его на 2 года, по его словам, «легкого поведения», по ее инициативе. Несмотря на полноценную эрекцию и интродомиссию, осталось ощущение неудачи, был уверен, что не соответствовал желанию партнерши и не смог удовлетворить. Онанизм с 17 лет, раз в месяц, с этого же возраста поллюции, которые в последующем (во время службы в армии) отмечались не чаще раза в месяц. С женщинами вступать в интимные отношения боялся, несмотря на предоставлявшиеся

возможности, из-за постоянного опасения фиаско. Вторая связь в 18 лет с разведенной женщиной, с которой встречался полгода, не настаивая на интимных отношениях. Половой акт совершил с ней за несколько дней до проводов в армию, считает его также неудачным, кратковременным, хотя называет приблизительную его продолжительность 5 минут. Окончив 10 классов, работал слесарем и одновременно обучался на вечернем отделении МВТУ им. Баумана. С 1973 по 1976 г. служил в морских частях погранвойск. Уволился на общих основаниях в звании корабельного старшины, проживал с родителями, работал, продолжал учиться. В 23 года женился на разведенной женщине, старше его на 2 года, от брака имеет сына 1978 года рождения. Половую жизнь с ней начал после 2—3 месяцев встречи за 3 месяца до регистрации брака. Первое время совместной жизни частота половой жизни достигала 4 актов в неделю, иногда с эксцессами. Максимальный эксцесс в этом возрасте — 3 половых акта. Считает жену легко возбудимой, форшпиль — 10 минут. Изредка употреблял алкоголь, в состоянии опьянения становился раздражительным, «возбужденным, вел себя странно», утром говорил, что был как в тумане и не помнит происходившего. На работе в тот период зарекомендовал себя добросовестным, исполнительным, награждался почетными грамотами, заносился на доску почета, принимал активное участие в общественной жизни коллектива. В 1979 г. он впервые привлекался к уголовной ответственности за изнасилование, в связи с передачей его на поруки коллектива уголовное дело было прекращено. В производственной характеристике отмечается, что после этого случая он стал грубым, раздражительным, несдержанным. В 1980 г. вновь привлекался к ответственности за попытку изнасилования и разбойное нападение после того, как в состоянии алкогольного опьянения напал на девушку, отобрал у нее сумку. В течение этого дня распивал спиртное, вечером стал преследовать гр-ку Д., напал на нее в подъезде, отобрал сумку и скрылся. В тот момент, по его словам, при виде женщины его «внезапно потянуло», возникло желание, постепенно нарастало возбуждение, появилось чувство «внутренней агрессивности», все тело «охватила дрожь», после чего стал догонять

ее, а повалив наземь, сдавил горло, чтобы «заставить ее подчиниться». С 4.08 по 2.09. 81 г. находился на судебно-психиатрической экспертизе в Институте им. Сербского. В то время он был доступен контакту, выглядел несколько подавленным, акцентировал внимание на перенесенной в подростковом возрасте травме головы, отмечал, что в последние годы чувствовал себя бодрым, активным, несмотря на большие нагрузки, головные боли возникали редко. Правонарушения объяснял сильной степенью опьянения, заявлял, что случившееся помнит не полностью, «клоками», утверждал, что не владел собой, был «на полном автопилоте». Комиссия пришла к заключению, что А. хроническим душевным заболеванием не страдает, его следует считать вменяемым. А. был осужден на 6 лет лишения свободы. Из ИТК направлялся на стройки народного хозяйства, освобожден в декабре 1985 г. В период отбывания наказания прибегал к мастурбации до 2 раз в месяц, поллюции наблюдались с той же частотой. После освобождения проживал с семьей, работал слесарем на комбинате, проявил себя технически грамотным, дисциплинированным специалистом, активно участвовал в рационализаторской работе. В мае 1987 г. был назначен сменным техническим мастером энергетической службы завода. В последнее время несколько изменилось отношение к работе, имел упущения, стал резок с руководством, вспыльчив, выскомерен.

Обвиняется в том, что 17.09.88 г. совершил изнасилование гр-ки К. в извращенной форме, при этом нанеся ей множественные удары в область живота, душил за горло. В процессе следствия сообщил, что изнасиловал еще двух женщин подобным же образом. Потерпевшие отмечали, что он был не пьяным, но очень злым, угрожал убийством, сильно душил за горло, давил на глаза, разрывал рот, бил кулаками в живот, старался ввести половой член в рот или задний проход. При судебно-медицинском освидетельствовании у потерпевших были обнаружены кровоизлияния глазных яблок, ссадины на слизистой губ, шеи, кровоподтеки в области спины, глазниц, правого предплечья, волосистой части головы, радиальные трещины и надрывы в области заднего прохода. Во время следствия, давая показания, сообщил, что после возвращения из колонии с 1987 г. у него было много подобных незафиксированных

ных случаев. Всегда было ощущение, что «это все делал не я, а кто-то другой», желание изнасиловать возникало «неожиданно», часто не помнил подробностей случившегося, «больше доверял показаниям самих потерпевших». Во время амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы сообщил, что периодически у него появлялись апатия, раздражение, он начинал «как бы представлять процесс изнасилования», ничем не мог отвлечься, заканчивалось все тем, что на улице встречал женщину, «набрасывался на нее, пытался душиТЬ». После изнасилования мучило раскаяние, появлялись мысли о самоубийстве. Вопросы о его психическом состоянии и вменяемости решены не были. При обследовании в Центре выявлено следующее.

Соматическое состояние. Высокого роста, астенического телосложения, пониженного питания, язык слегка обложен беловатым налетом. Заключение терапевта: «Хронический гастрит со сниженной секреторной функцией».

Неврологическое состояние. Асимметрия лицевого черепа. Ослаблена конвергенция, сглажена правая носогубная складка, легкая девиация языка вправо. Сухожильные рефлексы оживлены с расширением рефлексогенных зон. Брюшные рефлексы несколько снижены. Выраженный гипергидроз, акроцианоз. Дермографизм красный, стойкий. На краниограммах отмечаются пальцевые вдавления, усиление сосудистого рисунка. На электроэнцефалограмме имеются легкие диффузные изменения преимущественно в стволовой части головного мозга, на М-эхо смещения не обнаружено. Заключение невропатолога: «Вегетативная дисфункция. Мигренозный синдром».

Сексологическое обследование. Диспластичен, ближе к евнухoidalному сложению. Бигуморальная дистанция 44 см, битрохантерная 36 см. Окружность грудной клетки 91 см, диаметр сосков 3 см. Трохантерный индекс 1,86 (186:100). Оволосение лобка с тенденцией к горизонтали. Наружные половые органы сформированы правильно, длина полового члена 9 см, окружность 8 см. Правое яичко 6/4 см, левое—4/3 см, плотной консистенции, болезненное при пальпации (со слов, в 1987 г. перенес орхит). Складчатость и пигментация мошонки выражены.

Психическое состояние. Во время беседы держится естественно, речь его последовательная, свободная, мимика адекватная. Анамнестические сведения излагает подробно, охотно. Сообщает, что в последние годы

у него часто возникают перепады настроения, неожиданно на фоне хорошего самочувствия появляются раздражительность, злобный оттенок в настроении «внутреннее недовольство, неустроенность». Подчеркивает, что часто в эти минуты ссорится с женой, наказывает сына, возникают мысли о нападении на женщин. Кроме этого, такие состояния обычно сочетаются с навязчивыми представлениями сцен изнасилования, предшествующих половому акту. Эти представления были сильны и мучительны, не мог найти места, старался выполнять тяжелую физическую работу, чтобы как-то отвлечься от них. Сообщает, что вначале он мог бороться со своими желаниями, противодействовать им, но в последнее время утратил эту способность, нападал на женщин в трезвом состоянии, не мог удержаться и пройти мимо женщины. Сообщает, что в последнее время нарастала частота таких действий, которая достигла 1 раза в неделю. Связывает это нарушение с неудачным первым половым актом в 17-летнем возрасте, постоянным опасением своего «падения», субъективным ощущением низкой потенции, желанием «подавить» партнершу. Однако указывает на начало возникновения подобных желаний в период отбытия наказания, когда стал перед засыпанием представлять сцены, в которых догонял незнакомую женщину, закрывал ей рот, душил, а добившись ее подчинения, срывал одежды, дотрагивался до груди и половых органов. Такого рода сцены стали возникать в сновидениях, завершавшихся поллюциями, а также сопровождать мастурбаторные акты. Подобные фантазии участились через год после освобождения. Утверждает, будто желание осуществить свое влечение возникало каждый раз неожиданно для него, после таких действий чувствовал раскаяние, появлялись мысли о самоубийстве, был раздражен, мог в таком состоянии ударить жену. Частота реализованных нападений в последнее время достигла 1 раза в неделю реже — в месяц, ограничиваясь чаще хулиганскими действиями. Алкоголь всегда являлся провоцирующим фактором и усиливал эти стремления, но в последние годы часто бывал при этом трезвым. Часто не помнит последовательности событий нападения на женщин, после случившегося испытывал раскаяние, «мучила совесть», возникали суицидальные мысли. Первые две недели пребывания в отделении был вял, плаксив, аст

низирован, предъявлял жалобы на трудности при засыпании, сонливость днем, много времени проводил в пределах постели. В дальнейшем состояние его улучшилось. При экспериментально-психологическом исследовании обнаруживается достаточно высокий уровень обобщения со способностью использовать существенные свойства объектов при обобщении, оперировать категориальными абстрактными понятиями, условными смыслами. По данным теста Розенцвейга, исследования «Самооценки», теста Кеттелла выступают ориентация на социально одобряемые нормы, устоявшиеся мнения, традиции с некоторыми трудностями принятия нового, склонность фиксироваться на неудачах. Отмечается конформность испытуемого, тенденция учитывать точку зрения окружающих. На фоне стремления к контролю своих эмоциональных проявлений обнаруживается эмоциональная неустойчивость с возможностью возникновения реакций раздражения. Выявляется ситуационно обусловленное повышение тревожности, напряженности, сниженный фон настроения.

Парафилии, хотя и связаны с социальными условиями, в большей степени обуславливаются биологическими факторами, которые, конечно, не непосредственно приводят к преступлению, а проходят личностный фильтр. Поэтому количество сексуальных преступлений стабильно, а их предупреждение актуально для всех стран. Именно аномалии сексуальности, и прежде всего парафилии, определяют совершение как наиболее тяжких, так и наиболее рецидивных правонарушений. В этом заключается их способность, отличающая парафилии от иных психических аномалий. Если последние выступают в роли вероятностного условия совершения антиобщественных действий, то парафилии почти однозначно ведут к совершению уголовно наказуемых деяний, ибо нет извращения без активности, нарушающей половые стандарты. Содержание противоправных действий при этом часто целиком исчерпывается имеющейся патологией сексуальной сферы, тогда как другие психические расстройства лишь влияют на формирование мотивов противоправного поведения. Очевидно, что в любом другом криминальном акте также отражается некая потребность. Однако при парафилиях имеется изначальная патология потребностной сферы, в связи с чем ее опосредование личностью затруднено,

а чаще всего она не способна обеспечить социальную приемлемую сексуальную активность. Подобная неравномерность потребностной и деятельностной сторон парафильного синдрома комплекса приводит к тому, что существующее уголовное право, по существу, наказывает не столько за совершаемое человеком правонарушение, сколько за имеющееся у него расстройство. С этой точки зрения, обоснованность наступления уголовной ответственности лиц с парафилиями в принципе представляется сомнительной: если психическая аномалия является причиной общественно опасных действий, то нет преступления.

Может показаться, что подобная позиция вступает в противоречие с основополагающей концепцией о ведущей роли социальных элементов поведения, в том числе его антиобщественных и противоправных форм. Однако это противоречие легко устраняется, если учесть, что в случаях парафилий нормами права ставится рискованная задача дать оценку биологическому функционированию человека, пусть даже в той или иной степени измененному. Другое дело, что не всякое аномальное сексуальное поведение обуславливается имеющимися парафилиями, однако если они выявляются, возникает необходимость определения как степени вины, так и меры ответственности.

Существует по меньшей мере сорок различных парафилий, имеющих свои названия. Не все из них связаны с уголовно наказуемыми сексуальными деяниями. Большинство же включены в упомянутую американскую классификацию как парафилии неопределенного типа. Среди них под своим собственным названием фигурируют сексуальный садизм, мазохизм, педофилия, эксгибиционизм и некоторые другие извращения. Данная классификация, наиболее адекватно отражающая особое место парафилий среди других психических расстройств, конечно же, является условной. Особенно это стало очевидным в свете последних данных, поскольку исследователи стали обращать внимание на практически обязательное сочетание у одного больного сразу нескольких типов парафильного поведения, в последовательной смене которых отражаются определенные закономерности развития данной патологии. Примером может служить приводимое ниже наблюдение.

Д., 31 год, обвинялся в двух разбойных нападениях, одно из которых сопровождалось нанесением тяжких

телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего.

Раннее развитие протекало без особенностей. В возрасте 11 лет попал под поезд и в связи с ушибом головы долго лечился в больнице, пропустил занятия в школе и был оставлен в 3-м классе на второй год. Рос общительным, возбудимым. С 14 лет в группе с другими сверстниками участвовал в совершении гомосексуальных актов с одним из подростков. В дальнейшем старался уединиться с ним, чтобы совершать гомосексуальный акт одному. Окончил ПТУ. В 19 лет начал служить в армии, быстро выдвинулся на командную должность. Имея в своем распоряжении служебное помещение, использовал его для совершения гомосексуальных актов с подчиненными сослуживцами. Особенно постоянными стали отношения с одним из солдат. При половом акте с ним заметил, что стоны партнера вызывают у него большее возбуждение, а удовлетворение было тем выраженнее, чем громче тот кричал. В последующем сам заставлял его стонать, бил по голове, добиваясь, чтобы он «выгибался дугой» от боли. После увольнения в запас стал злоупотреблять алкоголем, вскоре был осужден за разбойное нападение. Продолжал прибегать к гомосексуальным актам, в связи с чем был осужден за мужеложство. После этого стал более осторожным, однако иногда желание возникало настолько остро, что не мог удержаться. Однажды ночью в таком состоянии увидел во дворе щенка, попытался ввести половой член в его анус. После неудачи сделал надрез на шее собаки и совершил половой акт в рану. Вступая затем в половые отношения с одним из осужденных, обратил внимание на его белого цвета носки, которые вызвали яркое воспоминание о белых ногах убитой собаки. Понимая неестественность своих сексуальных переживаний, надеялся на изменение направленности влечения после освобождения, сразу женился. Однако уже в ночь после свадьбы вновь возникло острое желание, ушел из дома, уехал в соседний город. Встретив там парня с собакой, заманил его в уединенное место, стал предлагать вступить в половую связь. На его отказ отрезал собаке голову, после чего принудил его к половому акту, во время совершения которого нанес ему ранения, проведя ножом по спине. В дальнейшем пытался всячески

разнообразить половую жизнь с женой: просил ее издавать во время полового акта звуки, специально одевал ее в нравившееся ему белье, пробовал несколько раз совершить анальные половые акты, от чего она отказывалась. Вместе с тем влечение к гомосексуальным садистическим действиям не исчезало, при них получал более выраженное удовлетворение. Не реже 1 раза в месяц совершал попытки таких действий, в поисках партнеров обычно посещал рестораны или винно-водочные магазины, особо привлекали юноши и мужчины в белых носках. Обычно заводил выбранную жертву в подвал, где сначала предлагал близость, а в ответ на обычный отказ начинал избивать партнера, чаще всего добивался совершения полового акта.

Обвинялся в разбойном нападении, которое совершил в алкогольном опьянении с соучастниками, а также в нанесении тяжких телесных повреждений мужчине, с которым участвовал в распитии спиртного. При этом потерпевший был обнаружен во дворе дома полуобнаженным.

После помещения в НИИ общей и судебной психиатрии им. В. П. Сербского вызвался на беседу, был взволнован, наблюдалась общая дрожь тела, крупно-размашистый тремор рук. Сообщил, что у него начинается «тягун» — выраженное половое возбуждение с влечением к соседу по палате. Опасаясь изнасилования намеченной уже жертвы, просил изолировать его от других испытуемых. В последующем подробно рассказывал об особенностях своего сексуального влечения, отмечал, что подобное состояние наблюдается у него примерно раз в месяц, начинаясь с раздражительности, злобности. В такие периоды искал повод для ссоры с женой, после чего уходил из дома на поиски жертвы. Пояснял, что при встрече с очередным юношей возникало страстное и неудержимое желание «измять» все его тело, при этом никогда не достигал ожидаемого ощущения и удовлетворения, после свершившегося испытывал равнодушие к партнеру, который становился ему безразличен. При расспросах о правонарушениях волновался, плакал, говорил, что у него не было намерения грабить и убивать потерпевшего, пытался объяснить содеянное возникшим в тот момент влечением к нему, после чего ни о чем уже думать не мог.

Как видим, в данном случае формирование садизма происходило одновременно с изменением объекта сек-

суального влечения, причем чаще всего ограниченного предпочтениями фетишистского характера (напомним об особом значении белых носков).

Вообще рассмотрение парафильного поведения затрудняется нерешенностью проблем основополагающего, концептуального порядка. К их числу можно отнести отсутствие удовлетворительной классификации парафилий, до сих пор сводимой либо к повторению фрейдовского их деления по признакам объекта влечения и способам его реализации, либо к фактическому перечислению необозримого множества форм аномального сексуального поведения. Такое положение связано прежде всего с тем, что нет достаточно четких представлений о происхождении данной патологии. В такой ситуации неизбежны максимально расширительные трактовки, в рамках которых становится возможным уложить все имеющиеся теории. В качестве такой, объединяющей практически все существующие, в настоящее время выступает дизонтогенетическая концепция нарушений психосексуальных ориентаций¹. Согласно ей, парафилии являются результатом нарушения онтогенеза (процесса развития индивидуального организма) с фиксацией форм сексуального влечения, свойственных более ранним этапам.

Данная концепция рассматривает аномалии сексуального поведения как следствие нарушения процесса психосексуального развития. Выделяются три этапа психосексуального развития. На первом (1—7 лет) происходит формирование полового самосознания, т. е. осознание половой принадлежности собственной личности. На втором (7—13 лет) происходит выбор половой роли с выработкой форм поведения и переживаний, наиболее соответствующих психофизиологическим особенностям ребенка и идеалам мужественности (маскулинности) и женственности (фемининности) микросоциальной среды. На третьем (12—26 лет) происходит формирование психосексуальных ориентаций с выбором объекта сексуального влечения и способа его реализации.

Таким образом, согласно данной концепции, конкретный вид отклонения сексуального поведения зависит от периода, в который произошло нарушение. В случае патологии на первых двух этапах возникают

¹ Частная сексопатология / Под ред. Г. С. Васильченко. Т. 2.— М., 1983.— С. 53—115.

различные формы аномалий сексуальности, формирующиеся на основе нарушений полового самосознания и полоролевого поведения, такие, как транссексуализм (искажение полового самосознания) и гомосексуализм. Одновременно сюда же включаются такие разновидности парафилий, как садизм и мазохизм, рассматриваемые как проявления патологического гиперролевого т. е. утрирующего присущие данному полу особенности поведения, тогда как иные виды сексуальных извращений рассматриваются особо в качестве отдельных форм отклонения процесса психосексуальных ориентаций.

Одна из первых попыток представить мазохизм и садизм как альтернативные проявления утрированных особенностей соответственно женского и мужского полового влечения принадлежит Крафт-Эббингу, который настаивал на полной противоположности этих извращений полового влечения. Исходя из данной аналогии, он, определяя истоки садизма, говорил, что активная роль мужчины, его задача завоевания женщины при патологических условиях может возрасти до стремления к безграничному подчинению себе. Однако столь прямолинейный взгляд поставил его в затруднительное положение при объяснении случаев сосуществования садизма и мазохизма, где именно представление о подчинении является исходной точкой извращенной похоти то в активной, то в пассивной форме.

Примеры, иллюстрирующие положение о патологическом гиперролевом поведении как основе садизма, подобрать несложно.

3., 48 лет, обвинялся в изнасиловании.

Мать в пожилом возрасте лечилась у психиатров, отец злоупотреблял спиртными напитками. В раннем детском возрасте был свидетелем сцен ревности и скандалов, которые устраивала мать, обвиняя отца в изменах. В дошкольном возрасте испытывал страхи, пугался точки на стене, которая ему виделась. В школе учился удовлетворительно, был спокойным, послушным. Отмечает, что его всегда «влекло к женскому полу», якобы, играя в детстве в «папу с мамой», у него возникало половое возбуждение с эрекцией. С 11-летнего возраста стал онанировать. Научился этому у своего друга старше его на 3 года, который рассказывал ему о женщинах и о половой жизни. В 12 лет стал подглядывать за женщинами в бане, мастурбируя при этом. В этом же возрасте при мастурбации произошло

первое семяизвержение. Онанировал в тот период почти ежедневно, сопровождая это гетеросексуальным эротическим фантазированием, периодически раздевался перед зеркалом, измерял свой половой член, что сопровождалось приятными ощущениями. Наличие когда-либо поллюций отрицает. С 17 лет постоянно обращался к врачу с жалобами на сильные головные боли. Первый половой акт совершил в 18 лет с девушкой своего возраста в трезвом состоянии по обоюдному согласию. Впоследствии половая жизнь с ней происходила достаточно регулярно в течение года с частотой 2—3 раза в неделю с периодическими эксцессами до 4 половых актов в день. Каких-либо трудностей при половых актах не испытывал. От первой сожительницы заразился гонореей. Этим объясняет то, что примерно в 20-летнем возрасте он на какое-то время охладел к женщинам, стал испытывать к ним чувство отвращения, было «противно» с ними общаться. В то же время утверждает, что в этот период он почти ежедневно мастурбировал, представляя симпатичных женщин. Примерно с 25 лет стал испытывать влечение к обнажению половых органов, которое сохранялось до 33 лет. В 25-летнем возрасте женился, однако через 5 лет совместной жизни развелся из-за взаимных измен. Вторым раз женился в 31 год. От второго брака имеет ребенка. Вновь возникло отвращение к жене и всем женщинам после того, как жена однажды предложила сделать ему фелляцию (минет). После этого стал считать всех женщин развратными, достойными обращения с ними лишь как с животными, в том числе и при сексуальных контактах. В 33 года впервые совершил изнасилование незнакомой женщины. Утверждает, что ночью почувствовал, как какая-то сила тянула его к незнакомому месту и требовала встретить там женщину, которая обязательно должна была пройти. По его словам, он действительно встретил в указанном месте одинокую женщину, которую затем изнасиловал. В дальнейшем изнасилования якобы после того, как ночью его поднимал с постели «голос», который требовал совершить изнасилование и указывал место и время, где должна была пройти очередная жертва. Живя регулярной половой жизнью со второй женой и имея одновременно двух внебрачных сексуальных партнеров, 3. несколько раз в неделю по ночам совершал изнасилования, иногда совершал

до 3 изнасилований в течение суток. При этом отрицает какое-либо насилие по отношению к потерпевшим, хотя и утверждает, что добивался половой близости с ними угрозами и внезапностью нападения. Впоследствии стал замечать, что ему доставляет удовольствие не половой акт, а наблюдение за реакцией жертвы, ее страх, сопротивление. При этом считал, что именно так необходимо вести себя с женщинами, считал их всех «самками», получающими от такого обращения удовольствие. Порой семяизвержение у него происходило, когда хватал жертву и, видя ее испуг, начинал ее раздевать. В 34 года был впервые привлечен к уголовной ответственности за совершение 20 и покушение на 4 изнасилования взрослых женщин и 3 несовершеннолетних девочек. При обследовании психиатрами в тот период он говорил, что женщина ему вообще не была нужна, был необходим сам момент нападения, сопротивления. Заявлял, что у него появлялось желание искушать, растерзать жертву. Утверждал, что у него две радости в жизни — его сексуальные влечения и дочь. Отбывая наказание, он систематически мастурбировал и периодически совершал анальные половые акты с другими заключенными, выступая при этом в качестве активного партнера. Сексуальное влечение к мужчинам категорически отрицает. За время отбывания наказания он якобы «пересмотрел» свое отношение к женщинам, стал видеть в них людей, имплантировал себе под кожу крайней плоти инородные тела для того, чтобы при половом акте доставлять женщине большее удовольствие. Вел переписку с женщиной, с которой после освобождения стал сожительствовать. В сексуальном плане она его удовлетворяла, он испытывал к ней нежность, однако через некоторое время вдруг «понял», что и эта женщина хочет совершить с ним фелляцио (минет). После этого вновь возникло отвращение и презрение к партнерше и ко всем женщинам, появилось желание насиловать женщин, «как кур».

При обследовании в Институте им. В. П. Сербского во время беседы волновался, просил разобраться в его состоянии и избавить его от болезни. Многословно, обстоятельно рассказывал о своих сексуальных переживаниях. Описывая состояния, когда ночью чувствовал, как какая-то сила тянула его к незнакомому месту, где якобы должна была пройти женщина. Такие эпизоды сопровождалась внутренней борьбой, когда

«один голос говорил идти и встретить женщину, а другой — останавливал, напоминая об ответственности». Встречая красивую женщину на улице, якобы иногда на мгновение «терял сознание», а затем мог подолгу идти за ней следом, «как привязанный». По его словам, неоднократно задерживался милицией за «приставание» к незнакомым женщинам на улице. Отмечал, что в последнее время его преследовала навязчивая мысль и желание совершить с женщиной куннилингус (возбуждение половых женских органов ртом). Был уверен в неестественности этого желания, считал его «извращенным», признаком происходящего «внутреннего разложения». Указывал также на необычность некоторых ощущений перед совершением изнасилований, которые сравнивал с состоянием пробуждения, когда «пытаешься вспомнить сон», терял ощущение реальности. Тут же говорил, что такие состояния не всегда сопровождали возникновение желания, после реализации которого постоянно испытывал чувство стыда и раскаяния.

Несмотря на кажущееся подтверждение идеи о гипермаскулинной модели садизма, данная концепция представляется все более сомнительной в свете целого ряда исследований, указывающих на недостаток у садистов именно маскулинных (мужских) характеристик, причем на всех уровнях личности — от самосознания до поведения. Одним из первых на это обратил внимание Р. Бриттейн¹, который подчеркнул «женоподобный оттенок» личности сексуальных убийц. П. Фольк и его соавторы² считают изнеженность одной из характерных черт личности насильников, которые в социальной среде занимают подчиненное положение. По их мнению, для них свойственно постоянное ощущение собственной неполноценности, что порождает полоролевую фрустрацию, т. е. нарушение возможности исполнения сексуальной роли. Элементы же садизма в их действиях осуществляются в целях самоутверждения в мужской половой роли. И, наконец, наиболее определенно высказались Р. Ланжевин с соавторами³, указавшие на характерное

¹ Brittain R. The sadistic murder.—Med. Soi. Law.—1970., Vol. 10.—P. 198—207.

² Volk P. et al. Цит. по: Старович З. Судебная сексология.—М., 1991.

³ Langevin R. et al. Sexual sadism: Brain, Blood and Behavior. In: Human Sexual aggression.—An. New York Ao. Soi.—N.Y., 1988.—P. 172—182.

для большинства садистов нарушение половой идентичности, проявляющееся в половой индифферентности (неопределенности) или фемининных («женских») тенденциях. В некоторых же случаях наблюдается истинная фемининная ориентация, сходная с таковой у транссексуалов, т. е. у лиц с женским половым самосознанием.

Одним из примеров яркого сочетания трансформации полоролевого и садистического поведения является Федор Басманов, придворный палач и любимый Ивана Грозного, с которым он находился в интимной связи. Историки описывают его склонность к косметике, а Алексей Константинович Толстой в «Князе Серебряном», описывая встречу героя с Басмановым, приводит бахвальства последнего своими «собольими бровями», «шелковыми волосами» и «девичьими руками» не отрицающего свои пляски в женском летнике перед царем и тут же предлагающего различные жестокие забавы.

Это лишний раз свидетельствует о том, что основой любой парафилии, в том числе садизма, является патология тех функций, которые связаны с половыми различиями, т. е. с половым диморфизмом.

Используемые при описании любых проявлений сексуальности и напрямую связанные с садизмом и мазохизмом категории активности-пассивности, маскулинности-фемининности являются в определенной степени синонимами и являются производными от полового диморфизма в целом. Отличаются эти категории лишь тем, что характеризуют различные сферы и структуры личности.

Идея полового диморфизма была угадана З. Фрейдом и получила развитие в концепции врожденной бисексуальности, т. е. изначальном сосуществовании элементов женского и мужского, которая постулирует ее в качестве одного из главенствующих факторов, от которого зависит формирование не только нормальных, но и извращенных форм сексуальности. Бисексуальность при этом является не только одной из составляющих, но и определяющих врожденные (конституциональные) особенности личности. Кроме того, он считал, что при неполноценности защитных реакций (например, реакции вытеснения) эти же конституциональные признаки могут проявляться и как симптомы какого-либо заболевания. Бисексуальная природа человека отражается на всех этапах онтогенеза,

в каждом из которых сочетаются противоречивые пассивные и активные тенденции.

3. Фрейд, изучая клинику неврозов, пришел к выводу, что становление зрелой сексуальности происходит в несколько этапов.

В детской сексуальной жизни он выделил «зачатки организации сексуальных компонентов влечений». По его мнению, временем расцвета детской сексуальности является период от 2 до 5 лет. В это время генитальные зоны еще не приобрели своего значения, и поэтому этот период был назван прегенитальным. Первоначально преобладает оральная эротика: сексуальная деятельность не отделяется от принятия пищи, а цель влечения состоит в поглощении объекта. В первые 1,5 года жизни ребенка объектами фиксации либидо (полового влечения) являются процессы сосания и грызения, а эрогенными зонами — рот, губы, язык, щеки и органы обоняния. Агрессивные тенденции, которые проявляются на данном этапе, называются оральными и выражаются в грызении, кусании и крике ребенка. Садистические влечения заключаются в поедании пищи (таким образом происходит уничтожение внешнего объекта влечения). Согласно Фрейду, остаток этой фазы можно видеть в сосании, при которой сексуальная деятельность, отделенная от питания, отказалась от постороннего объекта ради объекта на собственном теле.

Следующей, второй прегенитальной организацией является «садистически-анальная», характеризующаяся преобладанием садистических влечений и анальной эротики. Она имеет место в возрасте от 1,5 до 3 лет. Объектом фиксации либидо является акт дефекации или задержка экскрементов. Ребенок получает возможность манипулировать действиями окружающих, он, с одной стороны, борется с родительскими требованиями и не желает подчиняться им, а с другой — ждет от них похвалы за свое послушание. Так формируется двойственность, свойственная зрелой сексуальности. Активность проявляется в стремлении к овладению объектом со стороны мускулатуры тела. Одновременно при этом эрогенная слизистая оболочка кишечника проявляет себя как орган с пассивной сексуальной целью. Фрейд отмечал, что этот ранний расцвет инфантильной сексуальной жизни включает в себя также и выбор объекта влечения со всей его богатой душевной деятельностью, именно поэтому данный период

приходится считать самым значительным предтечей позднейшей сексуальной организации.

Дальнейшей фазой психосексуального развития является фаллическая (от греч. phallos — мужской половой орган), — в возрасте от 3 до 5 лет. Преобладающей эрогенной зоной становятся гениталии. На этом этапе дети начинают мастурбировать, у них появляются сексуальные фантазии о родителе противоположного пола. Именно на этой фазе в результате сложного процесса отождествления происходит выбор объекта сексуального влечения. Возникает так называемый Эдипов комплекс. У мальчиков очень рано обнаруживается объектная привязанность к матери, берущая свое начало от материнской груди и являющаяся примером объекта по типу опоры. При этом отцом мальчик «овладевает» при помощи отождествления. Эти отношения сосуществуют параллельно до тех пор, пока не осознается тот факт, что отец является помехой для сексуальных влечений к матери. Отношение к отцу становится враждебным, возникает желание его устранить и заменить собой для матери. Тем не менее отношение к отцу противоречиво: одновременно мальчик питает к нему и нежные, и враждебные чувства. В норме при разрушении комплекса Эдипа мальчик отказывается от объектной привязанности к матери, вместо нее возникает усиление отождествления с отцом. Такой итог позволяет сохранить нежное отношение к матери. Благодаря изживанию Эдипова комплекса, мужественность характера мальчика укрепляется. Для девочки исход ситуации должен заключаться в усилении ее отождествления с матерью, укрепляющей женственность характера. З. Фрейдом высказывалось предположение о том, что отождествление с отцом или матерью зависит от относительной силы задатков того или иного пола у ребенка. Таким образом, бисексуальность «вмещивается» и в судьбу Эдипова комплекса.

В оральной фазе при сосуществовании эротического влечения и стремления к смерти чувство голода постоянно преследует ребенка, поэтому он начинает сосать свой палец или край подушки. В подобном случае во время анальной фазы ребенок наказывает своих родителей, пачкая одежду экскрементами или намеренно задерживая кал. В фаллический период у ребенка возникают фантазии о разрушении объектов своих привязанностей, возникает интерес к игрушкам.

и к их внутренностям. Если психический аппарат ребенка не справляется с переработкой стимулов окружающей реальности, то либидо не проявляется вовсе, но продолжает свою работу «внутри» ребенка, в психике которого преобладают «злые» образы. Развивается «первичный» мазохизм. Таким образом происходит слияние либидо и влечения к смерти — танатоса, которое лежит в основе всех сексуальных извращений. Садистическое влечение формируется позднее, в период полового созревания, то есть тогда, когда необходимо направить либидо на объекты другого пола. Тогда вместе с либидо привлекается и танатос.

Гипотезу о догенитальных влечениях дополняет теория о так называемых сексуальных ограниченных влечениях, таких, как скоптофилия (подглядывание), эксгибиционизм (обнажение), мазохизм и садизм. Они занимают такое же место в теории сексуальности Фрейда, как и догенитальные сексуальные влечения, имеющие более тесную связь с различными конкретными зонами. Объединение и подчинение ограниченных сексуальных влечений, что характерно для зрелой генитальной организации, в раннем детстве невозможно. Как известно, малолетний ребенок получает удовольствие как от обнажения своего тела, особенно половых органов, так и уже в более старшем возрасте при разглядывании половых органов других лиц, при жестоком обращении с другими людьми или животными. Фрейд подчеркивал, что те дети, которые отличаются особой жестокостью, вызывают подозрение в интенсивной и преждевременной сексуальной деятельности со стороны эрогенных зон. Это несет с собой опасность, что связь жестоких влечений с эрогенными окажется позже в жизни неразрушенной.

Таким образом, окончательная, зрелая сексуальность должна быть связана как с догенитальными, так и с ограниченными влечениями, которые подчиняются ей и подвергаются сублимации, то есть их энергия как бы переводится на что-то иное, используется для несексуальных побуждений.

При нормальном развитии сексуальности в собственно генитальную или фаллическую стадию завершается выбор объекта и цели сексуального влечения.

В садистическом сексуальном поведении всегда отражается взаимодействие садистического и мазохистического влечений, которые постоянно выступают

рядом и являются разными сторонами одной медали. При этом мазохистическое влечение чаще всего оказывается ведущим и мотивирует формирование садистического поведения, которое и выглядит как утрированное, патологическое, гипермаскулинное.

Рассмотрим, например, динамику становления садистического влечения на одном из наиболее типичных наблюдений.

З., 34 года, обвинялся в изнасилованиях и убийствах.

Мать после его рождения лечилась в психиатрической больнице. У него до 19 лет наблюдался энурез. В возрасте 9 лет перенес травму головы с потерей сознания. Рос возбудимым, обидчивым, раздражительным, часто наказывался родителями и даже якобы «сажался на цепь». В школе учился удовлетворительно, но часто нарушал дисциплину. В возрасте 16 лет был осужден за угон автотранспортного средства и попытку кражи. В период отбывания наказания его неоднократно принуждали к оральным и анальным гомосексуальным актам. Освободившись раньше срока, в период лечения в больнице в состоянии опьянения учинил хулиганские действия и вновь был осужден. В возрасте 19 лет он нанес ножевое ранение, от которого потерпевший скончался, и З. был осужден на 10 лет лишения свободы. Отбывая наказание, имел 42 взыскания и выговора, неоднократно водворялся в штрафной изолятор, зарекомендовал себя вспыльчивым, не способным противостоять чужому влиянию. Употреблял наркотики, установил постоянное сексуальное партнерство с одним из осужденных, испытывая к нему влюбленность, ревновал его, с удовольствием слушал рассказы партнера об отношениях с женщинами. При общении с ним прибегал к оральным, генитальным и анальным половым актам как в пассивной, так и в активной формах. Однажды, будучи на свидании с родителями, услышал доносящиеся из соседней комнаты крики женщины, сначала решил, что ее бьют, а затем явился свидетелем полового акта, во время которого женщина стонала и вскрикивала. В дальнейшем постоянно вспоминал увиденное, стал при онанизме представлять «извивающуюся» женщину. Освободившись в возрасте 29 лет женился. В первый год половая жизнь была практически ежедневно удовлетворения, несмотря на происходившее семяизвержение, не получал. Раздражало, что она не

желала прикоснуться к половому члену, во время полового акта молчала, «взгляд был стеклянный», хотел взаимной ласки. В то же время хотел «полностью принадлежать» женщине. Стал общаться с проститутками, с которыми прибегал к фелляцио и куннилингвусу. Около трех месяцев прожил с 50-летней женщиной, в интимной близости с которой использовал оральные и анальные формы секса. Получал большее удовлетворение, особенно при оргазме партнерш, когда они его даже царапали, семяизвержение обычно наступало, когда они постанывали. При онанизме представлял, как его партнерша из последних сил, в истоме умоляет: «Милый, я больше не могу». Иногда вместо акта мастурбации использовал различные предметы (молоток, лампочки, шланги, клизмы), которые, обернув в целлофан, заталкивал себе в задний проход. В эти моменты представлял себя в роли женщины, которой также больно, не обращал внимание на появление крови. Осуждался на 15 суток за драку, на работе появлялся в нетрезвом виде, опаздывал и прогуливал. С 32 лет проживал у сожительницы, имеет от нее дочь. Однако и она отвергала предпочитаемые им способы интимной близости, настаивать было «стыдно». Впоследствии одна из знакомых З. сообщила, что он в состоянии опьянения становился агрессивным, ничего не помнил, однажды в постели пытался ее «задушить без причины».

Обвинялся в изнасиловании двух взрослых женщин и несовершеннолетней, которых задушил, в нападении на Х., которую ударил монтировкой, однако ей удалось убежать, а также в нападении на Ц., которой нанес удары по лицу, угрожал ножом, тащил к мотоциклу, после ее криков о помощи убежал.

При обследовании в Институте им. В. П. Сербского электроэнцефалографическое исследование биопотенциалов головного мозга выявило диффузные изменения органического характера.

При беседе с психиатрами был несколько обсто-ятелен, вязок, жаловался на головные боли, усиливающиеся при перемене погоды. Говорил, что в сложившейся ситуации «лучше с ума сойти, чем думать об этом, поэтому и бьюсь головой о стенку». Свое первое преступление объяснял состоянием алкогольного опьянения и плохим настроением в тот момент. Рассказывал, что все тогда произошло достаточно случайно, желание завладеть встретившейся девушкой возникло

неожиданно. Подробно излагал обстоятельства совершенных им правонарушений до момента ласк, заявляя, что о дальнейших событиях не помнит, «она была еще теплая», когда понял, что жертва умерла. Испытывая страх перед разоблачением, после задержания «в душе был рад», что не совершит больше подобных поступков.

Для объяснения подобной динамики развития сексуального влечения необходимо учитывать законности индивидуального развития. Описанная выше двойственность пассивных и активных начал, пронизывающая все этапы формирования личности, приводит к определенному соотношению этих начал у каждого человека. По мнению А. Адлера, в каждом человеке существует «ощущение слабости (феминности) и маскулинная тенденция преодолеть ее, и с этой точки зрения все мы являемся психологическими «гермафродитами», Биологические стрессы и преодоление инстинктивных влечений приводит к ощущению незначительности собственной роли и могут сравниваться с тем, как индивидуумы реагируют на чувство неполноценности. Решающей является реакция «маскулинного протеста». При этом маскулинная позиция определяется в нашей культуре как позиция силы, а феминная — слабости».¹

В своих более поздних работах Фрейд обозначил проблему разделения на два пола как одну из наиболее травматичных для человеческого существования. Необходимость решения для себя этой проблемы определяет все развитие индивида, и сущность ее заключается в том, что оба пола всегда завидуют друг другу и хотят быть обоими полами. Жан Лакан писал, что в восприятии своего пола всегда кроется внутреннее противоречие, у человека обычно существует несогласие с неизбежностью принятия этих атрибутов перед лицом угрозы возможного их лишения. В отношении к факту разделения на два пола даже такой механизм психологической защиты, как вытеснение, оказывается слишком слабым, и человек вынужден прибегать к отрицанию².

¹ Adler A. Der Psychische Hermaphroditismus im Leben und in der Neurose.—Fortschritte der Medizin.—1910. Vol. 28.—P. 486—493.

² Lacan J. Le séminaire. Livre III Les Psychoses.—Seuil, 1981.—P. 21, 95, 199.

Единственной непосредственной причиной возникновения всех процессов защиты З. Фрейд считал сигнал тревоги, возникающий в системе «Я». В качестве первичного источника тревоги он рассматривал ощущения, которые возникают в младенчестве и раннем детстве и характеризуются избытком психического напряжения. При этом источник неприятных ощущений может находиться как во внешнем мире, так и в самом организме. Среди внутренних источников на первом месте, по мнению Фрейда, стоят инстинктивные влечения: агрессивные и сексуальные. В современной психоаналитической литературе существует предположение о том, что все инстинктивные влечения, играющие роль главных причинных факторов в возникновении внутриспсихического конфликта, происходят от сексуальных агрессивных влечений.

Таким образом, инстинктивные влечения, связанные с ними представления и эмоциональные проявления, воспоминания и фантазии являются основными мишенями процессов защиты.

Фрейд отмечал, что никакие модели поведения не бывают целиком вызваны ни агрессивными, ни сексуальными влечениями. Эти два коренных влечения смешиваются, и при этом сексуальные влечения находят выходы, имеющие элементы агрессивности, и наоборот.

Когда догенитальные и ограниченные влечения обладают излишним запасом психической энергии и не могут получить выход в виде «зрелой» сексуальности или подвергнуться сублимации (трансформации), используют понятия первичного вытеснения, фиксации и регрессии. Те инфантильные и ограниченные влечения, которые вследствие первичного вытеснения и фиксации не смогли влиться в «зрелые» либо подвергнуться сублимации, возрождаются через регрессию вследствие конфликтов, сосредоточенных вокруг «зрелых» влечений. Фрейд считал, что когда инфантильные и ограниченные влечения появляются при половых девиациях, важными факторами в их возникновении являются защитные механизмы, направленные против ощущений тревоги и опасности (в первую очередь — боязни кастрации), вызываемых идеями об удовлетворении зрелых сексуальных влечений. Страдающий извращениями субъект при нарушении у него генитальной сексуальности под влиянием боязни кастрации регрессирует к тому компоненту своей инфантильной

сексуальности, который однажды в детстве вызвал у него ощущение безопасности или спокойствия.

3. Фрейд определял мазохизм как садизм, направленный на собственную личность, временно замещающую сексуальный объект. Согласно его точке зрения мазохистические установки — это временно сдерживающие барьеры от агрессивного влечения, направленное пока не вовне, а на себя. Но для реализации этой установки необходим конфликт между «Я» и сверх«Я», результатом которого являются аутоагрессивные тенденции. Таким образом, следует говорить не о первичности садистических установок, а о сосуществовании некоторого баланса между садистическими и мазохистическими влечениями (по аналогии «активности-пассивности» личности).

В данном пункте происходит столкновение с одним из коренных вопросов, связанных с проблемой парафилий — соотношении садистических и мазохистических начал и о первичности каждого из них. В этой связи характерно фрейдовское понимание мазохизма, которое претерпело существенные изменения с момента выхода его «Трех очерков по теории сексуальности» (1905). В этой работе он придерживался взгляда на мазохизм как на частное влечение, всего лишь дополняющее садизм и означающее некий регрессивный процесс обращения влечения с объекта на «Я». Однако уже в 1920 году в книге «По ту сторону удовольствия» Фрейд исправил свое первоначальное понимание, допустив возможность мазохизма как первичного влечения. Позднее его взгляд становится все более определенным, и первичный мазохизм, «внутренняя манифестация влечения смерти» берется уже как данность. Особенно очевидной закономерность такой трансформации понимания мазохизма выглядит в свете современных представлений об онтогенетических основах половой дифференцировки, нарушение которой может привести только к умалению маскулинных тенденций на всех уровнях жизнедеятельности организма. Поэтому и на уровне психосексуальных ориентаций скорее всего первоначальные девиации, пусть даже не в явной форме, будут развиваться на мазохистических основаниях, наиболее удаленных от маскулинных структур сексуального влечения.

Согласно современным психоаналитическим взглядам, мазохизм рассматривается как продолжение существующего чувства вины. Вероятно, что люди, ис-

пытывающие наслаждение от боли, таким образом стремятся к повторению раннего опыта общения с матерью. Подобное стремление доминирует у них над более зрелыми реакциями на объект влечения. «Если мазохист стремится к боли, то он делает это не ради боли самой по себе, а вследствие боли, представляющей личный бессознательный объект любви, который однажды уже причинил боль». М. Кхан рассматривает мазохизм как особый вариант защиты «Я» от «психической боли, которая угрожает его уничтожить». При этом любой мазохистический акт должны как бы наблюдать 3 свидетеля: сам субъект, объект, причиняющий боль, и часть «Я» субъекта, которая регистрирует и переживает болезненный аффект.

Х. Томас описывал чувство стыда как примитивную психологическую реакцию «на отказ от себя». Сопутствующее стыду психическое напряжение может выливаться в акты «грубого насилия». Проявления такого поведения зависят от степени ущербности «Я», «значимости свидетелей отвержения» и от того, отрицается ли целое «Я» или только часть его.

Концепция «отвержения» в детстве лиц с парафилиями, а также лиц с агрессивными формами поведения возникла впервые в русле психоаналитических изысканий и в последующем нашла основательное подтверждение. Д. Н. Исаев и В. Е. Каган отмечают, что у «отверженных» детей блокируется потребность в подражании образцам отца или матери, вследствие чего они хуже других усваивают образцы половых ролей. При искажении же нормальных образцов поведения родителей формируется отрицательное отношение ко всему мужскому, либо усваивается деформированное представление о мужественности. В исследовании Бандуры и Уолтерса было обнаружено, что мальчики, чьи родители применяли суровые меры воспитания, были высокоагрессивны во взаимодействии со сверстниками и взрослыми вне дома, хотя проявляли мало прямой агрессии по отношению к родителям. Другое исследование показало, что 71% мужчин, избивающих своих жен, сами в детстве являлись свидетелями грубости в отношениях между родителями, значительная часть из них сами в детстве были объектами агрессии родителей. При этом три четверти опрошенных с детского возраста усвоили, что мужчина занимает лидирующее положение в семье.

Вместе с тем интерпретация этих фактов как свидетельства чисто социальной зависимости агрессивного поведения преждевременна. Так, Стюарт и Леблой при обследовании 122 мальчиков по шкалам агрессивности и антисоциального поведения обнаружили корреляцию с теми же особенностями у их биологических отцов, хотя многие из них с раннего детства воспитывались отчимами. На основании этого они пришли к выводу, что агрессивность сыновей может быть обусловлена генетической передачей этих черт наряду со средовыми влияниями. Подобная корреляция агрессивного поведения ребенка с жестоким, часто насильственным поведением отца была выявлена и в других исследованиях.

Существуют работы, посвященные влиянию отсутствия отца в семье на развитие агрессии у мальчиков и на полоролевою социализацию детей обоего пола. Показано, что в семьях без отца основы мужских черт у сыновей возникали медленнее и мальчики были менее агрессивными и более зависимыми. Отсутствие отца затрудняет усвоение половых ролей и соответствующего стиля поведения, в связи с чем такие мальчики чаще других гипертрофируют свою маскулинность, проявляя агрессивность, грубость, драчливость. Наличие связи между отсутствием или слабостью отцовского начала и гипермаскулинным или агрессивным поведением демонстрируют и межкультуральные исследования.

Согласно психоаналитической концепции, у лиц с сексуальными извращениями отмечается регресс (возврат) к изначальным инфантильным формам сексуальности, что может быть результатом дизонтогенеза или задержки развития. С точки зрения психоанализа, при этом происходит возвращение на те этапы формирования сексуальности, которые в раннем детстве вызывали ощущения безопасности и удовольствия. Нетрудно заметить, что основной стержень фрейдовской теории возникновения парафилий является онтогенетическим, поскольку основывается на учете нарушений развития как главном условии их формирования. Изложение фрейдовских воззрений на причины парафилий может показаться излишне подробным тем более, что часть его концепций на сегодняшний день имеет больше исторический интерес. Однако оно вполне уместно, поскольку до сих пор они не только оказывают сильное влияние, но и являются основой многих современных теорий.

Тем не менее нельзя сказать, что в настоящее время создана целостная теория, объясняющая не только причины возникновения парафилий, но и особенности клинического проявления этих форм аномалий сексуальности. Одна из особенностей сексуальных перверсий заключается в возможности самых различных сочетаний разных видов парафилий. Поэтому даже внешне сходные и однородные виды поведения могут обслуживать совершенно разные влечения, точно так же, как внешне отличающиеся поведенческие программы могут означать одно и то же нарушение влечения. Приводимый ниже случай это прекрасно иллюстрирует.

С., 1966 г. р., в Центр поступил 5.09.91 г. Обвинялся по ст.ст. 145 ч. 2, 144 ч. 2, 3, 89 ч. 3 УК РСФСР в грабеже, кражах государственного и личного имущества.

Родился в срок, рос и развивался нормально. Со 2 по 19.11.74 г. находился в Московской детской клинической больнице № 1 с диагнозом: «Правосторонний острый синусит». По словам сестры, был уравновешенным, спокойным, никогда не срывался на крик, но немного настырным и упрямым. Если что-то не получалось, он несколько раз мог пробовать сделать или забрасывал совсем, «но никогда не психанет, не вспылит». Школу начал посещать с семи лет, учился удовлетворительно. Сам себя характеризует в тот период как вспыльчивого, драчливого, отличался повышенной ранимостью и обидчивостью. В подростковом возрасте стал прогуливать занятия: интерес к учебе пропал после того, как учительница схватила его за карман рубашки и порвала ее. Контакт со сверстниками устанавливал легко; по словам сестры, с одноклассниками у него в основном были нормальные отношения, к нему хорошо относились девочки в классе, и «он о них всегда хорошо отзывался». В 7 классе упал с лестницы, отмечалась кратковременная потеря сознания, однако за медицинской помощью не обращался. Через год перенес корь без осложнений. Половое влечение пробудилось в 15 лет. Семяизвержение впервые произошло в 16 лет во время первого полового акта с 18-летней женщиной по ее инициативе в классе техникума. После этого стал интересоваться половой жизнью, пробовал подглядывать за женщинами в душе. После окончания 8 классов поступил в механический техникум, в это же

время начал заниматься каратэ. Несмотря на то, что любил черчение, в техникуме проучился год. Учебное время проводил в компании сверстников с асоциальным поведением, начал употреблять спиртные напитки, с целью опьянения принимал таблетки седуксена, элениума, тазепама, делал внутривенные инъекции промедола, экстракта мака. В 16 лет стал работать слесарем на Московском нефтеперерабатывающем заводе, одновременно учился в вечерней школе. В этот же период увлекся работой с часами, собирал и разбирали их дома. На работу часто не выходил, время проводил в компании сверстников, занимался перепродажей импортных товаров. В 1983 г. был привлечен к уголовной ответственности за совершение квартирной кражи, судебно-психиатрической экспертизе не подвергался и 16.11.83 г. по ст. 144 ч. 3 УК РСФСР он был осужден на 3 года лишения свободы с отсрочкой приговора на 2 года. В 17 лет в состоянии алкогольного опьянения ночью в лифте изнасиловал незнакомую девушку, в связи с чем якобы возбуждалось уголовное дело, которое затем было прекращено по инициативе потерпевшей. В том же году, по его словам, в состоянии алкогольного опьянения участвовал в неудавшейся групповой попытке изнасилования. В 18 лет ночью на улице совершил половой акт с незнакомой женщиной старше его, находившейся в состоянии алкогольного опьянения и не оказавшей активного сопротивления. С 18 лет онанировал примерно 1 раз в неделю.

В 19 лет впервые совершил кражу женского белья с балкона первого этажа. Рассматривая в подъезде похищенные им трусы и бюстгалтер, почувствовал, как улучшилось настроение, возникла эрекция. Женат с 20 лет на ровеснице, имеет 6-месячную дочь. Браку предшествовал период знакомства и ухаживания около 2 лет. По словам жены, с самых первых дней знакомства он был скромный и даже застенчивый, безотказный, за время совместной жизни дома не было «ни скандалов, ни грубости с его стороны».

Половая жизнь с женой регулярная, взаимно удовлетворяет, в течение 2 месяцев после заключения брака — ежедневно до 2 раз в сутки, затем — примерно 1 раз в неделю с использованием различных позиций и сохранением регулярных половых контактов вне брака с той же частотой. Во время полового акта использовал различные позиции, предпочитая, чтобы

партнерша оставалась в нижнем белье. Максимальный сексуальный эксцесс—4, в 23 года вне брака, после совершения кражи женского белья, завершившейся мастурбаторным актом. Во время половых актов вне брака всегда представлял различные предметы женского туалета, в противном случае не мог достигнуть оргазма и сношение носило затяжной характер. Иногда просил партнершу во время полового акта специально надеть нижнее белье. Во время полового акта с внебрачной партнершей в верхнем вентродорзальном положении однажды случайно причинил ей боль. После этого, несмотря на ее возражения, старался проводить коитус с ней именно в этой позиции, желая повторения ее реакции на боль, которая ему понравилась.

С 20 лет стал регулярно, примерно 1 раз в месяц, совершать кражи женского белья в квартирах, банях, бассейне. Белье складывал в гараже, куда приходил почти ежедневно и онанировал, разглядывая белье. С 22-летнего возраста стал задумываться о своем влечении к женскому белью, считал его ненормальным, неестественным, пытался бороться с ним. Для того чтобы отвлечься, усиленно занимался спортом, накачивал мускулы, применяя анаболические гормональные препараты. Старался отвлечься работой, избегал посещения отделов магазинов, в которых он мог увидеть предметы женского туалета, т. к. при виде их возникало половое возбуждение. Старался все время быть «на людях», никуда не ходить без жены. Однако больше чем 1 месяц сдерживать себя не мог. Ухудшалось настроение, появлялась вспыльчивость, раздражительность, не мог избавиться от мыслей о белье и от воспоминания о том, как совершал кражи белья, а затем онанировал, рассматривая его. В таком состоянии совершал очередную кражу. При взгляде на белье возникала эрекция, половое возбуждение. Завладев бельем, чувствовал облегчение, шел в гараж, где, совершив онанистический акт, рассматривая украденное белье, полностью успокаивался, у него улучшалось настроение, он становился веселым, добрым. В настоящее время мастурбация 2—3 раза в неделю с периодическими эксцессами до 3 раз в сутки. Во время мастурбаторных актов представляет сверстниц и женщин немного старше себя по возрасту, одетыми в нижнее белье: трусы, бюстгальтер, пояс для чулок, чулки. В последние годы онанировал в гараже, рассматривая

хранившиеся там предметы женского туалета, которые он похищал.

С 25.12.86 по 8.12.88 гг. служил в армии, в строительных войсках. Во время службы злоупотреблял алкоголем, курил анашу. Был уволен в запас на общих основаниях. После увольнения продолжал работать слесарем, за время работы показал себя «только с положительной стороны», замечаний не имел, был общительным, пользовался уважением в коллективе, неоднократно поощрялся администрацией завода за выполнение производственных показателей. По отношению к близким, друзьям и родственникам оставался добрым, скромным, ласковым. В своих показаниях мать испытуемого утверждала, что «на протяжении всех 25 лет у нее к нему почти никогда не было претензий». Очень любил свою маленькую дочь, занимался с ней. Всегда помогал жене в работе по дому, все делал «точно, аккуратно» и «ругал за небрежность». Жена испытуемого видела в его сумке чужие купальники, бюстгальтер, носовой платок. На ее вопрос об их происхождении испытуемый отшучивался. Жена заметила также, что примерно с августа 1990 г. испытуемый стал скрытным, перестал пускать жену в гараж, вечером часто уходил в гараж под предлогом кормления кроликов, в связи с чем иногда между ними возникали ссоры.

Как видно из материалов уголовного дела, испытуемый обвиняется в совершении ряда (в общей сложности — шести) краж денег, разнообразных вещей, среди которых каждый раз были предметы женского туалета, в основном нижнее женское белье. Кроме того, он обвиняется в двух избиениях незнакомых ему женщин на территории завода. Согласно показаниям одной из потерпевших, напавший на нее был в противогазе, в руке держал дубинку. Когда она стала кричать, он приказал замолчать, ударил ее дубинкой по ногам и рукам, сломал ей левую руку, затем потребовал, чтобы она встала с пола, и ударил ногой в грудь. После каждого удара наблюдал за реакцией потерпевшей, как только она пыталась бежать, снова бил дубинкой по телу, голове, рукам и ногам. На вопрос, что ему нужно, ответил: «Вставай, пойдем наверх!» За неподчинение снова ударил дубинкой по голове. Согласно показаниям другой потерпевшей, напавший на нее за все время избиения ни сказал ни слова. Ударил сначала по плечу, бил кулаками и ногами по лицу и телу. После

вопроса потерпевшей о том, кто ее избивает, неожиданно оставил ее и ушел. Во время следствия испытуемый давал подробные показания. Сообщил, что при виде женского белья испытывает сильное половое возбуждение, «онанирует и испытывает оргазм», свои правонарушения объяснял влечением к женскому белью. Избиение женщин объяснить не мог, заявлял, что все произошло «стихийно — даже не знаю, по какой причине». Во время проведения амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы он на вопросы отвечал по существу, инкриминируемые ему кражи объяснял влечением к женскому белью. Об избиении женщин говорил неохотно, утверждал, что не понимает, почему это сделал, заявлял, что на него «что-то нашло». При клиническом обследовании в Центре выявлено следующее.

Сексологическое обследование. Рост—179 см, вес—76 кг. ТИ—1,85 (97), грудная клетка: обхв.—95 см, поперечный диаметр—30 см, продольный диаметр—20 см. Ва—40 см, Вс—28 см, Индекс Таннера—92 (мезоморфный тип), R—E—99,4 (нормостеник). Жерико—по мужск. типу. Оволосение лобка—по мужск. типу, лица—скудное. Бреется с 17 лет, в настоящее время 2 раза в неделю станком. Гипертрихозов нет. Половые органы сформированы по мужскому типу, правильно. Половой член—14/11 см. Крайняя плоть длинная, узкая, не пропускает головку (фимоз). Мошонка складчатая, пигментирована. Яички: лев—4/6 см, прав.—4/5 см.

СФМ: 434/344/433/4—11/11/10/5—36

Неврологическое состояние. Асимметрия лицевого черепа. Легкий двусторонний экзофтальм. Правая глазная щель больше, чем слева. Несколько не доводит глазные яблоки кнаружи, слегка отстает левое глазное яблоко при взгляде вверх. Сглажена правая носогубная складка, дивиация языка вправо. Сухожильные рефлексы рук умеренной живости, коленные справа больше, чем слева, с легким расширением рефлексогенных зон, ахилловы—слева больше или равны, чем справа, живые. Брюшные рефлексы умеренной живости. Слабо положительный симптом Маринеску—Радовичи с обеих сторон, больше слева. В позе Ромберга устойчив. Акроцианоз, дистальный гипергидроз. При ЭЭГ-исследовании выявлены нерезкие диффузные изменения биоэлектрической активности, эпизнаков нет. На эхо-энцефалограмме смещение срединных структур не выявлено.

Психическое состояние. Подавлен, вял, настроение снижено. Сидит, склонив туловище назад, положив ногу на ногу. Контакту доступен, на вопросы отвечает по существу, при беседе на лице иногда появляется полуулыбка. Заявляет, что безразличен к результатам экспертизы, однако подробно описывает свои переживания, которые считает болезненными. В то же время считает себя психически здоровым, хотя при расспросе сообщает, что ему свойственны раздражительность и вспыльчивость, признает, что долго помнит обиды, даже незначительные. Так, рассказывает, что в шестилетнем возрасте девочка более старшего возраста испачкала его губной помадой, после чего испытал «злобу, обиду», думал о том, как отомстит ей, когда вырастет. Утверждает, что после армии, случайно встретив на улице, сильно избил ее. Сообщает о частых фантазиях, в которых жестоко расправляется с обидчиком в случае, если не может ему отомстить. Рассказывает о неудачной попытке полового акта в 18-летнем возрасте с более старшей женщиной, которая его «оскорбила и унизила», за что была им избита. Однако этот факт не связывает с возникновением влечения к женскому белью, хотя примерно в этот же период времени, возвращаясь домой от невесты, увидел висевшее на балконе женское белье и украл его. Рассматривая его, ощутил сильное половое возбуждение. Сообщает, что в последующем частота краж женского белья составляла раз в два месяца, а иногда и каждый месяц. При этом нарастало раздражение, настроение падало. Утверждает, что до тех пор, пока его желание не было осуществлено, не мог ни о чем думать, в том числе об опасности наказания. Но как только чужое белье оказывалось в руках, сразу успокаивался. Говорит, что через некоторое время похищенное женское белье уже не вызывало прежнего возбуждения, и он его выбрасывал. Говорит, что при половой близости значительно, до получаса увеличивается длительность полового акта, для достижения оргазма представлял женское белье, иногда заставлял облачаться в белье своих партнерш. В то же время заявляет, что всегда считал свою жену идеальным сексуальным партнером и имел с ней нормальные половые акты. Утверждает, что скрывал от всех свое необычное влечение, тяготился им, неоднократно давал себе «зарок» не трогать белья, собиравшись обратиться к врачу, чтобы избавиться от этого

влечения, но боялся и стеснялся рассказывать о своих сексуальных расстройствах. Признает обвинения лишь в кражах, совершение которых объясняет влечением к белью, утверждает, что остальные вещи брал с целью сокрытия истинных причин краж в случае поимки. Говорит, что, совершив кражу из бани, вновь приехал на то же место в надежде, что его задержат работники милиции. По его словам, он не сопротивлялся задержанию, после чего возникло чувство облегчения, и он решил обо всем рассказать следователю. Высказывает сожаление о том, что рассказал о своем влечении, т. к. считает, что теперь об этом будет знать весь город. Сообщил, что в Центре также при воспоминаниях о совершенных кражах белья и последующих онанистических актах в гараже у него возникает половое возбуждение, эрекция и он прибегает к онанизму. Сообщая об эпизодах насильственных половых актов, о попытке группового изнасилования, категорически отрицает инкриминируемые ему избиения незнакомых женщин, ссылаясь на угрозы следователя в адрес его жены и его самого. В отделении поведение его было ровным, к персоналу ни за чем не обращался, днем много спал, читал, слушал радио.

При экспериментально-психологическом исследовании темп работы был несколько замедлен, отмечались нерезко выраженные колебания умственной работоспособности и внимания с общей тенденцией к утомляемости. Операциональная сфера мышления без существенных нарушений, свойственна тенденция к конкретности мышления, трудности оперирования отвлеченными понятиями. При исследовании личностной сферы результаты ММП1 оказались недостоверными из-за тенденции соглашаться с утверждениями психопатологического характера. Вместе с тем данные тестов Розенцвейга, Люшера — ЦТО, Роршаха, рисуночных методик свидетельствуют о свойственных испытуемому дисгармоничных особенностях. Эмоциональная неустойчивость, возбудимость, склонность к защитным личностным реакциям преимущественно внешнеобвиняющего характера сочетаются с тенденцией к подавлению и вытеснению отрицательных переживаний, уходу из конфликтных ситуаций. Стремление к самоконтролю выступает наряду с его трудностями, тенденцией к дезорганизации продуктивной деятельности и сниженной способностью нахождения конструктивных решений в эмоционально насыщенных

обстоятельствах. Положительное ценностное отношение к себе, эгоцентричность, низкое чувство собственной вины и ответственности проявляются в сочетании с некоторой неуверенностью, пониженной активностью, негативной оценкой своего прошлого. Отмечаются косвенные признаки напряженности и конфликтности психосексуальной сферы.

Сложность феномена парафилий заставляет ученых при попытках его объяснения прибегать к привлечению не только клинических данных, но использовать иные области знаний — от этологических (науки и поведения животных) — до этнографических и социологически

4. Сексуальная агрессия: от животного к человеку

После возникновения эволюционной теории Ч. Дарвина появились и первые попытки объяснения аномального сексуального поведения с эволюционных позиций. Этому способствовали обнадеживающие результаты сопоставления сексуального поведения человека и животных, которые стали подвергаться направленной систематизации. Поскольку отправной точкой при этом являлось основополагающее понимание полового диморфизма как результата процесса эволюции, первыми обратили на себя внимание примеры инвертированного, т. е. свойственного другому полу, сексуального поведения.

Ч. Дарвин высказал мысль о том, что в каждом растении или животном имеются вторичные половые особенности противоположного пола. В последующем это положение было развито целым рядом ученых, которые, опираясь на факт «скрытого присутствия противоположных половых черт», утверждали, что бисексуализм — характерный и неотъемлемый признак высших позвоночных — животных и человека.

Еще в XIX в. появились и конкретные доказательства из мира животных. Так, Кельх (1834 г.) и Перогалло (1863 г.) сообщали о наблюдавшихся ими случаях гомосексуального и бисексуального поведения самцов жуков некоторых пород. А. Мачиоли (1883 г.) описывал гомосексуальные проявления у самок и самцов почтовых голубей. При этом самцы совершали гомосексуальные акты даже в присутствии самок. Он рас-

ценивал эти проявления как нарушение половой дифференциации в результате половой дегенерации. Он также сообщал о наблюдениях над самцами попугаев, которые при отсутствии самок в клетке в течение длительного времени совершали друг с другом половые акты. А. Молль (1897 г.) приводил описания овец и коз, которые обнаруживали признаки психосексуального гермофродитизма и проявляли как гомосексуальные, так и бисексуальные тенденции к особям своего пола.

Кирнан и Лидстон (1888 г.), оставаясь сторонниками эволюционной теории, утверждали, что низшие животные всегда остаются бисексуальными, а моносексуализм человека вырабатывается в результате филогенетической эволюции. Ж. Шевалье (1893 г.) высказал мысль, что сексуальные извращения возникают в результате нарушений эволюции дифференциации пола. П. Наке (1902 г.) выдвинул гипотезу о том, что в человеческом мозге существуют «двусторонние центры мужского и женского полового чувства», причем в процессе развития в норме один из этих пар центров (чаще гомосексуальный) исчезает, тогда как при врожденных дегенеративных признаках утрачивают свое значение гетеросексуальные центры, и половое влечение принимает гомосексуальный характер. Заалер (1912 г.) полагал, что биологическую основу гомосексуализма обуславливает перевес правого полушария мозга над левым. При всей кажущейся наивности этих концепций они во многом предугадали результаты дальнейших исследований. Приведем некоторые из них.

Для животных характерны некоторые типы половой инверсии, которая обычно проявляется в конфликтных ситуациях. Эти явления объясняют тем, что половое возбуждение у животных обоих полов усиливает тенденцию демонстрировать типичные акты полового поведения, характерного как для самцов, так и для самок, однако у самцов преобладают маскулинные реакции, а у самок — фемининные. Если же характерное для данного пола поведение наталкивается на какое-либо препятствие, то может проявиться поведение, свойственное другому полу. Причем проявления инверсии могут касаться не только полового, но и иных форм поведения. Так, у самок мышей и многих других видов млекопитающих наблюдается положительная корреляция

между доминированием в агрессивных ситуациях и половым поведением, характерным для самцов.

Одним из наиболее ярких примеров инверсии полового поведения человека может служить следующее наблюдение.

Е., 17 лет, с раннего возраста воспитывалась в детском доме-интернате. Родители злоупотребляли спиртными напитками. До подросткового возраста у нее эпизодически отмечалось ночное недержание мочи. Училась во вспомогательной школе слабо, окончила 8 классов. С детства по характеру повышено вспыльчивая, раздражительная. В связи с таким поведением направлялась в психиатрическую больницу, где ей был установлен диагноз — олигофрения. В период обучения с СПТУ систематически пропускала занятия, при посещении ничего не делала, мешала другим. Могла наброситься на мастера, нецензурно ругалась, притесняла сокурсниц. Бродяжничала, сделала стрижку «под мальчика», ходила в мужской одежде. Отличалась жестокостью, была «бурно деятельна», постоянно желала властвовать над окружающими. Бросала с этажа на головы прохожих различные предметы, ходила с ножом, грозила им, регулярно с применением насилия отбирала деньги. Однажды лезвием бритвы порезала живот однокурснице, в связи с чем повторно госпитализировалась в психиатрическую больницу. Выписана с диагнозом: «Задержка интеллектуального развития с психопатологическим поведением и бродяжничеством».

В Институте им. В. П. Сербского обследовалась в связи с обвинением в открытом похищении у сокурсниц денег. Кроме того, она подвергла жестокому избиению своих сокурсниц, после чего заставила Б. лизать подошвы кроссовок, схватив за волосы, нюхала свои штаны между ног. Приказала ей лизать половые органы М., а Н. — лечь у ног М. и следить за исполнением. После этого заставила Б. сто раз затолкать палец в свои половые органы и затем облизать его. Раздевала всех троих донага, после чего показывала порнографические открытки, заставляя их принимать сходные позы. Ночью прижгла сигаретой щеки М.

При беседе при затрагивании интимных сторон ее жизни смущенно улыбалась, отворачивалась, опускала голову. Не скрывала своей вспыльчивости и раздражительности, «когда затронут», расценивала свои поступки как предосудительные. Подтверждала, что

предпочитает проводить время в компании мальчиков, у которых «игры интереснее». Среди увлечений называла «металлический рок», из книг — рассказы про войну, любимое кино — «с драками». В отделении с другими испытуемыми бывала груба, цинична, «отрабатывала» приемы каратэ. В случае возникновения конфликтов становилась злобной, стремилась отомстить обидчику, при этом возникало подавленное настроение.

Данное наблюдение демонстрирует не только аналогично инверсного поведения у животных, но и отличия его у человека, у которого оно является следствием глубоких нарушений личности с расстройством в первую очередь самосознания и полоролевых стереотипов в целом.

Новейшие данные социобиологии влечений показывают отдельные социальные преимущества лиц с инверсией полового поведения, в частности с гомосексуализмом. Оказалось, что в основе биологии гомосексуализма с пассивной ориентацией лежит особый альтруистический тип поведения. Х. Бадкок привлек внимание к малоизвестным этнографическим данным о специальном развитии гомосексуалов в архаических племенах, например в племени мохавов. Выяснилось, что с помощью направленных изменений поведения еще беременной, особых ритуалов, воспитания, песен, танцев, трансвестных церемоний, прикосновений, обрядов и еды возможно воспитание и рождение женщиной гомосексуала, который затем становится шаманом. По существу, еще в утробе они выращивают гомосексуального ребенка. При этом разные типы гомосексуальной ориентации соответствуют разным типам шаманов. Сам по себе шаманский комплекс и сходные культуральные комплексы, например в тайных мужских союзах, замкнутых группах, не могут быть вообще устойчивыми, если не содержат элементов гомосексуального поведения. Таким образом, гомосексуальное поведение и гомосексуальное влечение иногда не только не патологично, но в ряде случаев и необходимо для нормальных взаимоотношений групп, так как в основе гомосексуализма лежит биология доминирования и иерархии, регулирующая коммуникации у человека.

Известен целый ряд работ, содержащих примеры сходного с эксгибиционистским поведением у самцов обезьян. У приматов эксгибиция (демонстрация полового члена) может быть частью игры, предваряющей копуляцию (совокупление). У людей сходные

тенденции наблюдаются в первобытных племенах и лежат в основе некоторых ритуалов совокупления, все более и более замаскированных по мере возрастания искушенности культуры.

Обезьяны саймири показывают эрегированный половой член не только при ухаживании, но и при агрессии, приветствии и перед собственным отражением в зеркале. По мнению Д. Плуга и П. Мак-Лейна, демонстрация эрегированного полового члена другому самцу является актом агрессии и вызова, к которому занимающие более высокое место в группе прибегают чаще, чем расположенные ниже. Установление в группе жесткой иерархии — кто кому показывает половой член — определяет одновременно статус и ранг отдельных животных. Сходная система ритуалов и жестов существует у павианов, горилл и шимпанзе. Родственным феноменом является копуляция, вызванная яростью у старых обезьян, или мастурбация в отсутствие женских особей.

Таким образом, можно утверждать, что демонстрация эрегированного пениса является агрессивной, тогда как представление ослабленного пениса — успокаивающей реакцией, хотя иногда и ослабленный, и эрегированный пенис у различных родов используется как предостережение. Все эти примеры могут рассматриваться как свидетельство того, что генитальная эрекция может быть связана с иными аффективными состояниями, нежели только сексуальным. Были предприняты попытки доказать справедливость этого положения и для человека. П. Мак-Лейн привлек внимание к наблюдениям лишенных грудного молока детей, которые обнаруживают гнев и одновременно эрекцию. Аналогичное поведение наблюдалось у обезьян саймири в возрасте двух дней, когда они были изолированы от матерей. Это должно было явиться строгим доказательством врожденного характера такого поведения. Обсуждая анатомическое расположение ответственных за эрекцию центров, он показал тесное соседство оральной и сексуальной функций, а также их отношение к воинственному поведению.

Очевидная связь такого поведения с древними фаллическими культами может быть продемонстрирована его анализом в первобытных культурах. Как отмечает И. С. Кон, древний человек, подобно своим животным предкам, наделял эрегированный половой член особой охранительной и отпугивающей силой, а фаллически

культ был широко распространен почти у всех народов. Похожие ритуалы у племен Новой Гвинеи включают использование различных чехлов для возбужденного пениса, например удлиненную тыкву, которые создают эффект преувеличивания органа и производят впечатление перманентной эрекции.. Австралийские аборигены традиционно используют вырезанное изображение вялого пениса как знак готовности к знакомству. Этот умиротворяющий акт не связан с сексуальным поведением. Одновременно имеются примеры тотемов Явы и Новой Гвинеи, включающих эрегированный половой член и расположенных на подступах к жилищу. Будучи обращенными наружу, они предназначены для защиты от возможного ущерба. Подобные амулеты имелись у японцев, которые надевали их для предотвращения опасности. С той же целью фаллические амулеты носили дети древнего Рима, где наряду с этим были распространены гермы — стоящие перед храмами и домами статуи с мужской головой и эрегированным пенисом. Служа предметом поклонения, они одновременно выполняли роль сторожевых, обращая врага прочь от жилища.

Доведя до логического конца аналогии из животного мира, можно усмотреть в эксгибиции особый способ выражения агрессии, враждебности. С не меньшим основанием можно усмотреть в таком поведении и общее снижение доминантности, поскольку сами по себе эксгибиционистские тенденции скорее присущи женскому полу. Так или иначе, анализ эксгибиционистского поведения у человека обнаруживает наличие в данной парафилии как агрессивно-садистических элементов, так и проявлений предпочтения поведения, свойственного противоположной половой роли.

Известны примеры полового поведения, сочетающегося у животных с причинением боли. Еще Р. Крафт-Эббинг, анализируя садомазохизм, сослался на наблюдение за одним из представителей низшего животного мира, у которого в «любовном луке» — острой известковой палочке, скрытой в особой пазухе живота, но выступающей наружу при совокуплении, — содержится раздражающий половой орган, являющийся одновременно болевым возбудителем. Причиняют своим сексуальным партнерам страдания и самцы норки. В 1891 г. американский ученый Кирнан попытался объяснить садизм, исходя из воззрений на

конъюгацию (половой акт некоторых низших животных) как на акт каннибализма с поглощением партнера. К этому он присоединил известные факты поведения раков, которые при половых сношениях откусывают друг у друга части тела. Пауки в подобных случаях откусывают голову у самцов, были известны и другие «садистические» акты страстных животных по отношению к участникам совокупления. Сравнивая эти проявления с садистическим поведением у людей, он, считая, что половой голод и половое влечение в основе идентичны, половой каннибализм низших животных имеет место и у высших, в том числе у человека, и садизм представляет явление атавизма.

П. Б. Ганнушкин, цитируя Ломброзо, прямо называет садизмом такие примеры поведения животных, как злобность верблюда, который в период течки кусает всех, в том числе самку; убийство в Гамбургском зоологическом саду самцом кенгуру самки и детенышей во время вспышки полового возбуждения; кенара, который часто в подобных случаях разрушает собственное гнездо и разбивает яйца, убивает самку и для его укрощения необходимо дать ему двух; самок пауков некоторых пород, более крупных, чем самцы, которые втягивают в паутину самца и убивают его после спаривания.

Авторы данных примеров в тот период не могли учесть того обстоятельства, что реконструкция филогенеза невозможна на описательном уровне межвидового сравнения, которое фиксирует лишь некоторые формальные сходства поведения. Решение же данной проблемы оказывается возможным лишь при установлении причинных связей и адаптивных функций сравниваемых реакций и способов поведения.

Существуют в животном мире и примеры прямого сексуального насилия. Эти случаи описываются под названием принудительной копуляции. Так, самец скорпионової мухи во время ухаживания обычно приносит самке свадебный подарок, чаще всего это мертвое насекомое, вытасченное из тенет паука. Копуляция происходит, пока самка ест подарок. Иногда же самец принуждает самку к копуляции и без подарка. В этом случае он оказывается в выигрыше, поскольку ему не нужно рисковать во время поисков подарка. Однако степень успешности принудительного спаривания невелика, поэтому к такой стратегии насекомые прибегают

в крайнем случае. Тем более трудно заставить самку спариваться, так как у большинства видов она должна принять при этом особую позу. Для самок проблема заключается в выборе такого полового партнера, который способен обеспечить потомство наилучшими шансами на выживание и размножение. Наилучший способ поведения для самки — быть осторожной и продлить период ухаживания. Ухаживание превращается в своеобразный спор между самцом, навязывающим товар, и самкой, не желающей его брать.

Здесь можно провести аналогию между животным миром и человеком, а также объяснить некоторые механизмы отклоняющегося сексуального поведения. К. Фройнд, исходя из общих закономерностей прекопулятивного поведения животных и человека, предложил для понимания парафилий теорию расстройств ухаживания, согласно которой причины аномального полового поведения коренятся в нарушениях сексуального прекоитального взаимодействия. Она исходит из положения, что обычное сексуальное взаимодействие представляет собой непрерывную последовательность четырех сменяющих друг друга фаз. Первая заключается в выборе потенциального партнера и ограничивается его визуальным изучением. Вторая — претактильного взаимодействия — включает принятие соответствующей позы, улыбку и вербальную (словесную) коммуникацию. Третья фаза включает тактильное взаимодействие, и четвертая — генитальную связь. В свете этой теории каждая аномалия сексуального поведения может быть рассмотрена как преувеличение, искажение или карикатура одной из четырех нормальных фаз.

Близкой к этой концепции является гипотеза В. В. Гульдана, заключающаяся в том, что одним из основных факторов формирования сексуальных извращений является условная блокада адекватного опредмечивания сексуальной потребности. Данная гипотеза базируется на том факте, что у человека, в отличие от животных, личностный смысл полового акта более разнообразен, а сексуальное поведение окрашено различными мотивами. Выделяется несколько таких мотивов, среди которых приводятся, например: прокреативный (деторождение), реактивный (гедонистический), коммуникативный (личностное сближение), самоутверждения, ритуальный, компенсаторный, познавательный, релаксации, достижения

внесексуальных целей. Согласно В. В. Гультану, у лиц с парафилиями чаще всего оказывается заблокированным коммуникативный мотив полового акта.

Приводимое ниже наблюдение может служить наглядной иллюстрацией обеих этих теорий.

К., 29 лет, обвинялся в развратных действиях и угрозе убийством.

Отец по характеру добрый, мягкий, длительное время злоупотреблял алкоголем, воспитанием сына занимался мало. Мать — строгая, жесткая, очень любит порядок, воспитывался в основном ею. К. был общительным, однако практически все время проводил в компании девочек, очень любил играть в «дочки-матери». Примерно с 7 лет заикается, в течение многих лет наблюдался ночной энурез. В школе был активен, много занимался спортом. Однако с 9 лет перестал посещать эти занятия, т. к. в семье появились сестры-близнецы и он был вынужден много помогать матери. Со своими сверстниками в этот период общался мало, мальчики его возраста обзывали его «маменькиным сыночком» и часто били. Стеснялся своего заикания, насмешки одноклассников были неприятны. Для того чтобы чувствовать себя увереннее, решил заниматься спортом и с 14 лет посещал секцию вольной борьбы. С 12 лет наблюдался хирургом по поводу варикоцеле. В 14 лет у него был диагностирован фимоз. С этого же возраста стал мастурбировать, фантазируя о своих сверстниках. В 16 лет пытался совершить половой акт с девушкой, однако из-за слабой эрекции потерпел неудачу. Тяжело переживал, боялся, что никогда не сможет жить нормальной половой жизнью. Окончил 8 классов, а затем ПТУ. Во время службы характеризовался положительно. Получил травму левого глаза. Ему был установлен диагноз «Травматическая катаракта левого глаза. Тотальная отслойка сетчатки». Находясь в госпитале в армии, К. познакомился с мальчиком 12 лет. Много играл с ним, при этом сначала случайно, а затем специально прикасался к половым органам, раздевал его, ласкал половой член и ягодицы. Это было «необычно и интересно». Позже в госпитале он стал общаться с 19-летним юношей, вместе с которым мылся в душе, глядя на него мастурбировал, а также совершал с ним орально-генитальные акты, которые заканчивались семяизвержением. После увольнения из армии тяжело переживал

потерю зрения, считал, что никому такой не нужен, постоянно появлялись мысли о своей неполноценности. Работая пионервожатым в школе, занимался подготовкой команды мальчиков от 10 до 14 лет к игре «Зарница», видел их раздетыми после тренировок, заметил, что ему нравится смотреть на них. Вечером, перед сном, стал фантазировать, как трогает их половые органы, совершает орально-генитальные акты, при этом мастурбировал до эякуляции. В последующем подобные фантазии и сновидения возникали практически ежедневно. Старался придумать предлог для того, чтобы пригласить мальчиков к себе в комнату и заставить раздеться. Однажды под предлогом плохого поведения трех мальчиков вызвал их к себе, просил их раздеться, разделся сам, глядя на них мастурбировал, предлагал взять половой член в рот, рассказывал о половых актах, показывал фото пленку, где был сфотографирован голым, а также порнографические открытки. За это был осужден на 3 года лишения свободы. После освобождения вскоре повторно было возбуждено уголовное дело в связи с тем, что К. вновь совершал развратные действия в отношении малолетних. После отбытия наказания поступил в ПТУ по специальности «озеленитель». Мать заметила, что сын стал часто приходить домой раздраженным, он жаловался на головные боли, пил таблетки. Иногда по ночам не спал, был возбужденным, «нервным». Стал покупать газеты с эротическими снимками. В возрасте 28 лет К. познакомился с помощью специальной службы с женщиной старше себя, встречался с ней на протяжении двух месяцев, по ее инициативе совершал с ней половые акты, ни один из которых не закончился семяизвержением. При этом регулярно совершал насильственные сексуальные действия с мальчиками: заходил с ними в лифт, где, угрожая ножом, заставлял подниматься на чердак дома. Там требовал, чтобы они разделлись и мастурбировали, производил те же действия сам, одновременно трогая их половые органы и заставляя их брать свой половой член в рот.

При обследовании в Институте им. В. П. Сербского на вопросы отвечал охотно, не всегда последовательно, излишне подробно, с трудом переключался с одной темы на другую, заметно заикался. К концу разговора заметно уставал, детально восстанавливал формирование у себя сексуального

влечения к мальчикам 10—14 лет. Считал, что в течение последнего года стал более агрессивным со своими жертвами, стремился подчинить их своей воле, нравился процесс принуждения, их сопротивление, попытки убежать вызывали азарт, усиливали половое возбуждение. Каждое утро брал с собой нож-секатор «на всякий случай», выходил специально на поиски мальчиков, «как на охоту». Если раньше пытался бороться с собой с помощью тяжелой физической работы, то в последнее время понял бесплодность этих попыток.

Несмотря на явное нарушение коммуникативных способностей у К. и кажущееся соответствие приведенного наблюдения концепциям К. Фрейда и В. В. Гюльдана, они вряд ли могут рассматриваться в качестве основной теории формирования парафилий и в том числе садизма. Объясняя в лучшем случае одну из характерных черт парафильного поведения, а именно — предпочтение анонимного взаимодействия с жертвами и трудности гетеросексуального сближения, эти теории не могут прояснить причины возникновения подобных нарушений самих по себе. На самом деле природа этих расстройств заключается в более глубоких нарушениях, связанных с первичной патологией потребностно-мотивационной сферы.

В экспериментах П. Мак-Лейна на котках и самцах крыс обнаружилось, что у животных можно вызвать поведенческие акты, характерные для предварительных фаз «социализации» и непосредственно предшествующие совокуплению, путем раздражения определенных структур мозга. Причем этими структурами оказались подкорковые отделы мозга, которые отвечают за эмоции. В своей совокупности эти структуры составляют лимбическую систему, которую иногда называют «животным мозгом», поскольку ее части и функции в своей основе сходны у всех млекопитающих.

В состав лимбической системы входят несколько связанных друг с другом образований. К ней относятся некоторые ядра передней области таламуса, а также расположенный ниже небольшой, но играющий одну из важнейших ролей, участок мозга — гипоталамус. Он, в частности, контролирует большинство физиологических изменений, сопровождающих сильные эмоции. Глубоко в боковой части среднего мозга лежит миндалина (миндалевидное ядро) — клеточное скопле-

ние величиной с орех, которая ответственна за агрессивное поведение или реакцию страха. По соседству с миндалиной находится гиппокамп, повреждение которого приводит к нарушению памяти — к неспособности запоминать новую информацию. Многочисленные функции, выполняемые лимбическим комплексом, могут быть сведены к двум важнейшим задачам: сохранение собственной жизни особи и сохранение популяции и вида.

Сближение на уровне мозга структур, отвечающих одновременно за сексуальность, страх и агрессию, объясняет неразрывность всех этих феноменов в поведении. У низших млекопитающих борьба включается в стереотипы, предшествующие как пицедобывательным, так и сексуальным формам поведения. У слепых щенков можно наблюдать проявления ярости в единоборстве со своими собратьями за обладание материнским соском, тесно связанные с возникновением у них в этой ситуации спонтанных (самопроизвольных) эрекций. В опытах с погруженными электродами на пространстве, разделенном долями миллиметра, можно получить резкий переход от сексуальной установки с выраженной эрекцией к стереотипам страха и ярости. Разрушением у собак части лимбической системы были смоделированы спаянные в едином поведенческом стереотипе такие полярные эмоциональные феномены, как виляние хвостом и оскаливание клыков. Решение природы сблизить все эти феномены выглядит особенно мудрым, если учесть их неразрывную связь в поведении. Нанесение повреждений другой особи обычно сопряжено с риском пострадать самому, и нападение на соперника часто сопровождается самозащитой. Поэтому часто тенденция к нападению одновременно связана с тенденцией к бегству, а во многих позах угрозы отражаются обе тенденции. Более того, позы угрозы, за которыми может последовать нападение на соперника, встречаются вперемежку с позами подчинения. Таким образом, нападение, угроза, подчинение, бегство образуют сложный комплекс, который часто называют «агонистическим поведением», выделить из которого собственно агрессивное поведение достаточно трудно.

При наличии таких одновременных тенденций к двум несовместимым типам поведения обычно говорят, что они находятся в конфликте. Один из значимых конфликтов, характерных для всех видов млекопитающих, существует как раз между ухаживанием

и угрозой¹. Его можно рассмотреть на примере поведения зябликов. В начале брачного сезона самец зяблика начинает угрожать другим птицам в стае. Самки, готовые образовать брачную пару, не улетают. Самец же постепенно воздерживается от проявлений агрессивности и переходит к ухаживанию. Если вначале он принимал позу угрозы, то теперь он стоит боком к самке. Такая перемена связана с изменением в доминировании: первоначально самец доминирует над самкой, но теперь самка постепенно берет верх и начинает отгонять его от корма. На более поздних стадиях ухаживания самец приближается к самке только после некоторых колебаний. Он подходит к ней мелкими шажками, идет не прямо, а зигзагами, многие его попытки спариваться оканчиваются безрезультатно из-за страха перед самкой. Таким образом, самка может вызвать у самца реакции нападения, бегства и половое поведение. Какое именно поведение возобладает, зависит от стимулов, исходящих от самки, и от внутреннего состояния самца. В самом начале брачного сезона самец ведет себя по отношению к самке в основном агрессивно. По мере усиления полового возбуждения равновесие между тенденциями к нападению и бегству постепенно сдвигается в сторону последней, и самец начинает вести себя так, словно боится самки. Когда же позднее перевешивает первая тенденция, самец делает садку, но после спаривания тут же улетает, издавая характерный крик, которые он обычно издает при виде летящего хищника.

У животных, образующих пару хоть на какой-то срок, агрессия и страх имеют тенденцию к исчезновению по мере того, как партнеры узнают друг друга, однако они редко исчезают совсем. Таким образом, все разнообразие угрожающего поведения и поведения ухаживания можно понять, исходя из предположения о существовании небольшого числа амбивалентных (двойственных) поведенческих тенденций.

Наиболее известным поведенческим феноменом, возникающим в конфликтных ситуациях, является смещенная активность, привлекающая все большее внимание психиатров для объяснения целого ряда чисто

---

¹ См.: Хайнд Р. Поведение животных. Синтез этологии и сравнительной психологии.—М., 1975; Макфарленд Д. Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция.—М., 1988.

психопатологических явлений. Этим термином обычно обозначается поведение, которое никак не связано ни с одной из конфликтных тенденций, явно не соответствует обстановке, в которой реализуется, и большинство видов которого представляет собой наиболее легко вызываемые и наиболее часто выполняемые поведенческие акты. Для объяснения данного типа поведения первоначально была предложена «гипотеза растормаживания», отводившая конфликту подавляющую роль, когда из-за взаимной несовместимости не возникают те виды активности, которые должны были бы появиться в первую очередь, а возникают акты поведения, которые иначе были бы подавлены.

В настоящее время показано, что смещенная активность проявляется обычно в точке равновесия между двумя различными мотивационными тенденциями и проявляется в трех различных ситуациях: при физическом сдерживании appetitive (подготовительного) поведения; при сдерживании consummatory (завершающего) поведения и при одновременной активации несовместимых тенденций. Тинберген подразумевал, что смещенная активность может при этом облегчать напряжение и действовать как отдушина для выхода нервной энергии, часто связана с инстинктом комфорта. Смещенная активность, как правило, бывает незавершенной и более короткой по сравнению с обычными однородными действиями, часто наблюдается при половых или агрессивных столкновениях, когда прежде всего и возникают мотивационные конфликты. Одной из основных черт смещенной активности является ее ритуализация, в основе которой, как полагают, лежит эволюционный процесс, благодаря которому определенные комплексы поведения модифицируются таким образом, чтобы осуществлять коммуникативную функцию. В процессе ритуализации формы поведения претерпевают различные изменения, становятся стереотипными и неполными. Движения становятся незавершенными и порой превращаются просто в символические акты.

Хотя сексуальная агрессия сравнительно редка среди человекообразных обезьян, есть несколько наблюдений подобного поведения. Так, имеются случаи, когда дикие шимпанзе загоняют самок на деревья, с которых те не могут убежать. Исследователи также указывают, что поведенческий репертуар ухаживания у шимпанзе включает ряд элементов, свойственных

агрессивным проявлениям. Однако чаще всего агрессивное сексуальное поведение обнаруживают молодые самцы. Причем обычно это те особи, которые оказывались отделены от своих матерей или других членов сообщества, когда не происходит обучения менее агрессивным способам сексуального взаимодействия.

Отзвуки конфликтной природы сексуального взаимодействия и его связи с агрессией можно увидеть в немудреных сексуальных легендах австралийских аборигенов. Например, у мифического предка Ньираны при случае детородный член — Юлана — отделялся и начинал преследовать женщин. При этом Юлана ухитрялся ползать, зарываясь в песок, вращать гуделку, удлиняться до невероятных размеров, пробивать трещины в скалах, стремясь добраться до женщин. В мифах этот орган порой олицетворяется в образе питона, как бы вовсе отделяясь от человека и обретая полную свободу.

Таким образом, элементы агрессивности в сексуальном взаимодействии присутствуют изначально. Однако это не означает, что она неизбежна и закономерна, поскольку ее проявления регулируются многими социальными и индивидуальными факторами. Вместе с тем, если в мире животных агрессия так или иначе носит признаки целесообразности, у человека данные потенции преобразуются в совершенно иные формы. Богатство человеческих эмоций, соединенное с изоциренностью сознания, привело к утере инструментального характера агрессии и насилия, ставших самооценными, значимыми сами по себе. Поэтому когда садиста называют зверем, а его деяния — нечеловеческими, это не более чем неудачная метафора, совершенно не отражающая действительности, поскольку именно это поведение — одно из характернейших признаков человека, отличающего его от животных. Вряд ли возможно, к примеру, представить в мире животных развитые некрофильные тенденции, примером которых служит приводимое ниже наблюдение.

С., 1967 г. р., обвиняемый в совершении развратных действий и актов мужеложства в отношении малолетних мальчиков. В Центр поступил 13.04.90 г.

Два дяди по линии матери неоднократно лечились в психиатрических больницах, один из них покончил жизнь самоубийством. Мать по характеру активная, властная, конфликтная. Отец длительное время зло-

употреблял алкоголем, в состоянии опьянения бывал вспыльчив, жесток, агрессивен, избивал испытуемого, нападал на него с ножом. Испытуемый родился первым из трех детей от беременности, протекавшей с токсокозом, резус-конфликтом. Мать дважды лежала на сохранении. Родился переношенным с явлениями гемолитической желтухи. В детском возрасте перенес корь, ветрянную оспу, эпидемический паротит, осложнившийся менингитом, дизентерию, неоднократно — ушибы головы с потерей и без потери сознания. До подросткового возраста страдал ночным и дневным недержанием мочи, энкопрезом. Посещал дошкольные детские учреждения, в садике был спокойным, но ленивым. Дома капризничал, часто плакал, не слушался, отличался упрямством. В дошкольном возрасте близких друзей не имел, играл в одиночестве, большую часть времени проводил с бабушкой, часто ходил с ней в церковь. В школе начал обучаться своевременно. В первом классе успевал плохо, на уроках быстро утомлялся, вставал с места, ходил по классу. Во втором классе поведение и успеваемость его резко ухудшились, он не мог сосредоточиться на уроках, громко разговаривал, смеялся, пел, залезал под парту, ходил на руках. Каких-либо интересов не имел, с товарищами по классу не дружил, часто дрался, избивал детей, был агрессивен. В связи с таким поведением с 4-й четверти находился на домашнем обучении, однако успеваемость и поведение его не улучшились, и он был переведен во вспомогательную школу. С этого же времени состоит на учете в ПНД с диагнозом «Олигофрения», тогда же был проконсультирован в диспансерном отделении детской психиатрической больницы, где ему был установлен диагноз: «Задержка психического развития, синдром двигательной расторможенности в результате раннего органического поражения центральной нервной системы». В дальнейшем обучался во вспомогательной школе. Учеба по-прежнему давалась с трудом, оставался трудным в поведении, после конфликтов с родными убежал из дома. После смерти бабушки, к которой был очень привязан, поведение его изменилось. Стал ежедневно ходить на кладбище и в церковь, плохо спал по ночам, часто плакал. Через несколько дней после похорон «услышал» стук в окно, сказал родным, что стучит бабушка, затем почувствовал, что кто-то сел к нему на кровать, отчетливо

увидел бабушку, которая гладила его по голове. Сильно испугался, долго не мог уснуть. С этого времени у испытуемого появились периоды сниженного настроения, которые продолжались 1—2 дня, в эти дни ничем не занимался, не выходил из дома, залеживался в постели. С 11—12 лет увлекся ботаникой и зоологией, собирал гербарии, коллекции бабочек. Много времени проводил на кладбище, приносил домой кости, подолгу рассматривал их, искал их описание в учебниках и атласах по анатомии. Принес домой медицинские инструменты, ходил в морг, наблюдал вскрытые трупы, рассказывал родным, что знакомый врач разрешил ему вскрыть труп самостоятельно. Дома вскрывал и препарировал мертвых птиц и животных, изготавливал чучела. Некоторых животных хоронил, делал для них маленькие гробы. Любил рассматривать покойников на кладбище, собирал фотографии мертвых людей. Был лишен чувства брезгливости — мог сесть за стол с испачканными кровью руками, отличался неряшливостью, не заботился о своем внешнем виде. Любил бродить по помойкам, приносил домой всякий хлам. Школьные занятия прогуливал, успеваемость оставалась низкой, поведение несколько улучшилось, хотя периодически отмечались аффективные вспышки. Близких друзей не имел, общался с детьми на несколько лет младше себя, любил детские игры. В 9-м классе перестал посещать школу, в течение года нигде не учился и не работал. Постоянно конфликтовал с родными, дрался с отцом. При посещении его на дому в 1982 г. работником ПНД высказывал желание работать на кладбище, жаловался, что его туда не берут. Говорил, что не отказался бы также работать с животными или по озеленению городов. Внешне был неряшлив, грязен. Охотно показывал свою коллекцию — в темной комнате хранил свечи, иконы, различные предметы с кладбища, человеческие кости, скелет собаки и медицинские инструменты. В феврале 1983 г. устроился работать учеником токаря. В марте этого же года был привлечен к уголовной ответственности за кражу государственного имущества. В период следствия подвергался амбулаторной судебно-психиатрической экспертизе в Институте им. В. П. Сербского. Дежался свободно, был манерен, временами дурашлив, улыбался. Самодовольно рассказывал о своих увлечениях, говорил, что его с детства интересовало строение

живых организмов, читал учебники по анатомии, зоологии, ботанике. Интересовался тем, как проводят вскрытие. С гордостью рассказывал, как вскрывал умершую собаку и установил ей диагноз и причину смерти. Заявлял, что самая интересная работа — могильщик на кладбище, так как ему нравится смотреть на покойников. Высказывал также желание стать врачом-патологоанатомом, с переоценкой говорил о своих возможностях. Было отмечено, что у испытуемого поверхностные, часто противоречивые суждения, неадекватные эмоциональные проявления. С диагнозом «Патологическое развитие личности на фоне раннего органического поражения головного мозга» С. был признан невменяемым, не исключалась возможность психоза. С 5.08.1983 г. находился на принудительном лечении в ПБ № 5 г. Москвы. В отделении держался свободно, группировал вокруг себя психопатизированных больных. У него был изъят план побега, а также «секретный план» по сбору и подготовке обреза с целью проведения «политической работы против КПСС». В октябре 1983 г. был переведен в отделение с усиленным режимом. 26.06.1984 г. совершил побег из больницы, в течение месяца бродяжничал, разъезжал по Подмосковию, затем явился домой, где был задержан и направлен в психиатрическую больницу. В отделении у него отмечались аффективные колебания от угрюмости, мрачности, злобы до благодушия и беспечности. В процессе терапии состояние испытуемого значительно улучшилось, он стал спокойным, упорядоченным в поведении, включился в трудовые процессы. Был выписан 26.09.1986 г. в связи с отменой принудительного лечения. С февраля 1987 г. работал грузчиком, систематически посещал врача ПНД, был спокоен, временами жаловался на плохой сон. Дома продолжал конфликтовать с отцом, дрался, к ним часто приезжали сотрудники милиции. В марте 1988 г. перестал ходить на работу, пьянствовал, сам обратился в ПНД с просьбой о госпитализации. С 18.05 по 14.06.1988 г. находился на стационарном лечении в ПБ № 15 г. Москвы. При поступлении был депрессивен, говорил, что все плохо к нему относятся, жаловался на головные боли. Лечение принимал охотно, был выписан с диагнозом: «Органическое поражение головного мозга с психопатизацией личности». В дальнейшем устроился работать препаратором

в морг кафедры анатомии медицинского института. Первое время к работе относился добросовестно, с интересом, много времени уделял реставрации костных препаратов. Затем его отношение к работе изменилось, стал нарушать трудовую дисциплину, опаздывал, самовольно уходил с рабочего места, а с 5.12.1989 г. на работу выходить перестал. Дома вел себя буйно, угрожал убийством матери и другим родственникам, продолжал приносить домой кости. Знакомой девушке у него не было, в ответ на расспросы матери заявлял, что девушка ему не нужна и он будет монахом.

Как следует из материалов уголовного дела, С. обвиняется в том, что 31.10 и 23.12.1989 г. он совершил развратные действия и акты мужеложства с малолетними мальчиками 12 и 9 лет, при этом называл себя «Фишером» и угрожал им ножом. После задержания сначала отрицал свою вину и говорил, что водил одного из потерпевших на могилу своего кота, а затем признался в содеянном и заявил, что совершал развратные действия, только когда видел мальчиков в укромных местах, специально их якобы не искал. Во время проведения амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы держался горделиво, с чувством собственного достоинства. Считал себя психически здоровым, о правонарушении рассказывал неохотно.

При обследовании установлено следующее.

Соматическое состояние. Правильного телосложения, удовлетворительного питания. Анализы мочи и крови без патологических изменений. Заключение терапевта: «Хронический бронхит вне обострения».

Неврологическое состояние. Горизонтальный нистагм при крайних отведениях глазных яблок, более выраженный в положении лежа. Ослаблена конвергенция. Сглажена правая носогубная складка. Сухожильные рефлексы оживлены. В позе Ромберга устойчив. При осмотре глазного дна выявлено сужение мелких артерий. При электроэнцефалографическом исследовании патологии не выявлено.

Психическое состояние. Контакт с испытуемым малопродуктивен. Настроение снижено. Во время беседы держится горделиво, с чувством собственного достоинства. Манеры, жесты подчеркнута плавные, замедленные. Мимика бедная, на лице однообразное выражение скуки, взгляд устремлен вверх собеседника. Однако порой внезапно, не к месту улыбается. На

вопросы отвечает односложно, часто после длительных пауз. Подозрителен, с недоверием относится к вопросам врачей. Иногда становится высокомерен, на лице появляется выражение снисходительности и превосходства, слегка теряет дистанцию. Считает себя психически здоровым, жалоб не предъявляет. Сведения о себе сообщает неохотно, лаконично. Своих переживаний в прошлом не раскрывает. Не видит в своих увлечениях и склонностях ничего необычного, стремится представить их как простое коллекционирование. Настаивает на том, что кладбище в прошлом посещал очень редко, только когда ходил в церковь. Свои занятия препарированием объясняет тем, что мечтал стать врачом-патологоанатомом. Тут же с улыбкой заявляет, что мечты его никогда не сбываются, так как «жизнь не удалась и не имеет смысла». Настаивает на том, что родители рассказывают о нем много «лишнего», чего якобы не было на самом деле. При этом о родных отзывается холодно, с неприязнью. Тяготится обстановкой, сложившейся дома, говорит, что иногда опасается убить своего отца. Со смехом заявляет, что совершал правонарушения, чтобы сестра в тюрьму и дать родителям возможность от него отдохнуть. Настаивает на том, что у него никогда не было сексуального влечения к малолетним. Поясняет, что будто бы выбрал данное правонарушение, т.к. за него в уголовном кодексе положен очень небольшой срок наказания и нет иска о возмещении материального ущерба. Не может объяснить, почему в качестве объекта своих действий выбрал несколько мальчиков, нелепо улыбается, заявляет, что если бы потерпевшими были девочки, ему могли бы предъявить более тяжелую статью. Не видит нелогичности и противоречивости своих высказываний, настаивает на том, что развратные действия в отношении мальчиков — это гораздо менее тяжкое преступление, чем какое-либо другое. Вместе с тем при целенаправленном расспросе начинает утверждать, что у него в возрасте 12—13 лет возникло влечение к представителям своего пола. К женщинам влечения никогда не испытывал. Нередко представлял себе эротические действия гомосексуального характера во время фантазий при мастурбации. Рассказывает об этом крайне неохотно, стремится перевести разговор на другую тему или прекратить его совсем. В отделении

держался в основном обособленно, к контакту не стремился, изредка играл в настольные игры. Периодически становился напряженным, злобным, однажды у него была отобрана веревочная петля. Неоднократно высказывал суицидальные мысли, при этом с улыбкой говорил, что не видит в дальнейшей жизни никакого смысла. Эмоциональные реакции недифференцированы, однообразны, порой нелепы, парадоксальны. Мышление аморфное, непоследовательное, паралогичное. Суждения по-детски наивны и незрелы. Критика к своему состоянию и сложившейся ситуации нарушена.

При экспериментально-психологическом обследовании выявлены неравномерность уровня обобщения, разноплановость мышления, трудности дифференциации буквального и переносного смыслов. Личность характеризуется подозрительностью, внутренней напряженностью, переоценкой собственной значимости, нетерпимостью по отношению к окружающим. Сфера влечения отличается выраженной напряженностью сексуальной потребности, целевой инверсией, инфантильностью. В поведении на первый план выступает отгороженность, формальность контакта, элементы манерности.

Несмотря на существование конфликта между ухаживанием и угрозой, ассоциация маскулинной роли с доминантным, а фемининной — с подчиненным положением остается наиболее филогенетически устойчивой. Это проявляется как в своеобразии копулятивных поз, так и в самом сексуальном поведении. Причем именно это базовое различие остается главной характеристикой полового диморфизма, особенно отличий сексуального поведения, несмотря на некоторое видоизменение системы половых ролей в процессе социализации человека и происходящее сглаживание долиарности стереотипов маскулинности и фемининности. При всех индивидуальных и культурно-исторических вариациях для мужчин свойственна более явная агрессивность, тогда как враждебность женщин носит скрытый характер. Мужская сексуальность в любой культурной среде более агрессивна, напориста, экстенсивна, возбуждима и несдержанна.

Данное различие проявляется, например, в эротических фантазиях при мастурбации и половом акте. В описаниях сексуальных фантазий у мужчин преобладают грубые эротические сцены с чрезвычайно сексуальными, но не эмоциональными персонажами, в отличие от женщин, чье фантазирование более разнообразно.

разно и эмоционально окрашено. При мастурбации мужчины чаще воображают половое сношение с посторонними лицами, групповой секс или принуждение кого-то к половой связи. Женщины чаще представляют сексуальные поступки, которых они никогда не осуществили бы в действительности и ситуации, где они являются жертвами насилия. По данным Миллера и Саймона, опросивших студентов, мотив сексуального насилия имелся у 24% мужчин и только у 6% женщин. Наоборот, мазохистские фантазии чаще встречаются у женщин (21% против 11% мужчин).

На различие в ролях мужчины и женщины указывалось уже в индийской книге искусства любви «Камасутра», где говорится, что в половом акте мужчина является агрессивной силой, а женщина — рецептивной. Причина этого усматривалась в общем положении мужского и женского начала в природе. Различие этих начал определяет собственно половой диморфизм, возникновение которого связано с происхождением полового размножения.

Приведенные аналогии сексуального поведения животных и человека должны восприниматься с осторожностью. Однако без их изучения и учета невозможно понять в полной мере все те механизмы, которые лежат в основе человеческой сексуальности, в том числе ее аномальных форм. Такое сопоставление позволяет понять весь ход развития сексуального поведения человека и отграничить его биологически заданные характеристики от привнесенных культурой и обществом особенностей. Тем более это правомерно, что и половые реакции животных не сводимы только к репродуктивному поведению, а наряду с инстинктивным началом также подвержены индивидуальному научению, неразрывно связанному с процессом социализации. Только знание этих общих эволюционных механизмов может объяснить причины индивидуальных поведенческих различий и особенностей нарушений индивидуального развития.

5. Болезнь или порок?

Для ответа на этот вопрос необходимо прежде всего определить, имеются ли при аномальном сексуальном поведении какие-либо специфические нару-

шения функционирования биологических систем организма.

Само по себе онтогенетическое развитие биологической системы, связанной с регуляцией сексуального поведения, отражает эволюционные и филогенетические процессы развития данного вида и проходит в несколько этапов. На первом происходит детерминация пола, в основе которой лежит образование генетического, или хромосомного, пола. Оно происходит в момент зачатия, когда женская яйцеклетка соединяется со сперматозоидом и образуются комбинации из содержащихся в них хромосом (XX — женский, XY — мужской пол).

В 1959 г. коллективы К. Форда и П. Джекобса показали детерминирующую роль V-хромосомы для развития организма в мужском направлении. Определенная система генов обеспечивает развитие полового аппарата по мужскому типу. V-хромосома содержит и ген длины тела. Уже на этом первом этапе возможны различные отклонения от нормального процесса развития, связанные с количественным нарушением хромосомного набора. Наиболее известны два таких нарушения — синдром Клайнфельтера (хромосомный набор XXV) и синдром «дубль-V» (хромосомный набор XVV). Причиной различных морфофизиологических нарушений при этих хромосомных болезнях является изменение количества генетической информации, расстраивающее ход реализации программы развития организма. При «VV-синдроме» большое количество гетерохроматина приводит к повышению нервной возбудимости мужчин и увеличению повторных самопроизвольных аборт в их семьях.

Первый мужчина с набором хромосом 47, XVV был описан в 1961 г. Его дочь страдала болезнью Дауна (слабоумием), четверо его сыновей были нормальными, а жены в двух браках имели по несколько выкидышей. Это был человек высокого роста, с интеллектом на нижней границе нормы и без отклонений в поведении. Особого интереса сообщение не вызвало до тех пор, пока в 1965—1967 гг. группа П. Джекобса в одной из шотландских психиатрических больниц для лиц, совершивших преступления, не обнаружила неожиданно большое количество индивидуумов с «VV-синдромом». Повторенные исследования таких лиц в Англии, Швеции и США дали сходные результаты. В резуль-

тате многочисленных исследований мужчин с набором хромосом «дубль-V» к началу 70-х гг. сложился стереотип высокорослого, диспластичного, но хорошо физически развитого индивидуума, часто с угрями, иногда со скелетными аномалиями, нерезкой умственной отсталостью либо низким интеллектом и беспокойным, агрессивным поведением.

В некоторых работах сопоставлялись клиника «дубль-V» и синдрома Клайнфельтера. Лица с синдромом «дубль-V» обнаружили большую сексуальную активность и разнообразие сексуальных контактов, особенно при более развитом интеллекте. При общем снижении влечений у лиц с синдромом Клайнфельтера обнаружилась значительная частота педофильных тенденций. Сфера влечений при синдроме «дубль-V» характеризовалась их интенсивностью и импульсивностью. Частота случаев насилия со смертельным исходом при обеих аномалиях оказалась одинаковой. Основной их причиной при «VV-синдроме» считалась импульсивность и недостаточная прогнозируемость поведения, а при синдроме Клайнфельтера — «недостаточная подавленность действия».

Наглядным является случай, наблюдавшийся нами в 1989 г.

П., 21 год, обвинялся в злостном хулиганстве. При обследовании в Институте им. В. П. Сербского установлено: мать не помнит. Известно, что она вела аморальный образ жизни, злоупотребляла алкоголем, рано оставила сына. Во второй раз отец женился, когда сыну было 3 года, однако через год после рождения дочери брак был расторгнут. Сам П. причиной развода считает себя. Отец всегда был строгим, жестким человеком, часто прибегал к физическим мерам воспитания, особенно в школьные годы, когда мог чуть ли не ежедневно жестоко избивать сына. Учиться П. не любил, при первой же возможности отвлекался игрой. До 13 лет любил играть в солдатики. В детстве отличался замкнутостью, стеснительностью, неуверенностью, боязливостью, впечатлительностью, легко поддавался внушению, испытывал страх темноты, безоговорочно подчинялся родителям, считался «образцовым ребенком». До 10 лет страдал ночным энурезом. Выделялся маленьким ростом, в связи с чем подвергался насмешкам и издевательствам. Общался в основном с подобными ему, в чем-то ущемленными ребятами. С 13 лет у него стали возникать утренние эрекции, появлялось

возбуждение при виде обнаженного женского тела. С 15 лет на лице появились юношеские прыщи, что способствовало усилению идей ущербности, стеснялся своей внешности. С этого возраста стал быстро расти, за три года обогнал своих сверстников. С 16 лет стал обращать внимание на девушек, однако, несмотря на желание познакомиться, никогда не делал попыток ухаживания, испытывал неловкость, не знал, о чем с ними говорить, был убежден, что обладает малым запасом слов. Считал себя слабым, неполноценным. В этом же возрасте — первые эпизоды вуайеризма — испытывал интерес к подглядыванию за интимными отношениями. Онанизм с 17 лет, после разговоров сокурсников. В дальнейшем мастурбация 2—3 раза в неделю с представлением увиденных ранее половых актов. В 18 лет перенес в тяжелой форме корь, имела место клиническая смерть. Считает, что с 18 лет эрекция у него стала менее выраженной, приводит примеры, когда после первого семяизвержения не мог совершить мастурбацию повторно, несмотря на сохранившееся желание.

Находясь на обследовании в больнице, впервые побывал в морге, помогая персоналу управляться с трупами. Сначала был нерешителен, испытывал боязнь. Однако через месяц у него появился интерес к выполняемой работе. Испытывая любопытство, открывал лица умершим, нередко спускался в морг по собственной инициативе. В этот же период, помогая в деревне, стал забивать кроликов. Был при этом решительным, нравилось разделять туши животных.

Появилась повышенная утомляемость, стал вспыльчивым, раздражительным, нервным, появились мысли о «необратимых и катастрофических» изменениях в сексуальной сфере, был крайне фиксирован на своих физических недостатках, в целях «оздоровления» начал усиленно заниматься мастурбацией, однако все более убеждался в своей несостоятельности. Считал, что изменился по характеру: из «паиньки-мальчика» превратился в конфликтного, вспыльчивого по мелочам и склонного к «истерикам» человека. Подолгу помнил обиды, длительно переосмысливал различные ситуации. Настроение было подавленным, тоскливым, эпизодически появлялись мысли о нежелании жить. Стали возникать состояния, когда был «какой-то не такой», особенно раздражительный, злобный, «как будто встал не с той ноги», в такие дни не ладилась работа, часто допускал ошибки, все делал как по

инерции, «в задумчивости». Был фиксирован на недоброжелательном отношении к нему товарищей по работе, считал, что они замечают его неполноценность, выражающуюся в «узком кругозоре», «ограниченном запасе слов», «детском выражении лица». Жил как бы двойной жизнью, «отгораживался ширмой» от людей, подстраивался под общую массу, сам же предпочитал прогулки в одиночестве. Когда оставался наедине со своими мыслями, разговаривал вслух, анализировал свои переживания. Появлялись идеи самообвинения и самоуничтожения, считал, что является обузой для семьи, всем приносит несчастье. Тогда же стали появляться алкогольные эксцессы, выпивал несколько бутылок вина или пива.

В возрасте 20 лет впервые был осужден за обнажение половых органов и демонстративный онанизм перед женщинами. Тогда половое возбуждение возникло внезапно, мысль о самоудовлетворении пришла «сама по себе», вдруг, как «дуновение ветерка». Тяжело переживал случившееся. Стал еще более замкнутым, скрытным, преобладало тоскливое настроение с оттенком гневливости, раздражительности, обдумывал способы ухода из жизни. Угнетали ухудшившиеся взаимоотношения в семье, а также изменившееся в нем отношение на работе.

Обвиняется в том, что он около 22 часов, находясь в состоянии опьянения, возле сквера обнажил половой член и пытался привлечь внимание идущих навстречу женщин, на глазах которых примерно 15 минут мастурбировал, не реагируя на их замечания. После этого догнал одну из женщин, схватил одновременно за руку и грудь, продолжал демонстрировать половой член. После задержания показал, что перед случившимся выпил пиво, после чего с ним что-то произошло, потянуло на улицу, причину последующих действий пояснить не мог. Утверждал, что не помнит своего агрессивного поведения. Стыдился своего поступка, несколько дней после этого находился в шоковом состоянии, чувствовал себя опустошенным, все мысли сводились к самоубийству, обдумывал различные его способы.

Его рост 189 см, однако антропометрические данные свидетельствуют о задержке полового созревания. При проведении электроэнцефалографического обследования выявлены изменения биоэлектрической активности головного мозга преимущественно в височных отделах. При цитогенетическом обследовании выявлена хромосомная аномалия «дубль-V».

При беседе выглядел хмурым, угрюмым, смотрел исподлобья, лицо оставалось малоподвижным, мимические реакции бедные, однообразные, невыразительные. Движения замедленные. С трудом включаясь в беседу, подолгу обдумывал вопросы, речь отличалась размеренностью, неторопливостью, голос оставался монотонным, нередко употреблял слова в их уменьшительном значении. В то же время держался несколько фамильярно, стремился произвести впечатление зрелого человека, хорошо разбирающегося в самых разных вопросах. С бравадой заявлял, что злоупотребляет спиртным, курит, нецензурно бранится и ничем не отличается от окружающих. При рассказе о себе застревал на малозначительных деталях, особенно фиксировал на рассказе о подростковом периоде, когда подвергался постоянным оскорблениям. Рассказывая о правонарушении, утверждал, что все случилось внезапно, накануне испытывал головные боли, звон в ушах. Говорил, что не помнит произошедшее после начала мастурбации, ссылается на «затмение», «помутнение сознания», как бы отключился, «расплывчато» воспринимал окружающее, осознал случившееся лишь в отделении милиции. С соседями по палате контакт оставался поверхностным, был придирчив к некоторым из них, не критичен к их явно болезненному состоянию, иногда агрессивен к ним. Большую часть времени проводил в постели, был задумчив, молчалив. Жаловался на головные боли, позднее засыпание, «отсутствие мыслей в голове». Настроение на протяжении всего времени обследования оставалось угнетенным, с оттенком раздражительности, ворчливости.

Приведенный случай демонстрирует общие для лиц с синдромом «дубль-V» особенности. Сроки полового созревания при данной аномалии обычно растянуты, а его окончание характеризуется снижением интенсивности полового влечения. Мастурбация обычно неэффективная, сопровождается трудностями эякуляции и требует дополнительной стимуляции. При этом чаще всего выбираются и используются стимулы садомазохистического характера. Прием алкоголя также сопровождается у XVV-индивидуумов сексуальным возбуждением на фоне дисфорического раздражительно-гневливого аффекта, что провоцирует реализацию сформировавшихся парафилий.

Особенности поведения лиц с синдромом «дубль-V» стали рассматриваться как доказательство биологических причин агрессивного поведения, а само это состояние генотипа — как приводящее к такому поведению в силу наличия лишней мужской половой хромосомы и являющееся моделью врожденной агрессивности человека. В последующем работы по данной патологии были прекращены. Основными аргументами были обычные для антипсихиатрии обоснования, заключающиеся в том, что выявление таких лиц создаст условия для их дискриминации. При этом совершенно не брался в расчет тот факт, что эти люди, чье развитие происходит в биологически измененных условиях, требуют как психиатрической помощи, так и социально-педагогической поддержки.

Нет достаточных оснований для объяснения парафильного поведения лиц с синдромом «дубль-V» действием генетической информации дополнительной V-хромосомы, или, как его иногда называют, «кариотипа агрессии». По мнению Н. И. Олейникова, генетический груз не приводит напрямую к агрессивному поведению, а сказывается в явлениях дизонтогенеза вследствие действия дополнительного хромосомного материала. Сходные нарушения индивидуального развития с развитием в последующем агрессивного и садистического поведения могут быть обусловлены действием других факторов. Даже приведенный случай свидетельствует о важной роли средовых, личностных факторов в постепенном формировании садистического влечения, а также о значении органического поражения головного мозга, причем довольно специфического для парафилий.

Само по себе различие в женском и мужском хромосомном наборе сказывается на развитии плода лишь с 6-й недели, когда под влиянием генов V-хромосомы гонады, до того времени одинаковые у обоих полов, начинают постепенно дифференцироваться в семенники. С этого момента происходит запуск двух основных механизмов, определяющих развитие мужского пола, — дефеминизации и маскулинизации.

Дифференцирование по женскому типу не требует контроля со стороны гонад и в целом является с учетом некоторых упрощений поздним и эмбриогенетически пассивным процессом, тогда как создание мужчины требует от природы дополнительных усилий по видоизменению первичного эмбриогенетического ма-

териала и построению добавочных и потому довольно хрупких физиологических структур. Отражение этого чисто биологического феномена в дальнейшем сказывается и в социальных особенностях воспитания, различающихся по своей требовательности для разных полов. К маскулинности общество всегда относилось гораздо строже, чем к сохранению фемининности. Поведенческая активность, утверждающая маскулинность, одобряется, а отклоняющаяся от ее утвердившихся стереотипов отвергается половой моралью. Согласно принципу «маскулинной дополнителности» Д. Мани, для полноценного развития по мужскому типу требуются дополнительные усилия не только биологических, но и социальных составляющих на каждом этапе половой дифференциации.

Диморфизм полового поведения определяется степенью чувствительности нервных центров к внешним и внутренним стимулам, а также к действию половых гормонов. Благодаря бисексуальной, т.е. двойственной в половом отношении, организации нервных механизмов полового поведения самцы и самки млекопитающих наряду с типичным для данного пола поведением могут проявлять черты сексуального поведения, свойственного противоположному полу.

Существует целый ряд фактов, свидетельствующих о необходимости раннего воздействия мужских гормонов (андрогенов) для полноценного формирования мужского полового поведения у взрослых самцов. Основные данные были получены в ходе наблюдения над поведенческими реакциями крыс, которых кастрировали вскоре после рождения. Кастрация самцов крыс, произведенная не позже 10-го дня жизни, приводит у взрослых животных к мужской гомосексуальности. Независимо от характера вводимого затем стероидного гормона, такие самцы при контакте с нормальными самцами гораздо чаще приходят в состояние сексуального возбуждения, чем при контакте с самками. В то же время раннее воздействие мужских половых гормонов способствует усилению признаков мужского полового поведения. Причем даже женские половые гормоны (эстрогены), вводимые кастрированным сразу после рождения (неонатально) самцам, маскулинизируют их поведение. То, что именно центральная нервная система формирует гомосексуальность у неонатально кастрированных самцов, подтверждается ее исчезнове-

нием в результате операции, специально направленной на разрушение определенной части гипоталамуса. Таким образом, формирование полноценного мужского поведения у самцов млекопитающих требует достаточного уровня мужских половых гормонов во внутриутробном периоде развития мозга, когда происходит его половая дифференциация.

Факт о дефеминизирующем действии мужских половых гормонов в критическом периоде половой дифференцировки мозга были получены в результате опытов на самках млекопитающих. Так, широко известен факт, когда на плод женского пола воздействовали андрогенами, что приводило после их рождения к снижению полового влечения, бисексуальности или гомосексуальности. Известны наблюдения выраженного измененного сексуального поведения по типу самца у самок золотистых хомячков, которые испытали воздействие мужских гормонов (андрогенизацию) сразу после рождения. Эти опыты свидетельствуют об относительной автономности дифференциации нервных структур, ответственных за секс-специфические поведенческие акты. Высказывается предположение, что ранняя андрогенизация самок не только делает более чувствительными нервные элементы центра мужского поведения к влиянию половых стероидов, но и изменяет всю деятельность этой системы, связанной с мотивацией полового поведения. Некоторые придерживаются мнения, что маскулинизация и дефеминизация поведения в раннем онтогенезе, являясь раздельными, относительно независимыми процессами, нуждаются в различных количествах андрогенных мужских половых гормонов.

Все эти механизмы свойственны человеку. Классическими стали эксперименты Г. Дёрнера в 1972 г. Он выявил у мужчин-гомосексуалистов при внутривенном введении эстрогенного препарата реакцию, сходную с той, что присуща женской особи и которая никогда не наблюдается у мужчин с обычной психосексуальной ориентацией. Это явно указывало на отсутствие у них полноценной ориентации. Это явно указывало на отсутствие у них полноценной маскулинизации мозга. Был сделан вывод, что у мужчин с патологией полового поведения половые центры гипоталамуса сохраняют женский характер. Хотя это кажется противоречащим обычному мнению, у сексуального садиста может быть понижен уровень мужского полового гормона,

причем такое встречается нередко. Это согласуется с теорией, согласно которой длительный дефицит поступления мужского полового гормона к клеткам мужского головного мозга, в первую очередь во внутриутробном (пренатальном) периоде, а затем после подросткового возраста (пубертата), может иметь демаскулинизирующий эффект и являться косвенно предрасполагающей причиной ненормальной мужской сексуальности, проявляющейся в виде сексуального садизма.

Однако на более раннем этапе указанная асимметрия в развитии сказывается на различиях в строении мозга. Тестостерон, один из основных мужских гормонов, влияет на скорость внутриутробного роста полушарий развивающегося мозга и ответствен за возможные различия в его строении у мужчин и женщин. Высокое содержание тестостерона в период внутриутробного развития может замедлять рост левого полушария у мужского плода по сравнению с женским и способствует относительно большему развитию правого полушария у лиц мужского пола. Отсюда могут быть объяснены некоторые функциональные, в том числе психологические, различия между мужчинами и женщинами. Так, в среднем женщины превосходят мужчин по вербальным, т. е. связанным с речью, способностям и уступают им в отношении математических и «пространственных».

Более современные взгляды предполагают, что основные отличия мужского и женского мозга связаны со степенью автономизации полушарий, которая у мужчин более выражена.

Пока не до конца ясно, как эти различия связаны с различием в сексуальных реакциях и половом поведении, однако несомненно, что эти связи имеются. Более того, в последнее время появляется все больше данных о зависимости парафильного поведения от нейрофизиологических нарушений. Исследования показывают, что сексуальные отклонения у мужчин связаны с нарушением функционирования доминирующего полушария с расторжением внутрислоушарных связей¹.

Однако одно из наиболее явных отличий заключается в выражении агрессии, которая однозначно от-

¹ Flor-Henry P. et al. Quantitative EEG studies of Pedophilia. In: International J. of Psychophysiology.— 1991. No. 10.— P. 253—258.

носится к числу биологических характеристик маскулинности. Причиной большей принадлежности агрессии мужскому полу является ее зависимость от уровня тех самых мужских половых гормонов, которые уже сыграли свою роль однажды при формировании мужчины в эмбриональном периоде.

Результаты опытов на обезьянах позволили предположить существование причинной связи между изменениями физиологического уровня половых гормонов во внутриутробном периоде развития человека и социального поведения в дальнейшем. Так, воздействие мужских половых гормонов до рождения самок обезьян усиливает их агрессивное поведение в зрелом возрасте, которое является секс-специфической характеристикой социального поведения нормальных самцов. Особенно подробно ранняя стероидная детерминация агрессивного поведения изучена у золотистых хомячков и мышей. Любопытно, что в отличие от других видов млекопитающих самки золотистых хомячков ведут себя более агрессивно, чем самцы. При исследовании поведения на фоне заместительного введения тестостерона взрослых неонатально андрогенизированных, а затем кастрированных самцов обнаружилось, что раннее воздействие андрогена усиливает частоту их агрессивных реакций по отношению к нормальным самцам и самкам. В основе этого феномена лежит увеличение чувствительности нервных структур, опосредующих агрессивное поведение, к стимулирующему действию тестостерона.

Половые различия в агрессивном поведении мышей тоже зависят от разной чувствительности нервных структур к стимулирующему действию андрогенов. Самкам в первый день после рождения инъецировали тестостерон, а затем, уже во взрослом состоянии, их кастрировали и вновь ввели тестостерон, т.е. создали гормональную особь мужского пола. Драчливость у них стала выявляться в 93,8% проб против 8,3 у контрольных животных, т.е. примерно с такой же частотой, как у самцов. Кастрация новорожденных самцов мышей резко снижает выраженность агрессивного поведения в зрелом возрасте, а примерно у половины животных приводит к полной ее потере. Эффект выражен тем сильнее, чем раньше удалены гонады (половые железы). Эти и другие эксперименты показывают, что агрессивное поведение

обеспечивается сочетанием воздействия тестостерона в критическом периоде половой дифференцировки, т. е. период половой дифференциации мозга и в фазе функциональной активности, т. е. в зрелом возрасте¹.

К настоящему времени накопилось достаточно убедительных данных о контроле агрессии определенными структурами мозга. Эти данные были получены в основном в результате экспериментов с вживлением электродов в различные отделы мозга, а также при наблюдении поведения больных с поражением тех же его участков.

В начале 50-х годов У. Р. Гесс впервые обнаружил, что при стимуляции определенной части гипоталамуса поведение кошки становилось агрессивным, как в случае опасности. Она вела себя так, как ведут себя все кошки при столкновении с лающим псом, хотя этот внешний раздражитель отсутствовал. Нервная активность, исходящая из гипоталамуса, вызвала агрессивную реакцию, связанную со страхом, сама по себе. Позднее Уитлеем было показано превращение послушного прирученного животного в дикое после ограниченных разрушений вентро-медиального ядра гипоталамуса. Агрессивное поведение этих животных было настолько реальным, что представляло опасность для жизни экспериментатора. Подобные же эксперименты были проведены на обезьянах. Раздражение по радию некоторых участков зрительного бугра или центрального серого вещества вожака усиливало его агрессивность и побуждало совершать нападения на других животных группы. Однако его враждебность была целенаправлена в соответствии с прежним опытом, так как он обычно нападал на другого самца-соперника и никогда не трогал самку, свою подругу.

Таким образом было показано, что раздражение электрическим током определенных участков мозга можно вызвать внутривидовую вражду, проявления которой зависят от взаимоотношений животных в группе. Интерпретируя результаты этих экспериментов Х. Дельгадо указывал, что хотя генетические факторы и накопленный опыт оказывают влияние на нейрофизиологические процессы, а возможно даже создают их,

¹ См.: Вундер П. А. Эндокринология пола.— М., 1980.— 254 с.; Резников А. Г. Половые гормоны и дифференциация мозга.— Киев, 1982.— 252 с.

однако мозг играет роль непосредственного толкователя поступающей извне информации и определяет поведенческие реакции¹.

На основе этих экспериментов были предприняты попытки контроля агрессии. Оказалось, что структуры, участвующие в подавлении агрессивного поведения, расположены по-соседству с областью мозга, раздражение которой подавляет голод. При раздражении этого отдела хвостатого ядра макак-резус, обычно настроенный злобно, становится спокойным. Аналогичные результаты были получены на шимпанзе. Однако наиболее эффективными стали эксперименты с быками, злобность которых специально повышают с помощью отбора на протяжении многих поколений для боя на арене. Вид человека вызывает смертоносную атаку со стороны быка. После вживления в мозг нескольких быков электродов были проведены эксперименты в загоне во время атаки. Управляемая по радио стимуляция гипоталамуса позволяла остановить быка в самый разгар нападения.

Одним из наиболее важных вопросов, возникающих при исследовании агрессивной сексуальности, тем более когда она становится фиксированной формой поведения, является проблема взаимосвязи механизмов агрессии, полового поведения и удовольствия. Обычно положительное и отрицательное подкрепление поведенческих реакций исследовалось с помощью «ящика Скиннера» с рычагом, потянув за который, животное получает вознаграждение. Однако по-настоящему психология соединилась с нейрофизиологией после того, как Дж. Олдс и П. Милнер видоизменили «ящик Скиннера» таким образом, что при нажатии на рычаг животное могло направлять кратковременное прямое раздражение в какую-либо часть мозга через вживленные электроды. Это нововведение привело к открытию ранее неизвестного положительно-подкрепляющего механизма в базальной части переднего мозга. При таком расположении электродов животное повторно раздражало собственный мозг, отказываясь от всякой другой активности на длительные периоды времени. Вид животного, жадно повторяющего самораздражение, явно свидетельствовал о гедонистической природе его поведения, т. е. о получаемом наслаждении.

¹ См.: Мэгуэн Г. Бодрствующий мозг.— М., 1961. Дельгадо Х. Мозг и сознание.— М., 1971.

Разрушение в эксперименте одной из областей самораздражения сопровождалось не только усилением агрессивности, но и поглощением огромных количеств пищи без насыщения. Поэтому данное ядро было обозначено как центр насыщения, влияние которого сводится к снижению аппетита и исчезновению чувства голода. Частота самораздражения этого отдела мозга зависела от степени голода. При ином расположении электродов частота самораздражения изменяется при кастрации или введении половых гормонов. Это может объясняться той ролью, которую играют некоторые отделы промежуточного мозга в регуляции половой активности.

Субъективный эффект раздражения этих участков мозга у человека, и прежде всего миндалевидного ядра, указывают, что возникающие при этом впечатления носят обычно неприятный характер и, подобно ауре при психомоторной эпилепсии, выражаются главным образом в чувстве страха. В других клинических наблюдениях при судорожных припадках или ранениях мозга возникает ощущение удовольствия. Таким образом, нервные механизмы поощрения и наказания расположены скорее всего вблизи друг от друга. Открытие этих двух анатомически обособленных механизмов, одного — для наказания, а другого — для вознаграждения, создало физиологическое обоснование двойственно мотивировки поведения, связанного с гедонизмом.

Не менее показательными стали эксперименты с удалением тех или иных областей мозга. М. Клувер и П. Бьюси в 1939 г. удаляли у обезьян обе височные доли вместе с миндалиной и гиппокампом. После операции обезьяны вели себя более чем странно. Они больше не боялись змей, при виде которых до операции приходили в ужас. Они также не могли проявлять нормальную агрессивность, которую обычно использовали для поддержания взаимоотношений в группе или для защиты. Их сексуальная активность не только повысилась, но стала неупорядоченной, и они пытались спариваться даже с животными другого вида. Наконец, они брали в рот не только пищу, но и всевозможные предметы. Иными словами, удаление этих частей мозга лишало обезьян способности понимать, что для них хорошо, а что плохо. Они не могли уже различать пригодную для себя пищу или выбирать подходящего полового партнера.

Психиатрам известны сходные нарушения у больных с повреждениями височных долей мозга. Поведение

ние, наблюдаемое у таких больных, называется «синдромом Клювера—Бьюси». Самыми известными работами в этом направлении стали исследования Г. Гасто с сотрудниками, которые описали специфические поведенческие изменения у больных височной эпилепсией, отсутствовавшие среди лиц с генерализованной пароксизмальностью. Оказалось, что у височных эпилептиков с аномальным сексуальным поведением наблюдается синдромокомплекс, представляющий собой противоположность синдрому Клювера—Бьюси. Всего было выделено 18 отдельных характеристик таких больных, которые при группировке их в три категории сводятся к ригидности, усиленной эмоциональности и глобальной гипосексуальности.

Примером может служить следующее наблюдение. Ч., 38 лет, обвинялся в изнасиловании.

Его родной брат страдал эпилепсией. Дед по линии матери отличался вспыльчивостью и «бешеными выходками». Отец по характеру «прямолинейный», трудолюбивый, решительный, «нудноватый», был склонен к назиданиям, часто вступал в конфликты с матерью, иногда доходило до драки. Мать—требовательная, вспыльчивая, но отходчивая. В раннем возрасте Ч. перенес тяжелую операцию под наркозом. После этого по ночам часто плакал, кричал, вздрагивал. В 5 лет у него во время игры «отнялись ноги», несколько часов не мог ходить, за медицинской помощью не обращались. В школе учился легко. По характеру был обидчивый, капризный, неуравновешенный. Среди сверстников стремился к лидерству. Часто дрался. При поражении своей команды или другой неудаче внезапно появлялись слезы, не мог себя сдерживать, охватывала дрожь, иногда неожиданно терял равновесие, плохо воспринимал окружающее. Дома был груб, эгоистичен. Имел много друзей. Был склонен к различным выдумкам и фантазиям, почти полностью отключался от действительности. Эти эпизодические погружения в мир грез были второй жизнью. Испытывал повышенный интерес к кладбищу, тягу к огню. Когда в ответ на замечание его «колотила дрожь», начинал кричать, плакать, совершал демонстративные попытки самоубийства. Подобные состояния возникали несколько раз в год и длилась до нескольких часов. В 15 лет перенес травму головы с кратковременной потерей сознания, после чего стал более конфликтным, вспыльчивым, отмечал ухудшение памяти и головные боли.

В 17 лет — первая попытка близости, оставшаяся неудачной из-за исчезновения эрекции непосредственно перед половым актом. При осуществлении, наконец, полового акта удовольствия не получал, испытывал боль.

Окончил юридический факультет Университета. Начал употреблять спиртные напитки, в состоянии опьянения становился нетерпимым к чужому мнению, часто вступал в мелочные ссоры, иногда был груб, агрессивен. В возрасте 20 лет женился, в первую брачную ночь испытывал опасения, боялся, что вновь не наступит эрекция. Отношения в семье были неровными, особенно после рождения детей. Мог ударить, оскорбить жену, после чего быстро успокаивался, просил прощения. Через два года семья распалась.

Дважды был судим за избиение сожительницы. Хватал ее за волосы, бил головой о стену, кулаками и ребром ладони по лицу, голове и шее, другим частям тела. Раздев ее догола и связав полотенцем, положил на кровать, ввел во влагалище бутылку, а когда она пыталась кричать, зажимал ей рот рукой, давил коленом голову, связав ее телефонным шнуром, наносил множество ударов по оголенным частям тела. Однако через год вновь был осужден за изнасилование приглашенной в гости женщины. Отбывая наказание в ИТК, рассказывал легенду о том, что он «бывший разведчик», в деталях описывал «выполненные задания», почувствовав недоверие, обижался.

Причиной обследования в Институте им. В. П. Сербского явилось обвинение Ч. еще в одном изнасиловании. В тот день они со своим знакомым долго приглашали К. в гости. Выпив с ними несколько рюмок спиртного, она хотела уйти, однако Ч. затащил ее в смежную комнату, связал руки, засунул в рот кляп. Приступил к избиению, говорил, что наказывает ее за то, что долго не соглашалась идти к ним, и он научит ее быть покорной. Бил ее ремнем, шнуром от кипятильника. В дальнейшем совершил несколько насильственных половых актов, в том числе и в извращенной форме, после чего водил кипятильником по телу, заставлял раздвигать ноги, зажигал спички и тушил их во влагалище, заставлял брать половой член в рот. В период следствия оправдывался, отрицал совершение каких-либо насильственных действий, цинично отзывался о потерпевшей, утверждал, что она рассказывала о «французской любви» и своих любовниках, после чего у него якобы был провал в памяти.

При электроэнцефалографическом исследовании выявлены диффузные изменения биоэлектрической активности головного мозга с тенденцией к пароксизмальным проявлениям височных структур.

В беседе с психиатрами жаловался на головные боли в височной и затылочных областях, головокружения, повышенную утомляемость и раздражительность, провалы памяти, непереносимость жары, духоты, езды в транспорте. Охотно и красочно описывал свои переживания. Отмечал различного рода «вспышки ярости», приступы ужаса и припадки с потерей сознания, заканчивающиеся сном, после припадка чувствовал себя разбитым, испытывал головные боли и слабость во всем теле, подобные состояния повторялись около 10—12 раз в течение всей жизни и не были связаны с каким-либо внешним поводом. Наряду с этим описывал состояния, когда в ответ на замечания возникла «истерика», проявлял агрессивные тенденции либо совершал суицидальные попытки. Рассказывая о своей сексуальной жизни, отмечал «хладнокровное» отношение к женщинам, не менявшееся и во время полового акта, к которому всегда относился как к чему-то низкому. Делал акцент на том, что интимные отношения для него имели второстепенное значение и отказ от близости могли повлечь даже малосущественные поводы, например малейший нежелательный запах женщины. Пассивная подчиняемость женщины обычно отталкивала, тогда как привлекали гордые, считавшиеся неприступными, женщины, которых приходилось активно подчинять. Нравились стыдливость и смущение, когда женщина отдавалась, оказывая сопротивление. Возникающее в эти моменты состояния описывал как «разрывающуюся связь между мозгом и нервами, когда просыпается инстинктивная сила». Говорил, что в последнее время замечает ослабление потенции.

Приведенный случай интересен, в частности, тем, что он показывает специфическую роль патологии лимбической области в генезе парафильного поведения. До недавнего времени актуальным оставался спор о природе аномального сексуального поведения у височных эпилептиков, которое некоторыми психиатрами ограничивалось от собственно парафилий. Оно ставилось ими в один ряд с такими сексуальными проявлениями, как спонтанная эякуляция, сексуальное

возбуждение, наблюдающиеся в момент психомоторного приступа. Между тем мы видим, что, хотя аномальное сексуальное поведение может быть спровоцировано пароксизмальными расстройствами, оно тем не менее относится к стойким психопатологическим образованиям, не обязательно совпадая с эпилептическими приступами.

Есть основания считать, что так же, как и другие парафилии, сексуальный садизм является болезнью мозга. Болезнь поражает мозговые центры и проводящие пути, ответственные за половой диморфизм, половое возбуждение, сексуальное поведение и воспроизводство вида. Главным образом повреждается лимбическая система мозга, ответственная также за агрессивность и атакующую защиту как особи, так и вида. При сексуальном садизме мозг патологически активизируется для передачи сигналов к нападению одновременно с сигналами полового возбуждения и сексуального поведения. Такое патологическое смещение этих сигналов происходит в результате нарушения протекания химических процессов в мозгу. Нарушения могут возникать по причинам легко различимым, таким, как повреждение мозга в результате роста опухоли, открытой или закрытой травмы головы. В других случаях нарушения могут возникать вследствие субмикроскопических и достаточно тонких изменений, которые могут быть распознаны лишь при помощи современной технологии сканирования головного мозга.

Поэтому любое воздействие, повреждающее мозг, включая влияние в эмбриональный период развития, приводит к возникновению органических условий для аномалий сексуальности.

Таким образом, для того чтобы понять сущность и природу сексуального насилия, нужно принимать во внимание не только социальные и психологические, но и его биологические факторы и механизмы.

6. Парафилии:

общественные и индивидуальные предпосылки

До недавнего времени практически все данные о биологической, органической природе парафилий отечественными психиатрами отрицались. Сексуальные извращения объявлялись результатом почти исключительно социальных факторов. Подобная позиция позволяла высказывать потрясающие своей абсурдностью утверждения об актуальности проблемы

аномального сексуального поведения лишь для капиталистических стран, где, в отличие от нашего социалистического общества, наблюдается прогрессирующий рост сексуальных извращений. Остается надеяться, что подобные высказывания были всего лишь уступкой царившим политическим нравам и не отражали действительного понимания генеза данной патологии.

Вместе с тем необходимо помнить, что влияние социальных, общественных факторов действительно трудно переоценить, поскольку в поведении каждого индивида, даже с аномальной психикой, находят отражение весь накопленный данным обществом исторический опыт, существующие в нем установки и тенденции развития. Появление и учащение того или иного поведения в конкретный исторический период отнюдь не случайно, а вполне закономерно.

Филипп Арьес в своей книге «Человек перед лицом смерти» достаточно убедительно показывает постепенное слияние в восприятии человека западной культуры смерти и сексуальности, начавшееся в XVII в. По его мнению, в первый период это происходило в сфере бессознательного и невысказанного, когда во влекущей красоте мертвого тела, в искушении любви к мертвецу, наполняющей искусство, современники еще не ощущали сексуальной природы своей склонности к мучению плоти. Нагромождения сцен пыток и казней с наготой палачей и жертв оправдывалось нравоучительными и благочестивыми целями. Театр эпохи барокко в своем стремлении усилить и разжечь любовь помещает ее как можно ближе к смерти, хотя это сближение еще не доходит до эротического предела и не переходит границы запретного. Однако уже в XVIII в. литературой завладевает мощное движение коллективной чувственности, заставившее обнажить то, что ранее было замаскировано и скрыто. Тексты уже изобилуют историями о любви к мертвецам и с мертвецами. Если в театре барокко любовник, желающий овладеть умершей красавицей, замечает, что она жива, до того, как исполнит свое намерение, то в литературе конца XVIII—начала XIX вв. это обнаруживается лишь после соития. Примечательно, что как раз в это время, в 1781 г., появляется памятная записка, адресованная генеральному прокурору Парижа по поводу неэристиностей, связанных с погребением. В ней указывалось, что «тела, опущенные в общую яму, ежедневно подвергаются

самому недостойному надругательству. Под предлогом исследований люди, не довольствуясь трупами, отдаваемыми больницам, похищают также мертвые тела с кладбищ и творят над ними все, что могли внушить им непочтительность и распутство».

Одной из теорий, пытающейся объяснить влияние социальных факторов на сексуальное насилие, является теория «последней капли». Ее центральным пунктом является положение о том, что преобладание в обществе тенденций к одобрению использования физической силы для достижения социально желаемых целей — таких, как порядок в школе, контроль над преступностью, доминирование в военной сфере — повышает вероятность генерализации этой легализованной силы в другие сферы жизни, такие, как семья, взаимоотношения между полами, то есть в те области социального существования, где применение силы как раз менее всего желаемо и ожидаемо. Иногда взаимопроникновение и слияние легализованных форм насилия с сексуальной агрессией используется даже как самооправдание, включаясь в рационалистические защитные системы, как это было в одном из случаев.

Испытуемый С., 39 лет, в Центр поступил 3.07.91 г.

Обвиняется по ст. 113 УК РСФСР в истязании малолетних детей.

Отец злоупотреблял алкоголем, погиб в 1989 г. С. родился старшим сыном в семье, с применением щипцов, с родовой травмой. Имеет двух сестер-близнецов на 7 лет младше. Детские инфекционные заболевания перенес без осложнений. В детстве воспитывался только матерью, из-за частых наказаний боялся ее. Отец к сыну относился равнодушно. По характеру испытуемый формировался общительным, упрямым и настойчивым. В школе обучение начал своевременно, учился посредственно. Первая эякуляция в 12 лет при мастурбации. В этом же возрасте, когда с товарищами играючи хлестали друг друга хворостинами, у него возникла эрекция. В последующем стало нравиться, когда наказывали его самого или когда сам он кого-либо наказывал. После окончания 8 классов учился в железнодорожном техникуме, работал машинистом. С 1971 по 1973 гг. служил в ракетных войсках, зарекомендовал себя с положительной стороны, уволился на общих основаниях в звании прапорщика. По словам испытуемого, в армии у него периодически появлялись преж-

ние мысли о насилии; будучи в звании старшины двух солдат сек розгами по ягодицам. После возвращения из армии проживал с бабушкой, работал машинистом электровоза. В возрасте 21 года на фоне повышения температуры обострились мысли об избиении мальчиков. Тогда нашел мальчиков, бросивших в идущий электровоз камень, стал их бить и почувствовал возбуждение. Впервые был госпитализирован в психиатрическую больницу в 25-летнем возрасте. В отделение был доставлен из милиции по подозрению в избиении подростков. За время пребывания в больнице был доступен контакту, внешне спокоен, подчиняем, охотно принимал назначенное лечение. При беседе рассказывал, что в 12-летнем возрасте, случайно увидев обнаженного мальчика, испытал «половое удовлетворение». С тех пор испытывал влечение к малолетним мальчикам, однако не совершал каких-либо конкретных действий, направленных на его реализацию. Был выписан с диагнозом «Психопатия перверсного круга. Затянувшаяся невротическая реакция». После выписки из стационара испытуемый вскоре женился, от брака имеет двух сыновей. Жена испытуемого отмечает, что С. по характеру очень вспыльчивый, нервный, раздражительный, замкнутый и необщительный. Практически все свободное время проводил в кругу семьи, с пристрастием занимался воспитанием детей, помогал старшему сыну в приготовлении домашних заданий, особенно французского языка. Был очень требовательным, «страшно нервничал», если сын получал двойки. Однажды сильно избил его из-за плохой оценки, в связи с чем мать испытуемого написала заявление в милицию. В начале семейной жизни половые акты совершались регулярно, 1—2 раза в неделю, условно-физиологический ритм — 3 раза в месяц с 26 лет. Экцессы на протяжении жизни отсутствовали. Установившаяся длительность полового акта 2—3 минуты, для возникновения эрекции жена прибегала к мануальной стимуляции. К петтингу никогда не прибегал, по его словам, никогда даже не целовал жену. Жена отмечает, что «процесс возбуждения» у него длился очень мало, эрекция была слабой, семяизвержение наступало при плохом напряжении полового члена. Около 3 лет назад испытуемый отказался спать с женой в одной постели, ссылаясь на то, что с ней он не высыпается, а это чревато железнодорожной катастрофой. После этого

перенес свою кровать в комнату старшего сына. Периодически при стирке белья жена замечала на внутренней поверхности трусов, постельном белье подсохшее серое вещество, что муж объяснял происходящим у него время от времени самопроизвольным семяизвержением. С его слов, поллюции наблюдались до 3 раз в месяц, обычные эротические сновидения связаны с избиванием мальчиков по ягодицам. Утренние эрекции сохранены. В 1990 г. имел с женой только один половой акт. Со 2.08 по 11.09.81 г. находился на обследовании в клинической больнице Главсанупра МПС СССР, откуда был выписан с диагнозом: «Вегето-сосудистая дистония с явлениями термоневроза». За время пребывания в отделении предъявлял жалобы на слабость, потливость, субфебрилитет с 21 года, появившийся после перенесенного гриппа и орхита.

Как следует из материалов уголовного дела, испытуемый обвинялся в том, что в период с 1987 по 1990 г. под видом сотрудника милиции, дружинника или железнодорожника истязал малолетних детей, избивая их попавшимися под руку предметами или ремнем. У потерпевших были обнаружены телесные повреждения в виде гематом, ссадин и ушибов ягодичных областей и передней брюшной стенки. Согласно их показаниям, в период избивания испытуемый отсчитывал вслух количество ударов, держа при этом руку в кармане брюк. В период следствия испытуемый рассказал, что при виде мальчика его «бросает в дрожь», он возбуждается, а при избивании испытывает половое удовольствие с эякуляцией. В период следствия ему была проведена стационарная судебно-психиатрическая экспертиза. В психическом статусе каких-либо изменений со стороны психики описано не было, он был признан психически здоровым, вменяемым.

При обследовании в Центре было выявлено следующее.

Неврологическое состояние. Асимметрия носогубных складок. Сухожильные рефлексы оживлены. На глазном дне отмечается незначительное сужение мелких артерий. По его словам, однажды наблюдалась потеря сознания, периодически возникают пароксизмы тремора. Артериальное давление 160/100 мм рт. ст., при измерении температуры выявлен субфебрилитет 37,2°C.

Сексологическое обследование. Трохантерный индекс 1.81 (180:99). Нормостеник (E—100.0), гинекоморф (ИТ—82). Отложение жира по женскому типу,

сильно выражены грудные железы, диаметр правого соска 3 см, левого — 4 см. Проба Жерико с инверсией. Длина полового члена 11 см, окружность 10 см, головка закрыта. Оволосение лобка с тенденцией к горизонтали.

Психическое состояние. Держится с подчеркнутым достоинством. На вопросы отвечает неохотно, с раздражением, стремится во всем представить себя с более выгодной стороны, обстоятелен. Характеризует себя жестоким, эмоционально холодным, замкнутым человеком. Поясняет, что во всем любит «порядок и чистоту», с раздражением заявляет, что ему «надоел бардак в стране, демократия», подчеркивает свою приверженность дисциплине и диктатуре. Сообщает, что из-за своей требовательности он много страдал, так как на производстве часто возникали конфликты, ссоры, а некоторые сотрудники даже боялись его. Одновременно сообщает, что не мог оправиться в присутствии кого-то, иногда по нескольку дней из-за этого не было стула. Заявляет, что многие годы страдает «сексуальным расстройством», упрекает врачей в том, что его не лечили и «запустили болезнь». Утверждает, будто несколько раз обращался за помощью, а от него «отмахивались». Рассказывал, что до сих пор тяжело переживает тот факт, что в детстве его наказывала мать, а не отец. Отец его «не замечал», «даже пальцем не тронул», «интересовался вскользь», «натравливал мать». Долго мечтал о дружеских отношениях с отцом. Ненавидел его за то, что тот не обращал на него внимания, «сам не наказывал, заставлял мать». Матери до сих пор боится, так как она всегда всем командовала, вмешивалась в его семейную жизнь, «не давала бить детей». Очень осторожно, иногда намеками сообщает о том, что в последние 5—6 лет испытывает сексуальное удовлетворение от избияния мальчиков 8—12 лет. Не скрывает, что подобное влечение его устраивало, однако настойчиво подчеркивает, что к совершению подобных актов его «влекла какая-то сила», при возникновении желания доминировало пониженное настроение с раздражительным, злобным оттенком, и даже увиденное объявление о его розыске с описанием не могло его остановить. Поясняет, что избивал детей 1—2 раза в неделю, в эти моменты эрекции не было, семяизвержение было подобно мочеиспусканию. Заявляет,

что в последнее время перед задержанием он даже потерял чувство предосторожности. С раздражением обвиняет родителей, которые отпускали детей гулять в Ботанический сад, мало занимались воспитанием и не наказывали потерпевших детей. Демонстративно утверждает, что он «воспитывал» детей и избивал их «по согласию». В категоричной форме подчеркивает, что все потерпевшие — хулиганы и заслужили подобное обращение, так как разбивали окна проходящих поездов. С несколько нарочитой гордостью утверждает, что родители должны его благодарить за то, что он только избивал их детей, а не убивал их. Одновременно сообщает, что в последнее время при наказании сына также испытывает сексуальное возбуждение, иногда намеренно играл с ним «на наказание, на ремень». Утверждает, что за исключением жены никогда не вступал в половые связи с женщинами. К жене испытывал отвращение, хотя она делала все, что он ни приказывал; порой наказывал и ее «плеточкой». Во время полового акта с ней представлял детей и сцены насилия. Не скрывает, что его возбуждают сцены насилия в книгах и фильмах, после сновидений с подобной тематикой наблюдается семяизвержение. Указывает также на укорочение периода сна, якобы обычная продолжительность сна для него — 4 часа в сутки. В беседе преобладают внешнеобвиняющие тенденции, жалуется на избиения его сокамерниками и конвоем, тут же заявляет, что «не любит, ненавидит» людей вообще. В отделении формально общался с соседями по палате и медицинским персоналом, режим не нарушал.

При экспериментально-психологическом исследовании на первый план выступают индивидуально-психологические особенности в виде эгоцентричности, эмоциональной холодности и неустойчивости с легко возникающими реакциями раздражения, недостаточностью интеллектуального контроля, прогноза возможных последствий своих действий с преобладанием внешнеобвиняющих реакций. В тесте ММР1 отмечена повышенная женственность, утонченность, сентиментальность, жеманность и манерность, кроме того, определяются эмоциональная незрелость, легко возникающая агрессия. Ярко выражена тревожность и чувство страха. В тесте Люшера выявлена пассивно-оборонительная позиция, агрессивность, которая но-

сит защитный характер. В «Тесте руки» на фоне отсутствия прямых агрессивных тенденций выявлено преобладание эксгибиционистских.

Изучение бесписьменных культур показало, что общества, имеющие религиозные системы с жестокими и карающими божествами, имеют тенденцию полагаться в основном на физическое наказание. При исследовании современных наций обнаружилось, что скрытая поддержка привычного убийства, например на войне, отражается на высоком уровне криминальных убийств, насилия над детьми и насыщенности насилием искусства. Поэтому изнасилования могут являться одним из проявлений тех культурных форм, которые допускают и мирятся с насильственным поведением в других областях жизни.

Одной из иллюстраций данной теории является анализ изнасилований среди гузий, проживающих на юго-западе Кении. Принятый в данной культуре супружеский сценарий, поощряющий мужчину к использованию силы и принуждению жен к половой связи, переносится на досупружеские связи и в конце концов определяет высокий уровень изнасилований в целом.

Точно такие же закономерности обнаруживаются и при исследовании различных субкультур. Например, имеется положительная корреляция между арестами за изнасилование и арестами за другие насильственные преступления. Из этого следует, что существуют особые субкультурные нормы сексуального поведения, существенно отличающиеся от общепринятых и поддерживающих изнасилования.

Различия, однако, обнаруживаются не только между субкультуральными группами внутри одного сообщества, но и между различными культурами, каждой из которых свойственна различная степень приемлемости сексуального насилия. Показательны в этом отношении эротические сказки русской народной культуры. Они рассказывают о множестве героев, сочувственно описывают их сексуальные подвиги, например овладение спящей красавицей, считают допустимым обесчестить, изнасиловать девушку в отместку за отказ выйти замуж и т. д.

Примечательно, что социальные факторы, оказывающие влияние на сексуальную агрессию, могут оказаться самыми неожиданными. Например, легализованное насилие более распространено в сельских штатах и штатах с диспропорциональным соотношением разведенных и семейных мужчин. Высокий процент

разведенных мужчин приобретает значение существенного предиктора изнасилований. Одно из объяснений этого факта заключается в том, что испытываемые ими чувства гнева и неприязни к прежним женам распространяются на других женщин и постепенно на взаимоотношения между полами в целом, что создает в данном обществе соответствующую антагонистическую атмосферу, увеличивающую риск изнасилования.

Примечательно, что те или иные нормы, кажущиеся современникам незыблемыми, на самом деле подвержены постоянному, причем довольно стремительному изменению. При этом сознательные устремления общества в этом направлении не всегда учитывают сопутствующие эффекты, которые могут оказаться много опаснее по сравнению с желаемой пользой.

Примером тому может служить происходящая либерализация сексуальной морали и сексуального поведения, подразумевающая достижение свободы от всякого подавления, и полноценного наслаждения в сексе. Однако при этом совершенно упускается из виду, что в области секса отсутствие запретов и табу часто приводит не к освобождению, а к подавлению сексуальности. В свое время данный факт отразил Фрейд в своем тезисе о «всеобщем унижении любовной жизни»: страсть реализуется там, где есть запреты, где их приходится нарушать, там же, где нет драмы, а есть ровная любовь, страсть гаснет. В обыденной жизни это проявляется при длительных отношениях, когда уровень напряженности, страстности и сексуального удовлетворения неизбежно падает, и люди часто начинают искать средства возбуждения гаснущей страсти, которые состоят либо в изобретении новых табу, либо в нарушении оставшихся. Многие исследователи не без оснований считают, что в западном обществе уже достигнута нейтрализация гетеросексуальной активности. Страсть к запретам, поиск утраченной остроты наслаждений ведет к росту гомосексуальной эротики. Но благодаря тому же сексуальному просвещению гомосексуальность также сталкивается с перспективой обобществления. Результатом становится эпидемическое распространение садомазохистских практик. По мнению философа Л. Ионина, подобное снятие всех и всяческих табу может обернуться снижением качества человеческой чувственной жизни, что грозит потрясениями буквально антропологического масштаба.

Это тем более облегчается наличием в обществе тенденции к обостренному и повышенному интересу к данным формам поведения. Приходится только удивляться, с какой легкостью подобные деяния и лица, их совершающие, обрастают самыми невероятными легендами и с какой легковерной готовностью общественное сознание принимает самые неправдоподобные вымыслы на веру, обнаруживая тем самым скрытую тягу к жуткому и запредельному миру садизма, каннибализма и вампиризма.

Пример Джона Хэйга, убийцы девяти человек, — одно из доказательств этого. «Лондонский вампир», названный так газетами, был повешен в тюрьме Уэндсворт 10 августа 1949 г. Свою жизнь он окончил эффектной фразой: «Мне не жаль покинуть Англию, тут слишком много предрассудков». За несколько дней до казни он потребовал проведения генеральной репетиции, чтобы удостовериться, что ошибок не будет. Как он и просил в своем завещании, восковой манекен одели в его светло-серый костюм и красный галстук, и он до сих пор находится в Комнате ужасов Музея восковых фигур мадам Тюссо.

Что же вызывало такой исключительный интерес к этому преступнику? Если брать чисто фактическую сторону его деяний, то выглядит она если не банальной, то уж совсем не экзотической. Хэйг родился 24 июля 1909 г. в бедной религиозной семье в Стамфорде, в Линкольншире. Огороженный от всех сверстников и проводивший все дни в церкви, Джон в восемнадцать лет опубликовал наполненную религиозным мистицизмом статью «Об упадке человека». Однако уже через несколько лет юный проповедник чистоты оказался в тюрьме Лидса за подлог. Поступив в 1934 г. на службу в компанию, занимавшуюся прокатом и продажей автомобилей, Джон начал торговать несуществующими автомобилями, в чем ему помогал несомненный дар подделывать любые документы и почерки. Из-за этого разрушился и его брак, в который он вступил незадолго до ареста. После освобождения Хэйг вновь продолжал мошенничать. На этот раз он, выбрав в телефонном справочнике наугад фамилию стряпчего, открыл под этим именем контору и стал продавать клиентам несуществующие акции. Пробыв в тюрьме до сентября 1943 г., Хэйг вышел на свободу в разгар войны и бомбежек Великобритании. Вскоре он возобновил знакомство с Уильямом Дональд-

дом Мак-Сваном, владельцем игорного зала в пригороде Лондона, у которого он и ранее в течение года работал управляющим.

Как-то ночью он предложил Свану зайти к нему, посмотреть квартиру в подвале и мастерскую на Глостер-роуд. Здесь он убил Свана ножкой от стола, а труп растворил в кислоте. Встретившись с родителями Свана, он объяснил им, что их сын находится в бегах и скрывается от воинской повинности. Написав несколько писем его почерком, он отправил их из Шотландии. Вскоре настал черед и стариков Мак-Сванов после убийства которых Джон явился к адвокату в Глазго и предъявил якобы заверенный нотариусом контракт, представившись Уильямом Дональдом Мак-Сваном. Подпись на контракте была успешно им подделана. Благодаря этому подлогу он смог устроить распродажу семьи Сванов и в результате серии сложных операций, продолжавшихся два года, стал обладателем 400 фунтов.

В 1948 г. Хэйг прибег к привычному способу знакомства, откликнувшись на объявление о продаже дома. Таким образом он сблизился с молодой четой Хендерсонов — лондонским врачом Арчибалдом и его женой Розой. Арчибалд был блестящим врачом с богатой практикой, что позволяло им жить на широкую ногу, а Розе — участвовать в 1926 г. в конкурсе красоты, появляться на светских приемах в великолепных туалетах, украшенных многочисленными драгоценностями. Завоевав их доверие, он стал привычным гостем в их доме. Внимательно слушая разговоры Хендерсонов, он узнал о них все, что могло ему пригодиться в дальнейшем. Дождавшись, когда Хендерсоны отправились в Брайтон и поселились в гостинице «Метрополь», Хэйг под каким-то предлогом привез Арчибалда к себе в Кроули. В своей мастерской на Леопольд-роуд он всадил ему пулю из его собственного револьвера, который украл у него на одной из вечеринок. Вернувшись в Брайтон, Хэйг объяснил Розе, что ее мужу стало плохо и он просил ее приехать. Ничего не подозревавшую, он убил ее также в своей мастерской, после чего, предварительно надев респиратор, прибег к обычному уже способу избавления от трупов.

Отводя подозрения тех, кого могло встревожить исчезновение супругов, Хэйг написал домовладельцу Хендерсонов в Фулхэм и брату Розы в Манчестер.

безупречно подделав почерк и подпись молодой женщины, воспользовавшись фирменной бумагой отеля «Метрополь». В письмах сообщалось, что по причине неких трудностей семья Хендерсонов решила эмигрировать в Южную Африку, а ведение их дел поручалось Джону Хэйгу. Позвонившему брату он предъявил предусмотрительно приготовленный фальшивый договор, согласно которому им была одолжена Арчибальду сумма в 2500 фунтов. В случае, если эта сумма не была бы возвращена через два месяца, к Хэйгу должны были перейти его машина и дом. Пытаясь справиться с подозрительностью брата, Хэйг трижды отправлял ему письма от имени Розы, в которых не без успеха использовал прекрасное знание частной жизни Хендерсонов и стиля и почерка Розы.

Джон Хэйг был арестован после убийства миссис Оливии Дюран-Дикон, с которой он познакомился в семейном пансионе в Кенсингтоне. 18 февраля 1949 г. он выстрелил ей в затылок и приступил к отработанному до автоматизма способу избавления от тела. Однако на этот раз он был небрежен — кислоту купил на свое имя, не полностью сжег сумочку и растворил тело убитой, останки которой и были найдены полицией.

В своей исповеди, наполненной мелким тщеславием и бахвальством, Хэйг полностью отрицал корыстные мотивы содеянного. Кровь, принадлежность к роду вампиров — вот что двигало им в его жизненном пути. Сны, ужасные сны, в которых кровь текла из ран Христа, сочилась из стволов и лилась с ветвей, наполняла чашу, которую ему протягивал неведомый человек, толкали его на «умерщвление» всех этих людей. Только кровь, высасываемая из ран убитых, волновала его и доставляла «глубокое удовлетворение». Высшая Сила, породившая в нем жажду крови, приказывала убивать людей и пить человеческую кровь.

Через несколько дней после повешения Джона Хэйга его исповедь была одновременно напечатана в «Франс Диманш» во Франции, «Лайф» в США и «Нью Уорлдс» в Англии. Совсем недавно исповедь практически одновременно была переведена и опубликована в таких уважаемых изданиях, как «Иностранная литература» и «Совершенно секретно». Случай Хэйга преподносился как неоспоримое доказательство реального существования вампиризма. При этом никто не обратил внимания или не захотел обратить

в своем увлечении мистическими образами на заключение обследовавших Хэйга психиатров, признавших его вменяемым и доказавших, что за его рассказами о питье собственной мочи и крови жертв скрывались всего лишь неудачные попытки симулировать психическую болезнь и избежать смертной казни. И потому восковая фигура Хэйга — символ не вампиризма и даже не легковерности людей, а подспудной их тяги к миру таинственного злодеяния. И не случайно многие женщины рвались смотреть на Хэйга, а на его имя в тюрьму приходило множество писем от них.

Другим, менее одиозным, было представление о том, что сексуальные извращения обычно являются результатом какого-либо психического заболевания или аномалии. Данная позиция также позволяла устраниться от исследования собственно биологических причин парафилий, поскольку всякое упоминание о значении биологического приводило к неизбежным обвинениям в «биологизации», возрождении «ломброзианства» и тому подобных грехах. В различных классификациях того времени сексуальные извращения либо обозначались как «сексуальная психопатия», либо рассматривались в разделах о психопатиях, так как считалось, что при данной патологии они встречаются особенно часто.

Однако постепенно стало ясно, что парафилии имеют определенную самостоятельность и могут развиваться не только у психопатических личностей или душевнобольных, но и у вполне психически здоровых людей.

В то же время нельзя отрицать, что различная психическая патология создает благоприятную почву для формирования извращенных сексуальных влечений. Поэтому нет ничего странного в том, что у лиц с парафилиями так часто встречаются различные психические расстройства. Приведем наблюдение садистического сексуального поведения у страдающего шизофренией.

П., 40 лет, обвинялся в умышленном убийстве двух лиц.

Во время беременности его мать принимала противотуберкулезные препараты. Родился в срок, рос ослабленным ребенком, в 8 месяцев перенес токсическую диспепсию. Раннее развитие его происходило с задержкой. Воспитывался одной матерью. До 15 лет отмечался энурез, в более раннем возрасте энкопроз. В детстве наблюдался психоневрологом по поводу психофизического инфантилизма. Рос неусидчивым,

легко возбудимым, капризным, впечатлительным ребенком. Учился слабо, не запоминал прочитанного. Очень любил мать, всегда во всем ей помогал, был добрым и вежливым. Легко увлекаясь чем-либо, становился упрямым, с трудом поддавался разубеждению. Был замкнутым, стеснительным, близких друзей не имел. Часто говорил матери о том, что его все недооценивают, хотя он на многое способен. Часто подвергался за свою стеснительность осмеянию одноклассников. Безуспешно стремился к лидерству. В 14-летнем возрасте был на приеме у психиатра после того, как избил первоклассника, сняв с него брюки. В дальнейшем объяснял свой поступок желанием выместить на нем свою обиду, утвердить себя подобным образом. Ему был выставлен диагноз: «Дисгармоническое развитие личности». Был признан негодным к службе в армии и с диагнозом «Шизоидная психопатия» взят на учет в психоневрологический диспансер. Решил сменить специальность после того, как у его товарища рука попала в печатный станок, боялся, что такое может случиться и с ним. В свободное от работы время занимался спортом, бальными танцами. Много читал, предпочитал философскую литературу, поэзию. Любил беседовать на философские темы с друзьями матери, среди которых были и философы.

Примерно с 24 лет окружающие стали замечать странности в его поведении — он смеялся, когда ему говорили о чем-либо серьезном, отмечалась его нервозность, неуравновешенность, иногда высказывал мысли о преследовании. В этот же период был впервые привлечен к уголовной ответственности за кражу, при обследовании его психиатрами контакт с ним был формальным, держался высокомерно, несколько дурашливо. Был склонен к резонерству, содеянное объяснял проведением «эксперимента», якобы хотел понаблюдать за реакцией окружающих на его поведение, были выявлены склонность к сокрытию своих переживаний (диссимуляции), легкая дезорганизация поведения в стрессовой ситуации, настороженность, подозрительность на фоне выраженной инфантильности. С диагнозом «Психопатия с явлениями психофизического инфантилизма на фоне органической неполноценности головного мозга» был признан невменяемым, находился на принудительном лечении в психиатрической больнице. После выписки через год летом

привел на дачу малолетних детей, полностью их раздел, но уголовное дело против него было прекращено. Однако в том же году было возбуждено новое уголовное дело после того, как П. заставил двух мальчиков раздеться и бить друг друга крапивой. После второго признания неменяемым дважды находился на лечении в психиатрической больнице, высказывал бредовые идеи отношения, преследования. Диагноз П. колебался между шизофренией и шизоидной психопатией. Однако вскоре после выписки повторил аналогичные действия: заставил раздеться двух мальчиков и избил их по ягодицам ремнем и куском брезента. При проведении судебно-психиатрической экспертизы формально отвечал на вопросы, был манерен. Отмечал, что после возбужденного против него уголовного дела стал замечать за собой «слежку». На этот раз ему был установлен диагноз шизофрении, после чего он на протяжении двух лет находился на принудительном лечении. После выписки не работал, ездил в транспорте, задерживал безбилетных подростков, проводил с ними «воспитательные беседы», а затем трижды совершил аналогичные прежним правонарушения: представляясь работником милиции, дружинником, приводил домой малолетних детей, заставлял их писать «расписки-обязательства» и избивать друг друга, предварительно раздевшись, двух детей ударил сам кулаком по ягодицам. После задержания был госпитализирован в психиатрическую больницу, где заявлял, что «носит общественную миссию» по воспитанию несовершеннолетних и избил детей «с воспитательной целью». При выписке через пять лет диагноз шизофрении был дополнен констатацией специфического для нее дефекта и синдрома сексуальных перверсий по типу садизма.

Спустя год после выписки вновь привел домой трех малолетних детей и, приспустив им брюки, избил их. Тогда же через службу экспресс-знакомств познакомился с М., которая жила с 16-летним сыном в трехкомнатной квартире и была хорошо обеспечена. Вскоре стал проживать у нее. В этот период ему была проведена судебно-психиатрическая экспертиза по ранее возбужденному делу, где он держался подчеркнуто вежливо, говорил, что бил ребят по ягодицам, чтобы «похулиганить», тут же добавлял, что ему «было интересно властвовать над ними». Был вновь признан неменя-

емым, рекомендовалось возобновление принудительного лечения. Однако через 8 дней после комиссии он совершил убийство М. и ее сына, нанеся им множественные ножевые ранения. После убийства пошел на работу, а вечером вынес трупы и сбросил их в расположенный неподалеку колодец теплоцентрали. Произвел уборку квартиры, сжег те вещи, кровь с которых нельзя было отмыть или отстирать. В последующем продолжал жить в квартире убитых, от имени М. послал письма на работу и в школу с просьбой уволить ее с работы и отчислить сына по причине смены места жительства, сотрудникам М. говорил, что она уехала в другой город к родственникам. Увидев поиски в канализационном колодце, П. в тот же день скрылся, жил по подложным документам под различными фамилиями, имел сожительницу. Был арестован спустя 9 месяцев. В своих объяснениях причин содеянного был крайне циничен, холоден. Сообщил, что, оказавшись в очередной судебной ситуации, специально свел знакомство с материально обеспеченной женщиной с целью обезопасить себя, говорил, что пытался иметь интимные отношения с ней, поскольку рождение ребенка помогло бы скорей освободиться. Узнав о направлении в психиатрическую больницу специального типа, стал обдумывать план побега, так как «терять было нечего», пытался заставить М. отдать ему свои деньги, а после окончательного отказа решил ее и сына убить и завладеть их имуществом для обеспечения побега.

При обследовании в Институте им. В. П. Сербского был аккуратен, подтянут, собран, несколько насторожен. Однако в беседу вступал легко, держался уверенно, никаких признаков беспокойности не обнаруживал, на лице сохранял холодную вежливую улыбку; часто пускался в пространные объяснения психологических мотивов своих действий. Причину прежних правонарушений объяснял тем, что хотел понаблюдать за поведением детей в экстремальной ситуации, пожимая плечами, с улыбкой говорил, что ничего противоправного в этом не видит. Не скрывал, что ему приятно было почувствовать свою власть над детьми. Сообщал, что уже много лет ведет дневники «наблюдений за людьми», куда заносит свои впечатления. Считал, что это помогло ему выбрать правильную тактику в общении. Облегченно, без какого-либо сожаления, с подробностями описывал убийство сожительницы

и ее сына, с удовлетворением подчеркивал продуманность преступления. Рассказывал, что при подготовке специально читал книги с описанием сцен убийства, после чего знал «куда надо бить». Откровенно и без стеснения рассказывал о своей мужской несостоятельности, пренебрежительно называл потерпевшую глупой и наивной. Считал себя защищенным от любого стресса, так как «умеет держать себя в руках», заботится о своем здоровье и душевном спокойствии, давно занимается «моржеванием».

У П. наблюдается характерный для шизофрении дефект высших эмоций в виде холодности, жестокости, ригидности, патологического рационализма. В меньшей степени выраженности это вообще свойственно лицам с парафилиями, особенно с агрессивно-садистическими тенденциями, у которых отмечаются изменения эмоциональности, чаще всего характеризующейся ее снижением, недостаточной способностью к сопереживанию.

Известны и исторические примеры садистического поведения душевнобольных. 13 сентября 1440 г. в возрасте 36 лет был арестован и предстал перед судом инквизиции по обвинению в ереси, богохульстве, занятиях алхимией, поклонению дьяволу, педерастии и убийствах барон Жиль де Рэ, советник короля и маршал Франции, в недавнем прошлом — близкий соратник Жанны д'Арк. Суть дела заключалась в следующем.

С бандой своих сообщников из 18 человек он устраивал в окрестных полях и лесах облавы на детей, преимущественно пастушков. В своем замке Тиффож, в склепе часовни святого Винсента, Жиль де Рэ соорудил специальный каменный алтарь, где в полночь занимался черной магией, зверски мучил пойманных детей и затем убивал их самыми жестокими методами, принося жертву дьяволу. На суде барон зачитал признание в своих злодеяниях, наполненное холодащими душу деталями. Он подробно описывал, как вспарывал детям животы, как сидел верхом на умирающих и хохотал, глядя на их конвульсии, как насиловал их под пытками. При этом он испытывал «неизъяснимое наслаждение». Трупы детей сжигались, но несколько особенно красивых детских головок он оставлял на память и ставил рядом со своей постелью. В один из моментов этой исповеди председатель трибунала, епископ Нантский подошел к распятию, висевшему за спинами судей, и задернул лицо Спасителя черным

покрывалом. После публичного покаяния барон де Рэ в переполненном зале суда опустился на колени и со слезами на глазах просил прощения у Бога и родителей убитых детей, в ответ на что епископ Нантский встал со своего места и обнял подсудимого.

После вынесения смертного приговора барон обратился к суду с несколькими просьбами, в частности к епископу Нантскому о том, чтобы люди молились за упокой его грешной души. Перед казнью торжественная процессия, под звон всех колоколов всех церквей, с пением псалмов прошла по городу, молясь за упокой души грешника, наблюдавшего все это из окна своей камеры. Далее он просил, чтобы его повесили раньше его соучастников, чтобы он мог показать им пример, как следует искупать свои грехи. Во вторник, 26 октября 1440 г., в 11 часов дня барон «был повешен за шею, пока наступила смерть, и затем предан огню» вместе с двумя сообщниками на площади Ла Мадэлен в Нанте. В качестве дополнительной милости его тело не было, как обычно, сожжено до пепла и развеяно по ветру, а, в награду за искреннее раскаяние, только слегка очищено огнем и затем отдано родственникам для погребения. Останки барона были погребены в склепе церкви Кармелитов, рядом с прахом древних герцогов Бретани.

История Жиль де Рэ послужила основой легенды о Синей Бороде, поскольку, согласно признанию, он мыл бороду и руки теплой кровью своих жертв. Случай барона впоследствии расценивался как иллюстрация поведения душевнобольного человека. Убедительные доказательства психического заболевания Жиль де Рэ привел Эйленбург только в 1894 г.

Всего на совести Жиль де Рэ была, по свидетельству одного из историков, смерть около 800 детей, убитых за 8 лет (по другим данным — 134 жертвы). Уже в наше время колумбиец Педро Алонсо Лопес признался в убийстве за период с 1973 по 1980 г. более 300 несовершеннолетних девочек. Полиция смогла обнаружить останки 163 его жертв.

Очевидно, что роль собственно психической патологии в формировании парафилий достаточно велика уже хотя бы потому, что она оказывает деформирующее влияние на психическое и психофизиологическое развитие личности. Это влияние различно в зависимости от конкретного психического расстройства. Так, если эндогенные заболевания, например шизофрения,

оказывают воздействие прежде всего на психическое развитие, то органические поражения головного мозга затрагивают одновременно и физиологическое становление организма в силу причастности к его нейрогормональным процессам. Психическая патология может также видоизменять всю мотивационную систему личности, состояние регуляторных и защитных механизмов психической деятельности и в конечном счете определять конкретную психопатологическую форму выявления полового извращения.

Поскольку наиболее значимой для парафилий является патология лимбической системы в силу ее непосредственного отношения к сексуальности, можно рассмотреть типичные психические и психопатологические особенности лиц с половыми извращениями на примере таких разновидностей органического поражения, как височный и гипоталамический синдромы.

У таких лиц выявляется значительное число экзогенных (внешних) вредностей уже в период внутриутробного развития, к которым в дальнейшем присоединяются вредные влияния раннего детства. Органическая патология может проявляться в первые годы жизни энурезом, различного рода церебрастенической симптоматикой в виде головных болей, склонности к головокружению. С детства им свойственны нерешительность, робость и стеснительность, сочетающиеся с затруднениями контакта с окружающими. Характерные для них признаки психофизического инфантилизма сопровождаются часто с тенденцией к созданию новых, неожиданных эмоциогенных ситуаций, часто с преодолением чувства страха. В связи с этим в структуру формирующихся патологических сексуальных влечений могут включаться иные, не связанные напрямую с сексуальной мотивацией, эмоции, чаще чувство страха. Особую роль играют различные тревожные расстройства, появление которых объясняется особой ролью гипоталамуса как контролирующего тревогу и страх центра. Именно поэтому в психической сфере преобладают обычно различной степени выраженности изменения с повышенной эмоциональной активацией в виде выраженной тревожности, мнительности, стойких аффективных переживаний, лежащих в основе типичных для них сверхценных переживаний, например по поводу своей внешности.

Одной из наиболее часто выявляющихся у парафильных личностей черт является ригидность, застре-

ваемость психических процессов с настойчивостью, педантичностью, приверженностью к определенным регламентированным системам жизни, иногда легкостью возникновения паранойяльных установок с постоянным ощущением враждебности окружающего. Характерно преобладание чувства неудовлетворенности, на фоне которого наблюдаются колебания аффекта с чередованием депрессивных и маниакальных состояний.

Существуют малоисследованные связи между нарушенной сексуальностью и иными формами отклоняющегося поведения, а также некоторыми чисто психопатологическими феноменами. Возможно, опасения перед научным анализом таких связей коренятся в нежелании быть заподозренным во фрейдовском пансексуализме, надолго скомпрометировавшем подобные исследования. Между тем даже оставляя в стороне взгляды психоаналитиков, действительно наиболее категорично настаивающих на отражении во многих криминальных действиях сексуальной потребности, нельзя не обращать внимание на целый ряд данных, указывающих на явную сексуальную подоплеку многих психопатологических явлений.

Однако особенно явно такая связь прослеживается с иными формами измененных влечений, одной из разновидностей которых, собственно, и является патология сексуального влечения. Не случайно уже упоминавшееся первое специальное исследование сексуальных извращений стояло в одном ряду в серии работ 70-х гг., посвященных извращенным влечениям (дромоманиям — влечению к бродяжничеству, пиромания — влечению к поджогам, клептоманиям — влечению к кражам и др.). Основным итогом этих работ явилось в том числе установление однородности психопатологической структуры и закономерностей динамики патологических влечений независимо от их разновидности, что свидетельствовало о значительной общности феномена измененных влечений в целом.

Уже поверхностный статистический разбор криминальной активности лиц с парафилиями показывает, что по сравнению с другими людьми они больше склонны к совершению и несексуальных правонарушений. Можно отметить и их особое пристрастие к определенным, казалось бы, никак не связанным с сексуальностью, противоправным поступкам, таким, как, например, кражи. В некоторых, внешне совсем

несексуальных, психических нарушениях также прослеживается сексуальная мотивация. Известны случаи, когда пироманы испытывают сексуальное возбуждение при виде огня или даже онанируют при совершении пироманического акта. Кража также может одновременно быть одним из этапов девиантного сексуального поведения, если совершается из фетишистских побуждений, т.е. если преступление связано с удовлетворением половой потребности, а сама похищенная вещь служит половым фетишем. Однако такого рода поступки обычно распознаются лишь в наиболее явных случаях краж белья или других предметов женского туалета, тогда как зачастую фетиш может быть настолько преобразованным и отдаленным от первоначального сексуального стимула, что его символическое значение не осознается самой личностью. Большая часть наблюдений лиц с патологическими влечениями позволяет с убежденностью говорить о том, что их антиобщественное поведение порождено извращением сексуального влечения.

Парафилии, являясь самостоятельным видом патологии, могут выступать изолированно и потому существовать у лиц в целом здоровых психически. Показательно в этом смысле следующее наблюдение.

Ж., 32 лет, обвинялся в убийствах и изнасилованиях.

В дошкольном возрасте ему нравилось раздевать девочек и рассматривать их половые органы. В 9 лет пытался совершить половой акт со своей сверстницей на кладбище. В 13 лет совершил половой акт с собакой, тогда же совершил впервые половой акт с пьяной женщиной. Онанировал с 12 лет, вначале редко, а с 13 лет до армии по 3—4 раза в день. Учился слабо, интереса к учебе не проявлял. Учителя жаловались на его дисциплину, в то же время со сверстниками никогда не дрался, был общительным, хотя близких друзей не имел. Отличался хорошей памятью, быстро освоил игру на баяне, гитаре, легко мог подобрать любую мелодию. Однако рос ленивым, безынициативным, книг практически не читал. Родители охарактеризовали его трусливым, лживым, склонным к вымыслам. Даже будучи уличенным во лжи, он от всего отказывался, смотрел в глаза и клялся, что этого не делал. Уже тогда проявлял жестокость — мог руками разорвать кошку. В подростковом возрасте ходил к моргу, где подглядывал за трупами женщин, испытывал при

этом сильное половое влечение. Регулярная половая жизнь с 15 лет с девушкой на год младше, с частотой 2—3 раза в неделю, в дальнейшем намеревался на ней жениться. Окончил ГПТУ. В возрасте 18 лет с соучастниками совершил кражу мотоцикла, за что был осужден условно. С 19 лет служил в армии. Периодически вступал в случайные половые связи, раз в день мастурбировал. Периоды полового воздержания переносил тяжело — становился нервным, возникали головные боли, головокружения, «появлялась темнота в глазах». Глубоко переживал замужество любимой девушки. После возвращения из армии работал, был общителен, однако эпизодически груб и несдержан.

Женился в 23 года. Производил на жену впечатление веселого, общительного человека, хорошо играл на гитаре, спиртное употреблял редко. Однако был лжив, способен «смотреть в глаза и врать с три короба», никогда не признавался в неблагоприятных поступках, «обманывал даже в деталях, если было невозможно соврать в главном», был холоден и безразличен по отношению к беременной жене и новорожденной дочери. Жена считала, что у него «повышенная сексуальная потребность», видела у него порнографические фотографии. При расторжении брака через год совместной жизни жена указывала, что Ж. устраивал дома скандалы, оскорблял ее, изменял, не участвовал в воспитании ребенка. До и после развода он поддерживал интимные отношения с Я., которая отмечала длительность его полового акта, усиление влечения при виде менструации. Последний факт подтверждала и другая женщина, с которой Ж. был близок. Иногда стремился причинить боль во время полового акта. Однажды во время поездки на машине внезапно ударил свою знакомую, затем «сам испугался», оказывал помощь, оправдываясь, говорил, что не хотел ее изнасиловать и ударил нечаянно. Вторично женился в 25 лет, имеет двоих детей. Однако через пять лет и этот брак распался по инициативе жены в связи с его супружеской неверностью. За это время поведение Ж. трижды привлекало внимание сотрудников милиции, причем дважды — в связи с нанесением жене легких телесных повреждений. В ее заявлении о расторжении брака вновь содержались обвинения в неверности, злоупотреблении спиртными напитками, безучастном, равнодушном отношении к детям. Она также обращала

внимание на его повышенную сексуальную возбудимость, он предлагал ей совершать половые акты в непривычной для нее, неестественной форме. Подчеркивала его лживость. Сексуальная распушенность, сальность и скабрёзность рассказываемых им анекдотов, нескромность, лицемерие в быту, хитрость, трусость и вместе с тем жестокость, хвастливость, цинизм и эгоизм подмечали и другие. Так, одному из знакомых Ж. во время поездки в машине, показывая то на одну, то на другую женщину, говорил, что это проститутки, демонстрировал порнографические фотографии. Проходя по поселку, рассматривал маленьких девочек, отпуская при этом циничные замечания. Часто распускал слухи об интимной близости с теми женщинами, которые ему в ней отказывали. Сотрудница Ж. описывала случай, когда он избивал ее сестру, внимательно наблюдая, как она корчится от боли, с заметным удовольствием причинял ей страдания, запугивал ее. Специально подкрадываясь к ней в лесу, приставлял ракетницу к животу с показным намерением выстрелить, придавливал буфером машины живот, хохоча при виде страха. На станции перестрелял всех щенят, ради развлечения стрелял в собак. Несмотря на внешне видимую ярость, мгновенно успокаивался при виде сильного соперника, мужчины, причем тут же переводил все в шутку. По поселку нередко ездил в состоянии алкогольного опьянения.

Будучи привлеченным в качестве подозреваемого в убийстве 10-летней девочки, Ж. первоначально отвергал обвинение, а затем последовательно описал содеянное. Пояснял, что специально заманил девочку в фургон, чтобы ее изнасиловать, нанес удар. Когда она упала, потащил на лавку. Полностью раздев, включил обогрев, так как решил не торопиться, стал совершать половой акт. Она дергалась, и он несколько раз бил ее кувалдой по голове, при этом она рукой поцарапала ему грудь. Обнаружив кал жертвы, прервал половой акт, не завершив его семяизвержением. В дальнейшем оставил тело в машине, но, проехав несколько километров, услышал посторонний звук и, когда подошел к двери фургона, то обнаружил, что дверь открыта, а девочки нет. Обозлился, так как собирался изнасиловать ее еще раз. Схватив ружье, догнал ее и застрелил почти в упор, потом оттащил труп в сторону, присыпал его снегом. Несколько раз

затем возвращался к трупу с намерением снова изнасиловать, но не сделал этого, так как руками чувствовал кал. В ходе следствия Ж. дал признательные показания по фактам изнасилования и убийства еще семи девочек. При совершении преступлений наносил жертвам многочисленные телесные повреждения, стремился продлить агонию, испытывал «особо сильное волнение и удовлетворение» при наблюдении за агонией жертвы и истечением крови. Объяснял, что при этом у него даже возникала мысль «вырезать влагалище и унести на память». Говорил, что во всех случаях после содеянного состояние его было тревожным, испытывал страх перед разоблачением, старался контролировать себя, чтобы ничем не выдать, старался ни у кого ни о чем не расспрашивать. Не скрывал фиксированности на сексуальных вопросах, постоянно думал о женщинах, представлял различные эротические сцены, мысленно раздевал проходящих мимо женщин. При описании убийств пояснял, что понимал ужасный смысл совершаемого им, однако «как кто-то за руку тянет, всего трясет изнутри, не хочешь делать, но не в силах остановиться». Приводил примеры предшествующих преступлениям конфликтов с женой, когда был возбужден, злобен, «зол на всех женщин». Не отрицал полового акта с трупом одной из девочек. Настаивал на том, что после убийства несколько раз возвращался к трупу, испытывал сильное сексуальное желание, хотел повторно совершить с ним половой акт; стоя на дороге, не знал куда идти — к машине или к трупу. Был склонен к примитивным формам психологической защиты (вытеснение, фантазирование). Заявлял, что воспринимает содеянное «как-то отстраненно, будто это происходило не с ним».

При экспериментально-психологическом исследовании были выявлены характерные для личности Ж. выраженная эгоцентрическая позиция, отсутствие подчиняемости и внушаемости при способности приспособляться к внешним требованиям. Высокий уровень притязаний, стремление к престижу сочетались с неуверенностью в себе, нерешительностью, тревожностью, ранимостью, эмоциональной неустойчивостью. Выявлялась трудность интеллектуального контроля эмоциональных проявлений наряду с ригидностью суждений и оценок, упрямством, упорством в достижении целей, снижение чувства вины. Характерной

была поверхностная общительность наряду с интравертированностью, стремлением не раскрывать себя в контактах, трудности близкого общения. Ощущение недоброжелательности окружающих сочеталось с собственной враждебностью по отношению к ним, мстительностью, злопамятностью. В экспериментальные задания проецировалось ощущение отверженности со стороны эмоционально значимого партнера и связанные с этим агрессивные тенденции, реализация которых в свою очередь вызывала чувство страха. Отмечались защитные реакции по типу замещения, переключения.

Хотя психическая патология, за исключением отдельных психопатических черт характера, у Ж. выявлена не была, о полном его психическом здоровье говорить не приходится. В первую очередь потому, что постепенное формирование садизма с некрофилией (влечением к трупам), подчиняясь своим собственным закономерностям, происходило на фоне определенных нарушений развития с последующим изменением всей структуры его самосознания. Можно указать на один из значимых признаков — раннее, опережающее становление сексуального влечения с фиксацией актуальных в тот период педофильных и некрофилических стимулов. В формировании некрофилии некоторые авторы усматривают особое значение доминирования с полным подчинением объекта влечения. По-видимому, не менее важную роль играет и общее измененное отношение к смерти, лишенное у таких личностей привычных устрашающих ассоциаций.

В целом можно рассматривать биологические и в ряде случаев психопатологические факторы как определяющую основу для запуска внутрипсихических процессов, связанных с механизмами половой аутоидентификации и выбора полоролевых стереотипов поведения, с различными вариантами мотивационных программ конкретного аномального поведения. Социальные же факторы, играя огромную роль на всех этапах индивидуального развития, начиная с внутриутробного периода, создают более или менее благоприятные условия для определения всех этих явлений.

Как видно из всех приведенных наблюдений, за внешне однотипными поведенческими актами, с точки зрения стороннего наблюдателя одинаковыми, находятся совершенно различные переживания с разным субъективным смыслом совершаемого поступка.

САМОЕ РАСПРОСТРАНЕННОЕ СЕКСУАЛЬНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ — ИЗНАСИЛОВАНИЕ

1. Общая характеристика

Изнасилованием, как известно, признается половое сношение с применением физического насилия, угроз или с использованием беспомощного состояния потерпевшей. Обстоятельствами, отягчающими уголовную ответственность, являются: совершение изнасилования, сопряженного с угрозой убийством или причинением тяжких телесных повреждений, либо совершенное лицом, ранее совершавшим изнасилование; группой лиц или изнасилование несовершеннолетней; особо опасным рецидивистом или повлекшее особо тяжкие последствия, а равно изнасилование малолетней. В последних трех случаях к виновному может быть применена высшая мера наказания.

Изнасилование всегда расценивалось как одно из самых тяжких преступлений против личности, и поэтому виновные в нем наказывались весьма сурово. Иначе и не может быть, поскольку половые отношения играют важную роль в жизни людей, влияют на уровень культуры общества, а сама половая потребность является одним из основных жизненных инстинктов. Понятно, что наказывается не эта потребность, а антиобщественные формы ее удовлетворения. Поэтому общество, предоставляя индивиду свободу в определении своих половых влечений, в то же время ограничивает средства и пути их удовлетворения. При этом цивилизованное государство стремится как можно реже прибегать к силовым мерам, но, повторяем, изнасилования караются везде. Справедливости ради следует отметить, что у нас отношение к этому преступлению в некоторых социальных группах, характеризующихся невысокой культурой, не то чтобы терпимое, но, во всяком случае, не достигающее уровня безусловного осуждения. В поведении насильника

окружающие слишком часто находят множество различных оправданий, прежде всего его нетрезвое состояние (что действительно бывает часто) и якобы неправильное поведение самой женщины. Поэтому и относятся к таким преступникам как к неудачливым шалунам.

Надо признать, что, несмотря на очевиднейшую аморальность и преступность изнасилования, находились его защитники — конечно, из числа самых безнравственных людей. Например, небезызвестный маркиз де Сад (от его фамилии выдающийся немецкий психиатр Р. Крафт-Эббинг образовал известное всему миру понятие «садизм») писал: «Перейдем к изнасилованию, наиболее вредному, как то может показаться с первого взгляда, из всех видов распутства, ведь насилие якобы наносит человеку оскорбление. Однако же совершенно ясно, что насилие, совершение которого к стати говоря, доказывается редко и с великим трудом, наносит ближнему несравненно меньше вреда нежели воровство, так как, воруя, мы присваиваем себе чужую собственность, а насилуя, мы такую собственность только портим. Да и в чем, сверх того, обвинишь насильника, если тот ответит, что, в действительности, совершенное им злодеяние представляется весьма невинным, поскольку он, злоупотребляя объектом страсти, всего-навсего ускорил приближение того состояния, в котором подобный объект непременно бы очутился, вступив в брак или отдавшись любовному чувству»¹.

С такими, как де Сад, в полемику не вступаю. Приведем лишь еще одно его высказывание: «Неужели люди поверят в такую нелепость, будто бы любовное наслаждение с матерью, сестрой или дочерью следует, вообще говоря, считать преступлением»². Без комментариев.

Не нужно забывать, что в периоды крупных социальных потрясений, в первую очередь войн, насилие над женщинами становится «привычным» делом наряду с ограблением и истреблением мирного населения.

Возвращаясь к «обычной» жизни, следует признать, что, к сожалению, в некоторых социальных слоях

¹ Маркиз де Сад. *Философия в будуаре*. Тереза-философ. М., 1991.—С. 195.

² Там же.—С. 194.

представления о норме и патологии в сексуальном поведении довольно существенно расходятся с принятыми в цивилизованном обществе. Слишком рано общаясь к алкоголю и сексу, девочки из этих слоев начинают вступать в половые сношения в 12—13, а иногда даже в 11 лет, причем первый сексуальный опыт очень часто носит насильственный характер. Печально, что их близкие воспринимают это довольно равнодушно, иногда родители даже разрешают своим 13—14-летним дочерям создавать некое отдаленное подобие семьи.

А. Б. Кошелкин, в течение ряда лет изучавший антиобщественные молодежные группы в городах Поволжья, установил, что эти группы в районах своего «господства» устанавливают собственные нормы поведения. В их число входит грубое принуждение несовершеннолетних девушек к половым актам. Например, представитель такой группы мог подойти на улице к незнакомой, но приглянувшейся ему девушке и цинично предложить ей вступить с ним в половое сношение. В случае отказа она рискует быть избитой сразу или потом, стать объектом издевательств и оскорблений.

В названных молодежных объединениях существуют так называемые «общие девочки» — забитые, униженные, презираемые подростки, переходящие из рук в руки, иногда в течение одного вечера. При этом их согласия, естественно, никто не спрашивает и, по существу, над ними все время творится насилие, о котором становится известно очень редко. Попытки же этих несчастных созданий вырваться из ада, частично созданного их же руками, их слабоволием, податливостью, неумелыми поисками иной жизни и иной судьбы, часто заканчиваются новыми издевательствами, новым насилием.

Поэтому к статистическим данным о количестве таких преступлений, как изнасилование, надо относиться с немалой долей скептицизма.

Тем не менее изнасилование — наиболее распространенное половое преступление. Его удельный вес среди других правонарушений на протяжении довольно длительного времени практически остается неизменным: по официальным статистическим данным и результатам выборочных исследований, изнасилования составляют 90—95% половых преступлений.

Количество последних не превышает 2—3% от числа всех преступлений.

Если взять динамику изнасилований за 10 лет, мы обнаружим ее волнообразный характер, как, впрочем, и всей насильственной преступности. Особенно сильно возросло количество изнасилований в 1989—1990 гг.—и в бывшем СССР, и в России. В эти годы в России совершалось 14,5—15,5 тысячи такого рода преступлений.

Уровень изнасилований в городах и сельской местности в пересчете на одно и то же число жителей и в абсолютном выражении почти равен. Это говорит об одинаковой интенсивности действия в городе и на селе всего комплекса явлений, обуславливающих совершение изнасилований. И там, и там остро стоит проблема влияния на совершение изнасилований недостатков в проведении совместного досуга. В городе ниже доля изнасилований знакомых преступникам девушки и женщин, здесь чаще нападают на одиноких женщин.

Очевидна проблема «сезонности» совершения изнасилований: наблюдения показывают, что больше всего они имеют место с мая по сентябрь. Именно с теплым временем года уже давно связывают увеличение количества названных преступлений, прежде всего имея в виду температуру воздуха, наличие зелени, возможность длительного пребывания на воздухе и в местах, где мало людей, и т. д. На наш взгляд играют свою роль и некоторые биологические циклы у человека, влияющие на его сексуальную активность.

Немалая доля изнасилований происходит в квартирах, личных домах, общежитиях и на дачах. Понятно, что незнакомых женщин насилуют чаще всего в общественных местах (на улицах, в парках, лесопосадках, подъездах и т. д.) в вечернее и ночное время. Именно такие преступления чаще заканчиваются убийствами и ограблениями жертв и представляют наибольшую опасность.

Общественная опасность изнасилований тем более велика, что среди их жертв немало несовершеннолетних — 36,6%, по нашим выборочным данным. К таким подросткам можно присоединить немалую группу девочек и девушек, которые пострадали от развратных действий, не связанных с насилием. В целом можно сделать вывод о слабой защищенности несовершеннолетних, которые в силу небольшого жизненного

опыта, незащитности, доверчивости, иногда любопытства, любви к лакомствам, непонимания совершаемых с ними действий довольно легко могут стать жертвами сексуальных преступников. Понятно, какие тяжкие последствия в этом случае наступают для их психики, здоровья, отношения к людям и всему миру, жизни в целом. В нашей стране отсутствует система социальной помощи несовершеннолетним, ставшим жертвами сексуального посягательства.

Вслед за изнасилованиями наиболее распространенными сексуальными правонарушениями являются развратные действия в отношении несовершеннолетних женского пола, насильственное мужеложство и развратные действия гомосексуального характера в отношении детей и подростков мужского пола. Меньше всего выявляется таких преступлений, как похищение женщины к вступлению в половую связь и половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости.

Сексуальные преступления, изнасилования в том числе, часто сопровождаются совершением других преступлений. По данным С. П. Поздняковой, преступные половые посягательства связаны с убийствами (15%), нанесением телесных повреждений (16,6%), заражением венерическими болезнями. В поведении одного преступника такие действия как бы усиливают друг друга, что практически приводит к тому, что совершаются все более опасные преступления.

Приведем для иллюстрации следующий пример, в котором помимо конкретных преступных действий будет проанализирован жизненный путь насильника и убийцы, дана оценка отдельным его психологическим особенностям, без чего невозможно понять причину его поведения.

Речь идет о группе, которая состояла из трех человек, но вся ее преступная активность целиком исходила от одного человека — Б., 37 лет. Остальные двое — Л., 40 лет, и ее дочь Т., 15 лет, — были лишь покорными статистами, точнее — его бессловесными рабынями, что достигалось им с помощью полного психологического подавления, внушаемого им страха, постоянных побоев, применения психотропных средств. Обе были его любовницами, и каждая знала об этом.

Б. ранее дважды привлекался к уголовной ответственности за развратные действия в отношении

несовершеннолетних девочек, в связи с чем трижды находился на стационарном судебно-психиатрическом освидетельствовании. Все три раза ему устанавливался диагноз «Психопатия истерического круга со склонностью к сексуальным перверсиям», который не вызвал сомнений и был подтвержден при последнем освидетельствовании, выявившем у него такие присущие ему с детского возраста особенности характера, как подвижность, общительность, потребность всегда быть в центре внимания, стремление к лидерству и самоутверждению, эгоцентричность, завышенную самооценку, склонность к демонстративности и рисовке, а также повышенную возбудимость, раздражительность в сочетании с чувствительностью, восприимчивостью.

Однако, кроме указанных патохарактерологических особенностей, выявленных у Б., представляют интерес сведения о его личности, о его сообщниках и жертвах, позволяющие глубоко взглянуть на проблему «серийных преступлений», совершаемых на сексуальной почве. Они высвечивают некоторые медицинские, психологические, криминологические и виктимологические аспекты данной проблемы, позволяют наметить пути и возможности применения метода клинической сексопатологии в ее изучении.

Б., со слов его матери, родился в асфиксии, рос слабым, болезненным. В школе учился неплохо, был общительным, любил находиться в центре внимания, поэтому крайне болезненно реагировал на неудачи. Так, демонстративно, в присутствии товарищей пытался покончить с собой, когда у него «не пошла» учеба в педагогическом институте. В дальнейшем, во время следствия и суда, трижды предпринимал явные, на глазах у других суицидальные попытки. В том же русле следует оценивать его реакции возбуждения, раздражения, протеста, если кто-то выражал ему недоверие. В возрасте 21 года перенес черепно-мозговую травму.

У Б. с детства отмечались признаки преждевременного полового развития. Еще в детском саду он активно участвовал в играх с девочками со взаимным раздеванием, рассматривал их половые органы, дотрагивался до них. Ему нравилось подглядывать за женщинами в туалете, душе, пляжных кабинках. Он испытывал удовольствие от прикосновения к женщинам при езде в переполненном транспорте. В 8-летнем

возрасте во время взаимных манипуляций на половых органах со сверстницей у Б. впервые произошел оргазм с семяизвержением. В 13-летнем возрасте он был со-
вращен взрослой женщиной (28 лет), совершал с ней
половые акты в рот. С этого времени, несмотря на
возраст, его половая жизнь была достаточно регуляр-
ной. Сексуальными партнерами были девушки ненам-
ного старше его, посещавшие вместе с ним спортив-
ную секцию плавания. Желая избежать беременности,
они редко допускали вагинальные («нормальные») по-
ловые акты, но легко соглашались на любые другие
формы половой активности. В их отношениях преоб-
ладали глубокий петтинг (получение оргазма при дву-
стороннем контакте без непосредственного соприкос-
новения гениталий), взаимные орально-генитальные
контакты и анальные половые акты.

Особое отношение у Б. было к девочкам. Он расска-
зывает: «Девочек я стал замечать с детского сада. Они
меня привлекали, был повышенный интерес к ним. Они
меня не избегали, и мне вместе с ними удавались игры,
манипуляции, связанные с раздеванием. Играя в «док-
тора», я девочек раздевал и разглядывал. Это до шко-
лы, но и потом, в школе, я ласкал девочек, если,
конечно, они позволяли. Приятные воспоминания об
этом остались».

В старших классах Б. увлекся психологией, после
школы поступил в педагогический институт с целью,
по его словам, изучать психологию пола, становление
женской сексуальности. В этом можно видеть все тот
же всепоглощающий интерес к сексуальной жизни, но
уже в несколько более цивилизованной форме, в чем,
как можно предполагать, сказалось и влияние его ро-
дителей, которые были педагогами. Вместе с тем не-
льзя не учитывать, что профессия педагога давала Б.
легальную возможность общаться в школе с девочка-
ми, а следовательно, и совращать их.

Если Б. вел эмоционально насыщенную жизнь, то
чувства его в той же сексуальной сфере были крайне
бедны, а отношения к девочкам и женщинам очень
слабо персонифицированными. Иными словами, ему
было все равно, с кем вступать в сексуальный контакт,
лишь бы они отвечали некоторым его требованиям, из
которых основными были возраст, неразборчивость
в связях и готовность откликнуться на первый зов.
Имея множество женщин, он никогда не стремился

к более или менее прочным отношениям. Женился в возрасте 28 лет, но вскоре с женой разошелся, так как в половой жизни с ней (а такая жизнь для него была важнее всего) не было, по его словам, остроты. Впрочем, Б. вообще ни к кому не чувствовал привязанности; в последние годы не поддерживал никакой связи с матерью (отец умер раньше), даже не знал, жива ли она.

Самым важным для Б. было стремление разнообразить свои сексуальные отношения, пережить новые ощущения, а в молодые годы — также выглядеть среди сверстников более опытным в сексуальных вопросах, пользуясь успехом у женщин. Во время обучения в институте он ставил перед собой задачу ежедневно иметь сексуальный контакт с новой партнершей, для чего придумывал наиболее легкие формы знакомства с девушками и способы ухаживания, которые позволяли бы быстрый переход к интимной близости. С целью избежать какой-либо привязанности со стороны партнеров, Б. старался избегать девственниц, а в отношении женщин применял различные нетрадиционные виды сексуальной активности. После третьего курса во время практики в пионерском лагере Б. впервые, по его словам, осознал свое повышенное сексуальное влечение к девочкам подросткового возраста (10—13 лет). В них, как он пояснил, его привлекала «неразбуженная женщина», их невинность и неопытность. Борясь со своим влечением, Б. уехал в город, досрочно прервав практику, так как понимал, что какие-либо сексуальные действия в отношении воспитанниц могут повлечь уголовную ответственность.

В последующем он утратил контроль над своими половыми влечениями и для их удовлетворения стал прибегать к обману. Знакомясь с девочками возле школ, Б. представлялся кинорежиссером и предлагал им показать свои актерские способности. Под этим предлогом приходил к ним домой, просил раздеться, продемонстрировать фигуру, походку, рассматривал их, прикасался к их телу. Такие действия Б. совершал регулярно в течение многих лет. В тот же период Б. жил с бисексуальной (с ориентацией на «свой» и «чужой» пол) сожительницей. По его просьбе она часто совершала гомосексуальные акты с подругами в его присутствии, после чего он имел половую близость с обеими. Как отмечал сам Б., такая форма половой активности устраивала его больше других, поскольку

у его сожительницы часто менялись партнерши и это вносило необходимое разнообразие в его сексуальную жизнь. Кроме того, благодаря активности сожительницы он был освобожден от необходимости искать новых партнерш. Такая связь существовала около года и распалась из-за ревности сожительницы.

Закончив институт, около года работал в школе-интернате для детей, перенесших полиомиелит. Половая жизнь в браке его не удовлетворяла, казалась пресной, однообразной, ему недоставало новых сексуальных стимулов. Поэтому Б. продолжал под видом кинорежиссера систематически знакомиться с девочками, раздевать их, рассматривать, ощупывать, имитируя кинопробы. Этот способ знакомства был для него наиболее приемлемым, поскольку позволял быстро устанавливать контакт, злоупотребляя их неопытностью, входить в доверие к ним и объяснять необходимые раздевания. Пользуясь этим способом, он мог избегать длительных или повторных встреч, имел возможность в любой момент прекратить знакомство.

За эти действия в 1982 г. Б. впервые был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

После освобождения жена отказалась продолжать совместную жизнь, и Б. был вынужден уйти из дома. Не имея жилья, прописки, возможности устроиться на работу, не получая медицинской помощи, стал проживать у сожительницы и возобновил свои преступные действия в отношении девочек-подростков. Через 2 месяца был вновь арестован и осужден к трем годам лишения свободы.

Еще в колонии Б. исключал возможность возвращения к родителям, так как продолжал считать свои аресты и свое патологическое влечение к девочкам величайшим позором для семьи и старался лишний раз не напоминать многочисленным родственникам и знакомым на родине о своем существовании. Понимал также, что не сможет жить со своей женой и работать по специальности, как бы ему того хотелось. Поэтому, вернувшись из мест лишения свободы в 1988 г., обратился в органы внутренних дел, рассчитывая на поддержку и трудоустройство. Надеялся, что его профессиональные знания педагогики и психологии, а также преступного мира могут быть полезны милиции. Получив отказ и лишившись, стало быть, этой социальной поддержки, не стал искать другой,

якобы понял, что не сможет вести нормальный образ жизни, удовлетворять, как все, сексуальные потребности, так как на собственном опыте убедился, что не способен контролировать свои поступки. Поэтому решил «жить в свое удовольствие», «взять от жизни все, не оглядываясь на общество», но понимал, что в конце концов будет строго наказан. Однако об этом старался не думать и его последующее поведение стало напоминать самоубийство, влечение к которому, как мы отмечали, у него было.

Б. в Москве нашел свою бывшую сожительницу, которая его не приняла, но познакомила со своей подругой Л., которая была несколько старше его, разведена и проживала со своей 14-летней дочерью. Будучи человеком образованным, эрудированным и внешне привлекательным, Б. сумел быстро расположить Л. к себе и стал с ней сожительствовать. Используя материальные затруднения Л. и злоупотребление ею спиртными напитками, а также ловко манипулируя привязанностью и чувствами к нему, постепенно полностью подчинил ее себе и вовлек в совершение преступлений. Сначала, не посвящая в подробности, как хозяйку квартиры, в которой он совершал преступления, затем шантажируя ее и отдавая похищенные у потерпевших вещи и украшения, а позже — и в качестве непосредственной участницы своих преступных действий. Он заставлял ее знакомиться с новыми жертвами, представляясь ассистентом режиссера, имитировать съемку «кинопроб» и помогать скрывать следы преступлений.

Отдельно следует остановиться на роли, которую сыграла в этой серии преступлений Т. В 14-летнем возрасте она была изнасилована неизвестным лицом, что спровоцировало у нее острый приступ шизофрении, по поводу которого она длительное время лечилась в психиатрической больнице. Б. принудил ее к сожительству, регулярно совершая с ней половые акты не только обычным способом, но также в рот и в задний проход. По своему усмотрению он давал ей различные психотропные препараты. Угрожая побоями и помещением в психиатрическую больницу, заставлял заводить на улице знакомства с будущими жертвами. Представляясь актрисой, она продолжала играть эту роль и в присутствии Б., всячески подбадривая девушек, стремилась развеять их сомнения и подтолкнуть к согласию участвовать в «съемках фильма». В «кино-

пробах» Т. по его указанию разыгрывала с девушками в его присутствии сцены лесбийской любви, якобы предусмотренные сценарием будущего фильма.

Можно сказать, что в этой серии тяжких преступлений Т. была не только преступницей, но и жертвой, так как организатор преступлений во зло использовал ее болезнь и обусловленные ею патологические личностные особенности. Важно учитывать, что ее жизнь сложилась крайне неудачно, даже трагически. Родители разошлись, когда ей было 5 лет, и отец в ее воспитании больше участия не принимал. Мать — алкоголичка со склонностью к антиобщественным действиям, часто была дочь, а когда та подросла, драки стали обоюдными, скандалы же настолько шумными, что даже вмешивались соседи. Т. часто уходила из дома, иногда к бабушке, иногда к знакомым, а однажды, во время такого ухода, она и стала жертвой насилия. Жить ей стало еще хуже, когда в доме поселился Б., которого она панически боялась.

Психологическое изучение Т. показало, что у нее выражен страх смерти, она постоянно насторожена, подозрительна, напряжена, всего боится, тревожность очень высокая. В психосексуальной сфере обнаруживаются признаки недостаточной дифференцированности объекта влечения с возможным преобладанием ориентации на партнеров своего пола. Весьма впечатлительна и внушаема. Признана невменяемой.

За два года Б. с соучастницами совершил более 20 преступлений. Он понимал, что не сможет бесконечно долго держать в полном подчинении Т. и Л., что рано или поздно кто-то из них может выйти из-под его контроля и он будет разоблачен. Поэтому в дальнейшем он, как признался в беседе, намеревался их убить, но не смог осуществить этого в связи с арестом.

Анализируя факторы, способствовавшие совершению Б. серии опаснейших преступлений, прежде всего следует подробно остановиться на его критериях выбора жертв и особенностях поведения последних. Прежде всего, знакомясь с потенциальной жертвой, он спрашивал, москвичка ли она. Эта информация была нужна ему, так как приезжие обычно имели с собой деньги для покупок. Кроме того, иногородние девушки обычно не имели в Москве знакомых или родственников, с которыми они могли бы созвониться и посоветоваться о своих дальнейших действиях. Как правило, эта

первичная информация решающим образом влияла на намерение Б. совершить преступление. Если девушка представлялась москвичкой, то преступник, задав ей еще несколько малозначащих вопросов, знакомство прекращал. Кроме того, он придавал значение тому, как была одета жертва, предпочитая дорогую одежду, а также украшения из золота и драгоценных камней. Затем предъявлял жертве фальшивое удостоверение работника «Мосфильма», похищенное им у одной из первых жертв и в дальнейшем подделанное. При этом он заявлял, что ему, как «режиссеру», девушка понравилась, так как она подходит на роль в снимающемся советско-французском фильме из жизни дипломатов с эротическими сценами.

Следующим этапом знакомства с жертвой была длительная прогулка по центру Москвы с беседой, преследовавшей своей целью изучение характера, темперамента, привычек, отношения к сексу и других особенностей личности девушки, на которых он мог бы сыграть в процессе совершения преступления. При этом Б. выступал в роли заинтересованного собеседника и подробно выяснял историю жизни девушки, ее взаимоотношения с родственниками и друзьями. Он умело направлял рассказ будущей жертвы, пытаясь уловить мотивы, которые могли бы побудить ее к участию в «съемках» эротических сцен: честолюбие, любопытство, стремление заработать, истероидные черты. Преступник детально разрабатывал план своих действий, предлагая жертве все, о чем та мечтала: деньги, известность, «красивую жизнь», дальнейшее участие в съемках, в том числе и за границей.

После этого, если ему удавалось уговорить жертву (что обычно и происходило), предлагал ехать с ним на квартиру, где якобы производились кинопробы и уже проживала другая «артистка», роль которой играла Т. По приезде на квартиру предлагал девушке кофе, в котором были растворены психотропные препараты, причем жертвы ощущали необычно горький вкус кофе. Он предлагал также шампанское, чтобы «посмотреть», как девушки пьют вино, предлагал изобразить различные движения, походку, имитируя съемку этих сцен кинокамерой. Затем он предлагал девушкам раздеться и либо совершить половой акт с ним, либо гомосексуальные действия с Л. и Т. Большинство девушек, чья психика была подавлена действием психотропных пре-

паратов, не могли сопротивляться и становились жертвами изнасилования или развратных действий, причем Б. совершал половой акт, как правило, в рот и задний проход, а иногда и во влагалище. Периодически под видом «витаминов» для «повышения работоспособности» заставлял жертв принимать таблетки психотропных препаратов.

Дальнейшие действия по отношению к жертве определялись им в зависимости от предполагаемой оценки жертвой сложившейся ситуации. Если девушка искренне заблуждалась в сущности совершавшихся действий и до конца оставалась уверенной, что присутствовала на пробных съемках, то на следующий день преступник отпускал ее, предварительно взяв адрес и телефон, чтобы «пригласить на съемки». В большинстве же случаев, когда жертвы понимали, что попали в руки преступной группы, их переодевали в старую одежду, снимали драгоценности и сажали в вагон метро или электрички, причем если Б. подозревал, что они могут запомнить его адрес и сообщить обо всем милиции, то предварительно давал жертве выпить порошок из смеси психотропных препаратов в дозе, которую считал смертельной.

Особый интерес представляют те жертвы, которые, будучи уверенными, что находятся вовсе не на киносъемках, а в преступной группе, вовлекались в действия этой группы и даже играли роль «актрис», знакомясь в городе с другими девушками и приглашая их на «съемки». Этим своим жертв-соучастниц Б. впоследствии убивал.

Многие из жертв сами не заявляли об ограблении и изнасиловании, а некоторых из них находили лишь после ареста Б. согласно его показаниям. Кроме того, большинство потерпевших отмечали, что он показался им интересным собеседником, даже обладающим «каким-то гипнотическим воздействием», и сумел уговорить их попробовать свои силы в кино.

Особенностью такого преступления, как изнасилование, является то, что в отличие от других преступлений против личности покушения на изнасилование составляют довольно значительную долю в общем показателе этого преступления — около 20%. Иными словами, каждое пятое сексуальное посягательство заканчивается более или менее «благополучно» для женщины. Следовательно, многие из них

способны оказать достойное сопротивление насильнику.

Распространено мнение о том, что подавляющее большинство насильственных преступлений совершается в состоянии опьянения, а обыватели именно в нем видят их причину. Однако статистические данные говорят о том, что это не так. В частности, известно, что в момент совершения изнасилования в состоянии алкогольного опьянения бывает не более 50—55% насильников. Следовательно, нужно искать иные, более весомые, причины сексуальных посягательств.

Изнасилования, как и многие другие насильственные преступления, отличаются тем, что «серия» таких преступлений совершается сравнительно редко. Как правило, это нападения на незнакомых женщин в темное время суток в общественных местах (о них мы подробно расскажем ниже), значительно реже — в квартирах.

Т., 33 лет, вначале высматривал жертву около ее дома (все потерпевшие в возрасте от 13 до 17 лет) и под различными предлогами проникал вслед за ней в квартиру. Если там больше никого не было, хватал девушку за горло, бил в солнечное сплетение, связывал руки и насиловал. Всего им было совершено 11 подобных нападений.

По сравнению с другими тяжкими преступлениями против личности все сексуальные преступления, в том числе изнасилования, обладают высоким уровнем латентности. Это объясняется в первую очередь тем, что потерпевшие подчас сами не желают заявлять о происшедшем из-за боязни расправы или огласки. Исследование латентности изнасилований, проведенное Г. М. Резником, показало, что чаще всего о совершенном сексуальном посягательстве (по понятным причинам) не сообщают замужние женщины. Чаще заявляют о подобных преступлениях потерпевшие, которые были не только изнасилованы, но которым к тому же были нанесены телесные повреждения или (и) у них было похищено имущество.

Далеко не всегда становятся известны и факты половых сношений с лицами, не достигшими половой зрелости. В эти сношения вступают по согласию самой потерпевшей, однако очень часто первое половое сношение с ней происходит путем изнасилования, о котором не заявлялось. В последующем половые контакты

сохраняются, иногда даже в рамках брака. Но это, так сказать, «счастливый» исход. Несравненно хуже, когда насилие имеет место в отношении малолетней да еще в одной семье и продолжается длительное время.

Так, М., 42 лет, алкоголик, вначале изнасиловал свою старшую дочь 8 лет и сожительствовал с ней в течение 4 лет, а затем предпринял попытку изнасилования младшей дочери, 5 лет. Обо всех этих фактах знала его жена, она же мать девочек, но никому не сообщала. Однако попытка изнасилования пятилетнего ребенка стала известна соседям, и М. был арестован.

Приведенные характеристики изнасилований позволяют выделить следующие группы этих преступлений по их внешним, объективным признакам, наиболее типичным ситуациям.

1. Внезапные нападения на женщин, в том числе на малолетних девочек и несовершеннолетних, лиц преклонного возраста.

2. Изнасилования, связанные с совместным свободным времяпрепровождением в малых группах. Это преступление наиболее часто совершается несовершеннолетними и молодыми взрослыми преступниками, нередко принимая форму группового изнасилования.

3. Изнасилования, совершаемые в результате контактов (обычно досуговых) между мужчиной и женщиной, причем знакомство их часто бывает коротким по времени.

4. Изнасилования женщин, находящихся в родственных и семейных связях с преступниками, а также являющихся соседями или товарищами по работе.

5. Иные случаи изнасилований.

Ненадлежащее, неосмотрительное поведение потерпевшей может наблюдаться во всех выделенных группах, но чаще во второй и третьей. Неосторожное поведение женщин, например когда будущие потерпевшие оказываются в безлюдных местах в вечернее или ночное время при том, что этого можно было бы избежать, характерно для первой группы данных преступлений.

Очень интересную классификацию изнасилований, основанную на четырех признаках, предлагает С. В. Виноградов.

1. Завершенность преступного посягательства. Все ситуации во время совершения преступления по этому признаку можно разделить на две группы:

а) насильник совершил половой акт (78% изученных дел); б) имело место лишь покушение на изнасилование (22%).

2. Характер криминальной ситуации: а) преступление сопровождается интенсивным применением физического насилия и (или) активным сопротивлением потерпевшей (72%); б) потерпевшая не оказывала преступнику активного сопротивления потому, что была подавлена его психическим насилием. Побой не применялись (21%); в) потерпевшая не оказывала сопротивления, так как находилась в беспомощном состоянии (7%).

3. Характер предкриминальной ситуации: а) «внезапные» изнасилования, т. е. нападение преступника происходит неожиданно для потерпевшей; иногда даже без предварительного речевого контакта между ними (44%); б) «подготовленные», «бытовые» изнасилования: преступлению предшествовало длительное общение обвиняемого с потерпевшей, в том числе ее соблазнение (5%).

Предлагаемые классификации, которые отнюдь не исключают друг друга, имеют немаловажное практическое значение, особенно для предупреждения этих тяжких преступлений.

2. Насильники

Данные о личности виновных в изнасиловании нужны, конечно, не сами по себе, а в основном для того, чтобы понять субъективные истоки насильственных сексуальных действий, поскольку в любом преступлении главным персонажем является сам преступник, хотя уже после его совершения он обычно стремится избавиться от этой чести. Именно правонарушитель несет в себе личностные причины преступного поведения (любого!), т. е., образно говоря, он и есть причина, что создает возможность привлечения к уголовной ответственности его, а не кого-нибудь другого. Все же внешние факторы — суть условия, которые могут препятствовать или способствовать такому поведению. Другое дело, насколько сам человек внутренне готов к выбору, предпочтению социально-полезного образа действий перед социально опасным, насколько субъективно предопределен данный поступок его индивиду-

альными особенностями, прожитой жизнью, ведущими мотивами, многие из которых носят бессознательный характер. Во всяком случае, без знания личности понять ее поведение невозможно.

Тот, кто интересуется личностными особенностями насильников, в имеющейся литературе обнаружит о них разнообразные сведения демографического характера. Как правило, выделяются несовершеннолетние и молодые взрослые, в связи с чем обычно анализируются групповые изнасилования и формы проведения досуга преступниками и потерпевшими. Ненадлежащее использование ими свободного времени нередко относят к числу причин этих преступлений, что не может не вызвать серьезных возражений. Как мы полагаем, причины изнасилований заключаются в совершенно иных явлениях, хотя несомненно, что упомянутый фактор может играть криминогенную роль.

Тем не менее совершенно очевидно, что изнасилования обычно совершают молодые люди. Более того, по сравнению с другими тяжкими преступлениями именно сексуальное насилие чаще всего учиняется такими лицами. Преступники в возрасте до 21 года включительно составляют среди насильников примерно две трети. Наиболее высока преступная активность несовершеннолетних в возрасте 16—17 лет. На лиц же старше 30 лет приходится не более 10—12% от общего числа выявленных насильников. Эти данные указывают на одну из основных проблем изучения изнасилований. Она состоит в установлении связанных с возрастом социально-психологических и индивидуально-психологических факторов. Эти факторы касаются не только самой криминальной активности, но и других показателей, связанных с изнасилованиями, например характером применяемого насилия, уровнем жестокости, их совершением в группе или в одиночку, выбором жертвы и т. д.

Изнасилование — сугубо мужское преступление в том смысле, что его исполнители, согласно закону, могут быть только мужчины. Однако женщины вполне могут выступать в роли организаторов, подстрекателей и пособников. Мы отмечаем этот факт потому, что за последние годы возросло количество случаев соучастия женщин в изнасилованиях. Как правило, эти преступления совершаются молодыми женщинами, часто

несовершеннолетними, в отношении знакомых с целью снижения социального статуса последних в малых группах. Обычно репутация таких преступниц снижена или они считают, что она снижена. Поэтому изнасилование их знакомой имеет для них смысл снижения социально-психологического статуса потерпевшей и тем самым повышения собственного. Не случайно, что такие преступления часто сопровождаются избиванием жертвы и издевательствами над нею.

М. и Д., учащиеся техникума, когда им было по 15 лет, находились на хозяйственных работах и жили в общежитии вместе с другими студентами. Там же была их школьная подруга К., которая, как узнали М. и Д., рассказала общим знакомым о том, что год назад, уча в школе, М. сделала аборт (что соответствовало действительности). М. и Д. решили отомстить К. и вдвоем избил ее, но потом, вспомнив, что она остается девушкой, организовали ее групповое изнасилование. Они вечером сразу после избивания, отвели ее в комнату к ребятам, которые вчетвером насильовали ее всю ночь. Наутро М. и Д. и две их подруги продолжили избивание К., унижали, оскорбляли ее, заставляли за всех делать уборку.

Я., 25 лет, после распития спиртных напитков со своим любовником Н. решила свести старые счеты со своей знакомой Т., 33 лет, которая, по словам Я., «строила из себя недотрогу». Поэтому она уговорила Н. изнасиловать ее. Они вдвоем пришли в дом, когда она была одна, и Я. цинично объявила ей о цели прихода. Несмотря на сопротивление, преступники сорвали с нее одежду и повалили на пол, после чего Н. в разных формах изнасиловал потерпевшую, а его сообщница во всем этом активно помогала ему.

Мы полагаем, что наблюдающийся в стране рост женского (как и подросткового) насилия вообще и сексуального в частности является точным показателем нравственного неблагополучия общества, значительного распространения грубой силы и цинизма.

Чем моложе преступники, тем чаще изнасилования совершаются ими в группе. Редко встречаются устойчивые группы, специально сложившиеся для совершения рассматриваемых преступлений. Умысел на совершение группового изнасилования вызревает, как правило, в ходе совместного проведения досуга знакомыми между собой лицами. Если же группа устойчива, то это большей частью несовершеннолетние

объединившиеся в процессе совершения различных по характеру преступлений и иных правонарушений. Доля групповых изнасилований среди всех изнасилований значительно превышает долю совершения подростковой группой умышленных убийств или тяжких телесных повреждений. Такое сексуальное преступление почти всегда выступает устойчивым показателем субкультуры группы и образа жизни ее участников.

Изнасилования ранее судимыми лицами совершаются реже, чем ранее не судимыми. Рецидивисты чаще совершают убийства и наносят тяжкие телесные повреждения, чем изнасилования.

Криминологи отмечают низкий образовательный и культурный уровень насильников, который тем не менее выше, чем среди тех, кто виновен в совершении убийств и нанесении тяжких телесных повреждений. У насильников отмечается также наличие отрицательных привычек поведения. Так, по выборочным данным, неоднократные нарушения общественного порядка и пьянство характерны для более чем двух третей данного контингента. Для нравственно-психологических свойств лиц, совершающих изнасилования, типичен эгоцентризм, при котором собственные желания и чувства рассматриваются как подлежащие безусловному удовлетворению, единственно значимые для выбора варианта поведения. Им свойственно также неуважение к женщинам, примитивизм и цинизм во взглядах на половые отношения. В связи с этим не могут не привлечь внимания полученные нами при опросе осужденных за изнасилования следующие данные: 36% опрошенных указали, что при сходных обстоятельствах они всегда применяли насилие по отношению к женщинам. Следовательно, такой образ действий становится для них стереотипом, отражая в то же время отношение к женщинам в целом.

Если сгруппировать имеющиеся в литературе мнения о нравственно-психологическом облике сексуальных преступников, в первую очередь насильников, то характеризующие этот облик черты сводятся к следующим:

— грубость, зачастую переходящая в жестокость; цинизм, отсутствие чувства стыда, неуважение и потребительское отношение к окружающим, эгоизм;

— крайний примитивизм во взглядах на взаимоотношения полов, сводящий их к физиологическому акту;

— взгляд на женщину как на низшее существо, призванное служить мужчине орудием полового наслаждения;

— отсутствие сострадания к женщине, нежелание и неумение сопереживать ей;

— разнузданность, не признающая никаких преград на пути к удовлетворению полового влечения, которую некоторые из насильников даже расценивают как элемент «ультрасовременности».

Наши исследования также подтверждают наличие подобных черт в большей степени у насильников молодого возраста, но следует признать, что это внешние, так сказать, бросающиеся в глаза признаки. Знание о них ни в коем случае не содержит ответа на вопрос о главных причинах столь опасных преступлений. Действительно, человек может очень цинично относиться к женщине, не уважать ее и все контакты с ней сводить к физиологическому акту, но тем не менее никогда не решится на сексуальное насилие, даже если может рассчитывать на безнаказанность.

Выборочные исследования у нас в стране и за рубежом показывают, что среди виновных в изнасилованиях больше представителей низших социальных слоев и низших групп среднего социального слоя, а также лиц с дефектами социализации. Нарушенные семейные связи, трудности и неуспехи в школе, проживание в специальных подростковых учреждениях, непринятие необходимых воспитательных и лечебных мер характерны для условий жизни насильников.

Интересные сведения о личности и поведении виновных в изнасилованиях получены А. В. Астрашаковым. Он осуществил сравнительный анализ данных их выборочного анкетного опроса, проведенного в 1983 г. и повторенного им в 1988 г. Сравнение оказалось достаточно информативным в плане уяснения изменений, происшедших среди этой категории преступников.

Так, за этот период времени в полтора раза увеличилось число тех, кто совершил изнасилование недалеко от места жительства и во столько же раз уменьшилось число тех, кто совершил это преступление вдали от места своего проживания. Это позволяет сделать вывод о наличии тенденции к совершению данного преступления в границах района своего проживания. При этом под районом следует понимать не административно-территориальную единицу, а субъектив-

ную оценку физических границ своего поведения, действия внешнего социального контроля. Следствием этого является тот факт, что доля знакомых насильнику жертв составила 73%, а незнакомых только 27%. При опросе в 1983 г. эти цифры составили соответственно 52 и 48%.

По сравнению с 1983 г. число работавших до совершения преступления насильников увеличилось в 2 раза. Во столько же раз возросло количество тех, кому денег вполне хватало на ежедневные расходы и на то, чтобы «прилично» одеваться. Заметно больше стало тех, кто часто менял место работы для того, чтобы зарабатывать.

Для практического решения задач исправления осужденных за изнасилования представляют интерес данные, полученные А. В. Астрашабовым об их адаптации к условиям мест лишения свободы. Как показывают результаты анкетного опроса в 1988 г., 24% осужденных считают, что для этого им достаточно одного месяца. В 1983 г. так думало 66% опрошенных, т. е. почти втрое больше. Эти данные можно рассматривать как свидетельство роста затруднений в установлении межличностных связей, адаптации в среде преступников в местах лишения свободы. В этом убеждает и тот факт, что хорошие взаимоотношения с осужденными, находящимися в исправительно-трудовой колонии, в 1988 г. складывались только у каждого второго осужденного за изнасилование, в то время как в 1983 г. — у трех из четверых опрошенных. Характерно, что 4% респондентов считают, что у них ни с кем из осужденных не может быть хороших отношений. В 1983 г. таких было очень мало. Еще более ярко этот момент подчеркивает то, что каждый третий опрошенный из рассматриваемой категории осужденных отмечает отсутствие друзей в колонии, тогда как в 1983 г. таких было весьма незначительное количество.

Надо сказать, что в целом насильники отнюдь не являются изгоями среди других преступников, а многие даже чувствуют себя героями. Другое дело, если их жертвами были дети, особенно собственные. В этих случаях санкции следуют сразу же, таких осужденных подвергают сексуальным издевательствам, побоям, постоянно унижают и оскорбляют. Они занимают самое презираемое положение в сообществе осужденных, и ярлык отверженного прикрепляется к ним навсегда.

Особый интерес представляет отношение насильников к собственным преступным действиям, точнее — какую позицию они занимают в ходе расследования. Некоторые данные по этому вопросу получены С. В. Виноградовым.

В начале предварительного следствия полностью признавали свою вину в совершении изнасилования и подробно рассказывали о содеянном обвиняемые лишь по 59% уголовных дел, а по остальным делам они отрицали совершение инкриминируемых им деяний. Все разнообразие защитительных позиций, занимаемых обвиняемыми, можно разделить на семь групп: 1) большинство обвиняемых (45%) утверждали, что половой акт был добровольным; 2) по 20% дел обвиняемые, отрицая совершение полового акта, пытались объяснить повреждения, имевшиеся у потерпевшей и на ее одежде; 3) по 14% дел допрашиваемые признавая встречу с потерпевшей во время, близкое к моменту преступления, отрицали совершение в отношении ее каких-либо сексуально окрашенных действий; 4) по 7% дел обвиняемые признавали, что предлагали потерпевшей совершить половой акт, «приставали» к ней, но потом отказались от этого намерения; 5) по 5% дел обвиняемые признавали, что были на месте происшествия, но утверждали, что не общались с потерпевшей; 6) по 7% дел обвиняемые выдвигали алиби; 7) обвиняемые вообще не вступали в контакт со следователем либо отказывались давать показания по существу дела (2%).

Специальное изучение нами этого вопроса показало, что на момент отбывания наказания около 60% осужденных за изнасилование не признавали себя виновными. Особенно это характерно для тех мужчин зрелого возраста, которые изнасиловали несовершеннолетних, почти для всех осужденных за изнасилования малолетних девочек, дочерей и женщин преклонного возраста. Подобное отношение к содеянному обусловлено не только боязнью резко отрицательных оценок других осужденных, весьма возможных унижений, «отвергания» с их стороны. Думается, что это связано с потребностью насильника выглядеть в собственных глазах лучше, чем на самом деле. Такая оценка постепенно (а они обычно отбывают длительные сроки наказания) становится устойчивым образением, прочно закрепляется в психике насильника.

выполняя субъективно-защитные функции. Убежденность в этом тем стабильнее, чем раньше она сформировалась, например в самом начале предварительного расследования.

У многих насильников, как показывают беседы с ними, появляется почти искренняя уверенность в том, что, в сущности, они ни в чем не виноваты или их вина невелика, перенося ее на иные обстоятельства и особенно на самих потерпевших. Именно поведение последних звучит в рассказах многих осужденных за изнасилования в качестве основной причины их преступных действий. При этом виновность потерпевших ими усматривается и тогда, когда объектом сексуального посягательства были девочки 10—14 лет. Оказывается, и они могут выступать в роли коварных соблазнительниц. Например, Т., мордатый дядя 40 лет, самым роковым образом «пал безвинной жертвой» 13-летней девочки, которая с помощью гнусного обмана «затащила его в автомашину, увезла в лес и там заставила изнасиловать себя».

Разумеется, такое отношение к собственному преступному поведению не просто крайне аморально, но и существенно затрудняет исправление подобных лиц, повышает вероятность повторения насильственных сексуальных действий.

Мы хотели бы обратить внимание на то, что среди насильников заметна доля тех, кто имеет психические расстройства (в рамках вменяемости). Как правило, этим расстройствам не дается адекватная криминологическая оценка, и на практике очень часто совершение изнасилований, особенно в извращенной, жестокой, циничной форме, сексуальные покушения на малолетних и женщин преклонного возраста пытаются объяснить именно наличием психических аномалий. Нередко это звучит примерно так: «изнасиловал потому, что психопат». Подобные выводы представляются принципиально неверными. Прежде всего отметим, что наличие психических отклонений — лишь медицинский диагноз, сам по себе не объясняющий поведение полностью, поскольку не содержит указание на его мотивацию. Следовательно, необходимо психологическое объяснение, психологический анализ субъективных причин поступков с обязательным учетом нарушенной психики насильника. Известно, что множество людей с такой психикой не совершают

никаких противоправных действий, и уже одно это свидетельствует о нефатальном характере психических аномалий.

Тем не менее, для совершенствования работы по предупреждению изнасилований, правильного распределения сил и средств, применения адекватных мер воздействия, нужно знать, какова среди насильников доля лиц с психическими аномалиями, каков характер этих аномалий. По полученным нами выборочным данным, 61,0% виновных в изнасилованиях психически здоровы. Среди остальных «аномальных» основную массу составляют: психопаты — 15,8%, хронические алкоголики — 9,0, олигофрены — 6,8, лица с остаточными явлениями травм черепа — 2,8%. Обращает на себя внимание то, что олигофренов больше всего именно среди насильников: вдвое больше, чем среди убийц, воров, грабителей и разбойников. Если всех олигофренов, обнаруженных нами среди преступников, считать за 100%, то их распределение среди отдельных категорий обследованных будет таково: осужденных за умышленные убийства — 6,3%; за нанесение тяжких телесных повреждений — 6,1; за изнасилования — 25,0; за разбой или грабеж — 14,6; за кражи — 18,8; за хулиганство — 20,8; по совокупности из числа названных с другими преступлениями — 8,2%.

Высокий удельный вес олигофренов среди насильников объясняется прежде всего тем, что интеллектуальные расстройства мешают им поддерживать обычные межличностные отношения, общаться с женщинами, устанавливать контакты с ними, в том числе в целях сексуального сближения.

А., 24 года, олигофрен в степени легкой дебильности, проживая в пригородной зоне большого города, привел к себе в дом мальчика 6 лет, изнасиловал его в задний проход. С целью сокрытия преступления связал ребенку руки и стал душить его велосипедным тросом, но, к счастью, мальчик успел заплакать, А. пожалел его и отпустил. Два года спустя, зимой, в баню обманом завлек девочку 6 лет, несмотря на холостой раздел ее догола, изнасиловал в извращенной форме. Когда она закричала, нанес ей удары камнем по голове и скрылся. От полученных повреждений ребенок скончался.

Об А. известно, что он рос слабым, болезненным, учился с трудом, оставался на второй год, был зам-

нут, стеснителен, у него отмечена эмоциональная неустойчивость, заторможенность, конкретность мышления, монотонность речи, нечеткое произношение согласных звуков, снижение концентрации внимания, примитивность и инфантильность суждений, неспособность к абстрагированию, склонность ко лжи. Понятно, что А. совершил омерзительные преступления, но и сам он прожил достаточно трагическую жизнь: еще в детстве был брошен родителями и помещен в школу-интернат, где его в 13-летнем возрасте изнасиловали сверстники. Над ним постоянно издевались; когда он пытался сопротивляться, применяли удушающие приемы. Первые его попытки вступить в нормальную половую связь кончились полной неудачей из-за отсутствия эрекции. К тому же девушки относились к нему неприязненно и тоже подвергали насмешкам. По собственному признанию, придя к выводу, что со взрослыми женщинами он не сможет добиться успеха, после службы в армии неоднократно пытался заманивать в подъезды и другие подходящие, по его мнению, места детей 5—7 лет.

Перечисленные обстоятельства во многом объясняют — именно объясняют, но ни в коем случае не оправдывают — крайне опасные преступления А.]

Данные о личности насильников, приведенные нами выше, по большей части носят социологический характер. Применительно же к такому психологизированному преступлению, каким является изнасилование, подобная информация недостаточна, однобока и может привести к неправильным выводам. Обязательно должны учитываться психологические особенности личности, а их нужно уметь выявить, оценить и умело использовать в практической работе по профилактике сексуальных преступлений.

Психологическое изучение насильников, осуществленное В. П. Голубевым и Ю. Н. Кудряковым, показало, что им свойственны такие черты, как импульсивность, стремление поступать по первому побуждению, постоянно высокий уровень эмоциональной напряженности и ригидность, застреваемость эффективных, психотравмирующих переживаний. При этом они несколько аутизированы, т. е. психологически изолированы, отстранены от внешнего мира, причем это их внутренняя позиция к среде. Интересно, что названные преступники в своей массе по психо-

логическим свойствам оказались относительно одной группой, среди них распространены преимущественно одни и те же типы личности.]

Сочетание перечисленных психологических черт у большинства насильников встречается и у большинства преступников вообще. Это не случайно, так как подобные личностные свойства в наибольшей степени потенциально предрасполагают, при определенных нравственных ориентациях и соответствующих условиях, к совершению преступлений. Импульсивность связана с нарушением прогнозирования последствий своих поступков, неприятием социальных норм и требований. Ригидность, устойчивость аффекта усиливает агрессивность, что в сочетании с другими тенденциями становится постоянной линией поведения. В итоге нарушается социальное взаимодействие субъекта, а он сам отрывается от среды и ее ценностей. Плохая социальная приспособленность и общая неудовлетворенность своим положением в обществе — характерная черта насильников.

Предпринятый учеными сравнительный анализ психологических особенностей преступников различных категорий и преступников, совершивших изнасилования, показывает отсутствие принципиальных отличий между ними по характерологическим особенностям социально-психологической адаптации, распространенности определенных психологических типов личности, степени выраженности личностных свойств.

Вместе с тем установлено, что насильники бессознательно стремятся к идентификации, овладению такими традиционно мужскими качествами, как доминантность, склонность к соперничеству, выносливость, пренебрежение к мелочам, отсутствие стремления к самоанализу и т. д.]

Суммируя перечисленные черты личности насильников, В. П. Голубев и Ю. Н. Кудряков справедливо приходят к выводу, что психологический смысл совершенного ими преступления — изнасилования — можно рассматривать как стремление всячески утвердить себя по отношению к женщинам. Об этом говорит и характер совершенного преступления, в котором очень часто в меньшей степени отражаются сексуальные мотивы, а в большей — самоутверждение, которое может рассматриваться и как следствие нарушенной идентификации с традиционно понимаемой мужской ролью,

мужскими качествами. Такое преступление, как изнасилование, выступает как явно компенсаторное.]

Психологические исследования, проведенные В. П. Голубевым, Ю. Н. Кудряковым и нами с помощью рисуночных тестов, дают основание говорить о том, что женщина, как таковая, как обобщенный образ, воспринимается насильниками как враждебная, агрессивная, доминирующая сила. Это является содержанием их аффективной личностной установки на взаимоотношения с представительницами противоположного пола. Описывая сюжеты своих рисунков (мужчин и женщин), они дают им, например, следующую интерпретацию: «сын выпрашивает у матери деньги, а она ему не дает»; «подросток пытается познакомиться с женщиной, но боится это сделать»; «жена ругает своего мужа, а тот обещает ей исправиться»; «жена, которая держит своего мужа в кулаке, а он пытается наладить с ней отношения мирным путем» и т. п. Женская фигура на рисунках является более массивной, активной, чем мужская.

Таким образом, в рисунках этой категории преступников явно отражается их подчиненная, зависимая позиция по отношению к женщинам, неуверенность в себе в аспекте взаимоотношений с женщинами. Другими словами, они очень часто ощущают себя психологически пассивными, страдают от недостатка «мужественности», а противоположный пол воспринимают как более сильный. Здесь очень много схожего с особенностями восприятия подростком своей матери, ребенком — взрослого человека. То есть в первую очередь для такого рода восприятия характерно наделение другого (в рассматриваемом случае — женщины) чертами взрослого человека (опытностью, силой, лидерством, защищенностью в аспекте удовлетворения потребностей и т. п.), ощущая себя в роли подростка или ребенка, т. е. зависимого, подчиняющегося, неопытного и т. п.¹

В аспекте описанных результатов психологического изучения насильников их действия в значительном количестве случаев имеют психологический смысл «подросткового бунта» против взрослых, то есть женщин. «Подростковая» форма агрессии по отношению

¹ См.: Антонян Ю. М., Голубев В. П., Кудряков Ю. Н. Изнасилования, причины и предупреждение. — М., 1990. — С. 44—46.

к женщинам реализуется в форме насильственного полового акта. Очевидно поэтому само изнасилование так часто сопровождается избиением, жестокость которого внешне совершенно бессмысленна, а также преобладают извращенные способы самого полового акта. Исходя из фактических обстоятельств уголовных дел и особенностей личности преступника складывается впечатление, что на первом месте здесь стоит не удовлетворение сексуальных потребностей, а унижение и подавление женщины. Сексуальная мотивация также присутствует, а соединение этих двух мотивов приобретает значительную стимулирующую силу.

Разумеется, подобное отношение к женщинам типично далеко не для всех насильников, но относится к числу наиболее распространенных.

Иногда совершенное преступление как бы оторвано от сексуальной жизни насильника, что помогает объяснить его поведение, особенно если он женат и живет вместе с женой, более того, боится ее и полностью во всем подчиняется ей. Жена обычно характеризует такого мужа как мягкого, доброжелательного, исполнительного. В свою очередь и насильник-муж о своей жене отзывается положительно или, во всяком случае, нейтрально, а о женщинах вообще — крайне негативно. Здесь, очевидно, можно предположить следующее. Жену себе такой мужчина выбирает в качестве прообраза своей матери. Ей он подчиняется, зависит от нее, боится, то есть жена психологически выступает для него в роли матери, поэтому никакое насилие по отношению к ней, жестокость или доминирование невозможно.

В то же время в нем зреет протест против своей пассивной роли, а стремление доминировать самостоятельно реализуется в его агрессивном поведении по отношению к другим женщинам. В рассматриваемых случаях мы имеем дело с аффективными установками двойственного содержания, подчиненно-агрессивными по отношению к женщинам. Подобные установки, конечно, встречаются не у всех совершивших изнасилование, мы его отмечаем примерно у 60% осужденных за половое преступление, которое в период его совершения были женаты.

Доверительные беседы со многими из таких насильников показали, что их половые сношения с супругами были самые что ни на есть добродетельные: они не

допускали даже мысли о какой-либо «извращенной», как выражались сами, форме полового акта с ними, даже инициаторами этих актов чаще были жены. С жертвами же своих нападений они подчас были неимоверно жестоки и циничны.

Проведенные нами исследования показывают, что для большинства насильников не существует проблемы персонифицированного выбора женщины даже только как сексуального партнера, не говоря уже о ней как носителнице иных ролей, в том числе многочисленных социальных. Отдельная женщина воспринимается ими как женщина вообще. Поэтому даже такие признаки, как возраст, внешность не имеют часто существенного значения для насильника.

Такое восприятие женщин, низведение их только до уровня объекта сексуальной «эксплуатации», отсутствие эмпатии, сочувствия по отношению к жертвам, нередко проявляемая к ним своеобразная месть во многом могут быть поняты, если учитывать жизненный путь этих сексуальных преступников и особенно условия их ранней социализации в детстве в родительской семье. Многочисленные беседы с осужденными за изнасилования показывают, что большинство из них не имели эмоциональных контактов со своими матерями. Характерны такие их рассказы о своем отношении к матери: «Мать меня никогда не ласкала, я чувствовал, что бабушка любила меня намного больше, чем она»; «я был послушным, но тем не менее меня мать часто незаслуженно наказывала, била, не покупала подарки. Подарки делали брату»; «доверительных отношений с мамой у меня не было, сестру любили больше»; «мать очень строго следила за мной, ничего не прощала» и т. д.

Подобное отношение не могло не вызвать эмоционального отчуждения от матери, которое закреплялось в личности и начинало затем выступать в качестве общей установки по отношению к женщинам. Последние субъективно стали восприниматься как чуждые, враждебные, доминирующие, несущие в себе разрушительную и унижающую силу. Мы полагаем, что именно в этом заключается изначальная причина негативного отношения к женщине в целом, возможности насилия над ней.

Подводя итоги, можно выделить следующие психологические качества насильников, присущие, конечно,

не каждому преступнику, виновному в совершении изнасилования: 1) импульсивность, нарушение прогнозирования последствий своих поступков, неприятие социальных норм и требований, высокий уровень тревожности, ригидность и аффективность в сочетании с плохой приспособляемостью, отчуждением, дезадаптированностью; 2) бессознательное ощущение своей ущербности, недостаточности во взаимоотношениях с женщинами, неуверенность в себе; 3) снижение возможности сопереживания, слабое самосознание, нарушение сексуальной приспособляемости и отсутствия персонификации в выборе сексуального партнера; 4) стремление к утверждению себя во взаимоотношениях с женщинами, восприятие их как потенциально агрессивных, подавляющих, стремящихся к доминированию.

3. Жертвы

Изучение потерпевших от преступлений ведется в нашей стране давно, и сейчас уже можно утверждать, что виктимология (учение о жертве) стала самостоятельной комплексной научной дисциплиной.

Анализ характера отношений «преступник — жертва» необходим практически во всех случаях, когда он поможет установить преступника, мотивы и обстоятельства преступления. Учитывая отношения «преступник — жертва», можно более объективно оценить показания потерпевшей по уголовному делу об изнасиловании, так как не исключено заведомое искажение истины из желания приукрасить свое поведение, отомстить подозреваемому и т. д. Надо помнить, что в конечном решении дела, которое очень часто возбуждается именно по жалобе женщины, она прежде всего и заинтересована. Именно по этой причине жертва может быть необъективной.

Криминологов и криминалистов особенно привлекают проблемы потерпевших от насильственных преступлений, поскольку здесь взаимодействие между «сторонами» происходит наиболее ярко. Поведение жертвы во многом позволяет понять поведение преступника. Данному вопросу посвящена обширная литература, и вряд ли мы ошибемся, если отметим, что в криминологических трудах потерпевшей уделено не меньше внимания, чем личности и поведению самих

насильников. Между теми и другими существует некоторое социальное равновесие, значительно реже встречающееся между преступниками и их жертвами в других видах преступлений.

Можно выделить следующие типы поведения потерпевших:

1) их поведение носит провоцирующий характер, который обычно выражается в установлении контакта с совершенно незнакомыми или малознакомыми людьми, посещении их жилищ или уединении с ними в других укромных местах, совместном употреблении спиртных напитков, некритическом восприятии откровенных намеков и поползновений будущих насильников, демонстрации благосклонного отношения к возможному сексуальному сближению. Потерпевшие с таким поведением составляют 10—15% от общего числа жертв сексуального насилия;

2) их поведение не является провоцирующим, тем не менее создает объективные предпосылки для совершения изнасилования. Это чаще всего неосторожные поступки, например появление женщины в темное время суток в безлюдном месте, где нападение на нее весьма вероятно. Потерпевшие с подобным поведением составляют 35—40%;

3) их поведение может быть оценено как положительное или нейтральное. В таких ситуациях будущие потерпевшие не могли предполагать и складывающаяся обстановка не свидетельствовала о том, что они могут стать жертвой насилия. К ним в первую очередь относятся дети и пожилые женщины. Они составляют 45—60% среди всех жертв насильников. 2

Разумеется, это одна из возможных виктимологических типологий поведения потерпевших, но она вполне может быть принята в качестве рабочей. В ряде случаев бывает очень трудно определить тип поведения жертвы, так как восприятие и оценка конкретной ситуации данной женщиной существенно расходится с тем, что думают по этому же поводу следователь, суд или же сам преступник. Отсюда проистекают все трудности в определении удельного веса ее «вины» в совершенном преступлении. Между тем вопрос о женской «вине» далеко не праздный и имеет самое прямое отношение к определению наказания насильнику.

В этой связи следует отметить, что даже во многих научных работах сведения и выводы о потерпевших

носят изобличительный характер. Акцент делается на их безнравственности, антиобщественном образе жизни, ненадлежащем поведении, причем не только в обстоятельствах, непосредственно предшествующих изнасилованию, но и в целом. Вольно или невольно они начинают выступать в роли зловещих соблазнительниц и как-то незаметно «меняются местами» с преступниками. Думается, что такое отношение к жертвам изнасилований не случайно и уходит своими корнями в глубь тысячелетних предрассудков и заблуждений о греховности женщин, об их извечной вине в нравственном падении мужчины и человечества вообще.

Далеко не всегда лестны отзывы о женщине еще в Библии.

Например, в книге Екклесиаста очень красноречиво сказано: «И нашел я, что горче смерти женщина, потому что она — есть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы; добрый пред Богом спасается от нее, а грешник уловлен будет ею» (7:26).

В средние века женщина вообще считалась средоточием всех пороков и бед, и именно по этой причине сотни тысяч женщин безвинно погибли на кострах. Вот что написано о них в «Молоте ведьм», своеобразном уголовном кодексе инквизиции: «Женщины ненасытны к плотским наслаждениям и более, чем мужчины, склонны к суеверию, они легковерны и скорее подвержены воздействию со стороны духов вследствие естественной влажности своего сложения, а так как силы их невелики, то жаждут отмщения за обиды с помощью колдовства. Почти все государства были разрушены из-за женщин: Троя погибла из-за похищения Елены. Иудейское царство претерпело много невзгод и разрушений по вине скверной царицы Иезавели и ее дочери Гофолии, царицы в Иудее, которая умертвила своих внуков, чтобы царствовать после смерти сына. Много напастей испытало Римское государство из-за Клеопатры, египетской царицы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что мир и теперь страдает из-за женской злобы»¹.

В адрес женщин высказаны и такие обвинения: «1) они воспламеняют сердца людей к чрезвычайной сильной любви; 2) они препятствуют способности к д...

¹ См.: Шпрингер Я., Институтрис Г. Молот ведьм.—Самарканд, 1991.—С. 123—125.

торожению; 3) они удаляют органы, необходимые для этого акта; 4) с помощью волшебства они превращают людей в подобия животных; 5) они делают женщин бесплодными; 6) они производят преждевременные роды; 7) они посвящают детей демонам, не говоря уже о других многочисленных порчах, наводимых ими как на животных, так и на полевые злаки»¹.

И в отношении нынешних насильников к женщинам много первобытной, совершенно нецивилизованной злобы, хотя никто из них не думает, что они наводят порчу на животных или злаки. Поэтому не кажется странным, что сексуальные преступники готовы винить объекты своего насилия даже тогда, когда нападали на совершенно незнакомых лиц. Отсюда можно сделать вывод, что такое отношение к потерпевшей есть отношение к женщинам вообще.

Разумеется, никак нельзя отрицать провокационную роль аморального или неосторожного поведения женщин, способствующего, часто даже в активной форме, тому, что они становятся жертвами посягательств на их половую неприкосновенность. Такое поведение должно расцениваться и как обстоятельство, смягчающее ответственность, но нельзя гиперболизировать их роль, фактически оправдывая мужчину. Для науки, а следовательно, и для практики самым важным является не фиксация неправильных действий потерпевших и описание отдельных, пусть и существенных, моментов их поведения. Главным представляется вопрос: почему они ведут себя подобным образом, какие психологические особенности их личности отличают эту категорию жертв изнасилований? А также каково социально-психологическое взаимодействие между ними и преступниками, каковы характер и содержание этого взаимодействия и почему насильники не могут выйти из него, в чем причина их попадания в жесткую психологическую зависимость от такого рода ситуаций?

Неправильное поведение потерпевших может выражаться в совместных выпивках, уединении с будущим насильником, проявлении по отношению к нему ласки и т. д. Такое поведение может быть и пассивным, например при недостаточно активном противодействии проявлениям сексуальных намерений. Но любое

¹ Там же.—С. 127.

неправильное поведение потерпевшей разными людьми истолковывается по-разному. Поэтому важно установить не только наличие аморальных действий потерпевшей в рискованной для нее ситуации, но и то, что ее поведение было воспринято будущим насильником именно как возможное согласие на вступление в половую связь.

При оценке конкретных обстоятельств по уголовному делу нужно учитывать то, что одному человеку может показаться безнравственным, другому — вполне нормальным, не выходящим за рамки общепринятого. Этим другим как раз и может оказаться потерпевшая. Вместе с тем действительное противодействие жертвы часто воспринимается преступником как мнимое, как притворство или кокетство. Нами установлено (и об этом будет подробно сказано ниже), что многие потерпевшие ведут с будущим насильником некую сексуальную игру, смысл которой ему и ей часто непонятен, не осознается ими. Многочисленны случаи, когда даже неосторожное поведение потерпевшей, в том числе и несовершеннолетней, не имеющее ничего общего с аморальностью, расценивалось преступником как глубоко безнравственное, как «приглашение» к половому сношению. Поэтому всегда нужно различать и соотносить субъективное восприятие реальности и преступником, и потерпевшей с объективной значимостью и содержанием этой реальности.

Действительные желания женщины обычно не принимаются во внимание совершающим насилие мужчиной, для которого она как личность может вообще не существовать. Иначе говоря, логика и правда о поведении жертвы для него не имеют значения. Ее сопротивление, если оно вообще имело место, не принимается всерьез, а ситуация и побуждение преступника становятся такими, что протесты жертвы будут оставлены без реагирования. Существует такой тип преступника, который вообще не будет интерпретировать поведение потенциальной жертвы или создавшуюся ситуацию. Он может без разбора, наугад атаковать любую жертву, каково бы ни было ее поведение. Это наиболее агрессивные и опасные преступники с «непреодолимым» влечением. Когда такому преступнику задают вопрос, почему он именно так интерпретировал ситуацию и поведение жертвы, не всегда сле-

дует рассчитывать на рациональное объяснение совершенного им преступления.

Уже говорилось, что 50—55% насильников в момент совершения преступных действий находились в нетрезвом состоянии. (Интересно отметить, что из числа потерпевших тоже около половины были в таком состоянии. Как мы видим, и здесь имеется некоторое равновесие. Факт опьянения жертвы следует отнести к криминогенным, но здесь нужно соблюдать осторожность. Во всех ли случаях алкогольное опьянение жертвы можно расценивать в качестве провоцирующего обстоятельства, тем более, что и степень опьянения может быть разной? Так, по данным венгерских исследователей, 11% женщин на момент изнасилования находились в состоянии легкого опьянения, в состоянии среднего алкогольного опьянения — 5% и лишь 3% были сильно пьяны.)

Нередко в оправдание своих действий обвиняемые в изнасиловании говорят о плохой репутации своих жертв, подчеркивают данное обстоятельство родственники и близкие обвиняемых. К сожалению, часто следствие и суд верят подобным слухам без должной проверки. Между тем виновные попросту сами могли это придумать в целях защиты. Кроме того, из обыденной жизни прекрасно известно, что многие женщины и девушки совершенно незаслуженно являются жертвами самых грязных сплетен и слухов. Мы уверены, что почти никто из насильников вначале не пытался досконально разобраться в том, насколько скандальная репутация женщины соответствует действительности, а уже потом предпринимать в отношении ее насильственные сексуальные действия.

Нередко в литературе (А. П. Дьяченко, А. Н. Игнатов, В. Н. Минская) да и в быту для характеристики нравственного облика незамужних потерпевших молодого возраста (до 23 лет) называют тот факт, что многие из них еще до совершенного над ними насилия уже вступали в половые связи с мужчинами. Считается, что этот факт всегда порочит женщину и сам по себе во многом объясняет, почему она попала в ситуацию, где возможно насилие над ней. Рассуждения на эту тему могут строиться и по такой схеме: если женщина развратна, а в этом нет сомнений, поскольку у нее уже были любовные связи, то и изнасилования скорее всего не было и вообще она сама виновата во всем.

Представляется глубоко ошибочным вольно или невольно сводить все многообразие и сложность сексуальной жизни женщины, всю глубину связанных с этой жизнью переживаний и чувств, по существу, к единому, единственному и однозначному знаменателю. Согласно такой логике, шекспировская Джульетта и Настасья Филипповна у Достоевского просто порочны. Между тем добрачные половые связи молодых женщин вне контекста их чувств, условий и образа жизни, выполняемых социальных ролей, отношений и установок, часто даже трудовой деятельности ни о чем не говорят.

По-видимому, много женщин начинают половую жизнь до вступления в брак, но лишь очень небольшая их часть ведут беспутный образ жизни или становятся жертвами насильников. Все, что связано с добрачными сексуальным поведением женщины, сугубо индивидуально, неоднозначно и в нравственном плане ни в коем случае не должно вызывать столь резких и упрощенных оценок. Нелишне напомнить, что проблемам личной, в том числе сексуальной, свободы женщины, свободы ее чувств, посвящены многие выдающиеся художественные творения, значительная гуманистическая литература. Успехи в утверждении этой свободы могут служить одним из мерил цивилизации. Поэтому сведение добрачных или внебрачных связей женщин (и мужчин) лишь к их испорченности по меньшей мере поверхностно. Такие связи не могут быть положены в основу объяснения ненадлежащего, даже провоцирующего поведения некоторых жертв сексуального насилия.

Между криминологической оценкой поведения преступника и виктимологической оценкой поведения потерпевшей не должен образовываться искусственный разрыв. Он ведет к гиперболизации роли поведения последней и принижению значения поступков самого преступника, они как бы сглаживаются, теряют свои опасные очертания. По этой же причине недопустимо использование при оценке поведения потерпевшей и преступника нечетких житейских (обывательских) представлений, не согласующихся с нормами и принципами современной нравственности. Следствие и суд обязаны тщательно анализировать и оценивать все обстоятельства происшедшего, чтобы не придавать излишнего значения тем сторонам поведения жертвы, которые фактически не могут способствовать совершению данного преступления. Необоснованная оценка

некоторых моментов в поведении потерпевшей может привести к тому, что их сочтут обстоятельствами, смягчающими вину преступника.

Потерпевшая никогда не должна рассматриваться в качестве главной виновницы совершенного в отношении ее преступления, хотя ее вина и может быть очень велика, причем о вине применительно к ней можно говорить только в неправовом аспекте. Ошибочное толкование социально-психологической сущности событий может проистекать, как мы видим, из произвольной подмены критериев оценки конфликтной ситуации, основанных на надуманных этических представлениях, отсталых житейских взглядах о взаимоотношениях полов. Такая нежелательная подмена происходит, прежде всего, при определении тех сторон поведения потерпевших, которые способствовали совершению преступлений. Виктимологический анализ изнасилований, конечно, необходим, но он не должен сводиться к выявлению только негативных черт в поведении жертв и отождествлению их с факторами, связанными с поведением преступника.

Чтобы верно оценить поступки потерпевших от изнасилований, необходимо уяснить, на что направлено поведение женщин в сфере интимных отношений. Пути интимного сближения с представителями другого пола в различных социальных средах могут быть неоднотипными. Но все они характеризуются выражением симпатий и расположений друг к другу. Интимные отношения — важный компонент личной жизни, никогда не отвергавшийся передовой моралью. Во всех случаях, когда женщина направляет свои усилия на то, чтобы привлечь внимание мужчин, желая интимной близости, можно говорить, если угодно, о «провокации» ею мужчины на эту близость, но никак не на изнасилование. Кроме того, взаимоотношения полов складываются так, что проявление симпатии и внимания женщины к мужчине и мужчины к женщине вовсе не предполагает обязательного интимного сближения. Стремление быть привлекательной, завладеть вниманием мужчины — естественное для женщины явление, и оно вовсе не означает, что она берет на себя перед ним какие-то обязательства интимного характера. Такое поведение нельзя рассматривать даже как «провокацию» на интимное сближение.

Оценка поведения потерпевших от изнасилований должна исходить из признания за женщиной равного с мужчиной права на регулирование интимных отношений, права вести себя так, как она считает нужным и допустимым в любой ситуации, в том числе и «сексуально напряженной» или рискованной. Конечно, женщина может ошибаться, проявить неосторожность или несдержанность, неправильно оценить складывающиеся условия, даже проявить свою порочность и распутство, многое позволить мужчине и т. д. Ситуация же перерастает в преступление только в тех случаях, когда, зная о нежелании женщины вступить в половую связь, мужчина тем не менее применяет насилие или угрозу насилия, чтобы подавить ее сопротивление. Но теперь уже в любом случае мужчина действует, зная о несогласии женщины на такую связь.

Высказанные соображения отнюдь не означают призывов к игнорированию криминогенной значимости личности и поведения некоторых потерпевших от изнасилований, например, в следующих двух случаях:

О., 30 лет, в состоянии сильного опьянения спала на обочине дороги в сельской местности. Проезжавший мимо на мотоцикле двое молодых людей положили ее в коляску мотоцикла, увезли в расположенный неподалеку сарай и там изнасиловали.

М., 21 год, ожидала на стоянке автобус, когда к ней подошел незнакомый молодой человек («очень симпатичный», как она пояснила впоследствии) и предложил прогуляться в ближайший лесок. М. вначале отказалась, но когда искуситель пустил в ход сверхмощный аргумент — непечатую бутылку «Портвейна» — не смогла устоять. Нетрудно догадаться, что, несмотря на сопротивление, в лесочке она была изнасилована.

Мы еще раз подтверждаем нашу уверенность в том, что жертва играет заметную роль в генезисе и механизме насильственных половых преступлений. Правильная оценка этой роли очень важна для профилактики, расследования и уголовного наказания виновных. Есть все основания говорить о виктимологической профилактике преступлений, в том числе изнасилований.

Для организации виктимологической профилактики изнасилований важно знать, какие социальные группы женщин чаще становятся жертвами этих преступлений. По данным А. П. Дьяченко, из работающих жен-

щин на момент преступления в каждом втором случае нападению подвергались работники сферы торговли, общественного питания, бытового и коммунального обслуживания, здравоохранения и просвещения. Аналогичные данные получены в результате исследований, проведенных в Таджикистане. Из этого можно сделать вывод, что лица, занятые в указанных сферах, являются наиболее потенциально виктимными. Причины этого, по-видимому,—преобладающее число молодых женщин, большая вероятность многочисленных случайных знакомств, определенный круг интересов, характерный образ жизни и т. д.

Потерпевшие, поведение которых в предпреступной обстановке и непосредственно в ситуациях сексуального насилия было провоцирующим, пассивным, некритичным и т. д., попали в них уже как обладатели некоторых виктимных предрасположенностей. Эти предрасположенности не берутся «из ничего», а приобретаются в процессе формирования личности женщины, ее характера, установок, овладения ею социальными ролями и т. д. Тем самым создается реальная предрасположенность к определенному поведению, попаданию в определенные, как бы заранее предуготовленные для нее, ситуации, иногда достаточно опасные. Однако субъективная предрасположенность к попаданию отдельных женщин в ситуации, когда они могут стать жертвами полового насилия, отнюдь не исчерпывается их психологическими особенностями, навыками прожитой жизни, ведущими мотивами поведения и т. д. Тот факт, что потерпевшая оказалась в опасности, может быть связан и со случайными обстоятельствами, а также с характером ее трудовой деятельности и дружеских связей, особенностями проведения досуга и т. д., в которых, в свою очередь, проявляются ее личностные черты. Нельзя забывать, что в отличие от преступника, который в подобных преступлениях всегда активен, жертва только пассивна. Женщины, которые привыкли вести себя ненадлежащим образом, например постоянно пьянствовали, легко завязывали сомнительные знакомства и т. д., закономерно становятся жертвами сексуальных правонарушений.

Интересным для обсуждения представляется вопрос о том, можно ли вообще овладеть женщиной путем насилия. Здесь не имеют в виду те случаи,

когда преступник внезапно нападает на женщину и, например, ударом по голове или с помощью наркотиков и фармакологических средств приводит ее в бессознательное состояние, когда изнасилование совершается группой, а потому сопротивление практически невозможно, и в других подобных ситуациях. Эта проблема имеет важное практическое значение, например при решении вопроса о возбуждении уголовного дела или привлечении в качестве обвиняемого, тем более, что достаточно много людей думают, что в «обычной» обстановке изнасилование невозможно.

Заслуживающие внимания суждения по этому вопросу высказали Т. и Х. Швендингер, взгляды которых мы в целом разделяем. Изложим их позиции подробно, поскольку в них содержится аргументация, редко встречающаяся в отечественных работах.

Невозможность изнасилования женщины указанные авторы называют популярным мифом. Но он популярен не только у обывателей, но и среди врачей, адвокатов, полицейских. Они полагают, что потерпевшая имела возможность выбора, а поэтому несет моральную ответственность за то, что уступила насильнику.

Такие взгляды распространены и среди некоторых ученых. Антрополог Маргарет Мид (1969 г.) пишет: «В целом, в рамках одной однородной социальной структуры нормальный здоровый мужчина не может изнасиловать нормальную сильную здоровую женщину». Из этого следует, что средняя женщина, которая утверждает, что была изнасилована средним мужчиной, лжет. К женщине не пристали бы, если бы она добровольно на это не согласилась. Морис Плосков (1962 г.), автор книги «Секс и закон», также обращает внимание на такие атрибуты, как сила и физическое состояние. Он считает, что акт изнасилования не может быть совершен одним мужчиной над взрослой женщиной с хорошим здоровьем и достаточно сильной. Но, как мы видим, оба автора говорят о невозможности изнасилования сильной и здоровой женщины. Следовательно, допускают такую возможность в отношении несильной и нездоровой.

Т. и Х. Швендингер, оценивая эти взгляды, отмечают, что лица, не испытавшие изнасилования, имеют тенденцию сравнивать его с естественным половым

сношением, которое основывается на добровольном участии сторон без применения силы.

Между тем нельзя сбрасывать со счетов влияние таких факторов, как парализация жертвы под воздействием страха, внезапность нападения, а также вероятность ранения или смерти, что приводит к неспособности оказать сопротивление насильнику. Парализация жертвы под воздействием страха тесно переплетается с тоновой иммобильностью (неподвижностью) или животным гипнозом. Психологи Сьюзан Д. Суареш и Гордон Г. Галлон (1979 г.) сравнивают паралич жертв полового нападения с неподвижностью животных перед атакой: «Поскольку страх, скрытые полутона хищнического нападения, контакт и скованность являются общими доминантами насилия и снижения тоновой неподвижности, а также ввиду того, что реакции жертв насилия часто идентичны линии поведения «загипнотизированных» животных, можно сделать вывод, что тоновая неподвижность и паралич, вызванный страхом перед насильником, представляют один и тот же феномен».

С. Д. Суареш и Г. Г. Галлон указывают, что на основе данного феномена можно объяснить отсутствие сопротивления со стороны жертвы: «Ретроспективные отчеты, составленные жертвами насилия, указывают, что неспособность двигаться во время насилия происходит из-за их тоновой неподвижности. Заявления, такие, как «мое тело все было парализовано» или «мое тело все отяжелело»,— это наиболее общие состояния, аналогичные полному моторному торможению и мускульной скованности, испытываемой животными». Простая аналогия может пролить свет на заблуждения по поводу равенства сил во многих ситуациях насилия, в котором сексуальные мотивы часто смешаны с агрессивностью, садизмом и презрением к жертве.

В свете сказанного не очень убедительны выводы, к которым приходит Д. В. Ривман: 83,1% потерпевших были способны к сопротивлению и только 16,9% не могли противодействовать преступнику (причины тому: физическая слабость—13,9%, беспомощное состояние, сон—3%). Однако не все потерпевшие оказывали сопротивление насильникам, а только 70,5%. Из этого обстоятельства указанный автор делает не очень обоснованный вывод, что по отношению

к 12,6% потерпевших изнасилование явилось следствием их «непротivления»¹.

Такие выводы, а они не единичны, — типичный пример того, как в некоторых трудах, посвященных изнасилованиям, преступника и жертву незаметно меняют местами, о чем мы писали выше. Но и в целом приведенные данные не вызывают должного доверия, в первую очередь потому, что непонятно, на чем основано убеждение исследователя, изучавшего уголовные дела, а не самих потерпевших, что подавляющее их большинство были способны к сопротивлению. Подобные обобщения нельзя делать, учитывая только то, физически сильной или физически слабой была женщина, спала ли она перед применением насилия и т. д. Внезапность нападения, испуг, сковывающий страх, неумение (а оно естественно) сразу найти выход из создавшейся экстремальной обстановки, насилие со стороны нескольких преступников, а иногда и нежелание потерпевших вовлекать других, в том числе посторонних, людей в столь интимные обстоятельства во многих случаях существенно ограничивают возможности их действительного сопротивления. Конечно, нередко женщины могли бы дать отпор, но по каким-то причинам не делают этого. Но если, основываясь на приведенных данных или аналогичных им, настаивать на том, что большинство жертв могли сопротивляться, но не предприняли необходимых усилий, что это и привело к их изнасилованию, то можно неправильно сориентировать работников правоохранительных органов. Тем самым не будет обеспечена надлежащая защита половой неприкосновенности женщины.

Изложенное позволяет поставить очень важный вопрос: все ли потерпевшие от изнасилований обладают виктимностью? Но сначала попытаемся разобраться в этом понятии, отражающем определенные реалии. Под виктимностью можно понимать, на наш взгляд, два явления: незащищенность личности со стороны государства, общества и микроокружения от каких бы то ни было преступных посягательств, в том числе сексуальных, и ее субъективную предрасположенность стать жертвой преступления, что ослабляет способность противостоять преступнику. Первое не зависит

---

¹ См.: Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика изнасилований. — Л., 1977. — С. 59.

или почти не зависит от человека и связано, конечно, с недостатками в деятельности правоохранительных органов, со слабым реагированием общественности, общественных организаций и микрогрупп на возможные или уже совершенные безнравственные и противоправные действия.

Второе явление более сложно для объяснения и, по-видимому, включает в себя (имея в виду только изнасилования): 1) более или менее выраженные психологические (индивидуально-психологические и социально-психологические) «дефекты» личности, приводящие к ее виктимогенной деформации; 2) биофизиологические свойства человека, главным образом обусловленные возрастом (в первую очередь среди малолетних и престарелых); 3) психопатологические особенности, связанные с психическими аномалиями и болезнями, и вызванные соматическими заболеваниями психопатологические развития. Те и другие порождают особый патопсихологический облик индивида, т. е. его психологическую специфику. Конечно, и биофизиологические свойства также формируют соответствующие психологические черты.

Оба выделенных явления тесно переплетаются друг с другом, особенно на практике. Ясно, что женщина с повышенной виктимностью, с ослабленными индивидуальными способностями оказать сопротивление насильнику должна стать объектом особого внимания со стороны государства и общества, социального окружения, близких ей людей. Но ясно и другое, что следует подчеркнуть: значительная часть женщин, подвергшихся изнасилованиям, не обладают виктимностью, и здесь вина государства и общества в их «незащите» особенно велика.

Таким образом, незащищенность потерпевшей выступает в качестве внешнего, объективного условия, а субъективная предрасположенность, если она есть, — внутренней причиной того, что она стала жертвой насилия. Понятно, что к этим факторам нужно добавить те причины, которые заключены в самом преступнике, те условия, которые сформировали эти причины, и те условия, которые способствовали их проявлению в ситуации совершения преступления.

Каковы же те психологические «дефекты» личности женщин, которые могут способствовать их ненадлежащему поведению? Для решения этой проблемы

отчасти могут быть полезны данные, полученные нами путем изучения материалов комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз. Мы отмечаем частичный характер этих данных потому, что в нашей выборке основную массу составили несовершеннолетние и молодые взрослые в возрасте до 20 лет. Поэтому необходимо сделать поправку на психологические особенности их личности, обусловленные возрастом.

Изучение показало, что ведущей психологической чертой этой группы потерпевших является повышенная внушаемость, пассивная подчиняемость, психологическая инфантильность. Они плохо ориентируются в новых ситуациях, проявляют замедленность при ориентировании в них и в то же время не могут в должной мере прогнозировать развитие событий, в том числе связанных с их собственным поведением.

Значительно большей виктимогенной предрасположенностью обладают женщины, страдающие олигофренией. Изучение упомянутого экспертного материала позволяет сделать вывод, что присущие им тугоподвижность, трудность осмысления новой информации, малый запас знаний, конкретность и примитивность суждений, нарушение критики, очень слабые прогностические способности и т. д. весьма способствуют тому, что они становятся жертвами насилия. Среди девочек-подростков, подвергшихся изнасилованиям, обращают на себя внимание те, у которых наблюдается некоторое интеллектуальное снижение, не достигающее, однако, слабоумия, а также педагогическая запущенность, не соответствующий возрасту запас знаний.

Мы полагаем, что при провоцирующем поведении потерпевшей очень часто с ее стороны имеет место некая сексуальная игра, смысл и значение которой осознаются ею далеко не всегда. Такая игра особенно характерна для тех случаев, когда будущая жертва допускает уединение с мужчиной, его ласки, определенную атмосферу в создавшейся ситуации, но на этом ее «программа» заканчивается, и она не желает вступать в интимную связь. Однако, как правило, мужчина не понимает этого, пытается объяснить поведение женщины иными причинами. Применение насилия для преодоления ее сопротивления иногда может быть расценено как осуждение подобных поступков потерпевшей.

Можно высказать следующую гипотезу о природе и причинах отдельных форм неправильного поведения потерпевших от изнасилований: у части жертв насилия с ненадлежащим поведением имеются мазохистские тенденции. К сожалению, сейчас эту гипотезу мы не можем ни доказать, ни опровергнуть из-за отсутствия эмпирических данных, но она заслуживает внимания, хотя, возможно, таких случаев сравнительно немного.

Впервые термин «мазохизм» ввел в науку Р. Крафт-Эббинг по имени австрийского писателя Захар-Мазоха, изобразившего это явление в своих романах. Под мазохизмом Р. Крафт-Эббинг понимал пассивное терпение боли, жестокости для получения сексуального удовлетворения¹. По мнению А. Фореля, задатки мазохизма женщин кроются в ее нормальном половом чувстве согласно ее нормальной пассивной роли. «Женщина,— писал А. Форель,— не любит слабого, покорного мужа; ей нужен сильный властелин, на которого она могла бы смотреть с уважением. В общем, и нормальным женщинам нравится, чтобы мужа не очень много советовались и, вообще, вели себя несколько властно. По народной пословице, жены часто даже желают, чтобы мужа их били, и недовольны, если они этого не делают»². Садизм — активная, а мазохизм — пассивная формы альголагнии (от греч. algos — боль и lagneia — похоть, сладострастие).

Во многом сходные объяснения психологического характера о природе мазохизма у женщин приводит А. М. Свядош. Он отмечает, что в генезе мазохистских тенденций у женщины в одних случаях могут играть роль проявления инстинктов сексуального подчинения, сексуальной отдачи себя. Переживание чувства беспомощности, покорности, неспособности к сопротивлению выступает в этих случаях на передний план мазохистских переживаний. Некоторые мазохистки испытывают удовлетворение, если их связывают, другие желают полной покорности, чтобы объект любви оскорблял их, бил, заставлял валяться у ног. В других случаях грубое обращение, трети́рование, побои связаны с представлением о мужской

¹ См.: Крафт-Эббинг Р. Половая психопатия.— Спб., 1990.— С. 89.

² Форель А. Половой вопрос. Вып. 1.— 2-е изд.— Спб., 1907.— С. 269.

силе, мужественности, властности, в связи с чем получают положительную оценку и развиваются мазохистские наклонности. Чувство боли может иррадировать, вызывая половое возбуждение и сладострастные переживания, если при этом боль не слишком сильная. В основе мазохизма может также лежать и возникновение условнорефлекторной связи между чувством боли и сильным половым возбуждением (фетишисты боли)¹.

И. С. Кон, ссылаясь на исследования Миллер и Саймона, приводит следующие данные: мазохистские фантазии (быть объектом насилия) чаще встречаются у женщин (21% против 11% мужчин).

Сущность нашего предположения состоит в том, что женщины с мазохистскими тенденциями стремятся, часто бессознательно, быть объектом насилия, унижения, грубости, издевательства, жестокости со стороны мужчин, получая сексуальное удовлетворение от причиняемой физической боли или психического насилия и связанных с ними переживаний. Подобные действия со стороны мужчины проявляются тогда, когда он встречает сопротивление. Поэтому некоторые потерпевшие и желают попасть в такие ситуации. Этим же можно объяснить и неосторожное поведение отдельных женщин, попадающих в обстановку, в которой нападение на них весьма вероятно, например в безлюдных, темных местах. Показательно, что они часто не могут вразумительно объяснить, почему попали в эти места. Но, испытав удовлетворение вследствие причинения желаемой боли и унижения, у некоторых из них, как можно думать, включаются внутренние социальные механизмы реагирования на мужское насилие, появляются переживания по поводу того, что другие могут узнать о происшедшем, осудить их и т. д. Именно это может толкать их на обращение в правоохранительные органы с просьбой наказать насильника.

В описываемых случаях нужно, наверное, соблюдать определенную осторожность при решении вопроса о привлечении мужчины к уголовной ответственности. Здесь представляется необходимым проведение комплексных судебных психолого-психиатри-

---

¹ См.: Свядош А. М. Женская сексопатология.— 3-е изд.— М., 1988.— С. 119.

ческих экспертиз потерпевших, скрупулезный анализ и объективная оценка события в целом, его отдельных деталей. Основная проблема заключается в следующем: женщина с мазохистскими тенденциями сопротивляется не потому, что не хочет вступить в половой контакт, а потому, чтобы путем сопротивления вызвать насилие и таким образом испытать сексуальное удовлетворение, причем это может происходить у нее на бессознательном уровне. Иными словами, в действительности она стремится к половому сношению и ее отпор, словесный или физический, направлен не на избежание этого сношения, а, напротив, как раз к нему. Мужчина, скорее всего, может не догадываться о подобных внутренних пружинах поведения женщины, и его поступки внешне выглядят как изнасилование. Мы полагаем, что в таких случаях, даже учитывая действительные причины и побуждения патологического, мазохистского характера поведения женщины, он не должен освобождаться от уголовной ответственности. Возможно, что этот сложный вопрос нуждается в дополнительных исследованиях.

Для сведения правоохранительных органов считаем необходимым привести неполный, но довольно любопытный перечень поводов и причин обращения к ним с заявлениями о совершенных изнасилованиях, когда оно фактически не имело места. В этих случаях исходящее от потерпевших обвинение в изнасиловании используется ими для разрешения каких-то своих социальных проблем, никак не связанных с их сексуальной неприкосновенностью. Например, в практике встречаются случаи, когда женщина обвиняет в изнасиловании своего бывшего мужа с целью лишить его прописки на занимаемой ими жилплощади и тем самым избежать раздела и принудительного размена квартиры. Самыми, пожалуй, парадоксальными являются те случаи, когда утверждение женщины об изнасиловании определяется ее желанием получить материальные блага от государственных органов, например квартиру, пенсию по инвалидности и т. д. Таким стремлениям, на наш взгляд, способствует правовая неосведомленность населения. Это проявляется особенно наглядно, когда женщина, принимая на себя роль жертвы, предполагает, что это может ускорить, например, получение ею квартиры. Нередко заявления

об изнасиловании подаются с целью принудить другую сторону к заключению брака. Здесь также сказывается правовая неосведомленность, поскольку уголовные дела об изнасилованиях не могут прекращаться по заявлениям потерпевших. Мотивом обвинений в изнасиловании может быть месть со стороны женщины на почве ревности. В прошлом встречались даже такие ситуации, когда с целью избежать административной высылки прибегают к инсценировке изнасилования, стремясь таким образом сохранить свое прежнее место жительства. Девушки могут принимать на себя роль потерпевшей от изнасилования с целью объяснения для жениха или родителей нарушенной девственности. Несколько сходными являются случаи, когда женщина подобным способом пытается объяснить наличие у нее беременности или оправдать в глазах родственников и знакомых сделанный ею аборт. Иногда женщину принуждают к подаче заявления об изнасиловании муж или родственники, узнавшие об имевших место фактах (или факте) половой близости.

Перечень такого рода «мотивов» можно продолжить и дальше, в практике правоохранительных органов они не являются такой уж редкостью. В любом случае при рассмотрении конкретных дел об изнасилованиях сотрудникам этих органов необходимо тщательно анализировать личную ситуацию потерпевшей, чтобы избежать необоснованных обвинений в совершении столь тяжких преступлений.

4. Сексуальное насилие типа «Возвращаюсь назад»

Изнасилования по своей психологической природе, мотивации, характеру конкретных действий и тяжести наступивших последствий можно разделить на две основные группы: связанные с нарушениями индивидуального развития и связанные с дефектами межличностного общения насильника. Попытаемся раскрыть особенности, присущие отдельным разновидностям таких преступлений в рамках указанных групп.

Среди изнасилований, связанных с нарушениями индивидуального развития, в первую очередь привлекают внимание так называемые «охотники» за одино-

кими женщинами. Этих преступников наиболее внимательно изучили В. П. Голубев и Ю. Н. Кудряков¹.

Такие насильники внезапно нападают на незнакомых женщин (на улице, в подъезде, сквере и т. д.), очень часто сзади, стараясь силой сразу преодолеть сопротивление потерпевшей. Обычно преступники заранее поджидают жертву или ищут подходящую ситуацию, но до этого с женщиной в контакт не вступают. Их поведение образно можно сравнить с действиями охотника, поджидающего или выслеживающего свою добычу и ищущего подходящий момент для нападения. Агрессивные действия с целью изнасилования обычно включают избиения, иногда довольно жестокие, активные попытки физическим путем мгновенно сломить сопротивление женщины. «Охотники» редко отбирают у потерпевших ценности или деньги и чаще всего не убивают их.

По своим психологическим свойствам все лица, относящиеся к категории «охотников», являются однородными. Это особенно ярко показывают результаты теста Махвер «Рисунок человека» и ряда других методик. Мужскую фигуру они рисуют меньшую по размерам, чем женскую, а по возрасту явно моложе. Причем мужчина по смыслу рассказываемых сюжетов находится в зависимой и страдающей от женщины позиции. Такой рисунок говорит об эмоциональной зависимости мужчины от женщины, наличии чувства неполноценности в межполовых контактах.

Подобные преступники себя идентифицируют, судя по рисункам, с подростком, мальчиком, а если это взрослый мужчина, то он занимает по отношению к женщине пассивно-страдательную позицию. Поскольку мужская фигура на рисунке наделяется возрастом существенно меньшим, чем возраст самого обследуемого, можно говорить об эмоциональной фиксации на этом возрастном (подростковом) периоде и соответственно наличии личностной незрелости. Косвенным подтверждением этому является то, что одежда женщин на рисунках часто бывает полностью или частично прозрачной, а это может свидетельствовать о присутствии вуайеристических тенденций, т. е. о свойственной в юношеском возрасте фиксации на

¹ См.: Антонян Ю. М., Голубев В. П., Кудряков Ю. Н. Указ. работа.—С. 84—97.

представлениях, связанных с обнаженным женским телом.

То, что женская фигура рисуется в большей степени материнской, существенно старшей по возрасту, а не как сексуальный объект, к тому же более крупной по размеру, можно расценить как наличие неосознанной фиксированной эмоциональной зависимости от матери. Причем женщине приписывается больше силы, она более активна, ведет и направляет мужчину, доминирует в социальной среде и, естественно, в семье. Более того, из рисунков следует, что такие личности испытывают страх перед женщиной, а в ее присутствии чувствуют себя постоянно неуверенными в себе, подчиняющимися. Следует также отметить мощное напряжение сексуальной потребности у таких насильников, их фиксацию на половых отношениях, под которыми понимается только половой акт.

Для понимания субъективных стимулов внезапного нападения на женщин нужно иметь в виду, что первоначально для любого мужчины, в соответствующем возрастном периоде, женщина выступает в материнской роли. И поэтому отношения с матерью для него являются ключевыми в аспекте его контактов с другими женщинами уже в зрелом возрасте. Особенности сложившихся отношений с матерью в детстве и подростковом периоде в дальнейшем являются основой часто полностью определяющей общение с женщинами, их восприятие, оценку, свою позицию к ним и даже итоговый результат взаимоотношений. Причем сформированные таким образом установки могут являться детерминирующими и для выбора сексуального партнера, и для характера семейных отношений. Подобные установки помогают осуществить выбор будущего партнера по его психологическим признакам.

Другими словами, мы хотим отметить, что в отношениях с женщинами, и прежде всего в супружеских, очень часто мужчины стараются воспроизвести, естественно неосознанно, ту матрицу эмоциональных и ролевых функций, которые соответствовали бы характеру и специфике связи с матерью. Например, мужчины, которые имели в детстве доминирующую, властную мать и безвольного подчиненного отца, очень часто, но, конечно, не всегда, в супружеских отношениях бессознательно воссоздают свою раннесемейную ситуацию, образно говоря, занимая место своего отца и вы-

бирая в качестве жены женщину, похожую по своим психологическим характеристикам и поведению на мать. Тем самым такие лица как бы воспроизводят структуру семейных отношений, которые у них ранее существовали с матерями. Жена же на психологическом уровне заменяет мать, и они продолжают, несмотря на вступление в брак, сохранять стремление к эмоциональной зависимости, не обретая самостоятельности и психологической обособленности.

На основании изложенного можно утверждать, что основным личностным дефектом этой категории преступников является сохранение эмоциональной зависимости не только от матери или жены, но и, в силу трансформации этого качества, от женщин вообще. Поскольку же они не обрели личностно-эмоциональную автономию, то в своих отношениях с женщинами постоянно воспроизводят фиксированные эмоциональные установки, направленные на воссоздание материнско-детской зависимости и соответствующего эмоционального слияния с женщиной, характерного для такого рода отношений. На этом и строится их адаптация. Подчеркнем, что личностная тенденция не является осознаваемой.

Поэтому в качестве мотива совершенного преступления у этой категории преступников выступает стремление к преодолению преимущественно психологического доминирования женщин вообще, а не конкретных лиц. Психологическая задача, которая решается в акте изнасилования — это попытка резко идентифицироваться с мужской половой ролью через насилие над женщиной. Это преступление имеет также смысл попытки обретения личностно-эмоциональной автономии, самостоятельной адаптации, осуществления своего «психологического рождения» за счет уничтожения указанной зависимости от женщин, которые по отношению к нему, с его позиции, осуществляют материнскую функцию. Изнасилование совершается ради доминирования с целью преодоления подчинения.

К тому же «охотники» слабо контролируют сферу влечений, их поведение является мало опосредованным внутрличностным содержанием: ценностями, нормами, социальными установками. Именно в связи с этими чертами агрессивные сексуальные действия у «охотников» выступают как мощный выход потребности напряжения, которое они плохо могут

контролировать. Таким образом, совершаемое преступление, помимо того личностного смысла, о котором мы говорили выше, имеет характер и значение психофизиологической разрядки длительно напряженной и сдерживаемой потребности. Отсюда и внезапность нападения, сильные удары, полная концентрация внимания на объекте нападения; часто не принимается во внимание происходящее вокруг, и это приводит к тому, что они во многих случаях задерживаются на месте преступления.

В аспекте сказанного становится понятным, почему такие преступники совершают нападения только на незнакомых женщин, более того, избегая всяческого предварительного контакта с потерпевшей. Дело в том, что любой предварительный контакт с женщиной делает невозможным ее изнасилование, поскольку приводит к актуализации характерных для них эмоциональных реакций, и они мгновенно попадают в зависимость от нее, становясь ведомыми и подчиненными.

В. П. Голубев и Ю. Н. Кудряков обследовали Ф., 30 лет, ранее судимого, проживавшего с женой и ребенком.

Первое изнасилование совершил при следующих обстоятельствах. Около 23 часов возле своего дома увидел женщину, решил совершить с ней половой акт и потому пошел следом. Пройдя несколько домов, остановил женщину, схватил за шею, повалил на землю и стал избивать ее по лицу, голове, требовал, чтобы она перестала кричать. Потом за волосы потащил ее в огород, где продолжал избивать, угрожать и изнасиловал. Со слов потерпевшей, в огороде забивал ей рот землей, требовал, чтобы она не кричала, иначе «пырнет ножом».

В том же месяце около 23 часов вечера встретил С., возвращавшуюся с работы домой мимо кладбища. Догнал ее, ударом сзади сбил на землю, кулаком стал наносить удары по лицу и голове. Поскольку потерпевшая кричала, приставил к ее шее металлическую пластину и заявил, что зарежет. Преодолев сопротивление потерпевшей, потащил ее на кладбище, где пытался совершить с ней половой акт, но не смог его осуществить по физиологическим причинам и отпустил ее.

Через 2 месяца около 24 часов Ф., находясь в другом городе, увидел девушку 17 лет, которая одна шла по улице, и пошел за ней. Догнав ее, предложил пойти

с ним, чтобы совершить половой акт. Получив отказ, Ф. ударил потерпевшую бутылкой по голове, затем схватил за волосы и потащил в поле. Там повалил на землю, угрожал убийством. Преодолев сопротивление, совершил с ней половой акт. Потом повел ее дальше от города и повторно изнасиловал. Потерпевшая говорила ему, что она несовершеннолетняя, что ей 17 лет, и просила отпустить ее. В результате насилия ей причинены легкие телесные повреждения. Очень интересным по этому эпизоду с психологической точки зрения является следующий момент: Ф. назначил потерпевшей свидание на следующий день в условленном месте, где и был задержан сотрудниками милиции. Показательно, что Ф. о втором эпизоде рассказал сам, поскольку потерпевшая об этом не говорила.

Ф. родился в благополучной семье, имел обоих родителей, брата и сестру. Отец по характеру человек твердый, обязательно добивался желаемого. Любил порядок, был очень строгим, но физически сына никогда не наказывал. Алкоголем не злоупотреблял; работал шофером. Но с отцом Ф. общался гораздо реже, чем с матерью, поскольку тот часто отсутствовал. Мать была немного мягче, чем отец, но тоже отличалась твердостью характера и жесткостью в общении. Отношения в семье строились, по его словам, нормально, крупных ссор и конфликтов между родителями не было. Можно сделать вывод, что Ф. полностью подчинялся родителям и боялся их.

Ф. окончил 8 классов, учился в целом хорошо, затем окончил техникум, был призван в армию. В школе, техникуме и армии отличался дисциплинированностью и прилежанием. После окончания срочной службы остался служить мичманом сверхсрочно.

Когда ему был 21 год, познакомился со своей будущей женой. Около года встречался с ней, а затем женился. К этому времени умер его отец. По словам Ф., у него с женой сначала были очень хорошие, спокойные отношения, не ругались, не ссорились. Через год после свадьбы родился мальчик. Продолжая служить мичманом, переехал с женой на Дальний Восток. Через три года после рождения сына внезапно совершил хулиганские действия и был осужден. По его словам, это была драка у своего дома с человеком, который, как он предполагал, встречался с его женой. В период отбывания наказания жена навещала Ф.,

и после освобождения он приехал к ней, восстановил супружеские отношения.

В беседе Ф. крайне неохотно отвечал на вопросы, которые касались совершенных им преступлений и отношений с женой. Бесспорно, что он очень любил ее, подчинялся ей, она очень много значила в его жизни, особенно после того, как он отбыл наказание за хулиганство, учиненное им в связи с ее неверностью. Но жена не сохранила ему верность, пока он отбывал наказание. С этим Ф. столкнулся и после освобождения. Отношения с женой не сложились сразу, хотя он строил совсем иные планы и надеялся на такую же счастливую жизнь, как в первые годы брака.

Ф. по характеру достаточно мягкий человек, легко подпадает под влияние, подчиняем. Жена, судя по всему, человек жесткий и властный, она доминировала в семье. Он даже немного побаивался ее решительного характера. Можно сказать, что он исполнительен, дисциплинирован, легко входит в контакт, обходителен. Психологическое изучение Ф. не выявило у него никаких признаков агрессивности, упрямства и враждебности, наоборот, мягок, податлив, услужлив, очень вежлив, часто улыбается. Агрессивным может стать только из-за временных психических нарушений в условиях психотравмирующей ситуации. Внешность «нормальная», никаких физических дефектов у него нет. В совершенном преступлении раскаивается, винит только самого себя.

Эмоциональная сторона отношений имеет для Ф. большое значение, и фрустрация эмоциональных потребностей способна вызвать стресс. Более того, страх невозможности достичь того, к чему он стремится, может приводить его к беспокойным, хаотичным поискам удовлетворения эмоциональных потребностей и снятия стресса в какой-либо заместительной, иллюзорной или бессмысленной деятельности. Для него большое значение имеет удовлетворение сексуальных потребностей, и сексуальные отношения служат основой для его попадания в жесткую зависимость от женщины.

Можно у Ф. отметить и такие черты, как неуверенность, нерешительность. Стрессовая ситуация, особенно если она связана с эмоциональным аспектом взаимоотношений, для него психологически непереносима, и он стремится к выходу из такой ситуации любым способом, даже явно неадекватным.

У него очень сильная фиксация на сексуальной сфере, где одновременно сочетаются парадоксальные, противоречивые свойства: стремление к сексуальному доминированию во взаимоотношениях с женщинами и одновременно подчинение, уступчивость. Можно сказать, что здесь стремление к сексуальному доминированию выступает в комплексе с эмоциональным подчинением и зависимостью от женщины.

Женщина для Ф. является психологически и даже физически более сильной, чем он. Она в большей степени отождествляется с материнской ролью. Себя Ф. воспринимает субъективно как более слабого, пассивного, подчиняющегося по отношению к ней. На внутреннем психологическом уровне и межполовом взаимодействии у Ф. идет отождествление себя, скорее, с мальчиком-подростком, чем с женщиной. Можно сказать, что у него очень сильно нарушена идентификация с традиционно мужской ролью. Более того, он даже испытывает робость перед женщиной и боится вступить с ней в контакт и отсюда вытекает его подчиненная позиция в межполовом взаимодействии.

Конечно, возникает вопрос: почему Ф. реализовывал агрессию к ранее неизвестным женщинам, а не в отношении своей жены? Он не мог это сделать, поскольку она доминировала над ним, имела для него особое жизненное значение. Психологическая ценность жены для Ф. необыкновенно высока, и поэтому, несмотря на неблагоприятные отношения между ними, он не мог быть агрессивен по отношению к ней. Напомним, что в первый раз Ф. был осужден за избиение мужчины, которого подозревал в связи со своей женой. Иными словами, проявил агрессию не к ней, а к другому.

Можно сделать вывод, что совершенные Ф. изнасилования неизвестных ему женщин имели для него субъективный смысл унижения женщины как таковой и тем самым разрушения субъективного значения женщины для себя, обретения эмоциональной независимости и автономии. Очень важным для Ф. в плане решения такой психологической задачи была логика привычного отношения к женщине и создание для себя ее эмоционально отталкивающего образа. Совершая изнасилования, Ф. таким способом пытался разрушить травматичное для него восприятие женщин и сложившихся с ними отношений, привычные

способы реагирования и поведения в сексуальных контактах. Если внимательно анализировать фабулу совершенных Ф.-сексуальных преступлений, то видно, что он в буквальном смысле этого слова пытался «смешать женщину с грязью»: забивал потерпевшим рот землей, возил по земле лицом и т. д.

Среди опасных сексуальных преступников можно выделить тех, в действиях которых происходит условный возврат в прошлое, в субъективно комфортно-эмоциональное состояние, либо уход от более сложных сексуальных отношений со взрослыми женщинами к более простым с подростками. К этой очень опасной категории преступников можно отнести тех, которые совершают изнасилования детей в возрасте до 13—14 лет. Изнасилования чаще всего осуществляются извращенными способами в сочетании с развратными действиями, но встречаются и изнасилования, сопряженные с тяжелыми для потерпевшей физическими последствиями. Сюда же мы относим и те случаи, когда отец вступает в насильственную половую связь со своей несовершеннолетней дочерью. Объединить всех этих преступников в один тип нам позволили данные психологических исследований.

У этой категории преступников изнасилования могут сопровождаться прямым физическим подавлением потерпевшей, но чаще половой контакт осуществляется благодаря обману. Сам преступник может при этом находиться в состоянии сильного алкогольного опьянения, но обычно совершает эти действия, полностью осознавая их.

Лица, совершающие изнасилование девочек, как правило, имеют собственную семью или же постоянного полового партнера — взрослую женщину. Но общим для всех такого рода преступников является то, что половой контакт с женой или любой другой взрослой женщиной не приносит им сексуального удовлетворения либо же является по тем или иным причинам для них невозможным. Например, это может быть связано со слабостью сексуального влечения мужчины к сексуальной холодностью партнерши, к которой тем не менее он психологически очень привязан и от которой эмоционально зависит, или же с имеющимися у него деформациями сексуального влечения. Среди преступников, совершающих сексуальное насилие в отношении девочек, можно назвать тех, у которых име-

ется определенная эмоциональная фиксированная установка именно на девочек, возникшая в связи с сильными эмоциональными переживаниями, имевшими место в возрасте 10—14 лет. Этот феномен мастерски описан в романе В. Набокова «Лолита».

В другом случае установка фиксируется и на мальчиков, и на девочек, если половой контакт с ними приносил в соответствующем возрасте удовлетворение преступнику и если он затем в сексуальных сношениях со взрослыми женщинами терпел неудачу и был травмирован. «Возврат назад» становится вероятным.

Приведем следующий пример.

Ю., 21 года, стройный парень выше среднего роста с волнистыми длинными волосами, из тех, что обычно привлекают внимание девушек. Внешне мягок, даже робок. Наказанный ранее за развратные действия в отношении мальчика, Ю. привлечен к уголовной ответственности за тягчайшие преступления:

1. В кустах напал на девочку 9 лет, избил ее, изнасиловал в рот и путем удушения довел до бессознательного состояния. Похитил у нее золотые серьги.

2. Примерно через полгода совершил нападение на мальчика 8 лет, нанес несколько ударов ножом в левую половину грудной клетки и совершил с умирающим ребенком половое сношение, причинив ему три разрыва прямой кишки.

3. Через полтора месяца завел в кусты девочку 9 лет, нанес удар по лицу, душил, ввел кляп в дыхательные пути, причинив множественные ссадины и кровоизлияния, после чего изнасиловал умирающую, причинив разрывы плевы и влагалища.

4. В том же месяце обманом привел в кусты мальчика 4 лет, нанес удары по голове, причинив перелом костей свода черепа, задушил его петлей и кляпом, а затем совершил половой акт в задний проход, причинив посмертные разрывы прямой кишки.

5. Через полтора месяца проник в квартиру, где находилась девочка 9 лет, путем удушения довел до бессознательного состояния, затем нанес удар ножом в сердце и легкое, от чего она скончалась. Сразу же после ее смерти совершил половой акт во влагалище и задний проход.

О Ю. известно, что он страдает психопатией, в связи с чем был демобилизован из армии. Когда ему было всего 9 месяцев, у него был тяжелый припадок, он

посинел, не дышал, было самопроизвольное выделение мочи и кала. До двух лет такой припадок повторился еще дважды. В возрасте 19 лет Ю. упал с моста, были судороги и рвота. Психическое неблагополучие наблюдается со стороны отца обследуемого: у него диагностирован шизофреноподобный синдром, шизофрения. Страдали двоюродная сестра отца и дочь его родного брата, который покончил жизнь самоубийством.

Лица, близко знавшие Ю. с детства, рассказали, что Ю. ни с кем из девочек в классе не дружил и даже боялся их. Если его обижали, он опускал руки и даже не отталкивал обидчика. Когда ему исполнилось 10 лет, он стал заводить сексуальные игры со своими сверстниками — и мальчиками, и девочками, они терлись друг о друга гениталиями, мальчики брали половые органы в рот, причем это делалось в присутствии и девочек. Со слов Ю., он получал от этого острое наслаждение. В возрасте 15 лет по предложению незнакомого мужчины в общественном туалете занимался с ним взаимным онанированием, а затем вступил в гомосексуальный контакт. Когда ему было 17 лет, совратил мальчика 13 лет: раздел его, терся половым членом о его зад, наступил оргазм. Наказание суд определил ему условно. В этот же период пытался совершить развратные действия с незнакомой девочкой лет 9, завел ее за пивнушку в темное место, но она убежала.

Как рассказывал Ю., первый нормальный половой акт со взрослой женщиной у него был тогда, когда ему исполнилось 18 лет, но этот опыт был неудачен, поскольку вначале не было эрекции. Она наступила лишь после дополнительных усилий партнерши. Точно такие же неудачи постигали Ю. и с тремя последующими женщинами, которые, заметим, все были его старше на 3—7 лет. Последняя, пятая, его любовница, М., была в возрасте 15 лет, с ней половые сношения тоже не приносили ему удовлетворения, но тем не менее он собирался на ней жениться, они жили вместе вплоть до дня его ареста. Таким образом, все ужасные злодеяния были совершены им в тот период, когда он сожительствовал с молодой девушкой.

Ю. признал, что им совершено около двадцати нападений на незнакомых детей, следствию же известны были лишь пять из них. Важно подчеркнуть, что, по его словам, со всеми своими жертвами он лишь раз

испытал сексуальную неудачу в виде отсутствия эрекции, но и то через 1—2 минуты уже был способен совершить половой акт. «Когда я видел мальчика или девочку,— поясняет Ю.,— то сильно возбуждался, сразу же возникала мысль вступить в половую связь... То, что я иногда совершал половой акт с трупом... Я не чувствовал, что это труп, мне было всё равно, как все равно и то, мальчик это был или девочка. Убивал, чтобы не сопротивлялись, убивал, чтобы не смогли донести». Добавим, что, живя с М., он продолжал систематические гомосексуальные контакты с Д., с которым такие контакты установились, когда им было по 10 лет.

Как мы видим, у Ю. образовалась жестко фиксированная сексуальная установка на детей обоего пола, поскольку его первый половой опыт, принесший большое эмоциональное удовлетворение, был связан именно с этим возрастом. Все последующие «обычные» сношения с женщинами были неудачны, даже с М., к которой он был привязан больше, чем к другим, но тем не менее продолжал сожительствовать с Д. и нападать на детей. В течение некоторого периода его сексуальная жизнь делилась на три части: с М., с Д. и сексуальное насилие в отношении детей. Совершенно ясно, что последнее имело место потому, что контакты со взрослыми М. и Д. его не удовлетворяли. Ю.—типичная бисексуальная ригидная личность, «застраившая» в возрасте 10—12 лет и не способная изменить реализацию своих потребностей в зависимости от своего же возраста и новых условий жизни. Он полностью сосредоточен на своих сексуальных переживаниях, так сказать, ушел в них, и они имеют для него первостепенное значение. Поэтому, невзирая на угрозу самого сурового наказания, Ю. насилует и убивал детей.

Фрустрация в сексуальных взаимоотношениях со взрослыми женщинами, особенно если она, как у Ю. и подобных ему лиц, носит хронический характер, приводит дополнительно к нарушениям межличностных связей вообще, активизирует различные психологические адаптационные механизмы. В первую очередь, как показывают наши исследования, у изученных нами преступников происходила активизация механизма «возвращения» в свое прошлое, они неосознанно стремились получить то удовольствие в настоящем,

которое пережили в прошлом. Хроническая фрустрация личности и нарушение ее социально-психологической адаптации приводили прежде всего к внутреннему дисбалансу и неустойчивости ее психического мира.

При попытках воссоздания удовлетворяющих в прошлом переживаний проявляется защитный механизм регрессивного типа, поскольку осуществляется перенос из настоящего, в котором испытываются трудности, в прошлое, которое было эмоционально положительно окрашено. Следовательно, бессознательной целью переноса является попытка снова испытать те позитивные переживания, которые были у субъекта в подростковом периоде при взаимодействии со сверстниками. Прошлые эмоциональные впечатления от такого общения глубоко фиксированы в психике. Фиксация вызвана тем, что они не получили затем своего развития в плане преэмптиности, т. е. не стали основой для позитивно эмоциональной, удовлетворяющей субъекта половой жизни со взрослыми женщинами. Если половой контакт с девочками или мальчиками начинает приносить такому мужчине сексуальное удовлетворение, то окончательно формируется аномалия влечений, сутью которой является непроходящее тяготение к ним. Естественно, что стремление к такого рода половым контактам приводит к совершению преступления.

Среди сексуальных преступников выделяются те, чьи насильственные действия вначале направлены не на женщин, а на оказавшихся рядом с ними мужчин (мужа, сожителя, знакомого и т. д.). Изнасилование женщины здесь как бы вторично, и оно следует после физической расправы или физического подавления находящегося рядом мужчины. Часто такого рода изнасилования сопряжены с убийством мужчины, а иногда и женщины. К этому же типу преступников можно отнести и тех, кто совершил изнасилование женщины, сопряженное с ее последующим убийством, чаще всего путем жестокого избивания, даже истязания; с нанесением множества тяжких телесных повреждений.

Для насильников такого рода характерно нахождение в состоянии сильного алкогольного опьянения, они очень редко пытаются скрыть следы преступления. Беседы с ними убеждают в том, что и для них самих их действия, отличающиеся очень сильной эмоционально-аффективной окраской, были субъективно не-

объяснимыми и неожиданными. У этой категории насильников, о чем свидетельствуют беседы с ними, детство протекало также крайне тяжело, семья была неблагополучной в том смысле, что в ней отсутствовала эмоциональная теплота и, напротив, культивировались жесткие отношения, иногда даже жестокость. В детстве такие личности имели эмоционально острые переживания, связанные с унижением со стороны не только родителей, но часто и сверстников.

Исследование показало также, что они обычно совсем не осознают мотивы собственных действий. К тому же картина совершенного преступления впоследствии до такой степени искажается механизмами психологической защиты, что приобретает иногда даже гротескно-абсурдный характер (в одном из примеров мы покажем образец такой рационализации). Отметим также, что многие такие преступники отличаются немалой физической силой, что понятно, если учесть особенности совершенных ими преступлений. С позиций характерологии, у этой категории преступников можно выделить в первую очередь наличие истеропаранойяльных черт, которые либо сильно акцентированы, либо психопатизированы. Часто эти черты сочетались с шизоидными.

Вместе с тем прослеживается мощное стремление к доминированию, которое носит тотальный характер. Буквально это попытка обрести полное доминирование над средой, подчинить ее себе. Очевидно, только тогда они будут испытывать чувство безопасности и комфорта. Другими словами, тенденция к тотальному доминированию является компенсаторной по своей сути, ибо за ней стоит внутренняя психологическая незащищенность, неуверенность, повышенная чувствительность. Мы хотим сказать, что стремление подчинить себе среду носит своеобразный психологически защитный характер, но это, естественно, не осознается. Однако в отличие от всех других категорий насильников у преступников такого «тотально-самоутверждающегося» типа нами не выявлено сильной фиксации в сексуальной сфере.

Смысл совершаемых ими изнасилований и убийств заключается в полном подчинении психологически значимого окружения, доминировании над ним, уничтожении всего того, что воспринимается как препятствие к достижению цели. Поэтому любое сопротивление

вызывает мощный аффективный взрыв, реализуемый в жестоких избиениях, истязаниях, мучениях жертв.

Можно сделать вывод, что неподчинение других является для этих личностей психологически непереносимым. Они, образно говоря, боятся, что их внутренняя незащищенность и слабость будут замечены окружающими, которые сделают названные качества очевидными для них самих, что может обернуться личностной катастрофой, поскольку это разрушит «Я»-концепцию. Поэтому полное подавление жертвы, вплоть до ее убийства, носит извращенно-защитный характер. Изучение индивидуальных историй жизни насильников этого типа позволяет прийти к заключению, что их агрессия выступает способом снятия переживаний, возникших в результате психотравм, перенесенных в детстве и юности. Это не только унижения со стороны родителей, но и поражения в соперничестве с другими подростками, ощущение ущербности и уязвленности своего полоролевого статуса, неуверенность в своей биологической значимости.

5. Сексуальное насилие типа «Жажду признания»

Многие изнасилования совершаются в связи с тем, что виновные в них конформны, подчиняемы чужому влиянию, неустойчивы. Их отличительной особенностью является то, что они совершают изнасилования, как правило, в группе, но при этом никогда не являются инициаторами. Обычно это устойчивая группа, но не обязательно с антисоциальной направленностью. Члены этой группы хорошо знают друг друга, совместно проводят свободное время. К этой категории преступников чаще всего можно отнести лиц в возрасте от 15 до 20 лет. Это возраст, в котором, как известно, с наибольшей силой проявляется стремление к группированию со сверстниками. В молодежной среде существует несколько типов групп.

Основной психологической характеристикой этой категории преступников является недостаток волевых качеств. Особенно это проявляется в сфере учебы, труда, исполнения обязанностей и долга. Учеба и труд их никогда не привлекают, занимаются они этим только в силу крайней необходимости или по принуждению.

Они обычно безразличны к своему будущему, не строят планов, не мечтают о какой-либо профессии. Другими словами, это люди, живущие одним днем и желающие извлечь из всего максимум развлечений и удовольствий. Интересы их скудны и примитивны, все, что требует усилий, трудолюбия, их не привлекает. Очень легко обнаруживаются при беседе и наблюдении за этими преступниками и такие качества, как крайнее легкомыслие, безответственность, лживость.

В детстве лица конформного типа отличаются непослушанием, которое сочетается с трусливостью. Они боятся наказаний и легко подчиняемы. Часто убегают с уроков, прогуливают, стремятся проводить время в уличных компаниях. Активно стремясь к членству в них, они тем не менее никогда не становятся в них лидерами, так как трусливы и неспособны быть в необходимой степени инициативными. Из-за этого очень часто они становятся послушным орудием в руках группы или ее лидера, поэтому причиной совершения преступления здесь обычно выступает не сексуальная потребность как таковая, а стремление сохранить свою принадлежность к группе, остаться ее участником, что имеет для них огромное личностное значение, такие лица в принципе не способны к самостоятельному и автономному существованию. К тому же они очень легко поддаются под любое сильное и жесткое влияние. Термин «неустойчивые» является, пожалуй, для них весьма точной характеристикой, поскольку их поведение при отсутствии контроля теряет направленность или же определяется только сиюминутной жадой удовольствий и развлечений. Очень важно отметить, что принадлежность к группе и обретение тем самым защиты от социальной среды являются для таких лиц психологически значимыми, поскольку позволяют поддерживать адаптацию, способствуют психологической сохранности, повышению самооценки, уровня самопрятия и т. д.

Из сказанного можно сделать вывод, что участие в группе имеет для неустойчивых лиц жизненный смысл и они дорожат своим членством в ней до такой степени, что готовы ради его сохранения пойти на любые действия.

Дефекты в сфере межличностного восприятия могут проявиться и в такой форме, как импульсивность, т. е. склонность действовать по первому побуждению,

под влиянием внешних обстоятельств или эмоций. Импульсивность насильников заключается в том, что они совершают сексуальную агрессию в ситуациях, которые субъективно оценивают как благоприятные, относя сюда и виктимное поведение потерпевших. Такие преступники, как правило, не планируют и не обдумывают заранее свои преступные действия, совершают их чаще в нетрезвом состоянии. Многие из них не считают себя виновными, обвиняя во всем потерпевших.

Ситуации, в которых совершаются изнасилования этой категорией преступников, обычно отличаются тем, что потерпевшие в силу тех или иных обстоятельств оказались наедине с преступником или преступниками и помощь им со стороны была маловероятной. Бывают случаи, когда преступник имел умысел на совершение другого преступления, например квартирной кражи, но вместо этого совершил изнасилование оказавшейся в квартире женщины. В другом случае, например, преступник совершил изнасилование незнакомой ему женщины, воспользовавшись тем, что она оказалась поздно вечером на пустынной дороге, по которой он возвращался домой. Другими словами, можно сказать, что умысел у этой категории преступников может возникнуть внезапно. Ни по типу личности, ни по своим действиям это, однако, не «охотник», так как он не поджидает специально жертву, не ищет ее. Он просто пользуется подходящей, по его мнению, ситуацией.

Женщины, которые оказываются потерпевшими от нападений таких преступников, имеют самый широкий возрастной диапазон. Их отличительными личностными признаками являются неосмотрительность, излишняя доверчивость, неумение оценивать складывающиеся ситуации и даже извлекать уроки из своего прошлого опыта. Для многих из них нападение такого рода насильников может быть субъективно внезапным; предварительный контакт с преступником, примерно в половине случаев, по нашим данным, имел место, но кратковременный.

Объяснение причин совершенного преступления со стороны самих преступников носит крайне упрощенный, примитивный характер типа: «Совершил преступление, потому что был пьяный», или «Женщина сама виновата во всем». Большинство отмечает, что за некоторое время до совершения изнасилования у них не

было даже мысли о возможности совершения ими такого рода преступления. Иными словами, и для самого преступника его действия субъективно оказывались внезапными.

Для понимания личности этой категории насильников и причин их преступных действий необходимо рассмотреть также особенности их поведения и реагирования в детстве. По нашим данным, у многих из них наблюдались внезапные немотивированные побеги из дома. Условия в семье были, как правило, неблагоприятными. Отношения между родителями, если они были, отличались скандалами, иногда драками; отец, а иногда и мать злоупотребляли алкоголем. Поэтому побеги из дома носили чаще всего характер протеста против таких условий жизни и являлись для ребенка или подростка простейшим выходом из ситуации.

Такие несовершеннолетние рано попадают в уличные компании с антисоциальной направленностью, находя в их поддержке замену своим родителям. В детстве у подобных лиц можно отметить также наличие мелких правонарушений, чаще всего краж. В школе они учились плохо, не успевали по многим предметам, часто прогуливали, рано начали курить и употреблять алкогольные напитки. Таким образом, можно отметить, что социализация преступников рассматриваемого типа уже в детском и подростковом периоде была нарушена и их развитие происходило в крайне неблагоприятных микросоциальных условиях. Уже тогда они сталкивались с явлениями насилия и жестокости.

Поскольку основными методами воспитания в семье (а также в интернате или сходных заведениях) были окрик, насмешка, побои, другие проявления жестокого отношения, то формируется постоянная внутренняя эмоциональная напряженность, которая приводит к возникновению внезапных импульсивных реакций типа побегов из дома и агрессии. Можно обоснованно предположить, что протест у этих детей первоначально был направлен против подобных методов, но, возможно, со временем в психике метод ассоциировался с нормами поведения и проявлялся протест уже против самих норм, поскольку за ними стояло насилие. Именно поэтому у личности подобного типа существует неосознаваемый, привычный протест против любых ограничений своего поведения

и импульсивное, внезапное реагирование в конфликтных или неблагоприятных ситуациях.

Среди представителей импульсивного типа можно выделить особую категорию преступников — социокультуральный подтип. Его составляют лица, совершающие изнасилования женщин как представительницы другой общности, другой культуры, прежде всего национальной, чем утверждают себя в качестве представителя более высокой, более престижной культуры. Эта общность и ее национальная культура субъективно воспринимаются насильником (как, впрочем, и убийцей или грабителем) как нечто, стоящее ниже той культуры, к которой он относит себя сам, а поэтому не заслуживающее уважения, признания и доверия, даже враждебное ему. В связи с этим к представителям такой национальной общности, в частности к женщинам, необязательно, а во многих случаях и неприемлемо такое же отношение, как к представителям своей собственной национальной группы. Негативное, пренебрежительное восприятие «чужой» общности в целом, убежденность в том, что она недостойна иного отношения якобы в силу присущих ей особенностей, персонифицируются к отдельным ее представителям, делают их вполне «приемлемыми» объектами насилия, грабежа или другого тяжкого преступления.

Конечно, это не отношение одной нации к другой. Это — установки отдельных представителей конкретных субкультур, в рамках которых развиты националистические тенденции, проповедь своего национального превосходства, обывательская психология и идеология, узкое, чрезвычайно ограниченное видение мира. Носители и особенно проповедники такой субкультуры, как правило, не имеют личного опыта межнационального сотрудничества и помощи, отличаются низким уровнем общей культуры, склонны к застреванию на мелочных обидах, не умеют объективно оценивать ситуации, возникающие в межличностном общении. Они не желают, а чаще не умеют понять что за национальной спецификой, бытом, обычаями и традициями других народов стоит длительный исторический путь развития, объективные условия жизни этих народов.

Особенно опасны такие люди в период обострения межнациональной вражды и, конечно, во время войны. Как известно, в этих условиях изнасилования — до-

вольно распространенное явление. Однако изнасилование женщин, представительниц других наций, имеет место и при обычных обстоятельствах, например в курортных и туристических местностях Закавказья, чему иногда способствуют неосторожность, излишняя доверчивость, а иногда и аморальное поведение жертв.

Представляется, что преступное поведение насильников социокультурального подтипа можно рассматривать как проявление соответствующей групповой субкультуры, что не исключает других аспектов анализа. Разумеется, не каждый случай изнасилования женщины другой национальности укладывается в эти рамки, оно может не иметь к ним никакого отношения. Вместе с тем мы полагаем, что здесь нужно видеть не проявление конфликта национальных культур, даже частное, а именно выражение ненормальной, даже антиобщественной групповой субкультуры. Действия насильника или, например, грабителя ни в коем случае не отражают позиции всего народа, к которому они себя причисляют, а только той его части, как правило, небольшой, к которой они принадлежат. Более того, и эта часть обычно прямо не предписывает совершение убийств, изнасилований или разбоев, она формирует лишь общие негативные, враждебные установки, что само по себе весьма важно.

При совершении изнасилований представителями социокультурального подтипа достаточно четко прослеживается стремление к реализации сексуальной потребности, что и было одним из оснований отнесения этого подтипа к импульсивному типу. Вместе с тем здесь можно видеть элементы мотива самоутверждения путем уничтожения (многие такие изнасилования заканчиваются убийствами), унижения, обесценения потерпевших. Поскольку же объектом нападения является не просто женщина, а женщина, как представительница чужого «племени», можно предположить наличие мотивов подавления, обесценения, унижения этого «племени».

К числу лиц с дефектами в сфере межличностного общения можно отнести так называемых отвергаемых лиц. Это те, которые не могут по объективным причинам удовлетворить свою половую потребность социально приемлемым путем. Прежде всего к ним относятся олигофрены, а также лица, имеющие физические недостатки, делающие их внешность отталкивающей для женщин.

Основную массу этой категории преступников составляют олигофрены (только в степени дебильности). Имеющиеся у них психические дефекты, интеллектуальная недостаточность, мешающие усвоить социальные нормы, часто сопровождаются уродливым, неряшливым внешним видом, что, естественно, препятствует установлению контактов с женщинами, а тем более вступлению с ними в половую близость. Все это порождает стремление удовлетворить половую потребность любым путем, а в сочетании с иными психологическими качествами олигофренов, о которых подробнее мы сказали выше, может привести к изнасилованию.

Отличительной особенностью преступного поведения этой категории насильников является то, что преступления совершаются ими внезапно, как правило без предварительной подготовки и продумывания. Иногда в таких ситуациях, которые заведомо обречены на быстрое установление и задержание виновного. Следы преступления олигофрены чаще всего не пытаются скрыть, но иногда после изнасилования совершается убийство потерпевшей, особенно если та была малолетней. Встречаются случаи, когда изнасилование сопровождается жестоким избиением жертвы, актами садизма, глумлением над трупом. В качестве потерпевшей здесь может оказаться практически любая женщина независимо от возраста, даже престарелая или девочка.

Объяснения причин совершенного преступления олигофрены обычно не приводят или же продолжают утверждать, что потерпевшая сама добровольно вступила с ними в половую связь. Но это почти всегда противоречит объективным данным, установленным в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. Почти всегда подтверждается прежнее положение, что нормальная женщина не может добровольно вступить в половую связь с олигофреном, который обладает малым словарным запасом, низким интеллектом и, зачастую, отталкивающей внешностью. Тем более это невероятно, если половой акт происходит в неподходящих условиях, например, зимой на улице или в подъезде.

Пожалуй, насильники «отвергаемого» типа составляют именно ту категорию преступников, которая вообще не задумывается о последствиях для себя совер-

шаемых преступлений. Подчеркнем, что умысел на изнасилование у них возникает внезапно в связи с обстоятельством, которые они субъективно оценивают как благоприятные.

Примером, иллюстрирующим преступное поведение и психологические особенности насильников-олигофренов, может служить Г., который осужден за изнасилование и убийство шестилетней девочки, своей соседки. Потерпевшей было нанесено множество телесных повреждений, что вызвало ее смерть. Он встретил ее зимой одну на окраине деревни и, воспользовавшись тем, что вокруг никого не было, изнасиловал.

По данным судебно-психиатрической экспертизы, наследственность Г. психическими заболеваниями не отягощена и до двухлетнего возраста он рос и развивался нормально. В возрасте двух лет стал беспокойным, часто кричал, с трудом успокаивался. В школе учился с трудом, не мог самостоятельно сформулировать свои мысли, оставался на второй год. После окончания восьмого класса работал учеником электромонтера, затем электромонтером. Был малоинициативным, но к работе относился добросовестно.

Во время обследования на призывной комиссии военкомата у него было выявлено несоответствие запаса знаний полученному образованию; он с трудом выполнял арифметические действия, не мог объяснить смысла пословиц и поговорок и т. д. По заключению комиссии была признана дебильность средней степени, от службы в армии освобожден.

Психическое состояние Г. характеризуется тем, что он правильно ориентирован в пространстве и времени, относительно собственной личности. В социально-бытовых вопросах также ориентирован. Крайне неохотно говорил о преступлении, становился напряженным, волновался. Согласно заключению судебно-психиатрической экспертизы, у Г. обнаружены последствия органического поражения головного мозга, легкая степень дебильности с психопатизацией.

Психологическое изучение Г. обнаружило у него ограниченный запас знаний, интеллектуальную недостаточность. Он эмоционально неустойчив, отсутствует четкое представление о том, как вести себя в той или иной ситуации, плохо прогнозирует последствия своих поступков. Г. дезадаптирован в социально-психологическом плане, обнаруживается слабая включенность

в среду. В то же время у него выявлены неустойчивость в достижении цели, поверхностность, замкнутость, угрюмость. Изучение жизненного пути Г. показывает, что контакты с женщинами для него всегда были затруднительны, практически половая потребность была постоянно фрустрированной. Со стороны женщин по отношению к себе он встречал обычно либо жалость, либо брезгливость. Имеет выраженные дефекты внешности: косоглазие, нарушенную координацию движений, мимические реакции лица практически отсутствуют. Все эти неудачи в контактах с женщинами привели к формированию у него негативно заряженных аффективных установок по отношению к ним.

Совершение им преступления, таким образом, может быть объяснено тем, что потерпевшая была легко доступна, не оказывала сопротивления. Изнасилование же преследовало цель удовлетворения сексуальной потребности, блокированной в отношении взрослой женщины. Два психологических фактора имели, по-видимому, значение для совершения им преступления: с одной стороны, фрустрация сексуальной потребности, накопление соответствующих аффективных переживаний, ощущение собственной неполноценности, а с другой — невозможность удовлетворения полового влечения обычным путем. Убийство потерпевшей им совершено, очевидно, не только с целью сокрытия преступления (девочка жила в соседнем доме и хорошо его знала), но и в результате разрядки аффективного напряжения.

В судебной практике часто встречаются сексуальные преступления, которым предшествует предварительное знакомство и общение между будущим преступником и будущей потерпевшей в компании, на танцах, в ресторане, на улице и т. д. Другими словами совершению изнасилования здесь предшествует предварительный контакт, знакомство, иногда даже несколько встреч.

Со стороны потерпевшей поведение в анализируемых случаях имеет в той или иной степени выраженный виктимный характер. Ее последующий отказ вступить в интимные отношения воспринимается будущим насильником как его унижение, как непризнание его мужских достоинств. Женщина может сама добровольно идти домой к малознакомому мужчине, употреблять вместе с ним спиртные напитки, даже оста-

ваться на ночь в незнакомой компании, флиртовать, допускать ласки, поцелуи и т. д. Иногда ее поведение не носит явно виктимного характера, т. е. она не дает видимого повода для продолжения знакомства. Но тем не менее и в таких случаях часто можно обнаружить скрытые провокационные элементы в ее поведении, отдельные поступки, которые можно воспринимать и оценивать неоднозначно. Сюда же обычно относятся и ситуации, когда преступник и потерпевшая имели достаточно длительный контакт и даже были хорошо знакомы. Нередко это наблюдается тогда, когда между преступником и потерпевшей уже были близкие отношения. И вообще, при анализе такого рода преступлений в целом может сложиться впечатление, что потерпевшая своими действиями всячески способствовала изнасилованию.

В некоторых случаях возникает сомнение, было ли вообще изнасилование. Поэтому важно проверить утверждение преступников о том, что потерпевшие не оказывали сопротивления, всеми предшествующими действиями демонстрировали явное стремление к половой близости и добровольно вступили в половой контакт, без всякого принуждения. Насильники, относящиеся к рассматриваемому типу, часто достаточно аргументированно пытаются доказать свои обвинения в адрес жертв. Они воспринимают себя как реально потерпевшую сторону, а наказание, естественно, как несправедливое.

Определенные основания для таких оценок поведения потерпевшей у некоторых осужденных за изнасилование есть. Дело в том, что в рассматриваемых случаях со стороны потерпевшей осуществлялся определенный тип бессознательного сексуального поведения, имеющего игровой (в психологическом смысле) характер, включающий в себя провокационные ходы или действия. Структура такого типа поведения подразумевает, конечно, определенную последовательность и взаимосвязь действий со стороны мужчины и женщины, а также известный конечный результат. Иначе говоря, подобного типа насильники оказываются втянутыми в определенные отношения с женщиной, отношения, которые можно назвать игрой.

В начале этой игры обычно имеет место легкий флирт. Женщина дает понять мужчине, что он ее интересуется и внимание с его стороны доставит ей

удовольствие. Но это с ее стороны может оказаться провокацией, и, как только мужчина в ответ начинает оказывать внимание и проявляет заинтересованность, она заканчивает игру, внешне теряя к партнеру интерес или же просто его покидая. Такой вариант игры часто может встречаться, например, на танцах или в дискотеке. Здесь женщина всем своим видом и вниманием дает понять конкретному лицу, что ждет с его стороны приглашения. Как только он, совершенно уверенный в том, что им заинтересовались, пробует вступить с ней в контакт, она или сразу отказывается от его приглашения или же через некоторое время, несмотря на то, что уже проделаны определенные ходы в общении. Конечно, такое взаимодействие может быть и честным общением, а не игрой. Однако в этом случае будут отсутствовать явно провокационные моменты взаимодействия, показывающие заинтересованность в другом, как возможном, сексуальном партнере, хотя реально другой интересуется лишь как объект игры.

В других случаях «играющая» женщина втягивает мужчину в более серьезные и длительные отношения и доводит их до преддверия интимной близости, но в самый кульминационный момент отказывается от полового акта. При этом все ее предшествующее поведение явно демонстрировало желание сексуальных отношений или, во всяком случае, отсутствие возражений. Причем за отказом могут последовать и обвинения в неправильной трактовке мужчиной ее поведения, из которого якобы отнюдь не вытекает согласие на половой акт.

В юридической практике такое поведение женщины часто заканчивается тем, что потерпевшая от отказа сторона применяет силу и вынуждает женщину к половой близости. Более того, мужчина может быть уверен, что такое поведение женщины является просто кокетством с ее стороны с целью еще больше возбудить его. Поэтому обвинение в изнасиловании со стороны правоохранительных органов часто может быть полной неожиданностью для него. В дальнейшем, в ходе следствия, а затем и отбывания наказания он никак не может понять, что же произошло на самом деле. Отсюда и убежденность в своей собственной невинности. На языке же игр произошло следующее: женщина спровоцировала мужчину своим поведением.

на возникновение уверенности в наличии у нее желания половой близости с ним, затем нанесла «удар» своим отказом, чтобы вызвать с его стороны определенное эмоциональное состояние и переживание чувства собственной мужской неполноценности, с тем, чтобы самой получить соответствующее психологическое «вознаграждение».

Однако мужчина, не желая оставаться «в проигрыше», принудил женщину к половой близости и тем самым лишил ее игрового психологического «вознаграждения» в форме чувств, которые бы у нее возникли в случае «успешного» завершения игры. В результате игра перешла на следующий уровень, который заканчивается обычно в суде. Тем самым она все равно получила «вознаграждение», а партнер потерпел полное поражение. Но подчеркнем, что в данном случае имел место вынужденный переход женщины на следующую ступень. Первоначально в ее плане игры, который является, конечно, неосознанным, такого исхода «записано» не было. В данном случае с юридической точки зрения изнасилование имеет место, но оно является ею полностью спровоцированным.

Иногда после половой близости «играющая» женщина провоцирует мужчину на агрессивные действия (побои, оскорбления и т. д.), после чего еще больше считает себя морально имеющей право на обвинение партнера и месть.

Если попытаться подвести некоторые итоги анализа изнасилований, то в этом преступлении помимо сексуальности можно обнаружить насилие и гнев. Эти три компонента в разном сочетании являются определяющими для различных типов изнасилований. В изнасиловании может доминировать сила или гнев, и изнасилование, кажущееся выражением сексуальных потребностей, есть не что иное, как использование секса для выражения силы и гнева. Поэтому можно утверждать, что изнасилование есть псевдосексуальный акт, заменитель сексуального поведения, которое связано больше с состоянием агрессии, тенденцией к доминированию, чем с сексуальным удовольствием и удовлетворением.

В этом случае преступник стремится к контролю над жертвой с помощью оружия, физической силы или телесных повреждений. Физическая агрессия используется для подчинения жертвы. Целью нападения

является половой акт как доказательство покорности жертвы; для достижения этого она связывается, ее беспомощное состояние тоже имеет самостоятельный смысл.

Преступники, совершающие такие действия, часто имеют проблемы в межличностных и несексуальных проявлениях своей жизни. Поскольку они не имеют других путей для самовыражения, секс становится способом выражения своего имиджа и уважения к себе. Изнасилование является доказательством его сексуальной адекватности и тождественности, силы и потенции.

Можно сказать, что изнасилование является для насильника тестом на компетентность, в нем проявляется его опыт в реакциях гнева, волнения и предвкушения удовольствия. Преступление часто предваряется фантазиями, в которых уже присутствует жертва, подчиненная ему и благодарная за сексуальный контакт. Она якобы так «восхищена» его сексуальными способностями, что отвечает на его ласки с «диким распутством». В действительности же этот преступник подталкивается импотенцией или преждевременной эякуляцией. Даже если у него отсутствуют эти расстройства, то он стремится найти в изнасиловании хоть небольшое сексуальное удовлетворение. Сам деликт обманывает ожидания преступника, поскольку никогда не соответствует его фантазиям.

ГЛАВА III

СЕКСУАЛЬНЫЕ УБИЙСТВА

1. Какие убийства можно считать сексуальными?

Этот вопрос поставлен, пожалуй, впервые, во всяком случае в столь обобщенном виде, поскольку можно встретить упоминания об убийствах на сексуальной почве, по сексуальным мотивам, из-за ревности и т. д. Такого рода преступления часто становятся романтическими сюжетами рассказов, драм, романов, кинофильмов, в том числе выдающихся; все эти сюжеты роднит одна общая черта — отношения между полами, бурное развитие которых доходит до крайней точки, до неистовства, до взрыва, нередко заканчивающиеся весьма трагически. Гибнут не только те, которые отвергают любовь (как, например, Кармен), но и те, которые препятствуют ей (как в «Терезе Ракен» Золя). Иногда героини художественных произведений не способны справиться с катастрофой отвергнутой любви и кончают жизнь самоубийством.

Вот почему естественно объединить все названные преступления в одну группу, при этом выделяя их разновидности, например, по мотивам или сфере межличностных отношений (скажем, супружеские убийства, относительная распространенность и общественная опасность которых не вызывает сомнений). Надо отметить, что никакого официального учета сексуальных убийств не ведется и на сей счет мы располагаем лишь выборочными данными, позволяющими считать, что они составляют не более одной трети всех убийств.

Сексуальными убийствами мы будем называть все случаи противоправного лишения жизни, которые связаны с сексуальными переживаниями или мотивами, даже если имеет место расстройство влечения, а еще шире — с отношениями между полами. Таким образом, к сексуальным убийствам мы будем относить те, которые, может быть, и не сопровождалась собственно

сексуальными действиями, например изнасилованием, но по своему внутреннему содержанию и субъективному смыслу связаны именно с половой жизнью виновного, а еще шире — с его отношениями с представителями другого пола, с его биологическим и социальным признанием в такой связи.

О значимости упомянутых переживаний в жизни индивида говорилось выше, причем подчеркивался даже бытийный, решающий характер этой сферы человеческого существования. Субъект, не принятый, не адаптированный в своем мужском (женском) качестве, ощущает себя ненужным, выброшенным из жизни, а окружающий мир враждебным, постоянно угрожающим. Поэтому он защищается от него, нападая в первую очередь на те «объекты», которые он расценивает как источник своих несчастий. В сфере межполовых отношений таким источником в большинстве случаев выступает женщина.

Наблюдения показывают, что описываемые разрушительные действия чаще совершают лица, отличающиеся повышенной тревожностью, переходящей в страх смерти. Что представляет собой этот страх и как он проявляет себя в сексуальных убийствах?

Страх смерти — это постоянное ощущение, таящееся в глубинах психики, неизбежного небытия, несуществования, некоего обрыва, за которым не следует ничего. У подавляющего большинства людей образ смерти, мысли о ней вызывают негативные, деструктивные эмоции как нечто неведомое и ужасное. Исключение составляют, возможно, те, которые верят в загробную жизнь, причем в их числе могут быть и нерелигиозные люди. Не вызывает сомнений, что у человечества в целом однозначно негативное отношение к смерти, что способствует формированию аналогичных позиций у конкретных лиц.

Страх смерти способен оставаться в рамках нормы, всю жизнь незримо сопровождая человека и незаметно влияя на его поступки. Но в некоторых случаях, чаще всего в результате эмоционального отвергания родителями своего ребенка, необеспечения его своим попечением, этот страх может выйти за рамки. Тогда личность начинает острее ощущать угрозу скорой гибели и необходимость что-то предпринять, например упреждающие насильственные действия. Важно отметить, что острота угрозы далеко не всегда выражается

только в том, что индивид начинает чаще думать о неизбежной кончине, ищет и находит ее предвестников, лишь определенным образом объясняет некоторые приметы и события, постепенно подчиняя подобным предчувствиям всего себя. Иногда смертельная опасность представляется ему в отношениях, высказываниях и поступках других лиц, хотя объективно они могут и не быть таковыми.

Повышенный страх смерти способен создавать соответствующую личностную диспозицию высокой тревожности и негативных ожиданий, причем самому человеку чаще всего не ясно, откуда надо ждать беды; появляется общая неуверенность в себе, в своем бытии, боязнь утраты себя, своей целостности и определенности, даже права на существование. Субъект с повышенной тревожностью совсем иначе видит мир, воспринимает внешние воздействия. У таких людей бессознательная угроза жизни способна преодолеть любые нравственные преграды.

Именно поэтому, зная о таких преградах, человек не воспринимает их и не принимает во внимание. Конечно, в принципе возможна компенсация указанных черт с помощью целенаправленного, индивидуализированного воздействия с одновременным, если это нужно, изменением условий жизни. Если такое воздействие имеет место, оно снимает страх смерти и общую неуверенность в себе и своем месте в жизни. Однако чаще всего этого не происходит, и поэтому преступное насилие отчужденных личностей становится реальностью. Современное воспитание является неэффективным и по той причине, что оно, в частности, не дает возможности преодолеть страх смерти и тревожность в целом.

Сказанное позволяет считать, что защита своего бытия является глубинным личностным смыслом убийств вообще и сексуальных в частности. При этом не имеет значения, действительно ли имело место посягательство (в любой форме и любой силы) на это бытие, важно, чтобы какие-то факторы субъективно воспринимались как угрожающие.

Сказанное прежде всего относимо к убийцам, сексуальным в том числе, которых отличает импульсивность, ригидность (застреваемость аффективных переживаний), подозрительность, злопамятность, повышенная чувствительность в межличностных отноше-

ниях. Они бессознательно стремятся к психологической дистанции между собой и окружающим миром и уходят в себя. Эти данные можно интерпретировать как глубокое и длительное разрушение отношений со средой, которая начинает выступать в качестве враждебной, разрушительной и в то же время часто непонятной силы, несущей угрозу для данного человека. С этим, несомненно, связаны подозрительность, злопамятность, повышенная чувствительность к внешним воздействиям, непонимание среды, что повышает и поддерживает тревожность и страх смерти.

Жестокость при совершении сексуальных убийств тоже берет свое начало в страхе смерти. Поэтому жестокость выступает в качестве средства утверждения и самоутверждения, а также неистового протеста против того, что какие-то поступки другого лица могут показать сексуальную, эротическую несостоятельность виновного и тем самым снизить его самооценку. При этом сексуальное отвергание не следует понимать узко, лишь в смысле отказа от половой близости. Уход, например, любимой жены тоже проявление такого отвергания и может означать полную катастрофу для мужа, особенно если она несла основную нагрузку в его социально-психологических связях с окружающим миром. Не менее болезненны случаи предпочтения одного мужчины перед другим.

Таким образом, сексуальные преступления имеют место в рамках весьма значительной сферы контактов между представителями разных полов, а при гомосексуальных связях — одного и того же пола. Разумеется, это не контакты по поводу производства или распределения материальных благ, иными словами, мужчина и женщина выступают здесь не как работники или, скажем, партнеры по делovому сотрудничеству, а именно как мужчина и женщина в интимном межполовом общении, хотя самого полового акта между ними могло и не быть. Вот почему сексуальные убийства могут быть названы эротическими.

Описанные выше ситуации сексуального отвергания или пренебрежения способны вызвать жесточайшие разрушительные действия, от которых могут пострадать даже те, которые не имеют к ним никакого отношения.

А., 25 лет, ранее не судимый, после службы в армии женился, через год родился сын. Вначале отношения

в семье были нормальными, но затем осложнились из-за частых выпивок мужа и скандалов в связи с этим. Вначале жена пробовала уговорить А. меньше пить, но у нее ничего не получилось, и она с ребенком уехала к родителям в соседний город. А. сразу же поехал за ней и после долгих уговоров вернул домой. Примерно три месяца воздерживался от употребления спиртных напитков, а затем вновь в состоянии сильного опьянения устроил дебош. Наутро, как и много раз до этого, калялся и давал самые искренние обещания, которые, как и следовало ожидать, нарушил через месяц. Так продолжалось еще в течение полутора лет, после чего жена с ребенком вновь уехала к родителям. Муж приехал туда через 2 дня и умолял вернуться, однако получил категорический отказ. Тогда он (был в состоянии опьянения) схватил находившийся на кухне топор и убил им жену, ребенка и прибежавшую на шум соседку, матери жены причинил тяжкие телесные повреждения.

Из материалов уголовного дела и рассказов А. известно, что он отличался нелюдимостью, замкнутостью, отчужденностью, был раздражителен и у него наблюдались вспышки злобы. С родителями был в конфликтных отношениях и по достижении 16 лет из дома ушел, поселился в колхозе и стал там работать. Со сверстниками близких дружеских отношений не устанавливал и даже в детстве редко с ними играл. Отношения с девочками, а затем девушками отличались угрюмостью, подозрительностью и даже опасливостью, как будто он ждал от них каких-то неприятностей. По его же словам, девушки его не любили и первой (и единственной!) женщиной в жизни была жена. По показаниям свидетелей, когда был трезв, в отношениях с женой проявлял покорность, был ласков и терпелив, но становился буйным в нетрезвом состоянии. По свидетельству тех же лиц, жена была властной, крутой женщиной, уверенной в себе.

Это типичная ситуация для многих внутрисемейных конфликтов: доминирующая жена и покорный муж, уходящий от ее жестокого контроля в пьянство и начинающий компенсировать свою подчиненность насильем, когда находится в нетрезвом состоянии. Однако этого недостаточно для понимания особо тяжких преступлений, в том числе убийства собственного ребенка, совершенных А. Совершенно очевидно, что уход жены

оба раза воспринимался им крайне болезненно как обрыв главной нити, соединяющей его с жизнью. Поэтому ее потеря для него полная катастрофа, особенно если вспомнить его нелюбимость, замкнутость, если учесть, что жена была единственной женщиной, с которой он мог удовлетворить свои сексуальные потребности. Потеряв с уходом жены все, А. стал все вокруг себя уничтожать, и создается впечатление, что он как бы поставил на своей жизни точку.

Данная ситуация, названная нами типичной, часто является оболочкой не только и даже не столько сексуальных, сколько межличностных психологических отношений в более широком плане. Мы имеем в виду те нередкие в жизни случаи, когда супруги скованы единой цепью ненависти и вражды и в то же время не могут обойтись друг без друга. Подобные очень сложные отношения заканчиваются убийством одного из них, в связи с чем возникает немаловажная задача — понять, почему такая ситуация возникла. Чтобы пояснить, что имеется в виду, приведем пример из книги Ю. В. Голика «Случайный преступник».

Т., по профессии учительница, предстала перед судом за убийство своего мужа, который, как установлено следствием, на протяжении 18 лет совместной жизни постоянно пьянствовал, издевался над женой и детьми, оскорблял их и избивал, часто менял место работы (в деле имеются четыре характеристики с разных мест работы, все крайне отрицательные). В деле собран ряд характеристик и на Т. с разных мест работы более чем за 20 лет. Во всех она характеризовалась исключительно положительно, отмечались ее прекрасные деловые качества и чисто человеческие черты характера, умение работать с людьми и указывалось на отрицательное поведение мужа.

Автор делает однозначный вывод, что во всем виноват убитый, а Т. является «случайной» преступницей. Между тем многие обстоятельства этого дела вызывают большие сомнения в правильности такого вывода, но, конечно, не в том, что он виновен в убийстве, а в том, что только его аморальными действиями была создана та ситуация, которая закончилась столь трагически.

Анализ материалов аналогичных уголовных дел говорит о том, что жесткое доминирование в семье жены нередко способствует алкоголизации мужа, кото-

РЫЙ в состоянии опьянения путем насилия пытается восстановить свой мужской статус и тем самым компенсировать переживания, возникшие в связи с подчинением женщине. В данном же деле совсем непонятно, почему в течение 18 лет Т. не порвала отношений с мужем. Факт столь длительной брачной связи в условиях непрекращающихся конфликтов позволяет предположить наличие постоянно актуальной социально-психологической зависимости между ними, препятствующему разрыву. Уместно допущение, то Т. не уходила от мужа, чтобы иметь возможность «командовать» им, а он — чтобы не лишаться руководства в жизни, хотя и травматичного для него. К тому же алкоголизация всегда ведет к сужению круга адаптирующих каналов, и жена часто остается единственным или наиболее значимым из таких каналов, утрата которого непереносима.

Однако самое главное: почему Т. из всех возможных вариантов выхода из создавшейся длительной конфликтной ситуации избрала наиболее опасный — убийство. Дело в том, что ни одна, даже самая сложная, ситуация не предопределяет только единственный и только противоправный способ ее разрешения; иными словами, нет ситуаций, которые способствовали бы исключительно преступному поведению. У Т. были различные возможности выйти из конфликта: уйти от мужа, просить о принятии к нему мер административного и уголовно-правового воздействия и т. д. Для ответа на этот вопрос необходимо глубокое психологическое исследование ее личности, всего жизненного пути, особенно условий воспитания в родительской семье.

Теперь рассмотрим один из самых распространенных мотивов сексуальных убийств — так называемую ревность. Слова «так называемую» здесь не случайны и приводятся потому, что слишком часто ревностью называют такие личные переживания, которые никакого отношения к ревности не имеют. Например, классическим случаем убийства из ревности некоторые криминологи и литературные критики называют убийство Карандышевым Ларисы в пьесе А. Н. Островского «Бесприданница». При этом убийца награждается такими чертами, как безмерный эгоизм и себялюбие, частнособственническое отношение к любимой женщине и т. д. Между тем из самой пьесы отнюдь не

вытекает, что он действительно любил Ларису, а его фраза: «Так не доставайся же никому!» совсем не свидетельствует об этом чувстве. Когда он в последней сцене говорит ей о любви, она отвечает: «Лжете».

Чтобы правильно понять мотивы поступка Карандышева, его отношение к героине нужно анализировать не в рамках классического треугольника «Лариса — Карандышев — Паратов», а с учетом той конкретной социальной и социально-психологической ситуации, в которой развивается действие всей драмы, в которой живут и действуют ее персонажи. Кто такой Карандышев? Мелкий, бедный, невзрачный чиновник (о нем богатый купец Вожеватов говорит: «Он давненько у них в доме вертится. Гнать не гнали, а и почету большого не было»), который выглядит еще более ничтожным в сравнении с богатым и блестящим бароном Паратовым и его друзьями. Поэтому гораздо более обоснованно наше предположение о том, что убийство Ларисы было совершено не по мотиву ревности, а потому, что, отвергая Карандышева, она открыто продемонстрировала ему его социальную, личностную малозначительность, подкосив его тем самым и как мужчину. Естественно, что нанесенная ею психотравма была исключительно глубока.

Для того чтобы какие-то чувства назвать ревностью, необходимо тщательно исследовать и учесть особенности не только ситуации, в которой действуют люди, но и место, которое соответствующие переживания занимают в личности. Ревность, в том числе любовная, — это сомнение в верности и (или) страх потерять какое-то ценное благо. В интимных отношениях между мужчиной и женщиной это боязнь утраты другого, причем подлинной причиной утраты может быть не этот другой, а тот, который теряет. Эротическая ревность всегда сопровождается такими сложными реакциями и состояниями, как зависть, боль, сомнения, ненависть, ярость, гнев, отчаяние, жажда мести и т. д. Но среди них особое место для понимания сексуальных убийств занимает повышенная тревожность, достигающая до уровня страха смерти, о разрушительной силе которой мы говорили выше.

Любовная ревность может возникать не только в связи с действительной изменой, но и с подозрением в ней, т. е. способна порождаться воображением. Она может быть кратковременной вспышкой или сущест-

воват длительное время, стать чертой характера, окрашивая все реакции данного человека. У ревности своя логика, которая не всегда считается со здравым смыслом, но от этого она ничуть не менее реальна. Например, можно ревновать к давно умершему человеку или к тому, кого «другой» может встретить, или к тому, кто никакого отношения к данной паре не имеет и т. д. Думается, что в этих случаях в психике ревнивца (ревнивицы) складывается некий образ, который как бы способен занять его (ее) место, а поэтому обладает некоторыми устрашающими чертами. В связи с такой угрозой принимаются упреждающие меры, иногда насильственные.

Е. И. Терентьевым были изучены реакции нормальной, т. е. непатологической, без бреда, ревности у 25 мужчин, которые совершили насильственные преступления, столкнувшись с реальной изменой жены. Случившееся переживалось ими как «удар судьбы», несчастье. На этом фоне развивалась острая невротическая реакция, агрессивное поведение против жены и даже суицидальные попытки. Только в нескольких случаях насилие было направлено против соперников. В переживаниях на высоте реакции ревности с большой интенсивностью и эмоциональной насыщенностью звучала тема развратного поведения жены и ее бесстыдства. Переживания были яркими, включали в себя элементы страдания. Ревнивцы отмечали как бы возросшую для них значимость жены, упорно думали о ее красоте, женственности, ранее недостаточно ценимых ими, чувствовали, что любовь к жене усиливается. Многие готовы были забыть и простить, хотя и переживали стыд. Интересны объяснения по этому же поводу изменивших жен. Некоторые из них в конфиденциальных беседах признавались, что во время половой близости с любовником вели себя более страстно, чем с собственным мужем. Они говорили, что это было «опьянение любовью», «обновление чувств», «блаженство, никогда не испытанное с мужем».

Был ли ревнив «великий ревнивец» Отелло? Этот очень давний вопрос продолжает привлекать к себе внимание и в настоящее время.

Известно высказывание А. С. Пушкина, который сказал, что «Отелло не ревнив, но доверчив». По поводу этих слов Ф. М. Достоевский сказал, что уже одно это замечание свидетельствует о необычайной глубине

великого поэта. У Отелло просто разможжена душа и «помутилось все мировоззрение его, потому что погиб его идеал. Но Отелло не станет прятаться, шпионить, подглядывать: он доверчив... Не таков истинный ревнивец. Невозможно даже представить себе всего позора и нравственного падения, с которым способен ужиться ревнивец без всяких угрызений совести. Отелло не мог бы примириться с изменой — не простить, а примириться — хотя душа его незлобна и невинна. Не то с настоящим ревнивцем: трудно представить себе, с чем может ужиться и примириться и что может простить иной ревнивец. Ревнивцы — скорее всего и прощают, и это знают все женщины».

Чтобы ответить на поставленный вопрос, лучше всего обратиться к самой шекспировской трагедии. Прежде всего нужно отметить, что Отелло ревновал Дездемону к молодому лейтенанту, своему заместителю Кассио, которого Яго характеризовал так: «Достаточно взглянуть: манеры, стан — готовый, природный соблазнитель» (Акт I). Так что Кассио вполне пригодный кандидат в удачливого соперника, особенно учитывая, что сам Отелло был далеко не молод да еще черен (о себе он говорит: «Я черен, вот причина. Языком узоров не плету, как эти франты. Я постарел» (Акт III).

Отелло как бы предуготовлен для ревности и поэтому почти сразу начал верить коварным наветам Яго, что, конечно, говорит о его доверчивости. Как и большинство ревнивцев, он начал следить за женой, хотя никаких более или менее веских доказательств ее измены у него не было. Так, он говорит Яго: «Узнаешь больше, сообщи. Вели жене следить за Дездемоной» (Акт III). Более того, Отелло по совету Яго прячется и подслушивает разговор последней с Кассио (Акт IV). Так что Ф. М. Достоевский был совершенно не прав, утверждая, что «Отелло не станет прятаться, шпионить, подглядывать» — именно это он и делал. Все же вместе позволяет считать, что им двигала, увы, довольно банальная ревность, достигающая к тому же патологических пределов. Кстати, доверчивость отнюдь не исключает ревности, причем для излишне доверчивых людей факт измены или предательства (либо то, что они считают таковым) как раз по этой причине обладает исключительной травмирующей силой.

Мы рассмотрели случаи убийства на почве меж-половых отношений людей, которые не просто были знакомы друг с другом, а между ними поддерживалась определенная связь, иногда супружеская, на протяжении значительного времени. Вся эта группа преступлений может быть названа бытовыми сексуальными убийствами и относиться к числу самых распространенных форм противоправного лишения жизни. Однако есть и другая категория сексуальных убийств — это нападение на незнакомых женщин, детей или подростков (чаще с целью изнасилования), либо убийство тех из них, с кем виновный познакомился недавно. В том и другом случае убийства могут быть совершены до, во время или после полового акта либо покушения на него, а совокупление с заведомо мертвым человеком свидетельствует о некрофилии преступника, т. е. о его стремлении к соитию с трупом. Эта вторая группа убийств может быть названа «явно сексуальной», поскольку, в отличие от бытовых, именно половое влечение или его расстройство выступают на первый план и не затенены супружескими либо иными межличностными отношениями, которые развивались в течение длительного периода.

Нападение на незнакомых и малознакомых женщин, сексуальное насилие в отношении их и убийство, нередко сопровождаются ограблением жертв. Если бытовые убийства обычно совершаются в условиях очевидности, то «явно сексуальные» чаще носят скрытый характер и преступники стараются замести следы содеянного, во всяком случае уничтожить все, уличающее их. В силу этого раскрывать, расследовать последние очень сложно, а безнаказанность может подталкивать на новые подобные же кровавые деяния. Им и будет посвящен следующий раздел.

Отличительной чертой половых убийств является особая жестокость, проявляемая виновными при их совершении, т. е. причинение жертвам исключительных мучений и страданий путем нанесения множества ранений, применения пыток, всевозможных унижений и т. д. Потерпевших часто буквально разрывают на части, кромсают их тела, отрезают отдельные куски, разбрасывают их. Столь разрушительные действия иногда заставляют думать, что убийца полностью теряет рассудок, как бы отключается от действительности.

Решающее значение в понимании причин сексуальных убийств, совершаемых с особой жестокостью имеет знание субъективных характеристик личности преступника. Для нее характерны выраженная импульсивность и аффективность, высокий уровень агрессивности, ригидность (застреваемость травмирующих переживаний), аутичность (отгороженность от мира) субъективный подход к трактовке жизненных ситуаций. Социально-психологическая адаптация у них, как правило, нарушена, вместе с этим отмечается общее неприятие традиционных моральных суждений. Их поведение в значительной степени определяется аффективно заряженными идеями и установками, которые находят свою реализацию в «ключевых» ситуациях.

У особо жестоких сексуальных убийц высокая чувствительность к любым видам межличностного взаимодействия и ощущение неопределенной, но постоянной угрозы (не обязательно физического характера), исходящей извне, вследствие чего им свойственно искаженное восприятие объективной реальности за счет мощной проекции своего внутреннего состояния вовне, а также расхождение между собственным восприятием самого себя и тем, каким хотелось бы стать. Рамки свободы выбора своего поведения у них существенно сужены, отсюда и низкие возможности управлять им.

Среди сексуальных убийц, совершающих особо жестокие преступления, можно выделить тех, чьи преступные действия отличаются внезапностью массивного аффективного взрыва. Жертве наносится множество телесных повреждений на протяжении более или менее длительного времени. Об особой жестокости прежде всего говорит характер повреждений, их множество, у потерпевшего не остается ни одного живого места. Целью здесь не обязательно является убийство, хотя это чаще всего и происходит, а сексуальная мотивация вырастает на почве весьма травматичных ощущений своей сексуальной неполноценности.

Так, М. в 1989 г. в дневное время совершил в подъезде своего дома убийство с особой жестокостью своей жены, нанеся ей отверткой 67 колотых ран в различных частях тела, в числе которых 10 — в область грудной клетки, 12 — в область шеи.

Преступления такого типа являются следствием истерической аффектированной реакции и конкретными

потерпевшей, чьи действия чаще бывают только поводом для реализации имевшего место аффективного накопления. Образно можно сказать, что действия потерпевшего были последней каплей, переполнившей чашу терпения данного человека и спровоцировавшей его массивное агрессивное поведение. Отметим, что М. как бы не способен остановиться, хотя мог и не иметь осознанного намерения доставить жене именно особые страдания. В этом случае реализовался накопленный аффект, а множественность повреждений, их тотальный характер являлись следствием его прямого выхода. Особая жестокость здесь знаменует собой бессознательное стремление полностью уничтожить объект психотравмы путем его уничтожения.

Еще одну разновидность жестоких сексуальных убийц могут составить те, которые действуют столь кровавым способом для достижения определенных состояний психики и особенно эмоциональной сферы. Причем сама по себе смерть потерпевшего может и не иметь какого-то значимого личностного смысла для преступника. Сам потерпевший и связанные с ним жестокие манипуляции (даже могут быть специфические пытки) используются как средство достижения определенного аффективного экзальтированного состояния, которое часто имеет под собой сексуальную подоплеку независимо от пола потерпевшего.

Эти состояния психики имеют субъективный смысл высшего наслаждения и близки к состоянию оргазма, который существенно продлен по времени. Характерно, что у этих преступников нет сексуальных связей, которые могли бы их удовлетворять, а если и были, то носили, во-первых, эпизодический, во-вторых, вынужденный характер и, самое главное, они не приносили им должного удовлетворения. В литературе описаны такого рода случаи, например ссылаются на «Лондонского вампира», который еще у живых женщин высасывал из сонной артерии кровь. Мы неоднократно сталкивались со случаями различных издевательств сексуального характера, в том числе с причинением различных повреждений половым органам жертв, их отчленением и выполнением с ними различных манипуляций.

К., будучи в нетрезвом состоянии, избил свою сожительницу Р., причинив множественные телесные повреждения. После чего, с большой силой забил ей во

влагалище пустую бутылку, протолкнув ее с помощью отрезка металлической трубы, повредив при этом брюшную полость. Кроме того, ввел в ее половые органы конец «вешалки-плечиков» и пытался ввести вторую бутылку. Все повреждения были причинены прижизненно, от которых жертва скончалась на месте.

Следствием установлено, что К. сожительствовал с потерпевшей более года. Как характеризовали их соседи, оба вели аморальный образ жизни, пьянствовали. Поводом к совершению данного преступления послужило обнаружение потерпевшей пьяной с другим мужчиной совершенно раздетой.

Некоторые сексуальные убийства с особой жестокостью имеют достаточно четкий, даже иногда полностью осознаваемый личностный смысл. Здесь имеет место не просто физическое уничтожение другого, но попытка уничтожить жертву и на психологическом уровне. В этом случае у потерпевшего вызываются такие эмоции, как страх, унижение, потеря собственного достоинства, попытки любым унижительным способом спасти свою жизнь и т. д. Образно говоря, здесь происходит как бы двойное уничтожение — сначала личности, а потом человека как физического объекта. Мотивация таких действий отличается сложностью и имеет смысл глобального самоутверждения над другим.

Далее следует отметить, что наряду с перечисленными мотивами, побуждающими к совершению сексуальных убийств с особой жестокостью, существует и другой глубинный и очень существенный мотив — страх смерти.

Страх смерти способен оставаться в рамках нормы, всю жизнь незримо сопровождать человека и незаметно влиять на его поступки.

Наиболее острые ощущения смерти очень часто формируются в результате эмоционального отвержения родителями (в первую очередь матерью) ребенка, лишения его эмоционального тепла в детстве. У ребенка не возникает уверенности в своем праве на существование, своей самоидентичности, автономия «Я» от «не-Я», а также, что очень важно, чувства безопасности. Напротив, он бессознательно ощущает себя очень уязвимым и незащищенным, поскольку его оставили те, кто самой природой определен быть попечителем ребенка.

Поэтому страх за свое существование начинают вызывать самые различные явления и люди. Именно такой страх порождает кровавое насилие, поскольку субъект, уничтожая других, тем самым подавляет в себе свой страх смерти. Ярким примером тому может служить поведение Сталина и Гитлера, которые к тому же, что особенно важно, тяготели к смерти, то есть являлись некрофилами. Что касается рассматриваемых нами убийц, то они, ощущая себя властителями чужих жизней, совершая насилие, пытаются снять этот страх, снизить собственную неуверенность, высокую тревожность, как бы отодвинуть от себя смерть.

Мы не случайно страх смерти определили как глобальный мотив: по нашему мнению, он является одной из основных, если не главных, побудительных сил у большинства анализируемых нами особо жестоких убийц. Подавляющая масса этих преступников, как мы указывали выше, испытывала психическую депривацию (лишение) на этапе раннесемейных отношений, постоянно переживали чувство угрозы личной безопасности своего существования, на бессознательном уровне ощущали свою уязвимость и незащищенность. Поэтому можно утверждать, что страх смерти как мотив может присутствовать и побуждать к совершению различных убийств с особой жестокостью.

Многие из виновных в совершении особо жестоких сексуальных убийств отличаются эмоциональной холодностью, эгоцентризмом, фанатизмом, охваченностью доминирующей идеей. Для большинства характерно отсутствие психологической идентификации с другими людьми, то есть умения поставить себя на их место, войти, образно говоря, в их положение, сопереживать им. Вместе с тем отсутствие идентификации с потерпевшим отнюдь не означает, что у конкретных преступников, совершивших убийства с особой жестокостью, этой способности вообще нет. Она может быть избирательной и достаточно развитой в отношении других людей, например отдельных близких родственников или друзей.

В непосредственной связи с таким глубинным мотивом, как страх смерти, находится и другой тип убийцы, который можно определить как некрофильный.

Вопросу некрофилии как явлению большое внимание уделил в свое время Э. Фромм. Некрофилию он определяет как страстное влечение ко всему мертвому,

разлагающемуся, гниющему, нездоровому. Это страсть делать живое неживым, разрушать во имя одного лишь разрушения. Это повышенный интерес ко всему чисто механическому. Это стремление расчленять живые структуры. Подлинной целью убийцы-некрофила, как указывает Фромм, является не смерть жертвы (хотя, конечно, это необходимое условие), но акт расчленения тела; страсть к расчленению является в высшей степени характерной чертой личности некрофила¹.

Нужно сразу оговориться, что к некрофильному типу мы относим тех людей, которые совершили убийства с особой жестокостью, основным мотивом которых являлось именно расчленение живого тела жертвы, доставление ей тем самым особых страданий или совершение различных манипуляций с человеческими органами. Мы полагаем, что не всегда к некрофильным типам нужно относить тех убийц, которые совершили расчленение трупа с целью его сокрытия.

Характеризуя некрофилов, Э. Фромм справедливо пишет, что проявлением некрофильного характера является убеждение, что все проблемы или конфликты можно решить только с применением силы. Для некрофила характерна уверенность, что сила, насилие являются первым и последним решением в любой ситуации. На все жизненные проблемы некрофил всегда, в принципе, отвечает разрушением и никогда не действует созидательно, осторожно, бережно. Кроме того, Э. Фроммом выявлен еще ряд таких черт, характеризующих некрофилов, как манера общения, цветовые и запаховые предпочтения.

В общении некрофилу свойственна особого рода безжизненность, о крайне интересных вещах он может говорить в удручающей, холодной, чопорной и отчужденной форме. Реальным для него является только прошлое, но не настоящее и не будущее. Прошлое, то есть прошедшее и умершее, по-настоящему правит его жизнью. Иначе говоря, вещи правят человеком, мертвые — живыми; некрофил всегда предпочитает иметь, а не быть.

В цветовых тонах некрофил отдает предпочтение темным, поглощающим свет, таким, как черный или коричневый, и не любит ярких красок. Вместе с этим некрофилы имеют особую склонность к дурным запа-

¹ Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. — М., 1992. — С. 8, 10.

хам, в основе своей восходящим к запаху разлагающейся плоти.

Ниже будет дан детальный анализ сексуального убийцы Чикатило, яркого представителя группы сексуальных преступников-некрофилов.

2. Многоэпизодные («серийные») сексуальные убийства¹

В Лондоне, в Музее восковых фигур мадам Тюссо, отдельная экспозиция посвящена... знаменитым убийцам и, в частности, так называемым сексуальным ма-ньякам, т. е. лицам, совершившим не одно убийство на сексуальной почве. Почему им уделено такое внимание, что может привести к ним посетителей? Одно-сложный ответ дать трудно: здесь, очевидно, стремление показать необычные, из ряда вон выходящие поступки, страшных людей, поистине монстров, и всем этим поразить воображение и пощекотать нервы, но еще и убереечь людей, излишне доверчивых, неосторожных, неопытных от столь трагической участи, предостеречь общество.

Многоэпизодные, или, как их еще называют, серийные, убийства по сексуальным мотивам явление не новое. Их предыстория тянется еще из глубины веков, потрясая практически каждое столетие новыми именами сексуальных убийц и количеством жертв. Эти преступления совершаются в различных странах, имеющих разные государственные системы, экономические уклады, географическое положение, национальную психологию. Такой «всеобщий» характер этих убийств показывает, что их природа и причины не обусловлены социальными условиями, политическими, экономическими и другими отличительными особенностями стран, где они наблюдаются, так как вспышки столь дикой жестокости имеют место в самых различных регионах планеты. Между тем в некоторые неблагоприятные периоды времени (внутренние потрясения, общесоциальная нестабильность, войны и т. д.) число подобных преступлений может возрастать. Например, такая тенденция наблюдается в нашей стране.

¹ Раздел «Многоэпизодные («серийные») сексуальные убийства» написан с участием А. Р. Павлова.

Если рассматривать хронологию наиболее нашумевших из этих преступлений за рубежом, совершенных за последние два столетия, то отсчет, по всей видимости, нужно начать с Джека Потрошителя, о котором достаточно подробно было рассказано выше. Далее можно отметить французского брачного афериста Анри Ландрю. В довольно короткий срок — с 1915 по 1919 г. — он уничтожил 11 женщин, предварительно на них женившись. Убийства он совершал во время «медового месяца» в своем имении под Парижем.

Согласно книге рекордов Гиннеса, наиболее страшным убийцей двадцатого века в Европе и третьим в мире считается немецкий сексуальный маньяк Бруно Людке. От его рук погибли во время между 1928 и 1943 гг. 85 женщин. В период между 1973 и 1980 гг. на территории Эквадора, Колумбии и Перу были умерщвлены 300 малолетних девочек в возрасте до 10 лет. Убийцей оказался колумбиец Педро Алонсо Лопес. В 1991 г. в США был арестован Джеффри Даммер. Он был обвинен в совершении 17 убийств по сексуальным мотивам.

Теперь рассмотрим этот вид опаснейших преступлений в нашей стране. С сожалением приходится констатировать, что официальная статистика отсутствует, сведения о ней растворяются в цифрах, отражающих все зарегистрированные умышленные убийства и покушения на них. Это обстоятельство, бесспорно, вызывает немалые трудности при изучении подобных преступлений, их состояния, динамики и структуры. Одним из немногих и достоверных источников данных могут служить архивные материалы Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии (ГНЦССП) им. В. П. Сербского. Дело в том, что в этом Центре (в прошлом — институте) прошла комплексную судебно-психиатрическую экспертизу большая часть преступников, повинных в особо жестоких преступлениях, однако некоторые из таких лиц были освидетельствованы в других стационарных учреждениях, в основном в бывших союзных республиках и крупных медицинских центрах.

Динамика проведения экспертиз в ГНЦССП им. В. П. Сербского в отношении обвиняемых в многоэпизодных убийствах по сексуальным мотивам достаточно информативна и выглядит следующим образом: в 1966 г. таких экспертиз не было, в 1967 г. была про-

ведена только 1 экспертиза, в 1968—4, 1969— не было, 1970—1, 1971—2, 1972—1, 1973—2, 1974— не было, 1975—3, 1976—6, 1977—3, 1978—5, 1979—6, 1980—5, 1981—3, 1982—5, 1983—12, 1984—3, 1985—7, 1986—7, 1987—4, 1988—5, 1989—5, 1990—3, 1991—9, 1992—8. Таким образом, за 26 лет здесь были обследованы 108 человек, повинных в совершении «серийных» сексуальных убийств. Ими были совершены следующие преступления: 359 убийств, 96 покушений на убийство, 361 изнасилование, 84 покушения на изнасилование, 36 актов мужеложства. Их жертвами стали 463 человека. Итого, с 1966 по 1992 г. 108 преступников убили 463 человека! Как на «малой» войне! И притом часть подобных лиц, как уже отмечалось, была обследована в других психиатрических учреждениях.

Эти преступления были совершены в разных местах, при различных обстоятельствах, они имели неодинаковое количество жертв, и осуществлялись разными способами. Однако при ближайшем рассмотрении можно обнаружить некоторые объединяющие их признаки, и в число важнейших следует отнести то, что, во-первых, практически все они были совершены в условиях неочевидности, во-вторых, все убийства сопровождалась особой, внешне ничем не мотивированной жестокостью, когда потерпевшим причинялись невероятные страдания, и в-третьих, их жертвами становились двое и более людей.

Еще одно очень важное обстоятельство, мимо которого никак нельзя пройти: даже беглый анализ приведенных выборочных статистических данных свидетельствует о том, что с 1973 г. наблюдается рост указанных преступлений. Его можно объяснить разными причинами, в том числе особенностями выявления и регистрации «серийных» убийств в 60-е гг. и в настоящее время. Можно допустить также, что в тот давний период они плохо раскрывались, а поэтому виновные, естественно, не подвергались экспертизе. Но, по-видимому, небезосновательно предположение о том, что увеличение количества таких особо опасных преступников может быть связано с нарастанием общего кризиса общества, со снижением его нравственности и вместе с тем распространением безнаказанности. Конечно, это влияет на динамику не только сексуальных убийств.

К числу «серийных» сексуальных убийств может быть отнесено лишение жизни двух и более людей,

сопровождаемое их изнасилованием или покушением на изнасилование либо иными сексуальными посягательствами, например развратными действиями. Жертвами становятся женщины или дети и подростки обо-его пола или женщины, дети и подростки.

При кажущейся внешней одинаковости «серийные» сексуальные убийства в действительности весьма существенно отличаются друг от друга. Можно выделить следующие их группы: 1) убийства женщин или подростков (обеого пола), чтобы сломить их сопротивление в целях последующего сексуального насилия. Сюда относятся и случаи, когда убийца не желал наступления смерти; 2) убийства с целью обеспечения собственной безнаказанности после совершенного изнасилования или другого сексуального преступления; 3) убийства, когда преступник получает половое удовлетворение от мучений и агонии своих жертв. Это наиболее опасная категория сексуальных преступников, к их числу относится теперь всем известный Чикатило; 4) убийства женщин до, во время и после совершения изнасилования, когда потерпевшие говорят или делают нечто, что воспринимается преступником как тяжкое оскорбление.

Необходимо различать также и тех, кто нападает только на женщин или только на детей и подростков (обеого пола) или на женщин, детей и подростков. Особую категорию составляют те, которые, кроме того, что убивают и насилуют, еще и грабят свои жертвы.

В зависимости от приведенных классификаций можно представить личностные модели преступников, совершающих «серийные» сексуальные убийства. Ценность указанных моделей будет зависеть от того, насколько полно и точно в них будут учтены те качества преступников, которые порождают столь опасные действия и которые могут способствовать установлению виновных. Как можно судить по результатам изучения личности и преступного поведения сексуальных убийц, такие качества главным образом заключаются в следующем:

— сексуальные посягательства на женщин, сопровождаемые проявлениями особой жестокости, определяются не столько половыми потребностями преступников, сколько необходимостью решения своих личностных проблем, в основе которых лежит

бессознательное ощущение психологической зависимости от женщин. При этом, как и в других схожих случаях, имеется в виду не конкретное лицо, а женщина вообще. женщина как символ, или как некий абстрактный образ, обладающий тем не менее большой силой;

— социальное или биологическое отвергание женщиной, которого, кстати, на самом деле может и не быть, порождает страх потерять свою социальную и биологическую определенность, соответствующий статус, место в жизни, т. е. фактически быть уничтоженным. Это в высшей степени травматичное переживание, и поэтому преступник не может принять себя в качестве отвергнутого женщиной. Насилюя и убивая потерпевшую, иными словами, полностью господствуя над ней, он в собственных глазах подтверждает свое право на существование. Следовательно, здесь действует мотив самоутверждения, обладающий, как известно, огромной стимулирующей силой;

— нападения на подростков и особенно детей нередко детерминируются бессознательными мотивами снятия или подавления тяжелых психотравмирующих переживаний своего детства, связанных с эмоциональным отверганием родителями в тот далекий период, с унижениями по их вине. Избрание в данном случае сексуального способа преступного посягательства определяется тем, что у данного человека сексуальные отношения вызывают наибольшие затруднения. Эти затруднения, переплетаясь с нежелательными образами детства, мощно стимулируют указанные тяжкие посягательства. Понятно, что в названных случаях ребенок или подросток, ставший жертвой, также выступает в качестве символа, некоего «обобщенного» существа;

— сексуальные нападения на детей и подростков, сопряженные с их убийствами, могут порождаться неспособностью преступника устанавливать нормальные половые контакты со взрослыми женщинами, либо тем, что подобные контакты не дают желаемого удовлетворения в силу различных половозрастных дефектов, нарушений половозрастного развития;

— получение полового удовлетворения и даже оргазма при виде мучений и агонии жертвы. Это сладострастные убийства сугубо садистского характера,

следовательно, они вызываются острыми и, видимо, непреодолимыми сексуальными влечениями убийцы.

Среди жертв 108 преступников, обвиненных в совершении многоэпизодных убийств по сексуальным мотивам, доля лиц мужского пола составила 8,5%, а женщин соответственно — 91,5%. Из общего количества мужчин удельный вес детей и несовершеннолетних составляет 86%. Остальные — это убийства взрослых мужчин после гомосексуальных насильственных посягательств. Среди женщин картина несколько иная: доля детей и подростков здесь составляет 21,6%, совершеннолетних — 63%. 8,7% являются женщинами пожилого возраста.

То обстоятельство, что подавляющее количество жертв являются женщинами, а число мужчин почти в 10 раз меньше, позволяет сделать вывод о том, что половая принадлежность жертвы имеет огромное, но не всегда решающее значение в выборе объекта посягательства.

Упомянутый выше анализ актов судебно-психиатрических экспертиз показал, что сексуальные «серийные» убийства сопровождаются в основном такими действиями, как изнасилование, мужеложство, совершенное с применением насилия, имиссия (введение полового члена) и введение различных предметов во все естественные отверстия тела, обнажение умерщвленных жертв, мастурбирование на фоне созерцания трупов, коитальные и орально-анальные действия с трупами, отсечение гениталий и (или) молочных желез, введение отрезанных мужских гениталий в естественные отверстия тела, извлечение внутренних органов при помощи различных колюще-режущих предметов и (или) посредством выгрызания или вырывания без применения вышеназванных способов, дефлорация (лишение девственности), нанесение телесных повреждений различной тяжести с целью получения сексуального и иного удовлетворения, а также некоторые другие аналогичные действия.

Расчленение трупов, вырезание внутренних и половых органов и иные некрофильские действия достаточно характерны для сексуальных убийств, особенно тех, которые совершаются ради полового удовлетворения.

Очень часто при таких убийствах не обязательно имеет место половой акт, а сексуальное наслаждение достигается путем имитации генитального проникно-

вения в тело жертвы, при котором разрываются естественные отверстия тела, разрезается грудь, горло и половые органы, иногда может быть расчленено все тело.

Г., 26 лет, образование высшее, ранее был судим за кражу, женат. На протяжении 6 лет он совершал разбойные нападения, изнасилования и убийства. Одно из преступлений Г. совершил на чердаке учебного заведения, куда он обманным путем завел двух студентов. Совершив их убийство, он раздел трупы и положил их один на другой в позе, имитирующей половой акт, а затем, глядя на них, начал онанировать, вводя при этом палец во влагалище и анус умерщвленных девушек.

Одной из характерных особенностей многоэпизодных сексуальных убийств является количество лиц, ставших потерпевшими от этих преступлений. Чаще всего количество потерпевших колеблется в пределах трех-шести человек обоего пола. Здесь важно также отметить, что понятие «серия» умышленных убийств, совершенных в связи с сексуальными переживаниями, вбирает в себя гораздо более широкий, а вероятно, и наиболее полный диапазон насильственных действий, имеющих сексуальный характер и сопровождающих данный вид преступного поведения. Это дает основание говорить о том, что многократность таких убийств в уголовно-правовом смысле иногда отодвигает на второй план их сексуальную окрашенность.

При исследовании архивных материалов ГНЦССП им. В. П. Сербского было обнаружено, что преступники совершали общественно опасные деяния с различной частотой и неравнозначным количеством жертв. Пределы этой частоты колебались от нескольких минут до нескольких лет, что было обусловлено самыми разнообразными факторами.

Исходя из полученного эмпирического материала и его анализа, вполне оправданным будет сказать, что при раскрытии такого понятия, как многоэпизодность, не имеет никакого уголовно-правового значения, какой временной промежуток имел место между последовательными эпизодами. Совершение преступником в перерывах между убийствами, составляющими серию из нескольких эпизодов, других преступлений, ни в коем случае не следует считать окончанием серия убийств

по сексуальным мотивам, если и впоследствии было зафиксировано хотя бы еще одно аналогичное деяние.

Остановимся на вопросе о том, где совершаются эти преступные деяния. Анализ имеющегося материала показал, что они имели место в основном в городах, но и в сельской местности их было совершено немало. Иногда таким преступлениям предшествовало предварительное знакомство убийц и потерпевших с последующим совместным распитием алкогольных напитков. В некоторых случаях потерпевшие приводились в жилое помещение, принадлежащее преступнику, — квартиру, дом, подвал и т. д., причем это делалось насильно, под воздействием угроз, либо с помощью обмана. Всего в помещениях было совершено свыше 40% «городских» сексуальных убийств.

Ш., в прошлом совершивший убийство, связанное с сексуальными проблемами, на одной из улиц города познакомился с женщиной. Приведя ее к себе домой, выпил с ней некоторое количество спиртного, совершил половой акт, а затем, якобы в ссоре, задушил ее бельевой веревкой. Труп вынес на улицу и закопал в снег.

В. обманным путем завел в свою квартиру двух малолетних сестер. Совершил их изнасилование в извращенной форме, после чего задушил их парашютной стропой; труп одной из них расчленил.

Т., задушивший и расчленивший труп своей сожительницы, затем в течение двух месяцев совершил сексуальные убийства 6 женщин. Он приглашал их домой, где после алкогольных возлияний вступал с ними в интимные отношения. Эти встречи заканчивались убийствами, после которых преступник расчленил трупы и выносил их на пустырь.

М., в прошлом уже совершивший удушение незнакомой женщины, совершил по месту проживания убийство бабушки своей жены. После убийства он изнасиловал ее труп, а затем задушил жену и также изнасиловал ее труп.

Как мы видим, в некоторых случаях мы сталкиваемся с явными некрофильными проявлениями, которые выражались в совокуплении с трупами, их расчлениении и т. д.

Иногда убийцы используют складывающиеся обстоятельства, реагируя на них определенным образом, и создается впечатление, что такие обстоятельства как

бы заранее предуготовлены для них — именно для них, а не для кого-нибудь другого, и это мы подчеркиваем особо. Например, А. находился в гостях у брата. Воспользовавшись его отсутствием, он изнасиловал его жену и малолетнюю дочку; после содеянного убил их ударами спортивной гантели по голове.

К., будучи в гостях у своей знакомой, склонил ее к вступлению в половую связь, позднее с применением физической силы совершил с ней половой акт в извращенной форме. После этого он задушил ее подушкой. Пришедшую домой несовершеннолетнюю дочь потерпевшей постигла та же участь, что и ее мать.

М., находясь в доме своей сестры, нанес смертельные телесные повреждения ее подруге. После этого он убил ее жениха, ампутировал у него половой член, вложил в рот убитой и совершил с ней половой акт.

Некоторое количество этих преступлений было совершено на чердаках, в подвалах и подъездах жилых домов. При этом иногда подвальные помещения специально оборудуются для совершения столь чудовищных преступлений, особенно если преступник намерен подвергать свои жертвы пыткам. Городские помещения, где совершались сексуальные убийства, не ограничивались исключительно жилым сектором, определенное их количество случалось и в таких помещениях, как место работы жертвы или преступника, гостиница, баня, а также чердаки, подвалы, подъезды различных учреждений и предприятий.

Многоэпизодные сексуальные убийства в ряде случаев имели место вне каких-либо помещений. Они совершались также на улицах, стадионах, стройплощадках, территории предприятий и учреждений, пустырях, в парках, городских лесополосах и лесных массивах, глухих и безлюдных местах. Количество преступлений, совершенных вне каких-либо помещений, несколько выше по сравнению с совершенными в помещениях. В какой-то мере это объясняется тем, что в лесополосе или в парке преступнику сравнительно легче осуществлять преступные действия ввиду практически полного отсутствия возможных свидетелей, намного меньше возникает проблем и с сокрытием следов преступлений. Здесь маскирующие действия часто даже и не предпринимаются, поскольку необходимость их совершения возникает редко. Нельзя не принимать во внимание и то обстоятельство, что

закрытое помещение, где можно беспрепятственно совершить сексуальное посягательство и убить, еще надо иметь.

Многочисленные сексуальные убийства в сельской местности (42% от общего числа) характеризуются примерно такими же показателями, как и в условиях города, но с некоторыми отличительными особенностями. В силу специфики сельского региона убийства здесь чаще совершались в таких местах, как дом жертвы, дачный дом преступника или его рабочее помещение, территория агропромышленного производства, вблизи железнодорожных вокзалов, станций, платформ, аэропортов, в границах поселка, села, деревни, населенного пункта, дороги и прилегающей к ней территории, открытые сельскохозяйственные угодья и пространства, лесные массивы и лесополосы.

Приведем несколько примеров.

Щ. совершал нападения на женщин в принадлежащих им в деревнях домах. В ходе нападений он насиловал, а затем убивал свои жертвы.

В. в трех километрах от села напал на малолетнюю девочку, после изнасилования задушил ее резинкой от трусов. Через несколько месяцев, на окраине села, вновь изнасиловал малолетнюю девочку и убил ее, перекрыв руками дыхательные пути. Следующий эпизод в серии его преступлений был зафиксирован через несколько лет. На территории совхоза он напал на малолетнюю девочку, которую стал душить. Совершив с ней различные насильственные сексуальные действия, он задушил ее детской шапочкой, которую завязал на шею и затянул.

Важно отметить и то обстоятельство, что определенная часть «серийных» сексуальных преступлений (порядка 9%) была совершена в соучастии. Эти преступления представляют повышенную общественную опасность по сравнению с совершенными одним преступником, так как действия двух и более преступников облегчают достижение преступного результата, дают возможность легче скрыть следы преступления. Н. и П., жертвами которых стали 5 женщин, используя автомашину «такси», водителем которой работал П., в ночное время обманным путем увозили в пригородные лесные массивы прибывающих в аэропорт женщин. После изнасилования их убивали с особой жесткостью.

Вообще, как уже отмечалось, отличительной чертой этих тяжких преступлений против личности является особая жестокость: большая часть подобных убийств отличалась применением исключительно мучительных для потерпевших способов, глумлением над жертвами и их бесконечным унижением, причинением особых физических страданий, циничными действиями. Потерпевшим наносилось множество телесных повреждений, иногда их специально подвергали пыткам.

Например, К. после совершения изнасилования одной потерпевшей нанес 23 удара, другой — 34 удара троакарном; М. четверым потерпевшим соответственно — 10, 22, 11 и 10 ударов ножом; Н. — 24 и 11 ножевых ранений, применял также топор и камни; К. одной из жертв причинил 22 ножевых ранения; З. наносил потерпевшим многочисленные удары вилкой и различными металлическими предметами; А. нанес 14 и 121 удар ножом двум потерпевшим; К. — 4 и 7 ножевых ранений; Л. — 16 и 29 ударов ножом; М. — 7 и 27 ножевых ранений.

Некоторая часть преступников использовала для травмирования потерпевших не только колноще-режущие, но и специально приготовленные ранее или находящиеся на месте преступления предметы. Б., помимо ножа, нанес одной из своих жертв удар табуреткой; Т. орудовал ножом и молотком; М. и Ш. избивали потерпевших металлической трубой; Б. использовал спортивную гантель; С. наносил удары камнем; Я. совершил первое убийство при помощи секции отопительной батареи, и второе ударами доски по голове; М. наносил многочисленные удары специально приготовленным металлическим прутом. Этот страшный перечень можно продолжить.

Особое место, вне всяких сомнений, занимают такие действия, как ампутация и вскрытие различных частей тела, расчленение трупов, их сжигание.

Т. совершил убийство четырех человек, на трупах которых имелись следующие повреждения: отрезаны молочные железы, вырезан участок брюшной стенки, у мальчика был ампутирован половой член с мошонкой; Б., также совершивший убийство четырех человек, у одной из жертв вырезал волосистую часть лобка; Д. у одной из двух потерпевших отрезал ушные раковины, половой член, вскрыл брюшную полость; М. во время убийства мужчины ампутировал его половой

член; Ш. у одной из жертв вырезал молочные железы. Эти и другие случаи свидетельствуют о том, что особое внимание убийцы уделяют, во-первых, половым органам и тем частям тела, которые имеют отношение к сексуальной жизни. Подобные действия можно объяснить следующим образом: преступник уничтожает те части тела, которые причиняют ему наибольшие страдания, но, разумеется, эти части функционируют в его психике на символическом уровне. Ампутация, например, мужского полового органа может интерпретироваться как символическое наказание своего полового члена при наличии импотенции, полной или частичной. Другое объяснение (в зависимости от личности преступника) может заключаться в том, что он, опять-таки в силу своей импотенции, уничтожает «нормальный» половой орган другого и таким образом как бы мстит этому другому.

Во-вторых, как мы уже отмечали выше, многие сексуальные убийцы расчленяют трупы, копаются во внутренностях, разбрасывают части тела, а также реализуют соитие с убитыми. Мы полагаем, что здесь имеет место некрофилия, и все виновные в таких поступках лица должны рассматриваться в качестве некрофилов, даже если соитие отсутствует. Следовательно, необходимо расширить наши представления о некрофилии и понимать его как любое стремление к трупам и к манипуляциям с ними, в первую очередь их расчленению.

Что представляют собой «серийные» сексуальные преступники? Поскольку их экстраординарные действия и количество жертв практически всегда вызывают у судебных и следственных органов (да и не только у них) сомнения в психической полноценности обвиняемых, остановимся прежде всего на этом вопросе.

Из общей совокупности данных о преступниках, подвергнутых стационарной судебно-психиатрической экспертизе в ГИЦССП им. В. П. Сербского, лишь 17,7% были признаны невменяемыми, только 28,6%, или практически каждый третий, не имели никаких расстройств психики, а 71,4% обнаруживали те или иные психические отклонения. Последние распределились среди подэкспертных следующим образом: психопатии — у 46,6%, шизофрения — у 16,7%, олигофрения в степени дебильности — у 15,0%, органические заболевания центральной нервной системы или их послед-

ствия — также у 15,0%, хронический алкоголизм в различной степени — у 5,0% и эпилепсия — у 1,7%.

Приведенные цифры наглядно показывают серьезность проблемы психических заболеваний и пограничных состояний психики среди лиц, совершающих столь тяжкие посягательства. Это вызывает настоятельную необходимость осмыслить и адекватно оценить криминогенность названных расстройств, механизмы их влияния на совершение анализируемых преступлений против личности. На этой теоретической базе могут быть скорректированы действенные мероприятия, направленные на борьбу с насильственной преступностью лиц, страдающих психическими аномалиями.

Разумеется, сексуальные убийства, совершаемые невменяемыми лицами, столь же опасны, как и аналогичные действия вполне здоровых людей, хотя меры к ним применяются разные. О страшных последствиях того, к чему может привести несвоевременная выявляемость душевнобольных, может свидетельствовать следующий пример.

Е., 23 года, ранее не судимый и признанный впоследствии невменяемым в связи с обнаружением у него шизофрении, совершил убийство четырех женщин в одной из центральных областей России.

В первый раз он вышел на шоссе с целью, как сам пояснил, кого-нибудь убить; в рюкзаке у него был топор. Он стал прогуливаться вдоль шоссе и поджидать жертву; вскоре появилась девушка 16 лет, он пропустил ее вперед, затем догнал и нанес топором удар в шею, несчастная стала кричать, но вскоре была им зарублена. Оттащил ее в кусты, раздел, отрезал груди, чтобы съесть, поскольку, по его словам, думал, что там мясо, а там оказался жир, поэтому не стал их есть и выбросил. Ножом прорезал влагалище до анального отверстия и попытался отрезать голову, но у него не получилось. Отрезанные груди потом все-таки нашел, положил в целлофановый пакет и унес домой, но около дома выбросил. Половой акт даже не пытался совершить.

Тем же летом и с той же целью сел в пригородный поезд, где ему, к их несчастью, попались на глаза две молодые женщины. Они сошли с поезда и пошли купаться на озеро, а он вслед за ними. Одна разделась догола, а вторая была в купальном костюме, а Е. сидел в кустах и смотрел на них в течение 2—2,5 часа.

Женщины оделись и пошли на станцию, убийца догнал их и тем же топором сначала ударил в шею ту, что была раздета догола, а вторая с криками стала убежать, но все-таки он убил ее двумя-тремя ударами в шею. Трупы оттащил в кусты и стал обоим наносить ножом удары в грудь и во влагалище, во влагалище же одной из них засунул ветку. Обоих девушек раздел, но не пытался изнасиловать, а только, как сам рассказывал, «чтобы посмотреть».

Последнее, четвертое, убийство было совершено Е. на одной из аллей недалеко от автобусной остановки. Здесь он увидел женщину, схватил ее за руку и потащил в кусты, где нанес удар сначала топором в шею, а затем около пятнадцати ударов ножом в живот. Засыпал ветками. Попыток изнасилования не предпринимал.

Итак, четыре совершенно зверских, внешне ничуть не мотивированных убийства, четверо юных женщин, погибших нелепо, ни за что, в нечеловеческих муках и ужасе. Но что же толкнуло на убийство тоже молодого человека, довольно приятного, даже милостивого внешне, с тонким лицом и развитой речью, довольно стеснительного, особенно когда в его присутствии речь заходила о сексуальных отношениях.

Конечно же, он психически больной человек. На улице, в других общественных местах слышал голоса: они договаривали за него конец фраз, которые были у него в голове, называли «пидером», ругали матом; даже по радио слышал, как называли его имя. Мысли повторяли дети и прохожие на улице, голоса слышал ушами или они возникали в голове, но чаще мысли повторяли женщины, поэтому «я решил их убивать. Это была моя месть людям, поскольку они толкали меня на это, говорили вслух о моих ощущениях: «тут ребрышко», «тут кусочек мяса», «ага, вот заболел желудок». Они чувствовали мой организм, измучился, что из моей головы снимали показания. Как-то нарушается работа внутренних органов, происходит сжатие головы, сжимается тело, нарушается симметрия и сердцебиение, ритмика желудка. Мысли все были всплывающие, звучащие, но неясные для меня. Под кожей что-то двигалось, кожа отслаивалась, в тело входила энергия, и я делался ватный. Но, главное, женщины чесали мои мысли, они унижали меня, все

это скапливалось в груди, не было сил этого перенести».

Психиатрические описания и бредовые психозы Е. можно продолжить, частично здесь они приводятся лишь для того, чтобы показать глубину его безумия. Но объясняют ли приведенные документальные данные причины ужасающих поступков этого душевнобольного человека? Думается, что нет, во всяком случае, они явно недостаточны, хотя и необходимы. Чтобы понять его, понять содержание его бреда, нужно проникнуть в личность, проследить жизненный путь и судьбу этого человека.

Е. вырос в семье, которую вряд ли можно назвать благополучной. Отец, по данным уголовного дела, был жесток и ревнив, детям уделял мало внимания и ушел из семьи, когда сыну было 5 лет. О матери он в начале беседы отзывался очень хорошо, говорил о том, что она ему уделяла много внимания, но по мере углубления разговора признал, что она «мне что-то недодавала и я считаю ее виновной передо мной», в целом характеризуя ее как властную, жесткую женщину. («Если бы я выбирал жену, я выбрал бы помягче, не такую строгую, как мать».) Одним словом, тесного психологического контакта с матерью у него не было. Но еще более важно то, что у него «никогда ничего не получалось с девочками; хотя они ко мне относились нормально, я ни с кем из них не дружил. До армии я дружил с девушкой, Ольгой, но она мне в близости отказывала, а другим боялся это предложить. На такие темы никогда с ребятами не говорил, да и вообще с ними мало дружил. Я остался девственником».

Из этих данных видно, что перед нами отчужденная, малоконтактная личность, у которой совершенно не сложились отношения с представительницами противоположного пола, более того, он ни с кем из них не имел половых контактов, что не могло не причинять тяжелых переживаний, вызывать ощущение выброшенности, ненужности, отверженности. Отсюда резко враждебная позиция по отношению к женщине, что нашло яркое отражение в бреде, в котором женщины чаще и хуже, чем другие, говорили о нем, оскорбляли, копались в организме и разрушали его. Для него логично поэтому убивать их как виновных не только в физиологических страданиях, но и нагло вмешивающихся в его мысли и даже в тело. Женщины становятся

агрессивными, от них надо защищаться, что Е. и делает.

О том, что женщины были причиной его страдания из-за неутоленных сексуальных вожделений, вполне убедительно говорят факты: в трех случаях из четырех он глумился над сексуальными органами убитых, у одной даже отрезал груди и отбросил их, т.е. как бы лишил ее внешних признаков пола. Но почему он хотел съесть их? Можно предположить, что, поглощая то, что вызывает страдание, подобный человек делает предмет, порождающий травмирующие эмоции, как бы своим (естественно, на психологическом уровне) и тем самым снимает страдание. С такими действиями, весьма близкими к некрофилии, мы еще столкнемся, когда будем исследовать кровавые деяния Чикатило.

Очень важный и столь же сложный вопрос: почему голоса (голоса), который Е. слышал в голове, называл его «пидером», т.е. педерастом, пассивным гомосексуалистом, причем надо отметить, что он часто жаловался на это врачам. Мы полагаем следующее: поскольку Е. оставался девственником, т.е. был неспособен проявить мужское начало, всегда активное, то мог ощутить себя в женской роли. Это приносило ему дополнительные страдания и унижения, убеждая в том, что виноваты во всем женщины, т.е. он гомосексуалист потому, что они отказывают ему в половой близости, тем более что голоса, произносившие упомянутое оскорбительное слово, по большей части принадлежали женщинам.

Для правильного понимания того, почему голоса называли Е. «пидером», необходимо вспомнить одно из основных положений фрейдизма о том, что «все человеческие существа являются бисексуальными. Каждый индивид, является ли он мужчиной или женщиной, состоит из элементов мужественности и женственности. Психоанализ установил этот факт так же прочно, как химия установила наличие кислорода, водорода, углерода и других элементов во всех телах органического происхождения»¹. Поскольку у Е. не было никаких реальных сексуальных отношений с жен-

¹ Фрейд З., Булшт У. Томас Вудро Вильсон. Двадцать восьмой президент США. Психологическое исследование.— М., 1992.— С. 51—52.

щинами, то не получило должного сексуального развития его мужское начало. Это очистило дорогу женственности и создало дисбаланс между указанными элементами, а экспансия женственности нашла яркое проявление в вышеуказанном бреде. В этом плане достаточно показательно, что до ареста он носил очень длинные волосы, собранные сзади в косу, что в современной нашей жизни представляет собой вполне женский атрибут.

Е. по поводу голосов несколько раз обращался к врачам, но должной помощи не получил. Больной человек с топором и ножом в рюкзаке и с четким желанием убить кого-нибудь из женщин не встречал на своем пути никаких преград.

Одной из характерных черт сексуальных убийц (это отмечают и зарубежные авторы) является небольшой сексуальный опыт и по сравнению с другими людьми они, как правило, не имели многочисленных гетеросексуальных связей и в этом отношении были достаточно изолированы. Те, которые были женаты, до женитьбы в половом отношении были весьма скромны, избегали разговоров на соответствующие темы, а с женой проявляли мало эмоций, хотя и фантазировали по поводу секса.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что из общего количества преступников, многократно совершивших убийства сексуального характера, около 10—12% обнаружили склонность к сексуальным перверсиям (парафилиям), т.е. к нарушениям сексуального поведения. Это очень важное обстоятельство, так как имеется достаточно оснований предполагать, что именно перверсии связаны с совершением убийств по сексуальным мотивам. Но этим проблема не исчерпывается, поскольку большинство столь жестоких преступлений совершено не парафильными лицами.

Одной из самых распространенных форм психических аномалий являются остаточные явления черепно-мозговых травм. Данные нашего исследования показали, что у 52,9% испытуемых в те или иные периоды жизни имели место травмы головы легкой и средней степени, которые впоследствии проявились наличием у них признаков травматической астении.

Об исключительно тесной взаимосвязи алкоголизма и данного вида насильственного преступного поведения красноречиво говорит полученная информация

о том, что 60,4% преступников, повинных в многоэпизодных убийствах по сексуальным мотивам, находились в момент совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения. Опьянение как бы развязывало им руки, снимало внутренние личностные запреты, актуализировало бессознательные переживания и давние психотравмы.

Крайне настораживает то обстоятельство, что 40,2% рассматриваемых преступлений были совершены лицами, которые ранее уже привлекались к уголовной ответственности. Из них 22,0% в прошлом были осуждены за половые преступления, что, с одной стороны, уже в какой-то мере раскрывает механизм повторных противоправных поступков сексуального содержания, а с другой — вскрывает целый пласт медико-криминологических и социальных проблем и указывает на неиспользованные возможности.

Казалось бы, этот контингент правонарушителей всегда должен быть в центре внимания соответствующих служб органов правопорядка и здравоохранения. Они должны проводить в жизнь целый комплекс взаимосвязанных мер превентивного характера, оказывая на них постоянное воспитательное и принудительное воздействие, медицинскую помощь, осуществляя непрерывное оперативное наблюдение. По всей видимости, не последнюю роль в решении этих немаловажных задач, должен сыграть постоянный, всесторонний и подробнейший взаимообмен информацией в отношении вышеупомянутых лиц между правоохранительными и медицинскими учреждениями. Мы все это отмечаем по той причине, что столь нужного взаимодействия как раз остро и не хватает.

С сожалением приходится констатировать, что даже инициативное обращение лиц с сексуальными перверсиями за помощью зачастую не встречает должного понимания и они не обеспечиваются лечением. В ряде случаев обращающиеся за помощью наталкиваются на некомпетентность, халатность и недобросовестность, хотя разрешение их проблем входит в круг непосредственных обязанностей соответствующих должностных лиц и врачей. Это позволяет сделать однозначный вывод, что сексуальные преступники, однажды уже проявившие себя в этом качестве, или люди, так или иначе осознавшие наличие у себя патологических наклонностей в интимной сфере, находятся практически вне поля зрения самых заинтересованных организаций.

Теперь рассмотрим некоторые социально-демографические и уголовно-правовые характеристики изучаемых лиц. Возрастные характеристики преступников, попавших в выборку (на момент совершения первого преступления в последующей серии убийств), распределились следующим образом: лица в возрасте до 16 лет составляют 1,6%, от 17 до 18 лет — 6,9%, от 19 до 24 лет — 31,4%, от 25 до 29 лет — 29,4%, от 30 до 39 лет — 16,7%, от 40 до 49 лет — 11,8% и старше 50 лет — 1,9%. Эти цифры дают наглядное представление о том, что вероятность совершения преступлений данного вида увеличивается начиная с 18 лет и достигает пика в диапазоне от 19 до 24 лет.

Среди сексуальных убийц преобладают лица с неполным средним образованием, что отчасти объясняется распространенностью среди них психических аномалий, которые зачастую затрудняют, а иногда даже исключают возможность обучения.

Исследование показало, что 36,3% «многоэпизодных» убийц состояли в браке, 10,8 — в повторном браке, 43,1% не имели семьи и 9,8% были разведены. Важен тот факт, что доля преступников, имеющих на момент первого преступления семью, составляет немногим менее половины из общей совокупности. Можно предположить, что, несмотря на наличие семьи, у них были немалые сложности в сексуальной жизни. Но эти барьеры могут четко и не осознаваться субъектами преступлений и в большинстве случаев их выявление возможно лишь при участии квалифицированных специалистов, использующих современные психологические подходы и методики.

Приведенные показатели позволяют получить некоторую общую модель личности преступника, совершающего многоэпизодные сексуальные убийства. Эти сведения могут помочь в организации профилактических и розыскных мероприятий.

3. Феномен Чикатило

Долгий кровавый путь

О Чикатило написано много — даже слишком много — книг, статей, заметок, кратких сообщений, снимается фильм. В самом интересе к этому необычному

убийце ничего странного нет: в нашей истории еще не было столь кровавого преступника, который безнаказанно, в одиночку орудовал почти 12 лет, зверски расправившись с пятьюдесятью тремя женщинами и подростками. Но нас не может не насторожить такой факт.

Не считая заметок о фактах злодеяний Чикатило и ходе суда над ним, подавляющее большинство публикаций о нем не более чем обывательское чтиво. Оно рассчитано на самый примитивный, невзыскательный вкус, на то, чтобы поугатать читателя, показать нечто страшное да и помочь скоротать время в общественном транспорте. Подспудно, конечно, в этих публикациях содержится призыв к человеческой осторожности и осмотрительности, справедливый упрек в адрес правоохранительных органов, их непрофессионализм и нерасторопности, но именно подспудно, глухо, и далеко не каждый сможет все это уловить за нагромождением ужасов. Более того, безуспешно было бы в печатной «чикатиловской» серии искать сравнительно внятное объяснение того, что в действительности представляет собой монстр, почему он появился, что скрывается за его поступками, которые не могут не вызывать гнев и отвращение любого человека, в чем смысл этих поступков, ради чего они совершались.

А ведь как раз это самое главное! Как бы ни живописали деяния Чикатило (с приписыванием, к слову сказать, многих деталей), как бы ни стращали читателя, в «посвященных» ему книгах и статьях нельзя найти ответа ни на один из поставленных выше вопросов. Между тем ответы на них представляют собой не только академический интерес и не призваны удовлетворять лишь научную любознательность. Ответы нужны практике, они необходимы для того, чтобы не появлялись новые чикатило, а жертвы не исчислялись бы десятками.

Мы предполагаем проанализировать личность и поступки именно Чикатило, поскольку у него можно обнаружить черты, характерные для всех таких чудовищных преступников. Тщательное изучение поможет понять это необыкновенно сложное явление в целом, его истоки, тайные механизмы и пружины, смысл и роль которых непонятны и самим убийцам. Делать это при помощи традиционных для нашей криминологии социологических позиций, используя демографические, правовые и иные сведения того же порядка,

здесь заведомо бессмысленно. Мало что может дать и обычное психологическое исследование, ориентированное на выявление и описание отдельных личностных особенностей и их совокупности, поскольку они могут быть присущи не только «серийным» сексуальным убийцам, но и законопослушным гражданам. Наиболее продуктивными представляются психоаналитические подходы и методы, направленные на выявление бессознательных мотивов и глубинных личностных смыслов поведения, связей между детством и нынешними поступками, осмысление всей жизни убийцы и его отдельных преступных действий на символическом уровне.

Мы не будем вникать в отдельные эпизоды преступлений Чикатило и подробно описывать их. Это уже давно сделано и мы отсылаем читателя к соответствующим книгам и статьям. Попытаемся объяснить необъяснимое — людоедские действия преступника, чьи поступки буквально потрясли людей. Но прежде всего расскажем о нем самом — с его слов и по материалам уголовных дел. Собственно, без такого рассказа не обойтись, без него нельзя понять его и его жизнь.

Отечественный потрошитель — Чикатило Андрей Романович — родился в Сумской области. Родителям к моменту его рождения было более 30 лет. Отец по характеру был активным, деятельным, «боевым», часто рассказывал сыну о войне, о том, как он был в концлагере, при этом плакал. Мать — мягкая, добрая, религиозная.

Детство его проходило в тяжелых условиях, семья голодала. До 12-летнего возраста страдал ночным энурезом, в школьные годы дважды лечился по поводу ушибов головы. С детства был робким, замкнутым, стеснительным, близких друзей не имел, отличался мечтательностью, впечатлительностью и склонностью к фантазированию. Порой с ужасом вспоминал окровавленные куски мяса, лужи крови, части трупов, которые он видел во время войны. В период голода в 1946—1947 гг. опасался, что его тоже могут украсть и съесть, не отходил далеко от дома. Однажды в детстве видел, как мать вправляла сестре выпавшую прямую кишку и обрабатывала область половых органов, испытал чувство неприязни, в дальнейшем, вспоминая этот эпизод, долго испытывал страх.

Учеба давалась с большим трудом, приходилось много времени уделять домашним занятиям. Оставался замкнутым, необщительным, сдержанным, молчаливым, «отчужденным», «в нем было что-то отталкивающее», считали окружающие, участия в общих играх не принимал. Являлся объектом насмешек и издевательств после того, как одноклассники заметили, что во время мочеиспускания у него не открывается головка полового члена, стали дразнить «бабой». Переживал из-за близорукости, опасался, что его будут дразнить очкариком. Много времени уделял общественной работе, был председателем учкома, бессменным редактором стенгазеты, чертил плакаты и таблицы для оформления классовых комнат. В 12—13 лет решил написать бесконечный ряд чисел, считал, что выполняет творческую работу. Вместе с тем, мог легко отказаться от нее на несколько дней, если была интересная книга или неотложные поручения пионерской организации. В 7—8-м классе рисовал атлас городов и областей СССР, куда из газет выписывал названия районов, которые входят в различные области. В учебнике географии над каждой страной указывал имя генсека компартии, так как считал, что вскоре победит коммунизм во всем мире и они станут правителями этих стран.

Много читал, больше всего нравились книги о партизанах, боготворил «Молодую гвардию», после прочтения романа появилась почти зримая мысль о том, как он берет «одинокого языка», и, выполняя приказ командира, связывает и бьет его в лесу. В более старшем возрасте читал труды Маркса, Энгельса, Ленина.

С девочками не дружил, всегда сторонился их. Влечения к сверстницам не испытывал, считал, что это «позорно». Написал клятву о том, что никогда в жизни не дотронется до чьих-либо половых органов, кроме своей жены. Считал, что науки и труд — единственное средство, чтобы избавиться от «низменных побуждений» и преодолеть свою «неполноценность». В 17 лет из любопытства совершил акт мастурбации, который происходил на фоне ослабленной эрекции, продолжался около 5 минут и сопровождался бледными, неяркими оргастическими переживаниями. С 17-летнего возраста отмечает спонтанные утренние эрекции. В 10 классе влюбился в девочку-сверстницу, нравилась ее мягкость, женственность, но в присутствии девушек

робел, терялся, не знал, о чем с ними говорить, мечтал о такой любви, о которой пишут в книгах. Однажды, когда вечером в селе обнимались парни и девушки, он тоже «из интереса» обнял девушку, которая ему нравилась, когда она стала в шутку вырываться, произошло семяизвержение, хотя полового возбуждения до этого не испытывал.

После школы не прошел по конкурсу на юридический факультет МГУ, поступил в училище связи. По комсомольской путевке уехал работать на Северный Урал, работал на линейно-техническом узле связи. Обращал на себя внимание крайней неряшливостью в одежде. Неоднократно пытался совершить половые акты с различными женщинами, но из-за слабости эрекции попытки были неудачными. Впервые появились периоды сниженного настроения, если раньше он обычно был бодрым, жизнерадостным, целеустремленным, то с 18—19-летнего возраста стал часто задумываться о своей неполноценности, переживал, что он «не такой, как другие», порой возникали мысли о самоубийстве. Продолжал много учиться, поступил на заочное отделение электромеханического института. Поступление в вуз оценивал как реванш за свою неудачную жизнь. Несмотря на периодические спады настроения, оставался активным, считал, что должен посвятить жизнь строительству коммунизма.

Боролся с несправедливостью, писал жалобы, если сталкивался с какими-либо недостатками или со случаями неправильного к себе отношения. С 1957 по 1960 гг. служил в войсках КГБ, вступил в партию. Переживал из-за насмешек сослуживцев по поводу женской талии и груди, очень этого стеснялся, в армии же имел первые пассивные гомосексуальные контакты, по его словам насильственные. Изредка мастурбировал, при этом эрекции полового члена не было, семяизвержение сдерживал, так как считал, что это вредно. Половое возбуждение изредка возникало во время занятий физкультурой, когда лазил по канату, однако всегда подавлял его, эрекция в эти моменты также не возникало. Когда сослуживцы предлагали познакомиться с какой-нибудь женщиной, отказывался, предпочитая читать общественно-политическую литературу и слушать радио. Ухаживая в 25-летнем возрасте за девушкой, производил на нее впечатление ласкового, доброго, нежного влюбленного, он никогда не

применял насилия; дважды, при попытке совершения полового акта, потерпел неудачу. Когда девушка шутя стала вырываться от него, при отсутствии эрекции произошло семяизвержение. Переживал из-за своей неудачи, испытывал тоску, возникали мысли о самоубийстве, так как считал, что девушка расскажет всем, что он импотент. В дальнейшем, «чтобы избежать позора», решил уехать из села.

С 27 лет состоит в браке. С будущей женой познакомился с помощью своих родственников. В семье обычно жена «командовала всем», а ему нравилось ей подчиняться и во всем ее слушаться. Жена характеризует его замкнутым, немногословным; он очень любит детей, много играл с ними. Хотел иметь много детей, после аборта расстроился, ругал ее, говорил, что врачи разорвали и убили его ребенка. Несколько раз у него наблюдались обморочные состояния, когда приходил в себя, самочувствие его было нормальным. С первых дней их совместной жизни жена отмечала у него половую слабость, он не мог совершить половой акт без ее помощи. До 1984 г. он совершал с ней половые акты не чаще одного раза в 2—3 месяца, на протяжении последних 6—7 лет в интимные отношения не вступал, если она выражала недовольство, устраивал скандалы.

Сын Чикатило сообщил, что отец его всегда был экономен, скуповат, равнодушен к красивым вещам, в то же время не мог расстаться со старым ненужным хламом. Характеризует его честным, порядочным, «справедливость для него была превыше всего». Много времени отдавал работе, очень редко использовал положенные ему отпуска, при этом говорил, что «без него работа встанет, с ней не справятся, без него не обойдутся», для своих детей он был самым уважаемым человеком. Вместе с тем сосед сообщил, что когда его сын подрос и учился в 7—8-м классе, относился к отцу презрительно, называл «козлом», иногда даже бросался на него драться, однако Чикатило на это никак не реагировал. Со слов сына известно также, что его отец очень боялся крови, при виде ее бледнел, казалось, что он вот-вот потеряет сознание. Дочь также характеризует его добрым, спокойным, он имел страсть читать газеты и смотреть телевизор, очень любил детей. Первый зять говорит о нем как о добром, сильном, умном, отзывчивом, честном, эрудированном человеке, особо отмечает его отношение к детям — без всякого напуска

и фальши, он их никогда не бил, не наказывал. Двоюродная сестра, а также родственники его и его жены характеризуют его спокойным, нормальным человеком.

До 1970 г. Чикатило работал на предприятиях связи. Был замкнутым, необщительным, особым прилежанием в работе не отличался, в нем было «что-то такое, что вызывало неприязнь». В то время у него отмечались периоды, когда чувствовал себя легко, раскованно, «мог хохотать до слез», охотно выступал на политинформациях, нравилось, что его слушают, что он может быть интересен окружающим. Эти периоды были связаны с отношением к нему окружающих. Порой, наоборот, он был мрачным, не хотел ни с кем разговаривать. Продолжал уделять много времени общественно-политической деятельности, читал газеты и журналы, сам писал заметки в местные газеты.

После окончания Ростовского университета (филологического факультета) работал в различных учебных заведениях. Первое время работал с большим интересом и желанием, тщательно готовился к занятиям, однако не мог обеспечить порядок на уроках, ученики издевались над ним, открыто курили в классе. Были случаи, когда он, возвращаясь после урока в учительскую, терял сознание. Переживал из-за того, что не справляется с педагогической деятельностью, плохо спал по ночам, испытывал чувство «внутреннего напряжения и дискомфорта». По отзывам коллег, был «какой-то странный», вяловатый, замкнутый, отношения с детьми у него не ладились. Ученики прозвали его «Антенна» за то, что он мог простоять целый урок, заложив руки за спину и ничего при этом не говоря, серьезно его не воспринимали, посмеивались над ним, казалось, что он «не на своем месте», единственным его увлечением было чтение газет.

После прекращения педагогической деятельности с 1981 г. по июль 1984 г. работал инженером. К выполнению служебных обязанностей относился пассивно, инициативы не проявлял, в коллективе авторитетом не пользовался, был замкнутым, очень скрытным, его все недолюбливали. Продвижение его по должности объяснялось отсутствием сотрудников, а не его деловыми качествами. Когда находился на работе, создавалось впечатление, что ничего не делает, постоянно что-то рисовал в блокноте или на листе бумаги. Иногда

удавалось увидеть, что рисует крестики или самолетики. Имели место случаи, когда засыпал на работе; «в нем проявлялась внутренняя напряженность». В 1983—1984 гг. в ГК КПСС рассматривались его жалобы — о неправильном наложении партвзыскания, о гонениях на работе, о неправильном отношении со стороны руководства предприятия. В 1984 г. исключен из КПСС в связи с привлечением к уголовной ответственности за хищение. В следственном изоляторе вступал в гомосексуальные пассивные контакты. Считал, что конфликты с начальством по работе были у него постоянно, но он не мог ругаться и спорить, поэтому писал жалобы, якобы из-за этого против него в 1984 г. и было сфабриковано уголовное дело. В 1990 г. он неоднократно обращался в ГК КПСС с жалобами об имеющихся нарушениях в строительстве гаражей. Со слов испытуемого, лица ассирийской национальности за взятки добились строительства гаражей прямо у него под окнами. После его неоднократных жалоб и попыток «вывести их на чистую воду», стал замечать, что за ним следит «ассирийская мафия» — постоянно видел на улице и около своего дома их машины, опасался, что будет сбит ими, дома запирался на все замки, не открывал никому дверь, не убедившись, что пришли свои.

С 1985 по январь 1990 г. работал в бюро цветного металлопроката, со своими обязанностями не справлялся, неоднократно подвергался дисциплинарным взысканиям, товарищей не имел. Последнее место работы испытуемого — отдел внешней кооперации РЭВЗ. Зарекомендовал себя как посредственный, но исполнительный работник, к порученным заданиям относился старательно, однако из-за слабого зрения и некоторой рассеянности зачастую требовалось в письменной форме излагать суть задания. В отношении сотрудников был вежлив, предупредителен, стеснителен.

Одна из свидетельниц показала, что в 1979 или 1980 г. Чикатило пригласил ее в гости и предложил ей совершить с ним половой акт, на что она согласилась; каких-либо извращений она у испытуемого не отметила. Осенью 1982 г. он в течение непродолжительного времени поддерживал интимные отношения с Д., они заключались в том, что он целовал ее половые органы и от этого получал сексуальное удовлетворение.

Ряд сотрудников и учащихся подчеркивали его «нездоровый интерес к девочкам»; он к ним прижимался, стремился дотронуться. Постоянно, где бы ни находился, ошупывал свои половые органы. Друзей практически не имел, за исключением нескольких человек дома у него никто не бывал, с соседями был малоразговорчив. Уже с 1973 г. было известно, что в школе он «приставал» к уборщицам и ученицам, соседи видели, как он приводил домой двух девочек. Когда его племяннице было 5—6 лет, он, оставшись с ней наедине, дотрагивался до ее половых органов, а в дальнейшем неоднократно уговаривал ее вступить с ним в половую связь. Был замечен в совершении сексуальных действий с детьми, живущими по соседству.

Сослуживцы часто видели его на железнодорожном вокзале, однако он проходил мимо, делая вид, что не узнавал их. В поезде и на вокзале никогда не стоял на месте, все время ходил, как бы в поисках кого-то. Сосед также часто встречал его в электричке, Чикатило ходил по вагонам, было впечатление, что он кого-то ищет.

Чикатило пояснил, что еще когда работал воспитателем в СПТУ, у него постепенно сформировалась потребность «удовлетворять свои половые инстинкты по-разному». Первый эпизод, когда он дотрагивался до половых органов одной из учениц на пляже, объясняется не желанием получить половое удовлетворение, а «минутным порывом», «интересом»: увидев, что девочка зашла далеко в воду, стал выгонять ее и при этом несколько раз дотронулся до ее ягодиц. Когда она стала кричать, возникло желание, чтобы она закричала громче, появилось возбуждение; семяизвержение произошло без эрекции. После этого почувствовал облегчение, успокоение, улучшилось настроение. В дальнейшем, оставшись после уроков наедине с одной из учениц, внезапно почувствовал возбуждение и одновременно раздражение из-за того, что она была «ленива и туповата». Несколько раз ударил ее по ягодицам, пытался залезть под одежду, когда она вырывалась, произошло семяизвержение.

Постепенно почувствовал, что у него появилась потребность в сексуальных контактах с детьми. Получал сексуальное удовлетворение также от того, что в общественном транспорте прижимался к молодым девушкам и женщинам. Девочки же привлекали все

время: хотелось их шупать, щипать. Когда работал в СПТУ, летом иногда звал их к себе в квартиру, трогал их половые органы, шлепал по ягодицам, это приводило в состояние возбуждения, но не всегда приносило половое удовлетворение. Специально не искал детей, но, если представлялся случай, не упускал его. Когда оказывался в интимной обстановке с детьми, им овладевала «какая-то необузданная страсть», потом стыдился своего поведения. Первое убийство, совершенное в 1978 г., объясняет тем, что незадолго до случившегося был избит учениками, опасался, что на него в любой момент могут наброситься и повторить избиение или даже убить. Стал носить в кармане или портфеле перочинный нож.

Случайно встретив на улице маленькую девочку, почувствовал возбуждение, захотел увидеть ее половые органы, в этот момент ощущал сильную дрожь, отведя ее в укромное место, набросился, стал рвать одежду, зажимал рот и сдавливал горло, чтобы не было слышно крика; остановиться в этот момент уже не мог. Вид крови привел его в еще большее возбуждение, произошло семяизвержение, испытал яркий, выраженный оргазм и сильнейшую психическую разрядку, «как будто освободился от цепей». Вместе с тем понимал, что совершил убийство, сбросил труп в реку. В последующем опасался выходить по вечерам из дома, чтобы не повторить подобные действия, постоянно вспоминал, «как залез руками в половые органы девочки», а когда оказывался в уединенном месте, тяга вновь пережить подобные ощущения усиливалась. Второй эпизод произошел в 1981 г. с девушкой, которая на автовокзале подходила к мужчинам и предлагала вступить в половую связь за деньги или спиртное. Вместе пришли в рощу, где девушка предложила ему совершить половой акт, однако не мог «привести себя в состояние возбуждения», им в этот момент овладела сильная ярость, вытащил нож и стал наносить ей удары. Когда увидел вспоротое тело, вновь произошло семяизвержение. Такое происходило всегда при совершении последующих убийств. Когда убивал женщин, возникало желание проникнуть в брюшную полость, вырезать половые органы, рвать их руками и разбрасывать, все свое бешенство срывал на половых органах жертв. Одежду, которая была на жертвах, также разрезал и разбрасывал.

В ряде случаев затруднялся вспомнить точный день и место убийства, так как они стали для него «почти рядовым явлением». Находил своих жертв на вокзалах, на улицах, в электричках и аэропортах. Когда знакомился с будущей жертвой, обычно предлагал различные подарки. При отказе ребенка или женщины от знакомства не настаивал. Никого из своих жертв ранее не знал. Легче было увести неполноценных женщин и бродяжек, поэтому и останавливал на них свой выбор. Нередко они сами предлагали вступить в половую связь, его всегда удивляло, с какой легкостью они соглашались идти с ним, их «притягивало как магнитом». Встречая жертву, надеялся, что ему удастся совершить с ней нормальный половой акт, но все же уводил их в отдаленные места, чтобы в случае неудачной попытки «скрыть свой позор, убив жертву». Чаще всего знакомился с жертвами, чтобы удовлетворить свои половые потребности, каким образом это произойдет — не планировал, «однако, зная себя, допускал, что в процессе полового акта может пойти и на убийство».

Познакомившись с женщиной или подростком, предлагал пойти в отдаленное место под благовидным предлогом. Иногда приходилось идти довольно далеко, при этом избегал смотреть жертве в глаза. По дороге обычно задавал вопросы о том, где они живут, учатся, работают. Особую ярость вызывали их требования немедленного совершения полового акта, а он не мог сразу этого сделать, так как для возбуждения ему надо было увидеть кровь и наносить жертве повреждения. Перед тем как наброситься на жертву, ощущал сухость во рту, всего трясло. При виде крови начинался озноб, «весь дрожал», совершал беспорядочные движения. Кусал жертве губы и язык, у женщин откусывал и проглатывал соски. В ряде случаев отрезал у потерпевших нос и заталкивал его в рот жертве. Ножом у женщин вырезал матку, а у мальчиков мошонку и яички, матку и яички кусал зубами, а потом разбрасывал, что доставляло «зверинное» удовольствие и наслаждение. В ряде случаев, когда убивал мальчиков, отрезал им яички, вспарывал живот и вытаскивал кишки. Когда вспарывал женщинам животы и добирался до маток, возникало желание «не кусать, а именно грызть их; они такие красные и упругие». Убивая своих жертв,

имитировал виденное в видеофильмах или прочитанное в книгах о партизанах. Иногда совершал с жертвами половые акты в извращенной форме, когда не было эрекции, дотрагивался половым членом до тела окровавленной жертвы, и происходило семяизвержение. В ряде случаев во время убийств наступало семяизвержение и возникало желание «доставить сперму туда, куда она предназначалась», «хотелось, чтобы все выглядело как при нормальном половом акте», т. е. имитировал его. Выбор объекта — мальчик, девочка или женщина обуславливался лишь тем, кто в данный момент оказывался рядом, ощущения от жертв мужского и женского пола были одинаковыми.

Практически во всех случаях раздевал потерпевших. Когда одежда снималась свободно, снимал ее через голову, если она не снималась, резал ее ножом по длине, иногда разрывал руками, обувь или просто стягивал, или также разрезал ножом. «Процедура эта была не очень приятная, и чтобы настроиться на нее, говорил себе, что он партизан», что перед ним враг, его надо резать, чтобы выполнить задание. Совершая убийства, научился уклоняться от брызг крови и старался избегать попадания крови жертв на одежду, «все было отработано». Когда рвал, крушил и терзал все окружающее, наступала разрядка и проходила злость, все становилось безразлично, наступало облегчение и опустошение, уходили все мысли, заботы и жизненные переживания. Иногда, когда долго не наступало успокоение, наносил удары ножом по стволу деревьев. Однако не мог сказать, как долго продолжались эти эпизоды, происходящее помнил смутно, после случившегося ощущал сильнейшую физическую усталость и чувство разрядки, плохо воспринимал окружающее.

Иногда, выходя на дорогу, чуть не попадал под машину, мог какое-то время блуждать по лесу и не находил выход из него, и лишь спустя какое-то время приходил в себя и «осознавал весь ужас» того, что совершил. Вместе с тем после совершения преступления всегда приводил в порядок свою одежду. В период, когда стал совершать убийства, удовлетворения не испытывал даже от попытки имитации полового акта, при семяизвержении наступало даже «какое-то болезненное состояние». Отмечает эпизод, когда он совершал убийство гр. П. До этого неоднократно встречался с ней и совершал орально-генитальные акты. В день

убийства она в резкой и грубой форме заявила, что её это не устраивает. Её слова «взорвали» Ч., он стал резать её ножом, бил руками, в это время произошло осмязвержение. Когда она затихла, выбежал к железной дороге, однако услышал, что П. цведелится; тогда взял металлическую палку, вернулся и добил её. Зная, что неподалеку в лесу гуляет дочка потерпевшей, пошел искать её и, когда обнаружил, ударил по голове. Совершать сексуальные действия с девочкой уже не хотел, так как только что совершил их с её матерью, хотелось только «все резать и терзать».

Когда «мучили угрызения совести», для самоуспокоения приходил на кладбище, нередко возникали мысли о самоубийстве. Прочитав в журнале статью о самозахоронениях как способе самоубийства, выбрал на центральном кладбище место в терновнике и начал рыть себе могилу. Однажды на этом месте совершил убийство мальчика и закопал его в вырытой яме. Можно, следовательно, предположить, что он убил его вместо себя, а сам вовсе не собирался умирать, мысли же о самоубийстве в данном случае привели к этой замене.

Вернемся к тому, как Чикатило знакомился с будущими жертвами. Он рассказывал, что завязывал разговор только с теми женщинами, девушками и мальчиками, которые производили на него впечатление одиноких и не очень удачливых людей, а поэтому нуждались во внимании и были предрасположены к контакту. Таковыми представлялись ему и женщины в нетрезвом состоянии, о которых Чикатило полагал, что они «гулящие», а также лица с признаками умственной отсталости или ведущие бродячий образ жизни.

Прежде чем подойти к кому-нибудь, он долго изучал их со стороны. Разговор всегда начинал с сугубо нейтральных, «спокойных» тем, говорил с будущей жертвой так, чтобы не вспугнуть её до самого момента нападения, которое во всех случаях было внезапным и массивным. Да и как мог испугать этот немолодой, такой участливый и внешне благообразный человек в очках и с неизменным портфелем, который носил с собой всегда, даже когда в нем ничего не было. Думается, что и портфель входил в систему обмана.

Чикатило в беседах с нами утверждал, что он не очень тайлся от окружающих и поэтому выражал удивление, что его не смогли задержать и разоблачить

намного раньше, чем это произошло. Так, он рассказывал, что однажды познакомился с молодой девушкой на автобусной остановке в пригороде Ростова-на-Дону и под предлогом совместного распития вина повел ее в лес. Это заметила довольно большая группа находившихся на остановке шоферов, которые стали громко шутить и смеяться по поводу того, что он, старик, ведет в лес молодую. «Если бы милиция нашла этих шоферов, они очень хорошо смогли бы описать меня», — считал Чикатило. Несколько раз, по его словам, в то время, когда он наносил жертвам ранения, мимо проходили люди, которые должны были слышать крики потерпевших. Эти рассказы преступника свидетельствуют о том, что не все, даже традиционные возможности розыска были использованы. Впрочем, о розыске поговорим ниже.

Поводы для знакомства Чикатило избирал разными импровизируя в зависимости от ситуации и особенностей будущей жертвы, тем более, что он был весьма не глуп, неплохо образован, начитан и в курсе событий в регионе и мире. Пожилой, серьезный человек, он располагал к себе и внушал доверие. Иногда приглашал вместе выпить, зайти к нему на «дачу», просто совместно провести время, не дожидаясь больше автобуса и пойти лесом (лесополосой) пешком. Женщинам, которые были в нетрезвом состоянии («гулящие»), намекал на желательность для него половой близости. Подросткам в ряде случаев предлагал показать что-нибудь необычное в лесу или у него на «даче».

Примечательна наблюдательность Чикатило, его умение быстро и точно оценить человека и свои шансы реализовать преступные замыслы. Практически он ни разу не ошибся, и, в общем-то, ни один человек не смог оказать ему достаточного сопротивления и спастись. Достигалось это в основном умением выбрать жертву и установить с ней контакт, а также неожиданностью агрессивного взрыва, который сразу вслед за «мирной» беседой не мог не ошеломить. В этом также заключался тонкий психологический расчет, что важно подчеркнуть и потому, что он был одновременно труслив и робок.

Чикатило рассказывал, что вообще он во время знакомства и затем в период преступного нападения действовал как заведенный. Присущая ему стеснительность исчезала, как только он видел того или ту, на

которых можно было бы напасть. Его начинало трясти, что-то накатывало, но старался ничем это не показать, что почти всегда удавалось. За день-два до очередного преступления и непосредственно перед его совершением ощущал острую потребность мучить, заставлять страдать, резать, унижать. Если жертва сопротивлялась, то это еще больше возбуждало и заставляло мобилизоваться, убийца и насильник становился еще активнее и агрессивнее.

На жертвы Чикатило нападал внезапно, после мирного разговора, беспорядочно наносил удары ножом, иногда камнем, или душил, лез руками в половые органы и задний проход, разрывал или разрезал их, отрезал груди, губы, нос, кончик языка, соски, яички (у мальчиков), в большинстве случаев вырезал половые органы, расчленял трупы, копался во внутренностях; иногда глотал кончик языка, матку, яички и иные небольшие части тела («я свое бешенство срывал на половых органах жертв»), но ни с одной из них не мог (по причине импотенции) совершить половой акт. Однако почти во всех случаях происходило семяизвержение или, как уточнил сам убийца, семявытекание, причем довольно вялое, что нередко приводило его в еще большее бешенство. В попытке имитировать половой акт вытекшую сперму брал на кончик пальца и заталкивал им во влагалище, в задний проход или рот жертвы. Часто наносил ножевые ранения в глазницы.

Нападения совершались, как правило, в лесу или лесополосе и всегда в местах, где преступник мог надеяться на отсутствие третьих лиц. Но были исключения. Так, одно из первых убийств (девочки 10 лет) произошло в глубине двора пригородного дома, куда он обманом увел ребенка. При выборе места совершения преступления Чикатило часто действовал инстинктивно, но инстинкт ни разу не подвел его. Вообще выбор самого места нападения был для него очень важен, поскольку на этом месте он должен был не только убить, но и произвести целый ряд манипуляций (раскромсать тело, вскрыть внутренности, отрезать половые органы и т. д.). Все это требовало времени, и немало; при этом, что не менее важно, ему никто не должен был мешать. Как мы видим, этот преступник точно выбирал не только жертву, но и место и время совершения своих кровавых деяний. Оценивая все это в совокупности, приходит в голову

фантастическая мысль, что какие-то потусторонние мистические и злые силы помогали ему и оберегали от справедливого возмездия. Ведь он, как заколдованный, безнаказанно орудовал 12 долгих лет!

Об аналитических способностях и изощренности разыскиваемого преступника и его осведомленности об усилиях следствия свидетельствовало то обстоятельство, что после организации активной оперативной работы и поисковых мероприятий в Ростове и прилегающих территориях он на протяжении почти трех лет не совершал здесь убийств. Как впоследствии будет установлено, боясь своего разоблачения, он в эти годы совершал преступления в других районах бывшего СССР (на Украине, в Узбекистане), а также в иных областях России, куда он выезжал в служебные командировки.

А все началось...

В 1982—1983 гг. в лесных массивах, прилегающих к городам Шахты, Новошахтинск, Новочеркасск, а также в роще Авиаторов на выезде из города Ростова-на-Дону в сторону указанных населенных пунктов стали совершаться убийства молодых женщин и детей обоюбого пола.

По способу совершения эти преступления отличались особой жестокостью и сопровождались причинением жертвам многочисленных колотых и колото-резаных ножевых ранений садистского характера. Как правило, жертвы предварительно оголялись и снятая с них одежда разбрасывалась на значительном расстоянии от мест убийств или закапывалась в землю. Некоторые части тела разбрасывались в разных местах, иногда даже на значительном расстоянии от места убийства.

В совершении данных преступлений длительное время подозревались умственно отсталые и, по существу, психически больные люди. Однако потом эта версия не получила подтверждения и была отброшена. Очень важным оказалось мнение психиатров-сексопатологов и криминалистов по вопросу возможности совершения подобного рода преступлений группой лиц. Этими специалистами в достаточно утвердительной форме было высказано суждение о том, что лица с отраженным на местах происшествий поведением в силу своих психопатических и сексопатологических особенностей почти никогда не имеют сообщников.

и действуют в одиночку. К тому же после задержания и ареста умственно отсталых лиц аналогичные убийства с возрастающей жестокостью продолжали совершаться то в одном, то в другом районе Ростовской области. Стала очевидной бесперспективность выбранного направления поиска преступника и проводимых мероприятий.

К анализу материалов уголовных дел был привлечен квалифицированный психиатр-сексопатолог А. О. Бухановский и ряд психологов, с которыми следствие поддерживало постоянный контакт.

По результатам анализа материалов дела, консультативных заключений ведущих специалистов в области судебной медицины, психологии, психиатрии, сексопатологии и криминалистики был разработан следующий розыскной портрет разыскиваемого преступника: «Возраст от 25 до 55 лет, высокого роста, физически хорошо развит и имеет 4-ю группу крови. Размер обуви 43 и более, носит затемненные очки, внешне опрятен. При себе имеет дипломат или портфель, в которых носит острозаточенные ножи. Страдает психическим расстройством здоровья на почве перверзных изменений сексуального характера (онанизм, педофилия, некрофилия, гомосексуализм и садизм). Возможно, страдает половым бессилием.

Наиболее вероятные места предварительного контакта с жертвами: электропоезда, железнодорожные вокзалы и автовокзалы. При осуществлении замысла изобретателен, по роду трудовой деятельности может свободно передвигаться в такие населенные пункты, как Ростов-на-Дону, Шахты, Новошахтинск и Каменоломни».

Как оказалось, многие из этих предположений совпали с данными, характеризующими личность реального преступника, его поведение до, в момент и после совершения преступления.

Специалисты справедливо посчитали, что вероятность полного прекращения жесточайших убийств невелика, в чем, кстати, убеждал и мировой опыт изучения подобных преступлений. Этот опыт свидетельствовал о том, что такого рода деяния не прекращаются, пока виновный не пойман. Правда, бывают случаи, когда сексуальный маньяк даже желает, чтобы его нашли, вступает в своеобразную игру с правосудием. Так, известен случай в США, когда убийца после

очередного нападения на зеркале в доме убитой ее губной помадой написал просьбу к полиции побыстрее задержать его. Упомянутый нами выше К., совершивший сексуальные посягательства на пятерых детей и убивший четырех из них, на месте последнего преступления рядом с трупом оставил свой паспорт. Подобные случаи не единичны и при совершении других, даже ненасильственных, преступлений.

Это игра в «полицейских и воров», которая складывается по той причине, что преступник в соревновании с полицией (милицией) черпает дополнительное эмоциональное удовольствие, что им очень редко осознается. Что касается сексуальных убийц, то, по-видимому, некоторые из них, как, например, К., не выдерживают психологической нагрузки, связанной как с самими преступлениями, так и попытками уйти от ответственности. Оставление К. своего паспорта — яркое свидетельство того, что он хотел быть пойманным, но, поскольку его сознание отвергало подобный поворот событий, связанный с самым суровым уголовным наказанием, в дело вступило бессознательное и круто решило его судьбу. Но, конечно, Чикатило не из числа таких лиц. Напротив, почувствовав опасность в Ростовском регионе, он, как уже отмечалось выше, переключился на другие места. Совершенно очевидно, что маньяк уже не мог не убивать, это давно стало его потребностью, его второй жизнью, в которой он чувствовал себя подлинным хозяином. Пусть никого не удивит его сравнение с профессиональными карманными ворами, которые черпают огромное психологическое удовольствие в том, что делают, в постоянном риске, в игре с опасностью.

Вот почему и поимка Чикатило оказалась довольно случайным делом, хотя поиски убийцы становились все более интенсивными. Лично его никто не подозревал в последние годы, но в 1984 г. проверялась его причастность, однако достаточных улик тогда не было обнаружено.

6 ноября 1990 г. на платформе «Донлесхоз», в районе которой в 1988 г. было совершено убийство подростка, милиционер заметил в первой половине дня подозрительного мужчину в очках, который вышел из лесополосы. На мочке правого уха и на руках у него были видны свежие царапины, а один палец руки забинтован. Неизвестный предъявил милиционеру па-

спорт на имя Чикатило, после чего он был отпущен, да и задерживать его было не за что. Но вот 13 ноября 1990 г. при прочесывании лесного массива в указанном районе опергруппа милиции обнаружила труп молодой женщины, которой суждено было погибнуть последней от рук разыскиваемого преступника. Сразу вспомнили о вышедшем неделю назад из этого леса Чикатило, и он был взят под стражу. При личном обыске у него изъяли острозаточенный складной нож, два куска пенькового шпагата и карманное зеркальце.

Разоблачить его оказалось весьма трудным делом. На допросах он упорно, как и при его задержании в 1984 г., отрицал свою причастность к убийствам и изнасилованиям. При попытке уличить его вещественными доказательствами в содеянном и уговорить дать признательные показания, он замыкался или бормотал бессвязные слова, отвечал невпопад, долго пребывал в заторможенном состоянии.

Лишь на десятый день после задержания Чикатило наконец признался и дальше уже довольно свободно и даже охотно рассказывал о своих деяниях. Иногда создавалось впечатление, что ему даже нравится быть в центре внимания и эта тенденция ему вообще свойственна, он как бы начал добирать то, чего был лишен в течение жизни.

Психиатрические и сексопатологические сведения

Приводимые ниже сведения о психиатрических и сексопатологических особенностях Чикатило (они получены при его экспертном изучении в НИИ общей и судебной психиатрии им. В. П. Сербского) представляют собой интерес в первую очередь для того, чтобы понять этого необычного убийцу. Но эти сведения весьма важны для профессионалов — психиатров, психологов, следователей, сотрудников уголовного розыска, всех тех, кто призван предупреждать и расследовать подобного рода преступления или своими заключениями способствовать такой деятельности. Излагаемые данные вносят значительную ясность в давние сомнения о том, что зверские сексуальные убийства совершают только душевнобольные люди.

Во время нахождения в экспертном учреждении Чикатило держался несколько скованно, обычно сидел в однообразной неудобной позе, на краешке стула несколько сгорбившись, стараясь не смотреть на собеседника, мимика бедная, производил однообразные движения руками — поправлял очки, поглаживал волосы, проводил рукой по лицу. На протяжении каждой беседы оставался эмоционально однообразным, вяловатым, настроение несколько снижено, вспоминал о своем детстве, матери и первой любви, порой начинал плакать. Голос тихий, маломодулированный, интонации своеобразные с понижением голоса и его ускорением к концу фразы. На вопросы отвечал многословно, порой не сразу улавливая суть вопроса. Сведения о себе сообщал обстоятельно, приводил множество малозначимых деталей и подробностей. Из-за выраженной склонности к детализации рассказ его становился малоинформативным. Часто затягивал ответ на вопрос, не приближаясь к эмоционально значимым темам, с трудом переключался, при возникновении нового вопроса продолжал отвечать на предыдущий.

Отмечались ответы не в плане заданного вопроса, иногда затруднялся при описании своих переживаний, часто приводил лишь внешнюю сторону событий. При повторении вопроса сообщал те же самые сведения со множеством новых деталей и подробностей. Жалоб на здоровье в ходе экспертизы не предъявлял, и в то же время отмечал некоторую вялость, которую связывал с однообразием обстановки, подчеркивал, что впервые в жизни смог несколько успокоиться, отвлечься от постоянных забот, подумать о своей жизни. Отмечал, что хочет поговорить с врачами, чтобы выговориться, испытывает потребность рассказать о себе, после бесед чувствует успокоение. Фиксировал внимание окружающих на своей неполноценности, незащитности, ранимости. Подчеркивал свою мечтательность, склонность к фантазированию, говорил, что «мечтал всю жизнь, иногда не мог отличить мечты от реальности». Неоднократно возникавшие периоды подавленного настроения связывал с перенесенными в течение жизни «кризисами», когда его сначала «поднимали», доверяли ответственную работу, а затем «унижали и изгоняли». Вместе с тем отмечал, что в подавляющем большинстве люди изначально относились к нему нормально, но затем, столкнувшись с его ранимостью,

и неумением постоять за себя, начинали предъявлять ему множество претензий. Тепло, с любовью отзывается о своей семье, говорит, что жена и дети всегда относились к нему хорошо и, находясь дома, он не испытывал какого-либо дискомфорта.

Об интимных отношениях с женой рассказывал неохотно, настаивал на том, что до начала восьмидесятих годов эта сторона их жизни его не беспокоила, однако при расспросах выяснилось, что с первых дней их совместной жизни у него отмечались признаки слабости, недостаточность эрекции; половые акты с женой совершал 1—2 раза в месяц. Пытался объяснить свои первые сексуальные действия с детьми тем, что многие из учеников отличались половой распушенностью, вступали в половые связи с одноклассниками и воспитателями, это оскорбляло его, мучился от мысли, что распушенные дети могут то, чего не может он — взрослый, образованный человек. После каждого преступного эпизода ощущал резкое улучшение настроения, чувство физической и психической разрядки. В течение 1—2 недель после этого чувствовал себя бодрым, жизнерадостным, однако после незначительных контактов, неприятностей на работе и иногда при перемене погоды вновь ухудшалось самочувствие, нарастала тревога, раздражительность, вновь ощущал себя униженным и ненужным человеком. Когда видел на улице девушек в коротких платьях, чувствовал сексуальное возбуждение, хотелось дотронуться до них, ущипнуть, «выместить на ком-то обиду». Пытался подавить возбуждение с помощью физической работы — постоянно что-то переделывал по дому, ремонтировал, рыл погреб. Иногда пытался вспомнить предыдущие эпизоды, но в этих случаях ощущал лишь усиление раздражительности.

Находясь в командировках, вне дома, чувствовал себя одиноким, потерянным, усиливалась тревога. При виде бродяг или женщин в коротких юбках ощущал половое возбуждение, которое сопровождалось усилением тревоги. Эти состояния были особенно частыми после конфликтов на работе. Мог отвлечься на несколько часов, особенно если была неотложная работа, однако в течение суток ощущал возобновление тревоги, чувство внутреннего дискомфорта, неусидчивость. Пытался преодолеть возникшее половое возбуждение тем, что писал множество жалоб, так как именно эта

деятельность иногда помогала ему отвлечься от своих переживаний. Познакомившись с жертвой, под различными предлогами уводил ее в уединенное место, предпочитал лесные массивы. Подходя к лесу, ощущал некоторое уменьшение тревоги, появлялись мысли о том, что он партизан и ведет пленного. Желания убить жертву в эти моменты не было, хотелось связать и раздеть ее, посмотреть на обнаженное тело, ущипнуть. Отмечал, что не всегда помнил, что с ним происходило, так как, находясь в уединенном месте, чувствовал сильное напряжение, всего трясло, пересыхало во рту, наваливался на свою жертву «как медведь». Увидев кровь, приходил в бешенство, «не помнил себя». С годами, когда у него накапливалась тревога, порой неосознанно стремился в те места, где мог найти будущую жертву. Рассказывал, что были моменты, когда он шел на работу и оказывался на находившейся поблизости железной дорожной станции.

При экспертном изучении с горечью говорил, что не знает, как дошел до этого, «были слишком высокие стремления, полеты, и так низко упал». Понимает наказуемость содеянного, однако отмечает, что о себе не беспокоится, так как уже неоднократно решался на самоубийство, представлял себе собственную смерть и теперь она ему не страшна. Эмоциональные реакции его оказались однообразны, маловыразительны. Мышление ригидное, вязкое, обстоятельное. Отдельные суждения отличаются непоследовательностью. Отмечалось интеллектуальное снижение. При экспериментально-психологическом обследовании обнаружилась личностная дисгармоничность с сочетанием ориентировки на актуальное поведение, одобрение со стороны окружающих, склонностью строить свое поведение исходя из внутренних критериев, выраженной субъективности, своеобразия восприятия действительности. Проявлял склонность к формированию аффективно заряженных идей и некорректируемых концепций, что в значительной мере затрудняло межличностную коммуникацию. Эгоцентричен, уровень притязаний и самооценка высокие, однако при этом отмечалось плохое самопонимание, недифференцированность реального и идеального «Я», контроль над аффективной сферой снижен. Мышление характеризуется категориальным уровнем обобщения, доступ

ностью оперирования абстрактными понятиями, условным смыслом.

Экспертная комиссия психиатров пришла к заключению, что Чикатило хроническим психическим заболеванием не страдает, хотя и обнаруживает признаки психопатии мозаичного круга с сексуальными перверсиями, развившейся на органически неполноценной почве. На это указывают данные анамнеза о наличии у него врожденной церебрально-органической недостаточности, проявлявшейся в диспластичности, близорукости, ночном недержании мочи, а также в выявившихся в подростковом возрасте признаках гипоталамического синдрома со склонностью к обморочным состояниям, нарушением биологической базы формирования сексуальности. На фоне указанных расстройств в детском возрасте сформировались патохарактерологические особенности в виде замкнутости, ранимости, повышенной тревожности, склонности к фантазированию. В условиях психогенно-травмирующих ситуаций к указанным расстройствам легко присоединялись невротические и сверхценные расстройства, что проявлялось детскими страхами, юношеской эндореактивной дисморфоманией (убежденностью в собственных физических недостатках), сутяжной деятельностью, а также аффективные колебания преимущественно в сторону тревожно-дистимических расстройств настроения. В подростковом возрасте на фоне явлений психического инфантилизма у испытуемого выявились нарушения психосексуального и полового развития, которые выражались в нарушении биологической базы сексуальности (ослабленном половом влечении, недостаточности эрекций) и задержке психосексуального развития с фиксацией на эротической фазе формирования сексуальности и склонностью к эротическому фантазированию садистического характера.

В дальнейшем на фоне явлений нарушения гетеросексуальной адаптации произошло формирование сексуальных перверсий, которые на ранних этапах (до 1978 г.) проявлялись частичной реализацией садистических фантазий на педо-эфебофильных объектах (т. е. в связи с детьми и подростками), эпизодах фроттажа (трения половыми органами о разные части тела, в том числе о половые органы) и визионизма (влечения к подглядыванию за половым актом или обнаженными представителями противоположного пола).

В последующем наблюдалась прогрессирующая динамика синдрома сексуальных перверсий с полной реализацией садистического влечения, некросадизмом и каннибализмом. Реализация влечения сопровождалась аффективными нарушениями депрессивно-дисфорической структуры, brutally-дисфорическим, всекрушающим разрядом при реализации насильственных актов, астеническими проявлениями. Данный диагноз подтверждается также и результатами клинико-психиатрического обследования, выявившего наряду с органической неврологической симптоматикой эндокринной дисфункцией, а также сексуальными расстройствами такие личностные особенности, как замкнутость, ранимость, сензитивность (повышенную восприимчивость), ригидность и обстоятельность мышления, эмоциональную маловыразительность, явления слабодушия. Однако указанные особенности психики при отсутствии продуктивной психопатологической симптоматики, болезненных нарушений мышления, памяти, интеллекта и сохранности критических способностей были выражены не столь значительно и не мешали Чикатило во время совершения инкриминируемых ему деяний отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими.

Как показал анализ материалов уголовного дела в сопоставлении с результатами экспертного клинического психиатрического обследования, в период, относящийся к совершению преступных деяний, Чикатило не обнаруживал также и признаков какого-либо временного болезненного расстройства душевной деятельности. На это указывают данные о последовательности и целенаправленности его действий, явлениях борьбы мотивов с тенденцией к подавлению возникающих побуждений, длительность подготовки к каждому акту с приемом мер предосторожности, соответствующим выбором жертв, дифференцированным поведением в период нахождения в поле зрения возможных свидетелей, избеганием попадания капель крови на одежду. Помимо этого он сохранял воспоминания о происходивших событиях. Поэтому Чикатило как не страдавшего каким-либо психическим заболеванием и сохранявшего способность отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими в отношении содеянного, судебная экспертная комиссия сочла вменяемым. По своему психическому состоянию в период

проведения экспертизы Чикатило также может отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими; в применении принудительных мер медицинского характера он не нуждается.

Клинико-психопатологический анализ патохарактерологических проявлений мозаичной структуры и целого спектра малоспецифичных в психопатологическом отношении психопатологических образований позволил остановиться на диагностике психопатии, сформировавшейся на органически неполноценной почве, которая дифференцировалась от вялотекущего эндогенного процесса и эпилептической болезни.

В настоящем статусе Чикатило на первый план выступают особенности его мыслительной деятельности и эмоционально-волевых проявлений. Мышление его отличается вязкостью, ригидностью, обстоятельностью, оно замедлено по темпу, с трудностями осмысления вопросов, переключения с одной темы на другую, выделения главного и второстепенного. В ряде случаев у него наблюдались затруднения вербализации (т. е. облечения мыслей в слова), нечеткость при описании своих переживаний, нецеленаправленность отдельных высказываний. Отмечался также формализм мышления с тенденцией при изложении описывать лишь внешнюю сторону событий. Эмоциональные проявления характеризовались незначительным снижением фона настроения с однообразием и мало-выразительностью эмоциональных реакций, на фоне которых отмечались явления слабодушия при затрагивании субъективно значимых моментов. Кроме того, обнаруживалась склонность к фиксации аффективных реакций на психотравмирующих ситуациях и отрицательно окрашенных переживаниях. Обращало на себя внимание также стремление подчеркнуть свою неполноценность, ранимость, неспособность противостоять жизненным трудностям и проблемам.

Таким образом, при анализе психического состояния на первый план выступают некоторые изменения психики, генез и степень выраженности которых необходимо оценить.

При анализе анамнестических сведений обращают не себя внимание признаки, свидетельствующие о наличии у Чикатило врожденной церебрально-органической патологии — диспластичность, близорукость, энурез. На этом фоне у него в детском возрасте

выявлялись патохарактерологические особенно в виде дисгармоничного сочетания черт, присущих психозоидному и эпилептоидному типам психопатий, что проявлялось в замкнутости, ранимости, повышенной тревожности, склонности к фантазированию. Обращает на себя внимание характер детских фантазий, образность, чувственность, фиксация на отрицательных эмоциональных переживаниях. В этом же возрасте отмечалась легкость возникновения невротических расстройств в форме страхов, фабула которых также отражала значимые для него переживания. В препубертатном возрасте появились сверхценные увлечения. В структуре неврозоподобных расстройств этого периода преобладали дисморфоманические проявления. Вместе с тем повышенный интерес к учебе, стремление получить образование, быть лучшим и этим выделиться среди сверстников указывают на наличие у него реакций гиперкомпенсации. Это же может свидетельствовать о попытке преодолеть свою извечную тревожность, утвердив себя в определенной роли. В этом же возрасте появляется интерес к общественно-политическим и философским проблемам, которые на определенный период приобретают односторонний, преувеличенный и негибкий характер.

В пубертатном возрасте выявляются выраженные нарушения психосексуального развития с задержкой на романтической стадии формирования сексуальности. Помимо нарушений психосексуального развития отмечается также нарушение биологической базы формирования сексуальности с резким ослаблением полового влечения, недостаточностью эрекций. Фантазии в этот период отличаются преобладанием отчетливых садомазохистских проявлений. В юношеском возрасте, после неудачных попыток полового контакта с женщинами, формируются аффективные нарушения с преобладанием депрессивного фона настроения и периодически возникающими суицидальными тенденциями, а также наблюдается заострение патохарактерологических черт, углубление замкнутости, тревожности, ранимости, повышение чувствительности к действительному или мнимому ущемлению его прав, в этот период происходит начало его сутяжной деятельности.

Вместе с тем в юношеском и молодом возрасте, несмотря на наличие указанных расстройств, не наблюдается признаков социальной дезадаптации, но об-

ращает на себя внимание низкий уровень гетеросексуальной адаптации, что проявляется в снижении полового влечения, недостаточности эрекций, бледности оргастических переживаний. Эротическое с отчетливой садомазохистской окраской фантазирование, свойственное в тот период, приобретает форму суррогатной сексуальной активности. Впервые реализация девiantной сексуальной активности произошла в 1972 г. (36 лет), в условиях субъективно значимой психотравмирующей ситуации, в результате которой отмечалось стойкое изменение эмоционального фона с субдепрессивной окраской настроения, преобладанием тоскливо-тревожного аффекта, нарушениями сна и аппетита, суицидальными тенденциями.

Первый преступный акт представлял собой частичную реализацию садистических фантазий испытуемого и сопровождался яркими оргастическими переживаниями с ощущением суицидальных мыслей, с последующей фиксацией как способа реализации девiantного влечения, так и его объекта. Психопатологическая структура влечения в тот период отражает его навязчивый характер — аффективные нарушения характеризовались преимущественно дистимическими расстройствами. Он нередко мог подавить возникающее влечение с помощью физической работы или ограничиться эротическими фантазиями, влечение же реализовывалось преимущественно в тех случаях, когда его возникновению предшествовала та или иная внешняя психогенная провокация, реализация девiantной активности сопровождалась приемом мер предосторожности. В дальнейшем наблюдалась характерная для парафилий тенденция к усложнению сексуальных перверсий с включением в их структуру помимо агрессивно-садистических действий в отношении педо-эфебофильных объектов, эпизоды фроттажа и вуайеризма (визионизма).

Обращают на себя внимание условия, способствовавшие окончательной реализации садистического влечения, приведшей к совершению им первого убийства. Этому предшествовало возникновение субъективно сложной ситуации с ухудшением состояния, углублением свойственных ранее аффективных расстройств, тревогой в связи со сверхценными мыслями о своей неполноценности, возникновением отрывочных идей преследования. В этом состоянии Чикатило использует

случайно создавшуюся ситуацию для реализации агрессивно-садистических тенденций. Ощущение не только психической, но и физической разрядки с выраженными оргастическими переживаниями способствовало фиксации этого способа реализации девиантного влечения. Несмотря на это, до определенного момента (до 1984 г.) сохраняется; хотя и сниженное, адекватное гетеросексуальное влечение. В дальнейшем, в 1981—1982 гг. (45—46 лет) происходит четкое синдромологическое структурирование девиантного сексуального влечения. При этом каждый отдельный девиантный акт приобретает очерченность, в нем можно выделить основные стадии реализации преступной активности — подготовительную, непосредственной реализации и завершающую со свойствами каждой из них клинико-психопатологическими особенностями.

Так, усиление садистического влечения провоцируется психогенными факторами, что доказывается также тем, что в 1984 г. в период, когда у Чикатило резко осложнились отношения на работе и он был привлечен к уголовной ответственности, наблюдается максимальное число совершенных им убийств (15 человек). В подготовительной стадии к преступлению отмечается преобладание тоскливо-тревожного аффекта с дисфорической окраской и появлением на высоте влечения параноидной настроенности с отрывочными идеями отношения и преследования. Стадия реализации девиантных актов характеризуется стереотипными, клишированными действиями, мощнейшим брутально-дисфорическим разрядом с явлениями дереализации, деперсонализации и реализацией садистических фантазий. В отдельных случаях наблюдались акты с направленностью агрессии не только на потерпевших, но и на случайные, нейтральные объекты. Завершающая стадия характеризуется выраженным чувством психической и физической разрядки, явлениями астении, сонливости, разбитости.

Приведенные психопатологические характеристики двух последних стадий указывают на формирование проявлений, свойственных компульсивному варианту патологического влечения, что говорит о трансформирующем варианте динамики синдрома патологических влечений. Содержание данного синдрома характеризуется наличием множественных перверсий, включающих некросадизм, каннибализм, гомосексуальные

тенденции с предпочтением педо-эфебофильного объекта. Обращает на себя внимание также учащение гомосексуальной активности в последние годы. Формирование и динамика синдрома сексуальных перверсий происходят на фоне видоизменения структуры психопатологических расстройств, когда наряду с патохарактерологическими и аффективными расстройствами за счет присоединения возрастных и сосудистых расстройств определенное место в клинической картине начинают занимать явления нерезко выраженного психоорганического синдрома со снижением работоспособности, непродуктивностью, трудностями концентрации внимания и сосредоточения, актуализацией склонности к сверхценным образованиям и сутяжно-паранойальной активности и легким возникновением паранойдной настроенности с отрывочными идеями отношения, преследования и пр.

Клинико-психопатологический анализ данного наблюдения указывает на наличие у Чикатило патохарактерологических проявлений мозаичной структуры и широкого спектра достаточно малоспецифичных в нозологическом отношении психопатологических образований, что диктует необходимость включения в круг дифференциальной диагностики вялотекущего эндогенного процесса, эпилептической болезни и психопатии, сформировавшейся на органически неполноценной почве.

Наличие в структуре заболевания таких личностных особенностей, как замкнутость, отгороженность от окружающих, аффективные колебания, склонность к формированию сверхценных образований, легкость возникновения идей отношения и паранойдной настроенности, обуславливает необходимость дифференциальной диагностики с вялотекущей психозфренией. Присущие Чикатило с детства патохарактерологические особенности не претерпели качественной динамики с формированием иных, ранее не свойственных ему черт, их заострение и углубление с присоединением аффективных расстройств являлись результатом воздействия психогенных факторов. Выявленная склонность к формированию сверхценных образований и их динамика также не указывают на процессуальный характер этих расстройств — несмотря на многообразие сверхценных образований они возникали по психологически понятным мотивам, с течением времени не

отмечалось тенденции к усложнению их структуры, они не сопровождались аффективной напряженностью и отрывом от реальной жизни. Сутяжная деятельность никогда не вытекала из какой-либо бредовой концепции, не сопровождалась напряженным аффектом, не подчиняла себе все жизненные интересы и устремления, что не позволяет говорить о наличии паранойяльной структуры. Однако отсутствие признаков прогрессивности (нарастания имевшихся у него расстройств, специфических нарушений мышления и эмоционально-волевой сферы) позволяют отвергнуть данный диагноз.

Наличие в структуре расстройств личностной патологии в виде обидчивости, злопамятности, мстительности, а также нарушенных влечений обуславливают необходимость проводить дифференциальный диагноз с эпилептической болезнью. Однако отсутствие в течение жизни пароксизмальных расстройств, а также нарастания изменений личности по эпилептическому типу позволяют отвергнуть и этот диагноз.

Однако в любом случае, независимо от нозологической квалификации имеющихся расстройств, можно с уверенностью говорить о наличии органически неполноценной почвы, о чем свидетельствует энурез, диспластичность, близорукость, проявившиеся впоследствии дизэнцефальные расстройства, а также изменения эмоционально-волевой сферы и мышления, выявляемые у испытуемого в настоящее время. Подобная органическая неполноценность является почвой для определенного, четко выявляемого дизонтогенеза, затрагивающего все сферы психической активности испытуемого с преимущественным вовлечением эмоционально-волевых проявлений, что отражается в задержке психического развития с преобладанием на протяжении жизни признаков психического инфантилизма.

С этой позиции становится понятным формирование именно тех психопатологических образований, которые впервые выявились у Чикатило в детском возрасте и определяли клиническую картину на протяжении всей жизни. В структуре этих расстройств доминирующей является личностная патология, а их динамика ограничивается свойственными психопатической структуре личности сдвигами в виде психогенных несовершенных компенсаций, реакций с повторе-

нием и воспроизведением таких ранее свойственных ему психопатологических образований, как сверхценности, склонность к аффективным нарушениям, формированию идей отношения и преследования. При этом структура личности остается практически неизменной, не наблюдается очерченных психотических расстройств и явлений дезадаптации, что позволяет рассматривать данный случай как психопатию на органически неполноценной почве.

Экспертная оценка лиц с сексуальными перверсиями должна строиться в соответствии с комплексным принципом оценки нозологической формы психического заболевания и структурно-динамических характеристик патологических влечений. На первом этапе экспертной диагностики, анализируя глубину и выраженность патохарактерологических, аффективных, неврозоподобных и психоорганических расстройств, можно отметить, что, несмотря на наличие у испытуемого достаточно полиморфной симптоматики, он не обнаруживал признаков психоза, был достаточно хорошо адаптирован, трудоспособен. Поэтому имевшиеся у него особенности психики не были выражены настолько, чтобы лишать его способности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими.

Наибольшие затруднения касаются второго этапа диагностики, когда возникает необходимость оценки структурно-динамических характеристик патологического влечения. Трансформирующая динамика синдрома патологических влечений с присоединением признаков, свойственных компульсивному варианту, делают этот этап диагностики особенно сложным. Вместе с тем и на высоте влечения при совершении первых преступлений испытуемому была свойственна напряженная борьба мотивов, стремление подавить возникающее возбуждение с помощью работы, чтения, писания жалоб, что говорит о сохранности компенсаторных механизмов. В дальнейшем длительность подготовительной стадии, прием тщательных мер предосторожности, продуманные способы знакомства с жертвами, выбор в качестве жертв соответствующих объектов, дифференцированное поведение в период, когда они находятся в поле зрения возможных свидетелей, стремление и желание совершить нормативный половой акт, яркое образное фантазирование с представлением увиденных ранее садистических сцен

говорят о том, что на последующих этапах у Чикатило исчезают внутренние препятствия к возникающим побуждениям. Во время реализации садистического влечения также отмечается определенная целенаправленность его поведения со стремлением избежать попадания капель крови на одежду. Все это говорит о том, что он сохранял способность отдавать себе отчет о своих действиях и руководить ими.

Более сложной оказалась экспертная оценка, поскольку сама реализация садистического сексуального влечения отличалась значительным психопатологическим своеобразием. Впервые реализация девиантной сексуальной активности произошла в 36 лет, в условиях субъективно значимой психотравмирующей ситуации, в результате которой отмечалось стойкое изменение эмоционального фона с субдепрессивной окраской настроения, преобладанием тоскливо-тревожного аффекта, нарушениями сна и аппетита, суицидальными тенденциями. Первый преступный акт представлял собой частичную реализацию садистических фантазий и сопровождался яркими оргастическими переживаниями с ощущением психической разрядки, улучшением настроения, исчезновением суицидальных мыслей. Психопатологическая структура влечения в тот период отражает его навязчивый характер — аффективные нарушения на начальном этапе характеризовались преимущественно депрессивными расстройствами, и испытываемый нередко мог подавить возникающее влечение с помощью физической работы или ограничить эротическими фантазиями, влечение реализовывалось преимущественно в тех случаях, когда его возникновению предшествовала та или иная внешняя, психогенная провокация, реализация девиантной активности сопровождалась мерами предосторожности.

Объяснение злодеяний

Для того чтобы понять причины из ряда вон выходящих злодеяний Чикатило, необходимо соблюсти два условия.

Во-первых, нужно постоянно иметь в виду особенности его личности и прожитой жизни, поэтому в последующем изучении мы вновь будем к ним возвращаться.

Во-вторых, нужно проникнуть в глубинный, тайный смысл совершенных действий, смысл, во многом непонятный даже для него самого, должным образом определить значимость названных действий, их символику.

Итак, вернемся к биографии Чикатило. Как мы помним, он не удержался на той работе, к которой был подготовлен своим профессиональным образованием, т. е. перед ним открывалось неплохое будущее, но это была только перспектива, а не реальность. Был членом КПСС, но в связи с арестом по обвинению в хищениях был исключен из партии, т. е. утратил даже и такое формальное социальное признание, как членство в рядах господствующей партии.

Как представляется, два обстоятельства все время тормозили его социальное продвижение: во-первых, у многих людей он вызывал сильнейшую антипатию и неприятие. Он сам говорил: «оскорбляли меня на работе все, и простая девчушка и начальник». Однажды он пришел к начальнику с заявлением об очередном отпуске, но тот не только не разрешил, но и избил его. Во-вторых, Чикатило вступал в ненадлежащие контакты с учениками, а с некоторыми в гомосексуальные, причем в пассивной роли. Кстати, ученики его тоже били, а директор оскорбил при учениках. Пассивным гомосексуалистом он был в армии, затем в следственном изоляторе, когда велось следствие о хищениях, в которых он обвинялся. Однако отношение к нему членов его семьи — жены, сына и дочери — было несколько другое. Первая отмечала, что он «никогда нас пальцем не тронул. Головы курам рубил, но очень плохо у него получалось». Но напомним, сам Чикатило рассказывал, что иногда жена называла его ничтожеством и довольно часто — импотентом, что соответствовало действительности (она показала на допросе: «Не мог совершить половой акт без моей помощи. Со временем половая слабость стала еще заметнее. Последние 6—7 лет у нас вообще не было половых отношений»).

Еще лучше отзывалась о Чикатило его дочь: «Папа добрый, спокойный человек, имел страсть читать газеты и смотреть телевизор. Вел здоровый образ жизни, не курил, спиртным не злоупотреблял. Очень любил детей, никаких странностей я у него не замечала».

Эти две характеристики показывают, что «добрый, спокойный» человек оборачивался зверем лишь в строго

определенных случаях — в отношении своих сексуальных жертв, причем соответствующие ситуации готовил сам. Во всех остальных обстоятельствах он пассивен и подчинен настолько, что не может дать сдачи никому из своих обидчиков — на работе, в семье, армии, местах лишения свободы, во время случайных конфликтов. Более того, во многих отзывах о нем отмечается вежливость и предупредительность, что можно расценить как его стремление предпринять упреждающие шаги, чтобы не вызвать никакой агрессии против себя из-за страха перед ней. Отношение к жене и детям связаны, по-видимому, с чувством вины перед ними, которым он, по его словам, не смог обеспечить достаточного существования.

Между тем «страстный любитель газет и телевизоров» был большим сутяжником, постоянно на что-то жаловался, обычно козыряя своим членством в КПСС. Только за год, предшествующий аресту, т. е. в самый разгар кровавых убийств, написал более 50 жалоб, приезжал жаловаться в Москву и здесь ходил со щитом на груди, требуя справедливости. Но ведь это проявление агрессивности и как ее увязать с постоянно подчиненной позицией Чикатило в большинстве других случаев?

Думается, что одно другому совсем не противоречит и постоянная подчиненность как раз и компенсируется сутяжничеством, т. е. он агрессивен, но не смеет открыто дать отпор, поскольку труслив, всегда боялся физического воздействия. Чтобы лучше понять это, нужно учитывать, что он не способен оказать сопротивление обидчику, так сказать, лицом к лицу. Избегая этого, но подчиняясь потребностям своей агрессивной природы, Чикатило постоянно пишет жалобы, которые представляют собой вербальную, словесную агрессию в форме нападения не только на тех, кто обижал его, а вообще на всех. К тому же, как указывалось выше, написание писем снижало остроту его постоянных переживаний по поводу своей несчастной жизни, а это имело для него большое эмоциональное значение.

А обиды и удары судьбы он испытывал всегда и как бы коллекционировал их: провалил вступительные экзамены на юридический факультет, хотя мечтал стать следователем или прокурором, что хорошо увязывается с его поисками справедливости и агрессивностью; у него была выраженная половая слабость, а в последние годы наступила полная импотенция; его использовали в качестве пассивного партнера в гомосексуа-

льных контактах, к чему, правда, он и сам бессознательно стремился, но все-таки оценивал как унижение; для него не находилось работы, которой, по его убеждению, он достоин; его все время унижали по мелочам, например перед одним окном его квартиры поставили во дворе общественный туалет, а перед другим вырыли котлован для гаража; ему не давали сносное жилье, и он с семьей ютился в одной комнате без удобств; незаконно осудили за хищение, которое он якобы не совершал, и многое другое.

Чикатило перенес несколько травм черепа, что не могло не сказаться на его личности, на развитии его раздражительности, злобности, нетерпимости. По своему складу он относится к эпилептоидному типу с характерными жестокостью, злопамятностью, застреваемостью психотравмирующих эмоций.

Свои состояния до и во время нападения описывал следующими словами: «ничего с собой поделывать не мог»; «это доставляло мне неизъяснимое удовольствие»; «чувствовал, что если сейчас не нападу, то потеряю сознание»; «не могу сказать, с какой целью я это делал, но стоны, крики, агония давали мне разрядку и какое-то наслаждение. Ничего с собой сделать не мог. Одну девушку, которую я повел лесом, я искромсал ножом. Меня всего трясло, произошло семяизвержение»; «при виде крови начинал бить озноб, весь трясся, совершал беспорядочные движения»; «я не обращал внимание на крики и стоны, не думал и о том, что меня могут поймать, и действовал как заведенный»; «резал, колол, бил не только жертву, но и ее одежду, деревья, кусты, траву, срывал и ломал ветки, разбрасывал части тела, иногда долго носил их по лесу и только потом закапывал, уносил с собой нос, груди, кончик языка, матку, кишки, выбрасывал их неохотно, а когда нес их, меня это успокаивало. Когда резал ножом, то покачивался, имитируя половой акт»; «после всего чувствовал себя обессиленным; уже ничего не интересовало, даже если, скажем, на вокзале милиция проверяла, чувствовал себя спокойно, но во время убийства был в полуобморочном состоянии»; «на половых органах срывал свое отчаяние, эти органы были причиной моего несчастья».

Анализ этих высказываний, да и других обстоятельств совершенных Чикатило убийств показывает, что во время совершения большинства из них он

находился в экстатическом состоянии. Напомним, что под экстазом понимается болезненно-восторженное состояние, исступление. Это — иной уровень психики, когда человек как бы уходит от всего земного. Греческий философ Плотин, основатель неоплатонизма, употреблял это понятие при описании сверхумного созерцания, когда душа, отбросив все чувственное и интеллектуальное, возвышается над сферой бытия — ума и в некоем восторге и воодушевлении непосредственно соприкасается со сверхбытийным единым. Экстаз предполагает предварительное очищение души (катарсис). Экстатическое состояние свойственно многим людям, в том числе выдающимся, даже гениям. Ч. Ломброзо писал: «На одном из представлений Ки-на (великого английского актера) с Байроном случился припадок конвульсий. Лорри видел ученых, падавших в обморок от восторга при чтении сочинений Гомера, Живописец Фрачиа умер от восхищения после того, как увидел картину Рафаэля. Ампер до такой степени живо чувствовал красоту природы, что едва не умер от счастья, очутившись на берегу Женевского озера, Найдя решение какой-то задачи, Ньютон был до того потрясен, что не мог продолжать своих занятий».¹

Экстаз переживают многие фанатики, особенно религиозные, и в таком состоянии они могут быть чрезвычайно опасны. В сильнейшем экстатическом состоянии находятся многие политические террористы, погибающие вместе со своими жертвами. Состояния экстаза во многом могут быть схожи с аффектом, вообще провести границу между аффектом и экстазом не всегда просто и отнюдь не исключено, что иногда одно и то же явление определяется с помощью разных понятий. Во всяком случае, для экстазов Чикатило характерны многие черты, свойственные аффективным состояниям: забывание некоторых деталей, полное успокоение после совершенного, иногда сон. Как он рассказывал, после каждого убийства он спал почти сутки, а потом на работе все время дремал.

Ради чего Чикатило впадал в экстаз или, говоря другими словами, доводил себя до состояния аффекта, причем не следует думать, конечно, что все это проделывалось им сознательно? Но такое состояние явно

---

¹ Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. Параллелизм между великими людьми и помешанными. — Спб., 1885. — С. 18—19.

было желательным для него. Как можно полагать, в эти минуты он полностью уходил из постоянно избивавшей его жизни, пребывал в состоянии эйфории и переживал удовольствие, даже наслаждение, чего был почти полностью лишен в реальной жизни. Иначе говоря, абсолютный переход на другой уровень бытия и был одной из причин того, что после каждой кровавой оргии он успокаивался и был счастлив, ему уже больше ничего не хотелось. Все это давалось путем глобального уничтожения — людей, их одежды, растений и т. д., и именно уничтожение было необходимо для этого отчужденного, замкнутого, погруженного в свои проблемы и переживания, в свой внутренний мир интроверта. Можно предположить, что он даже нравился себе в этом качестве; этой своей тайной жизнью, в которой он выступал полным господином. Следовательно, есть все основания считать Чикатило нарциссической самолюбующейся натурой, причем больше асексуального плана, поскольку он никак не мог гордиться собой как самцом, а только как безжалостным мужчиной, своими руками создавшим себе иную реальность и долгие годы жившим в ней. В то же время сексуальные переживания занимали в его внутренней жизни ведущее место.

Моменты экстаза были ему неизъяснимо дороги еще и потому, что он, жалкий импотент и неудачник, всеми пинаемое ничтожество, жил в эти минуты полной жизнью, господствуя над другими. Неважно, что это были слабые женщины, иногда алкоголички, дебилы или подростки, они ведь носители жизни, представители рода человеческого, от которого он терпел одни унижения и оскорбления, который изгнал его. Но и в роли господина Чикатило оставался ничтожеством: некоторым мальчикам, которых обманом уводил в лес, связывал руки и объявлял, что он партизан и берет их в плен как «языков», причем во всех случаях говорил весьма знаменательную фразу — «я отведу тебя к начальнику отряда», после чего и начиналось дикое насилие. Как мы видим, даже здесь, в лесу, где он мог назваться даже маршалом, этот человек брал на себя лишь рядовую роль, а командиром делал какого-то воображаемого, другого.

В целях объяснения причин кровавых преступлений Чикатило необходимо поставить вопрос о том, почему он так упорно стремился убивать с особой

жестокостью, расчленять и кромсать трупы, съедать отдельные кусочки человеческого тела, носить по лесу отчлененные части и т.д. Ответ надо искать в некрофилии этого преступника, свойственной, кстати, не только ему, но и другим жестоким, особенно сексуальным, убийцам. Этот преступник может быть отнесен и к сексуальным, и к асексуальным некрофилам, он — полный некрофил. Конечно, он не вступал в половые сношения с убитыми им людьми, но только в силу импотенции, однако, как будет показано ниже, разными способами пытался компенсировать свое половое бессилие.

Можно высказать еще одно очень важное предположение: он вызывал явную антипатию у знавших его людей в первую очередь потому, что был некрофил, т. е. врагом всего живого, носителем смерти. Окружающие чувствовали это инстинктивно, хотя и не могли объяснить, почему так относятся к нему, но такое их отношение диктовалось его цветом лица, монотонной, неэмоциональной речью, всегдашним отсутствием улыбки, неумением и нежеланием шутить всем его внешним обликом. Отнюдь не исключено, что многим Чикатило внушал страх и именно этим определялась агрессия к нему.

Он получал половое удовлетворение от агонии жертвы, от ее мучений, от расчленения ее тела, т. е. проявлял садистские наклонности. Между тем о таких людях мало что известно, исключая, конечно, блестящий труд того же Э. Фромма о Гитлере. О сексуальной же некрофилии как сексопатологическом явлении написано достаточно много, но это не имеет прямого отношения, во всяком случае нет оснований так думать, к асексуальным ее формам.

Какой вывод можно сделать из прожитой этим человеком жизни, как он сам оценивает ее? Лучше всего послушать его самого: «Всю жизнь меня унижали, топтали, я отчаялся, я бесхарактерный, не мог защититься от ребят, помню, прятался в бурьяне, пока не придет мать. Они меня били из-за моей неуклюжести, замедленности действий, рассеянности, называли растяпой, размазней, бабой, не мог я дать им сдачи. Был всегда худой, немного поправился только в армии. Детство помню, войну, бомбы, убитых, кровь. Отец тихий, скромный, я больше похож на него. Он защищал меня, но не очень, поэтому я старался не

выходить на улицу. Я молился богу, чтобы отец побыстрее вернулся из ссылки (после плена) и защитил меня. У меня еще старший брат был, его в голод в 1933 г. съели в Сумской области, так мне рассказывали и отец, и мать. Я помню голод после войны, хоронили без гробов, я помню покойников. С мамой отношения... нормальные, в общем хорошие. Она никогда не наказывала, но и не ласкала, да и какие там ласки, когда на работе от зари до зари. Тогда все от голода вымирали, так что главная ласка был кусок хлеба. После того как я провалился на вступительных экзаменах на юрфак, домой я не вернулся, было стыдно, стал жить один в Курской области. Мне было уже 24 года, когда я впервые переспал с женщиной, я ведь всегда их стеснялся, да и одет был плохо, очки носил. Я сказал «переспал»? Это не так, потому что у меня тогда ничего не получилось, и женщина стала надо мной смеяться. Через несколько лет женился, и с женой было легче вступать в половую связь, потому что она мне спокойно помогала и не издевалась. Впрочем, в последние годы она говорила мне: «Идиот, пойди лечись, тебе давно пора». Я уже много лет не вступал с ней в половые сношения».

Этот рассказ требует оценки и скрупулезного анализа.

Прежде всего отметим кровавый фон детства Чикатило, которое протекало рядом с убитыми, умершими от голода, покойниками, кровью. Для понимания некрофильской природы этого убийцы чрезвычайно важное значение имеет тот факт, что ему еще с ранних лет было известно, что его старший брат был съеден голодающими. Съедение человека было для него реальностью, а не абстракцией, как для подавляющего большинства людей. То, что до него дошло в рассказе, не играет существенной роли, поскольку поведали ему об этом отец и мать, к тому же о родном брате. Можно волагать, что это прочно осело в его психике и во многом направляло поступки, хотя он не отдавал себе в этом отчета. К тому же в детские, наиболее восприимчивые годы он вообще видел много покойников и смертей, и смерть давно стала для него чем-то близким и понятным.

Данное обстоятельство проливает свет на чудовищные злодеяния «хозяина леса», как называл себя Чикатило, но, полагаем, только этим они вряд ли

объясняются, поскольку многие некрофилы не имели подобных детских впечатлений. С другой стороны те, которые в детстве тоже пережили подобные ужасные события, тем не менее не проявляли в дальнейшем никакой агрессивности. Очевидно, столь ужасные последствия могли наступить лишь в том случае, если перечисленные кровавые факты произошли в жизни именно такого человека, как Чикатило, и чья жизнь затем сложилась именно так, как она сложилась у него. Поэтому детские впечатления, особенно съедение брата голодающими, следует должным образом оценить в контексте объяснения поступков этого убийцы-некрофила.

Он был слаб и неуклюж, не мог защитить себя, что его сверстники чувствовали еще в детстве. Однако его совсем не защищали родители. Отец был «тихим скромным», в нем Чикатило не мог найти даже психологическую опору. Мать, как можно заключить из его рассказа, занимала вроде как нейтральную позицию — не наказывала, но и не ласкала, а это позволяет предполагать ее равнодушие к сыну, что, конечно, было губительно для ребенка, особенно если его злобно преследовали другие мальчишки. Могут возразить, что в те суровые годы кусок хлеба был важнее материнской ласки, но с этим нельзя согласиться ни в коем случае, поскольку родительская любовь особенно нужна, поистине жизненно необходима как раз в тяжелые времена.

Вот почему с самых ранних лет у Чикатило возникает и закрепляется представление не просто о чуждости и непонятности, а и о враждебности окружающего мира. Естественно, у него формируется и страх быть уничтоженным, вполне реальная опасность за себя, иными словами — страх смерти. В этой связи следует подчеркнуть, что вся его последующая жизнь только укрепляла этот страх, поскольку состояла из непрерывной череды унижений, побоев, сексуального насилия, отчуждения от людей.

Страх смерти типичен для убийц. Это не клинический симптом, и его очень редко можно наблюдать в форме прямого, открытого высказывания самого человека. Этот страх быть уничтоженным связан с наиболее глубоким онтологическим основанием бытия личности — права и уверенности в своем существовании, в своей самоидентичности, автономии «Я от «не-Я». Подобный страх почти всегда бессознателен, но он

создает личностную диспозицию, определенное видение мира, свою философию, причем начинает все это формироваться с детских лет при отсутствии чувства безопасности в случаях непринятия другими людьми, прежде всего родителями. У Чикатило страх смерти мог появиться не только из-за равнодушия к нему родителей и жестокого обращения сверстников, но и потому, что в те ранние годы он постоянно сталкивался с голодом, смертями, покойниками, точнее — не просто сталкивался, а жил в том мире.

Страх смерти не удел убийц. Он способен быть мощным стимулом труда и творчества: преодолевая его, человек может стремиться к накоплению жизненных благ, чтобы передать их детям и внукам, создавать произведения искусства и литературы, активно работать в науке, чтобы его труды пережили его. Можно думать, что чадолюбие, столь украшающее человека, своими глубокими корнями тоже связано с созидательной силой страха смерти.

Жизнь Чикатило могла бы развиваться дальше по иному сценарию, и вообще его преступное поведение хотя и не случайно, но и не фатально. Но тут появляется новый и исключительно мощный разрушительный фактор — импотенция. Она окончательно губит последние попытки хоть как-то приспособиться к этой жестокой и бессердечной для него среде, например путем удачного брака. Напомним, в этой связи, что первое убийство он совершил после наступления полной половой слабости. К смерти же у него свойственное, амбивалентное отношение типа «тяготение — отвергание», т. е. он отвергает ее — и это страх смерти, но в то же время испытывает тяготение к ней, столь близкой с раннего детства. В этом тяготении к смерти, которое находит свое выражение во множестве кровавых убийств, преодолевается его страх перед ней, поскольку каждой такой расправой он как бы еще больше породняется с ней и ищет у нее милостей. Возможно, что как раз в этом лежит объяснение того, что убийца заглатывал кончики языков и другие небольшие части тела, а также долго не мог расстаться и носил с собой по лесу куски расчлененных им покойников: он мог воспринимать части трупов в качестве символов смерти.

В то же время обращает на себя внимание, что в большинстве случаев Чикатило съедал те части

труппа, которые связаны с сексом. Это можно интерпретировать так: преступник не был способен к сексуальному овладению телом, поэтому он, проглатывая «сексуальные» кусочки, на таком чисто символическом уровне владел телом, вступал в половые сношения. Возможно также, что, заглатывая именно «сексуальные» кусочки, он пытался (на бессознательном уровне) усилить свой половой потенциал. К тому же указанные части, как отмечалось выше, одновременно символизируют и смерть, что в совокупности мощно усиливало бессознательную мотивацию анализируемых поступков.

Необходимо отметить, что Чикатило достаточно хорошо осознает некоторые важные моменты своего поведения и даже их смысл. Так, он говорил: «Я отрезал половые органы, матку, груди и кромсал их, так как видел в них причину своего несчастья, своего отчаяния». Эти осмысленные его действия тоже носят символический характер, поскольку он уничтожил то, что олицетворяло недоступную для него область сексуальных связей, отсутствие которых было для него источником глубокой психотравмы. Он отрезал и мужские половые органы (у мальчиков), тем самым не только пытаясь, как уже говорилось, обрести мужскую силу, но и символически, абстрактно наказывая сам себя путем оскпления за полную свою импотенцию.

Подведем итоги. Мы полагаем, что преступления Чикатило носят характер его мести окружающему миру и мотивируются стремлением к самоутверждению. Правда, возникает вопрос, почему реализация такого мотива в его случае принимает столь кровавые, чудовищные формы. По-видимому, ответ следует искать в некрофильской натуре этого убийцы, в его страхе смерти и тяготении к ней; в тех его садистских наклонностях, которые обуславливают сексуальное удовлетворение при виде безмерных страданий, предсмертных конвульсий и агонии жертвы.

Чикатило — чрезвычайно противоречивое явление с одной стороны — ничтожный, мелкий, всеми презираемый человек, полный банкрот и неудачник в жизни, импотент и пассивный педераст, с другой — грозный и безжалостный убийца, кромсающий людей и расхаживающий по темному лесу с кусками человеческого мяса. У него серая, ничем не примечательная внешность постоянно нуждающегося мелкого чинов-

ника, и он, замкнутый и отчужденный, ничем не обнаруживает себя, но в лесу становится неумолимым палачом нескольких десятков беззащитных женщин и подростков, вырастая в грандиозную фигуру, в абсолютное воплощение зла. Он получил от жизни то, что требовала его разрушительная суть, и в этом смысле — не проиграл.

Рассказывая нам о своих преступлениях — Чикатило был ровен и совсем не эмоционален. О себе, своей жизни и кровавых похождениях рассказывал спокойно, как обычно повествуют о вещах будничных, хотя и не очень веселых, часто жаловался на судьбу. Однако у него ни разу не промелькнула даже тень раскаяния о совершенных преступлениях и сочувствие к погубленным им людям. Впрочем, можно ли ожидать иное от человека, который сделал смерть своим ремеслом? Можно, если он ощущает себя на пороге вечности и боится собственной смерти, но у нас как раз и сложилось впечатление, что смертная казнь, близкая и вполне реальная, его совсем не беспокоит. Он ни разу не вспомнил ни о суде, ни о грядущем наказании, одним словом, ничем не проявил своего страха перед смертью. Это тяготение к смерти, в данном случае — к собственной.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СЕКСУАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

1. Как предотвращать сексуальные преступления

Предупреждение половых преступлений по сравнению с предупреждением других видов преступлений отличается существенной спецификой и повышенной трудностью. Обуславливается это прежде всего тем, что причины половых преступлений носят сугубо интимный, скрытый характер, большая часть из них не охватывается сознанием субъекта и плохо контролируется им. Они связаны с тончайшими переживаниями, порой имеющими бытийную значимость, с межличностными отношениями, внутреннее содержание и смысл которых далеко не всегда очевиден.

Поэтому первостепенное значение имеет максимальное внимание к человеку, понимание сложности и противоречивости его субъективного мира, расширение возможностей реализации личностных потребностей и интересов (например, самоутверждения) в различных сферах трудовой и общественной деятельности, компенсируя тем самым некоторые другие, более интимные потребности, создание лучших условий труда и отдыха, оказание психологической, психотерапевтической, сексопатологической помощи в сочетании с повышением эффективности воспитательной работы, особенно индивидуальной.

Не менее важно нравственное, в том числе половое воспитание. Лишенное ханжества и ложной стыдливости и в то же время циничности и обнаженности нравственное воспитание обязано ориентировать молодых людей в сфере сексуального общения, в котором каждый может выступать в качестве уважаемого и равноправного партнера. Подобное воспитание сейчас очень актуально из-за общего снижения нравственности, требовательности к себе и другим в вопросах половых контактов, из-за того, что в некоторых моло-

дежных кругах мужчины выступают отнюдь не в рыцарском облике, а молодые женщины — не в образе прекрасных дам.

Разумеется, изменение в наши дни отношения к человеку, стремление к более полному удовлетворению его потребностей, улучшение воспитательной работы за счет обогащения ее содержания потребует экономического обеспечения, возможно, и значительных материальных затрат. Однако социально-экономические меры, тем более мероприятия производственного характера, сами по себе непосредственно не могут привести к успехам в борьбе с сексуальной преступностью. Не следует забывать, что в самых богатых и процветающих странах сексуальные преступления все-таки совершаются, а это приводит к выводу, что причины подобного рода преступления в общем-то мало зависят от материальных условий жизни людей и их экономического благополучия. Но чем богаче страна, тем лучше, как показывает практика, работают там правоохранительные органы, в частности полиция быстрее раскрывает половые преступления, не давая им раскрутиться в бесконечную ленту кровавых деяний.

Для успешной борьбы с половыми преступлениями первостепенное значение имеет обеспечение общественного порядка, предупреждение пьянства и алкоголизма. Состояние опьянения можно считать внутренним, личностным условием, способствующим учинению насилий. Оно развязывает руки насильнику и убийце, актуализируя его скрытые переживания и влечения. Напомним, что насильники и сексуальные убийцы чаще совершают свои преступления в нетрезвом виде. Опасность алкогольного опьянения заключается и в том, что женщины в таком состоянии легче становятся жертвой сексуального насилия, во многих случаях провоцируя его своим поведением.

Постоянное пьянство, особенно алкоголизм, способствуют формированию негативных черт личности, антиобщественных взглядов и представлений, расторможенности половых влечений, снижают и без того невысокий уровень культуры отдельных людей, в целом ускоряют деградацию человека. Слабость, конфликтность семейных отношений алкоголиков, особенно если они имеют и другие психические аномалии, могут способствовать их антиобщественному сексуальному поведению.

Ведущей проблемой здесь является раннее предупреждение алкоголизма, поскольку это заболевание в юношеско-подростковом возрасте протекает весьма остро и может существенно исказить полоролевые отношения и представления, способы удовлетворения сексуальных потребностей, выбор полового партнера и т. д. Исправление этого в дальнейшем может представить исключительную, а в ряде случаев и неразрешимую задачу. Известно, что пьянство среди молодежи порождается антиобщественным влиянием со стороны семьи и неформальных малых социальных групп, отрицательным примером взрослых, вовлечением подростков в пьянство. Так, наши исследования показали, что в 35% семей несовершеннолетних правонарушителей имело место систематическое пьянство родителей и других старших членов семьи. Они совершали аморальные поступки, проявляли сексуальную распущенность. Среди них господствуют циничные, извращенные, грубопримитивные представления об отношении полов, во многом сводящиеся лишь к половым актам. Поэтому большое значение имеет оздоровление той микросреды, в которой происходит формирование личности несовершеннолетнего, тем более такого, у которого имеются психические аномалии.

Выделим еще один существенный аспект пьянства и алкоголизма. Известно, что у родителей-алкоголиков рождаются физически ослабленные дети, нередко с органическим поражением головного мозга и расстройствами эндокринной системы, которые сказываются на психосексуальном развитии. Алкоголь оказывает патогенное действие на плод, что даже дало повод к выделению «алкогольного синдрома плода». Профилактика алкоголизма, охрана здоровья беременных, предупреждение черепно-мозгового травматизма и нейроинфекций с первых лет жизни — это профилактика многих нарушений полового поведения.

Предотвращению насильственных сексуальных преступлений весьма способствовала бы профилактика безнравственного образа жизни определенной категории людей, чаще всего молодых, которые организуют разного рода группы, компании, вечеринки с целью пьянства и разврата. Профилактика таких явлений весьма актуальна в наши дни, когда некоторые молодые люди утратили привычные нравственные ориентиры, и подобный образ действий, такая форма

Поведения досуга, да еще при буйном развитии проституции, получают опасное распространение. В компаниях, где беспорядочные половые связи являются нормой, женщины иногда попадают неосмотрительно и становятся жертвами насилия. Их сопротивление обычно не принимается во внимание, а расценивается как кокетство.

Вот почему так важно улучшение досуга молодежи, обогащение его содержания. Милиция совместно с общественностью должна выявлять лиц, организующих пьяные оргии, ведущих и вовлекающих других в развратный образ жизни, предоставляющих свои квартиры для этих целей. Применение к таким лицам воспитательных, а при наличии на то оснований — мер уголовно-правового и административно-правового характера способствовало бы ликвидации одного из важных условий, содействующих совершению тяжких сексуальных посягательств.

Неосторожное или безнравственное поведение отдельных женщин должно быть объектом профилактических усилий не только в связи с возможностью функционирования названных выше «увеселительных» компаний. Нужна разъяснительная работа и среди тех женщин, кто поздно и безлюдной дорогой возвращаются домой или идут из дома. В таких местах необходимо обеспечивать их безопасность силами милиции или представителей общественных организаций, эти места должны быть хорошо освещены и просматриваемы. Таким путем можно предотвращать изнасилования, в том числе сопряженные с убийствами.

Как мы видим, для профилактики половых преступлений очень важное значение имеет обеспечение надлежащего общественного порядка в тех местах и в те периоды времени, где и когда такие преступления наиболее вероятны. К числу подобных мест можно отнести нежилые, разрушенные и недостроенные здания, городские окраины, зеленые массивы, парки, пляжи и т. д., особенно в вечернее и ночное время. Охранительные мероприятия должны быть усилены в теплое время года, когда число мест, где могут быть совершены изнасилования и связанные с ними убийства, существенно возрастает.

Чтобы борьба с половыми преступлениями носила упреждающий характер, нужно знать, кто, скорее всего, может совершить эти преступления. К ним

относятся не только те, кто был осужден за такие преступления и освобожден из мест лишения свободы. Требуют внимания и лица, которые проявляют подозрительный интерес к малолетним девочкам или девушкам-подросткам, грубо пристают в общественных местах к женщинам, а также те, которые не привлекались к уголовной ответственности за изнасилование ввиду отсутствия жалоб потерпевших. Особое внимание должны привлекать лица с психическими аномалиями или психическими болезнями, независимо от того, вменяемы они или нет, поскольку общество должно охранять людей независимо от психического состояния нападающего.

Основное содержание работы по предупреждению сексуальных преступлений лиц с психическими аномалиями состоит в активном выявлении таких лиц и принятии к ним комплекса мер — предупредительных, оперативно-розыскных, нравственно-психологических (психокоррекционных), медицинских на базе углубленного изучения их личности, имеющихся психических аномалий и их конкретных поведенческих выражений с тем, чтобы не допустить уголовно наказуемых сексуальных действий. Весьма важно сочетание и взаимодействие социальных и медицинских мер, максимальное сближение специальных криминологических и медико-реабилитационных программ, использование не только криминологических, психиатрических и патопсихологических (психологии «аномальных» и психически больных людей), но и сексопатологических знаний, в том числе при наличии расстройств полового влечения.

Предупреждение сексуальных преступлений лиц с психическими аномалиями может быть организовано по разным схемам и основаниям. Так, возможна его организация и осуществление в соответствии с некоторыми временными рамками. Поэтому можно выделить: 1) профилактику первичных сексуальных преступлений со стороны таких лиц. Здесь нужно обратить внимание на виктимологические вопросы, т. е. особенности личности и поведения возможных потерпевших, обеспечение сексуальной неприкосновенности граждан, особенно несовершеннолетних; 2) исправление и перевоспитание сексуальных преступников в местах лишения свободы. В этот период помимо принятия принудительных, воспитательных и, возможно, ме-

медицинских мер, должны осуществляться мероприятия по защите осужденных за сексуальные преступления от других преступников. Относится это прежде всего к тем, чьи сексуальные посягательства были направлены на малолетних. Именно эти лица часто подвергаются избиениям, оскорблениям, издевательствам в исправительно-трудовых учреждениях; 3) профилактику повторных сексуальных преступлений со стороны лиц с аномальной психикой после отбытия ими наказаний. Разумеется, виктимологические проблемы тут вновь приобретают большое значение. Можно выделить мероприятия, направленные на формирование у правонарушителя установки на лечение (наблюдение) у психиатра, что во многом может предопределить его готовность следовать тем советам и рекомендациям, которые будут высказаны врачом и сотрудником милиции. Это в первую очередь относится к лицам с такими аномалиями психики, принудительное лечение которых не предусмотрено законодательством.

Среди других специфических мероприятий можно назвать: установление периодичности психиатрического освидетельствования, стационарное или амбулаторное лечение, помощь психиатру в выполнении его рекомендаций, выявление психического неблагополучия в семье правонарушителя и других формальных и неформальных группах, членом которых он является, мероприятия по устранению такого неблагополучия, изменение характера труда по медицинским показателям. Для несовершеннолетних дебильных личностей можно планировать их перевод во вспомогательную школу. Чрезвычайно важны мероприятия, которые обеспечивали бы контроль за поведением «аномальных» лиц с сексуальными нарушениями. Такой контроль особенно нужен в тот период времени, когда они не заняты трудом или учебой. Обеспечение их общественно полезной деятельности — необходимое условие успешности планируемых предупредительных мер.

Поэтому столь нужна четкая система выявления и учета тех, кто склонен к совершению половых преступлений, в том числе «аномальных» лиц с расстройствами полового влечения.

Выявление и учет лиц с психическими аномалиями, которые могут совершить половые преступления, является центральной организационной проблемой в сфере социально-психиатрической профилактики

таких преступлений. Разумеется, она должна решаться в зависимости от типологической принадлежности правонарушителей, характера аномалий, наличия ре-стройств полового влечения и, конечно, возможности правоохранительных органов и медицинских учреждений. Особое значение, в первую очередь из-за интимного характера возможных нарушений поведения, приобретает обеспечение требований законности, в частности сохранение врачебной тайны, соблюдение существующих правовых и моральных норм о допустимости и пределах психиатрического вмешательства. Поэтому было бы весьма желательным издание специального нормативного акта, регламентирующего деятельность по предупреждению всех видов преступного поведения лиц с психическими аномалиями.

Разумеется, при поступлении информации о том, что данный человек высказывает намерение совершить преступление или создает условия для этого, нужно немедленно принять предупредительные меры. Если они будут успешны, а субъект не будет привлечен к уголовной ответственности, выпускать его из поля зрения не следует. Мы особенно подчеркиваем это обстоятельство из-за того, что имеются в виду лица с психическими аномалиями, переориентировать, переубедить которых часто бывает сложнее, чем здоровых людей.

Во всех нормативных актах по поводу освидетельствования или принудительной госпитализации лиц с психическими аномалиями или болезнями прежде всего имеются в виду случаи, когда их поведение опасно для общества или их самих, выражается в насилии, нарушениях общественного порядка. При этом многие из таких поступков не являются преступными, но часто свидетельствуют о возможности их перерастания в таковые. Совершенно иную психологическую и социальную окраску имеет «предыстория» сексуальных преступлений со стороны тех же лиц. Даже у них соответствующие действия и намерения скрыты, вот почему трудно «предугадать», что они будут реализованы. Поэтому при оказании на них профилактического воздействия в первую очередь необходимо ориентироваться на следующие признаки: 1) совершение сексуальных преступлений в прошлом; 2) наличие таких аномалий психики, при которых сексуальные про-

ступки, нарушения полового влечения наиболее возможны.

На наш взгляд, следовало бы нормативно закрепить положение, предусматривающее психиатрическое освидетельствование не только при наличии подозрения на острое психическое расстройство или необходимость активного лечения у врачей-психиатров, но и тогда, когда психическое нарушение не требует активного лечения (например, при олигофрении), но способствует противоправному поведению. Это необходимо для разработки конкретных мер применительно к данному лицу. Можно было бы рассмотреть также вопрос о первичном психиатрическом освидетельствовании по письменным заявлениям правоохранительных органов.

Мы составили примерный перечень признаков, которые дают основания предполагать, что данное лицо способно совершить сексуальное насилие:

— наличие в семье душевнобольных (страдающих расстройствами психической деятельности), алкоголизм и (или) наркомания родителей;

— безнадзорность подростков, употребление ими алкоголя или наркотиков, других одурманивающих веществ;

— совершение в детском или раннем подростковом возрасте сексуальных проступков, проявление несовершеннолетними болезненного или чрезмерного интереса к половой жизни;

— истерические проявления, жестокость и эмоциональная тупость; слабоумие; значительная педагогическая запущенность, существенно препятствующая установлению нормальных связей и отношений с представительницами противоположного пола;

— гиперсексуальность, перверсные (извращенные) сексуальные действия и циничные нарушения сексуального характера, в том числе и те, которые по каким-либо причинам не повлекли за собой принятых уголовно-правовых мер;

— суицидальные попытки, связанные с неудачами в интимной жизни, отношениях с представительницами противоположного пола;

— учинение насильственных действий, в том числе внешне безмотивных, которые включают в себя некоторые сексуальные моменты, сексуальную циничность и т. д.

Окончательное слово в диагностировании психической аномалии принадлежит только психиатру, а в определении наличия расстройства полового влечения — сексологу или сексопатологу. При этом еще раз надо напомнить, что субъективные причины любых сексуальных действий носят столь личный и глубокий характер, так мало осознаются на уровне их личностного смысла, что достаточно полное выявление по внешним признакам даже тех, кто «аномален», весьма сложная задача.

Полнота выявления сексуальных правонарушителей (в том числе с психическими аномалиями) и успешные результаты предупредительной работы с ними в немалой степени зависят от соответствующих источников информации, к которым можно отнести:

— материалы «прошлых» уголовных дел, т. е. дел о таких сексуальных преступлениях, наказание за которые уже назначено;

— материалы, поступившие на освобожденного из мест лишения свободы, особенно в той их части, которые относятся к половому поведению (в том числе активному гомосексуализму) и наличию нарушения психики;

— материалы дел гражданского судопроизводства: бракоразводных дел, о лишении родительских прав и т. д., а также материалы об отказе в возбуждении уголовных дел по фактам, связанным с сексуальным аморальным поведением, и оперативно-розыскные данные;

— сведения, имеющиеся в лечебно-трудовых профилакториях, медицинских вытрезвителях, приемниках-распределителях, в том числе для несовершеннолетних, и в других подразделениях правоохранительных органов;

— данные общественных организаций, функционирующих в сфере охраны порядка;

— характеристики по месту жительства, работы, учебы, проведения досуга в отношении конкретных лиц;

— материалы медицинских учреждений, в том числе акты экспертиз и освидетельствований, истории болезни, данные диспансерных наблюдений, бесед с психиатрами, невропатологами, сексологами, сексопатологами;

— непосредственное наблюдение за отдельными лицами работниками органов внутренних дел, изучение ими образа жизни и общения этих лиц.

Особо выделим вопросы выявления несовершеннолетних с аномалиями психики, которые могут совершить сексуальные проступки. Дело в том, что психические расстройства, которые не лечились в детском и юношеском возрасте и даже не были выявлены, в последующем значительно труднее поддаются лечению. В случае же антиобщественного образа жизни подростков с такими расстройствами, негативного влияния взрослых и других неблагоприятных факторов, последние обычно еще больше прогрессируют и приводят к более глубоким личностным изменениям.

Один из важнейших вопросов, возникающих в связи с социально-психиатрической профилактикой сексуальных правонарушений несовершеннолетних, это вопрос о выявлении и учете подростков с психическими аномалиями. От его решения зависят масштабы ранней профилактики, а стало быть, во многом и эффективность профилактики правонарушений несовершеннолетних в целом. Причем в данном случае мы имеем в виду предупреждение любых, а не только половых, правонарушений со стороны таких подростков.

В настоящее время учет психических расстройств несовершеннолетних ведется главным образом на основании обращаемости за медицинской помощью их родителей, представителей школ, общественных организаций или органов внутренних дел. Однако очень часто несовершеннолетние правонарушители вследствие неправильной позиции родителей, отсутствия необходимых психиатрических знаний у них, педагогов или сотрудников милиции не попадают в поле зрения врачей. В целом еще отсутствует четко продуманная система раннего выявления и диагностирования психических аномалий у детей и подростков, что в свою очередь затрудняет раннюю профилактику их возможного насильственно-сексуального поведения. Следует отметить, что многие психические заболевания долгое время протекают скрытно, незаметно для самого больного и других. Нередко болезнь проявляется во внешне немотивированной, неожиданной агрессии к окружающим, порой случайным лицам. При этом именно у детей и подростков наиболее частым первым проявлением нервно-психического заболевания является нарушение поведения.

Одним из путей успешной социализации неблагополучных детей и подростков является вовлечение их

в такого рода внешкольную, внеучебную деятельность в которой могли бы проявиться их способности, душевные качества, где бы они могли получить одобрение, знаки внимания, уважение ребят и взрослых, получили бы навыки межличностного общения.

Но, конечно, установление и поддержание нормальных контактов в повседневном бытовом или производственном общении, в том числе с представительницами противоположного пола, зависит не только от них, а в ряде случаев не столько от самого субъекта. Наличие, например, аномалий психики, особенно интеллектуальная недостаточность, как уже отмечалось выше, создает атмосферу их неприятия, отталкивания средой, усугубляя их дезадаптацию и тем самым повышая риск совершения преступления. Следовательно, одна из важных задач профилактики состоит в преодолении этой дистанции, формировании человеческого, гуманного отношения к такой личности со стороны непосредственного окружения, поиске форм общения, в которых она не чувствовала бы себя отвергнутой. Мы полагаем, что лица с умственной отсталостью прибегают к сексуальному насилию не только потому, что их не принимают женщины, но и потому, что их никто не любит.

По существу, мы ведем сейчас речь о ранней профилактике сексуальных преступлений, поскольку формирование умения и навыков общения с другими людьми, поддержание с ними нормальных отношений — одна из главных задач применительно к данной категории. Многие из сексуальных преступников, как мы уже отмечали выше, отличаются замкнутостью, отчужденностью, неумением находить контакты с женщинами, испытывают существенные затруднения в межполовых контактах, что иногда обусловлено их психической ущербностью.

Вообще предупреждение преступлений несовершеннолетних можно считать ранней профилактикой. Именно поэтому важное значение в предупреждении сексуальных преступлений имеет выявление подростков, поведение которых дает основание опасаться совершения изнасилований, развратных гетеро- и гомосексуальных действий в отношении малолетних и несовершеннолетних подростков женского и мужского пола. Известно, что привычные гомосексуалисты вовлекают в них морально неустойчивых юношей и подростков. Поэтому

так важна систематическая проверка подозрительных дворов, чердаков, подвалов, а также мест сбора сомнительных компаний (лиц, ведущих развратный образ жизни, гомосексуалистов и т. д.).

Анализируя вопросы предотвращения сексуальных преступлений, нельзя не обратить внимания на следующее весьма важное обстоятельство. В нашей стране психиатрическая помощь населению совершенно недостаточна, а сексологическая, тем более сексопатологическая, практически отсутствует; в силу сложившихся традиций люди чрезвычайно редко обращаются к психиатрам и сексологам. Поэтому возникающие сексуальные проблемы, всегда сугубо интимные, они разрешают сами и нередко способами, запрещенными уголовным законом. По-видимому, в этом одна из причин сексуальных преступлений и существенный пробел в деле ее профилактики. Поэтому здесь нужны широкие предупредительные мероприятия, такие, как расширение сети психиатрических и сексологических центров, подготовка кадров сексопатологов, продуманное рекламирование их деятельности, формирование у населения навыков обращения к ним за помощью и т. д. Думается, что как раз при таком решении всех этих сложных вопросов будет обеспечен индивидуализированный подход к каждому человеку, который может встать на путь совершения сексуальных преступных посягательств, а сама проблема выведена из чисто «милицейских» (судебных и т. д.) рамок.

Важное значение для лиц, склонных к совершению сексуальных преступлений, приобретает знакомство с вопросами сексуальной профилактики и психогигиены. Среди семейных людей немало имеющих сексуальные дисгармонии, т. е. рассогласование между супругами по различным вопросам, в том числе половым. Последние не являются заболеванием в полном смысле этого слова, а скорее всего представляют собой состояние предболезни, т. е. состояние, которое может привести к развитию нарушений половой деятельности, а при своевременной коррекции приводит к восстановлению обычных функций в этой сфере. Устранение сексуальных дисгармоний требует психопрофилактики и психогигиены или, как сейчас принято говорить, психокоррекционной работы.

Известно, что на сексуальной почве возникают семейные конфликты, нередко оканчивающиеся разрушением

семьи. А утрата семьи — одно из условий возникновения беспорядочных половых связей, нередко сопровождаемых распитием спиртных напитков, что довольно часто приводит к совершению сексуальных преступлений (изнасилований, мужеложств и т. д.). Роль милиции в разрешении, локализации семейных конфликтов, как известно, может быть довольно существенной.

Для успешного розыска лиц, совершивших изнасилования и изнасилования с убийствами, важное значение имеет создание банка розыскной информации о таких лицах. Активные усилия в этом направлении предприняты в США, Нидерландах, Великобритании, создается названный банк и в России. Это, соответственно, накопление материалов о психологических (патопсихологических), психиатрических, сексологических, криминологических, криминалистических и иных особенностях личности и поведении сексуальных преступников. Благодаря такой информации в упомянутых западных странах удалось достаточно быстро раскрыть ряд опасных нападений на женщин, причем это было сделано уже после второго-третьего преступления, что позволило не допустить дальнейших тяжких последствий. Но подобное информационное хранилище помогает только в том случае, если преступные действия совершены лицами, которые уже побывали в поле зрения милиции (полиции) как сексуальные правонарушители и именно в этой связи взяты на учет. Однако значительная часть половых преступлений совершается лицами, которые себя никак не проявили в криминальном сексуальном плане, или об этом не известно, или они совершали преступления, но другие, например кражи. Поэтому, так сказать, живой розыск насильников и убийц продолжает оставаться актуальным.

Банк данных на насильников и насильников-убийц должен включать в себя сведения не только о конкретных лицах, которые могли бы быть причастны к совершенным сексуальным преступлениям. По-видимому, в этом банке должна быть разнообразная психологическая и иная информация о типологических особенностях лиц, склонных к подобным действиям. Например, если обнаружен труп молодой женщины со следами пыток, глумления над половыми органами, посмертных ранений и т. д. (в данном случае мы фантазируем), это мог совершить мужчина 20—25 лет,

обладающий немалой физической силой, имеющий некоторые медицинские знания, страдающий остаточными явлениями травм черепа или психопатией, у которого ограничены субъективные способности к нормальной половой жизни, который ранее допускал хулиганские поступки с сексуальной окраской и т. д. Названная информация, а она должна быть добыта оперативными работниками и следователями с помощью психологов, психиатров и (или) сексопатологов, позволит резко сузить круг подозреваемых, использовать медицинские и милицейские (полицейские) учеты, сведения, имеющиеся у населения, и т. д.

Сейчас наука располагает данными о том, какие психологические особенности отличают тот или иной тип сексуальных преступников, т. е. каким набором характерных психологических черт обладают представители отдельных типов. Более того, о каждом из таких типов известно, какую (примерно, конечно) жизнь должны были бы прожить носители свойственных этим типам качеств, каково было их детство и юношеские годы, как они вели себя в семье, школе, армии, на работе или в кругу друзей, как относились к ним родители, как они проявляли себя, в том числе в криминальном плане и т. д. Это сведения крайне важны для изобличения конкретных лиц.

О чем, собственно, идет речь, в чем именно заключаются еще совсем мало используемые психологические возможности изобличения опаснейших преступников?

Дело в том, чтобы «живых» подозреваемых идентифицировать с уже имеющимися психологическими моделями отдельных криминально-сексуальных типов. Это очень похоже на такую идентификацию, когда сравниваются отпечатки пальцев. Есть, однако, существенная разница между этими двумя идентификациями: дактилоскопическое сравнение дает почти стопроцентную уверенность в том, что данный человек совершил или не совершил настоящее преступление. Психологическая же идентификация такой полной гарантии не дает, но на вопрос о причастности определенного лица к каким-то поступкам может дать ответ с достаточно высокой степенью вероятности. Знание того, что сидящий перед следователем человек принадлежит к определенному типу, а этот тип обладает известным набором свойств и качеств,

позволяет грамотно, опираясь на научные достижения, решить, совершил он или нет то сексуальное преступление, которое было обнаружено неделей раньше. Следователь может использовать такие знания во время допросов, очных ставок и других следственных действий. Иначе говоря, проблема заключается в том, соответствует или нет подозреваемый той психологической модели, т. е. тому типу сексуальных преступников, представители которых совершают именно такое сексуальное насилие, которое в настоящее время расследуется.

Мы подчеркиваем исключительную важность использования психологических данных в расследовании уголовных дел о сексуальных преступлениях в первую очередь потому, что многие действительно виновные в таких деяниях (тот же Чикатило и ряд других) были отпущены «с миром», поскольку следователи не смогли доказать их причастность к совершенным преступлениям. Это привело, как известно, к новым трагедиям, к новым жертвам.

Определенное значение в предупреждении сексуальных преступлений принадлежит и медицинской службе исправительных учреждений. В частности, она должна своевременно информировать органы милиции и психоневрологические диспансеры о лицах, склонных к сексуальным проступкам, которые освобождаются из таких учреждений. Это в равной мере относится и к лицам, уклоняющимся от лечения и наблюдения в венерологических учреждениях. Однако, как показывает практика, венерологические, психоневрологические диспансеры, родильные дома, женские консультации не всегда получают нужные им данные, а также и сами редко направляют такого рода сведения в органы милиции.

Выше мы много внимания уделили многоэпизодным («серийным») изнасилованиям и убийствам. Понятно, что такие убийства возможны лишь в том случае, если преступник сразу, после первого преступления, не изобличен. Опасность безнаказанности заключается и в другом. Лица, обычно молодые, участвующие в групповых изнасилованиях, если вовремя не изобличены, втягивают в совершение подобных преступлений других молодых людей, появляются новые жертвы. Сами же сексуальные посягательства становятся все более жестокими, циничными, опасными,

Иногда они превращаются для насильников и убийц в некую игру с будущими потерпевшими, эту игру можно назвать и охотой, но играют и с милицией одновременно. Известно, что длительная безнаказанность сексуальных преступников терроризирует не только женщин и подростков, но и все население региона.

Между тем быстрое и квалифицированное раскрытие изнасилований, например, весьма затруднительно, особенно если оно сопровождается убийством. Относительно «проще» предупреждать и раскрывать те сексуальные преступления, которые совершены молодежными группами, известными своей антиобщественной направленностью, либо в местах, где подобные насильственные преступления уже совершались и по этой причине такие места известны правоохранительным органам. «Серийность» же некоторых половых преступлений, в том числе сопровождающихся гибелью жертв, во многом связана с тем, что еще недостаточно используются научные, психологические достижения об особенностях личности сексуальных правонарушителей, причинах и механизмах их насильственных действий.

2. Как уберечься от сексуального насилия

Переходя к рассмотрению вопроса о том, что нужно сделать, чтобы избежать сексуального насилия, напомним прежде всего, что наибольшую опасность представляют те преступники, которые нападают неожиданно, пытаются сразу же сломить сопротивление жертвы, ошеломить ее, привести в шоковое состояние. Для этого они обычно наносят множество телесных повреждений, сбивают с ног, делают все, чтобы унижить, подчинить потерпевшую физически и эмоционально.

До нападения насильники подолгу могут предаваться сексуальным фантазиям, имеющим характерный сценарий: женщина сначала якобы активно сопротивляется, но он подчиняет ее и добивается сексуального удовлетворения жертвы, которая не может устоять перед такой его мужской доблестью и «падает в его объятия». Сексуальное нападение в данном случае — попытка разрешения сексуальных сложностей

в жизни преступника. На вопрос: «Если Вы действительно хотели секса, почему вы не обратились к проститутке?» он обычно отвечает, что «настоящий мужчина никогда не платит за это». Здесь не только попытка самоутверждения в роли настоящего мужчины, но и проявление неуверенности в себе. Поэтому его цель — преодолеть эту неуверенность.

Насильник может сопровождать нападение репликами типа: «Делай, что я говорю, и я не сделаю тебе больно», «Я не хочу обидеть тебя». Возможны даже комплименты. Насильник может требовать, чтобы женщина целовала и ласкала его. Во время нападения он пытается вовлечь жертву в разговор на сексуальные темы, расспрашивая о ее сексуальных интересах и партнерах или давая ей команды и указания о сексуальных действиях. Иногда просит оценить его сексуальные способности и даже просит у женщины прощения, говоря, что все это произошло у него в первый раз.

Жертва может символизировать для насильника не только его комплексы (будучи слабой и незащищенной), но и его отчаянную необходимость уверить себя в сексуальном опыте. Он пытается восстановить свое ощущение власти и контроля над кем-нибудь через сексуальное нападение, поскольку, когда кто-либо чувствует, что нет иного пути для доказательств, он прибегает к физической силе.

Н. Д. Бут, изучившая отечественный и зарубежный опыт предотвращения сексуального насилия, считает, что насильник рассматриваемого типа настолько нуждается в утверждении своей мужественности, что иногда насилие может быть предотвращено, если женщина покажет ему в какой-либо иной форме (но не сексуальной), что ей необходимы его сила и поддержка.

«Ольга возвращалась домой после дискотеки, когда услышала за собой торопливые шаги. Оглянувшись, она увидела высокого мужчину, который явно преследовал ее. Когда до подъезда осталось несколько шагов, а незнакомец все не отставал, Ольга повернулась и пошла ему навстречу. Подойдя к мужчине, она сказала: «Вы знаете, я очень боюсь одна входить в подъезд вечером. Я так рада, что встретила Вас. Вы не доведете меня до квартиры?» С этими словами она взяла его под руку. Опешивший преследователь довел ее до квартиры, где она, поблагодарив, распрощалась

с ним, а из дома позвонила в полицию. Задержанный оказался разыскиваемым преступником, изнасиловавшим шесть женщин за короткое время».

Стремление к насилию может быть обусловлено эмоциональной зависимостью насильника от женщин. В этом случае в акте изнасилования у насильника происходит «перенос» с личности той женщины, от которой он был или остается психологически зависим, на совершенно незнакомую женщину. О них мы уже писали выше.

Кроме вышеназванных причин, изнасилование в данном случае имеет значение психофизиологической разрядки длительно сдерживаемой потребности в доминировании.

Обычно такого рода насильники нападают на совершенно незнакомую женщину сзади, стараясь лишить ее возможности сопротивления и избегая любого контакта с ней, даже столкновения взглядом. Если происходит этот контакт с женщиной, то изнасилование становится для него невозможным, поскольку на подсознательном уровне это равносильно изнасилованию своей матери.

А. Ф. Бут разбирает следующий пример:

«А. К. вечером вышла из такси, когда к ней сзади подскочил молодой парень, угрожая ружьем, загнал в кусты и начал срывать одежду. Плача, А. К. просила пощадить ее и не позорить. Не помогали никакие просьбы — насильник становился все агрессивнее. Тогда А. К. посмотрела парню в лицо и сказала, что он напоминает ее сына, погибшего в Афганистане, что он симпатичен ей. «Пойдемте ко мне домой, я покажу Вам фотографию моего сына и расскажу о нем». Насильник отвел ружье, извинился, сказав, что сожалеет о случившемся, и ушел».

Многие преступники используют секс как оружие для наказания и унижения женщин. Злость на женщин становится следствием сильных переживаний в детстве и юности, вызванных близкими людьми. Мать насильника своим поведением и воспитанием обычно играет значительную роль в том, что он потом стремится «сбросить с пьедестала» любую женщину, наказывать ее и надругаться над ней.

В отличие от насильников предыдущего типа, такие люди не испытывают предварительных сексуальных

фантазий, очень редко выслеживают и подстерегают свою жертву. Атака является следствием эмоциональной вспышки, порожденной злостью. Такой насильник нападает неожиданно или же сначала демонстрирует спокойное поведение, но затем применяет неожиданную атаку. Насильник может быть даже достаточно вежлив, а затем резко измениться. Цель такого сексуального нападения — нанести боль, обиду, унижить женщину. Это выражается и через оскорбления и ругательства.

«К. пыталась починить свою забарахлившую машину, когда рядом остановился мужчина и предложил помощь. К. с радостью согласилась. Мужчина проверил двигатель, сказал, что машину лучше показать механику и предложил проводить до станции техобслуживания, которая была недалеко и где, по его словам, у него был знакомый мастер. Поскольку мужчина прилично выглядел и был вежлив, К. приняла предложение. Сев в машину, он продолжал дружески с ней говорить, пока К. не заметила ему, что он пропустил нужный поворот. Тогда он остановил машину, вынул пистолет и сказал, что пристрелит ее. К. закричала, но он дважды ударил ее по голове; она потеряла сознание. Когда она пришла в себя, она обнаружила, что одежда ее сорвана, а мужчина собирается изнасиловать ее. Просьбы о пощаде ни к чему не привели, насильник становился все более злым и агрессивным, продолжая избивать ее, после чего несколько раз изнасиловал в обычной и извращенной форме. Затем голый выбросил из машины и уехал».

Такой насильник никогда не будет просить женщину оценить его сексуальные способности и требовать ласки и поцелуев, как представитель предыдущего типа, если только он не почувствует, что это еще больше унижит женщину. Фактически нападающий сначала может быть даже не возбужден и достигает эрекции только благодаря мастурбации или оральному сексу во время нападения.

Теперь, исходя из описанных моделей изнасилований и типов насильников, давайте посмотрим, что можно сделать для предотвращения опасности. Н. Д. Бут предлагает рассмотреть следующие варианты. Самые распространенные советы женщинам, попавшим в подобную ситуацию, обычно очень просты: погромче кричать, звать на помощь, бороться

и сопротивляться насколько это возможно; им советуют убежать, изучать приемы самообороны, применяя каратэ, дзюдо, тоекван-до или носить с собой оружие для самообороны: газовые баллончики, газовые пистолеты и т. д.

Конечно, если женщина пронзительно закричит или достанет свой газовый баллончик, нападающий может убежать и она будет спасена. Но по статистике это происходит примерно в 40% случаев, а в оставшихся 60% жертва лишь ухудшает свое и без того незавидное положение. Когда она оказывается в ситуации неожиданной опасности, то многие из вышеперечисленных тактик могут оказаться малоэффективными. Поэтому главный совет — постарайтесь быть спокойной, как это ни трудно, постарайтесь хотя бы частично оценить обстановку и действовать в зависимости от этого. Если, например, на ваш крик последует помощь — кричите, если сможете применить оружие и нет опасности, что оно обернется против вас, — используйте его, если надеетесь на свою физическую силу или особые приемы и умения — активно сопротивляйтесь. Но «просто» кричать, оскорблять, царапаться, потеряв голову, не следует. Гораздо лучше использовать хитрость, промахи вашего противника.

Нужно помнить, что насильник — злая, эмоционально угнетенная личность. А теперь представьте, что произойдет, если вы показываете свое враждебное отношение даже по отношению к тому, кто не находится в состоянии злости и психологической подавленности? Если вы начинаете кричать, угрожать оружием и драться с ним? Конечно, любой человек разозлится. Представьте теперь, что произойдет, если вы сделаете то же самое с человеком, который уже находится в неуравновешенном и подавленном состоянии?.. Не забывайте о том, что действие рождает противодействие, проявите минимальную враждебность. Если вы попытаетесь ударить обидчика, например, книгой по голове, он может взять в руки кирпич для ответного удара и вам весьма трудно будет оправдаться репликой типа: «Я только хотела привлечь ваше внимание к новому бестселлеру!» Ведь своими действиями вы провоцируете насильника на еще большую конфронтацию.

Многие специалисты советуют, что если вы бесстрашны, то не следует делать ничего, что могло бы

навредить вам. Любая же форма враждебности от бесполезных криков (например, «во чистом поле») до выражения отвращения на лице обернется против вас. Ведь если вы громко закричите, наверное, насильник не будет терпеливо увещевать вас замолчать, прижимая палец к губам. Он просто начнет грубо затыкать вам рот или избивать вас. А ваше физическое сопротивление может лишь больше возбудить насильника и облегчить его задачу. Обычно мужчине требуется от трех до пяти минут для достижения сексуальной готовности, если этого хочет партнерша. Если же женщина сопротивляется и борется, то время возбуждения для мужчины может сократиться. Борьба способна усиливать приятные сексуальные ощущения насильника, она дает ему ощущение своей силы и власти.

Один из важных приемов — попробуйте отнестись к насильнику как к человеку и добиться его доверия. Конечно, сложно по-человечески отнестись к тому, кто собирается вас изнасиловать, но ведь это ваш шанс спасти себя, и не стоит от него отказываться. С другой стороны, и насильнику такое обращение будет удивительным, поскольку он достаточно редко бывает достоин такого обхождения. Оставьте в стороне ваше истинное отношение к нему, и, если вы хотите избежать изнасилования, вам придется отнестись к нему по-доброму, хотя это и очень сложно. Так что будьте эгоистичны и думайте в первую очередь о себе.

В одном из известных инцидентов женщина остановила изнасилование только человеческим отношением к нападающему.

«Аркадий был обычным студентом, веселым и компанейским парнем, жил в студенческом общежитии. Неожиданно все изменилось — после очередных каникул он вернулся из дома подавленным и озлобленным. Как выяснилось потом, приехав домой, он узнал страшную вест: его младшая сестра была изнасилована и убита неизвестными людьми.

Он забросил учебу, стал вызывающе неприветлив с друзьями и постепенно остался в полном одиночестве. По вечерам он уходил из общежития и бродил по улицам, задевая прохожих и провоцируя драки. «Я чувствовал, что меня все ненавидят: и незнакомые люди, и близкие друзья. Ни от кого я не слышал нормального слова. Я тоже возненавидел всех вок-

руг», — вспоминал он потом. Он почувствовал, что весь мир против него, и попытался доказать себе это.

Тогда он впервые изнасиловал женщину. «Я толкнул ее, в ответ на что она стала кричать, что таких как я стрелять надо и назвала меня «грязным подонком». Во мне что-то перевернулось, я вспомнил свою сестру, которой уже нет, и меня охватила дикая ярость. Я должен был как-то унижить эту оскорбляющую и ненавидящую меня женщину и заставить ее замолчать. Я изнасиловал ее».

В тот день, когда он встретил женщину, сумевшую предотвратить изнасилование, все шло по обычному сценарию: та же озлобленность на нее, то же стремление спровоцировать ее на крик и оскорбления. «Но она не стала кричать. Я не помню точно, что она сказала, но в ее голосе я услышал искреннее участие. Она была первая за много месяцев, кто не был против меня», — говорил Аркадий».

Для того чтобы показать насильнику, что вы относитесь к нему по-человечески, нужно попытаться установить контакт с ним.

Попробуйте использовать для достижения контакта потребность человека (пусть тщательно скрываемую) в хорошем к себе отношении. Идя на изнасилование, нападающий ожидает враждебного и негативного отношения к себе и соответствующего поведения. Нужно постараться разбить его сценарий, относясь к нему не как жертва, а пытаясь найти в нем что-то хорошее, сделав ему неожиданный комплимент. Если такой поворот событий и не приведет к мгновенному изменению ситуации, то, по крайней мере, вы наладите с ним контакт. Вы можете отметить в нем его силу, одежду, красивые волосы, ум, голос, и эффект будет достигнут. После этого уже можно показать, что вы нуждаетесь в его помощи и доверии.

«Анна шла вечером через парк, и вдруг из кустов выскочил мужчина и повалил ее на землю, срывая с нее одежду. Несколько мгновений она молча сопротивлялась, а затем сказала ему: «Послушай, я всегда хотела нормального секса с кем-нибудь. Но я всегда была так подавлена тем, что произошло со мной в 7 лет, что не могу заниматься любовью. Мой отчим изнасиловал меня. Так что, пожалуйста, будь добр со мной, сделай мне хорошо». Насильник перестал наступать и прислушался:

— Твой отчим? И тебе было всего 7 лет? Это отвратительно.

— Да. И мой доктор говорит, что я никогда не смогу ощутить... Ну, ты понимаешь.

— Понимаю,— сказал мужчина,— уходи из парка и не ходи здесь так поздно вечером. Это глупо».

Другой случай показывает, что потребность насильника в том, чтобы оценили его привлекательность, оказалась сильнее желания изнасиловать женщину. Это относится, в первую очередь, к насильникам, утверждающим свою власть.

«Елена веселилась на дискотеке и, устав, вышла на улицу подышать воздухом. За ней из зала вышел парень и схватил ее, увлекая в кусты. Елена повернулась к нему и сказала:

— Я так рада, что ты вышел за мной. Я никак не могла обратить на себя твое внимание. Не правда ли, дискотека ужасно скучная?— при этих словах парень опешил. Не давая сказать ему слов, Елена продолжала:

— Ты не знаешь где-нибудь поблизости местечка, где мы могли бы посидеть вдвоем?

— Знаю,— сказал парень.

— Отлично, тогда я сейчас возьму свою сумку в зале, а ты подожди меня у выхода.— С этими словами Елена поцеловала его и, выскользнув, скрылась в зале, где подбежала к своей компании».

Но всегда нужно помнить, что прежде, чем что-либо предпринимать, нужно восстановить эмоциональное равновесие, «остыть». Каждая ситуация нападения состоит из трех элементов: насильник, окружение и вы. А если вы не находитесь в состоянии равновесия, то не сможете «прочесть» насильника и предпринять рациональные действия против него.

Случается, что женщина ведет себя психологически верно, но все же попадает в беду. Некоторые насильники настолько эмоционально подавлены, что должны получить разрядку своей агрессии, вне зависимости от того, насколько женщина пытается овладеть ситуацией. Поэтому, помимо психологических тактик, женщина должна обладать навыками самозащиты, которые могли бы помочь предотвратить последствия нападения. Женщина может использовать их против нападающего, независимо от его физической силы и места нападения. Эти методы включают несколько возможностей противостоять силе еще большей силой, поэто-

му не стоит их использовать, пока не исчерпаны остальные возможности.

Имеется в виду ситуация, когда, например, вы находитесь «на прицеле» у насильника, и он готов нажать на курок; его нож находится у вашего горла или насильник готов связать вас. Он не говорит ни слова, и вы понимаете, что ваша жизнь в опасности, пора принять меры физического воздействия. Помните, что методы физической самозащиты, как, впрочем, и психологической, будут успешны только в том случае, если вы действуете в состоянии эмоционального равновесия. Учтите, что реальная опасность никогда не возникает в начале нападения, так что вы можете сосредоточиться. «Ну хорошо,— скажете вы,— предположим, закон позволяет мне убить насильника, защищая себя. Но я даже не уверена, смогу ли я заставить его поморщиться от боли, а тем более убить!»

Вы сможете это сделать, не затрачивая особых усилий, вы можете сделать ему так плохо, что он будет в шоке, потеряв к вам интерес. Все, что вам требуется для начала,— оказаться как можно ближе к насильнику. Многие женщины считают, что чем больше дистанция между ними, тем лучше для нее. Это неправильно, поскольку для успешных действий насильнику, применяющему оружие или физическую силу, нужно быть от вас, по крайней мере, на расстоянии вытянутой руки. Даже самые лучшие методы самозащиты применимы только на коротких расстояниях.

Итак, ваша начальная цель — оказаться как можно ближе к насильнику. Но, если напавший больше заинтересован в насилии и применении оружия против вас, нежели в чем-либо еще, как это сделать? Превратить его атаку в сексуальное нападение. Используйте секс как оружие. Заставьте его положить руки на сексуальные части вашего тела. Спровоцируйте его на сексуальные действия и будьте поубедительнее. Конечно, насильник не изменит своих планов относительно вашего убийства, но он сначала подумает о чем-либо ином. Те же действия можно применить и по отношению к нападающему, который хочет связать вас. Скажите или покажите, что ему же будет лучше, если вы сможете двигать своими руками и телом. Если он хочет связать вас, скажите, например: «Конечно, почему нет? Но позже. А сейчас у меня есть идея получше».

Оставьте в стороне ваше отвращение, моральные принципы, испуг и положите его руки на свою грудь. В этот момент он насмешливо и с любопытством посмотрит на вас. Вы улыбнулись. Он тоже улыбнулся, убрал свой нож и начал стягивать с вас одежду. У вас есть все основания думать, что после того, как он вас изнасилует, нож появится опять, и он убьет вас. Что вам делать дальше? Вы нежно помещаете свои руки по обе стороны лица вашего обидчика, кладете их точно так, как если бы вы охватили его лицо, прежде чем поцеловать. Затем вы кладете большие пальцы ваших рук на его глаза и давите изо всех сил. Если он носит очки, вы легко просунете ваши пальцы под них. При сильном надавливании его глаза продавят кору его головного мозга, убив его. В крайнем случае, насильник получит такой болевой шок, что ему будет не до вас.

Многие женщины, читая эти строки, подумают, что этот способ неприемлем для них, так как об этом отвратительно даже думать, не говоря о том, чтобы сделать. Но вспомните, что это несравнимо с тем, что некоторые насильники делают с женщинами, и подумайте о том, что в той ситуации, где приходится применять подобные вещи, выбор прост: вы или он, ваша жизнь или его.

Предложенная тактика является действенным средством. Все, что вам нужно, это быть вежливой и нежной до решающего момента, потому что, если вы попытаетесь воткнуть пальцы в глаза нападающего с расстояния вытянутой руки, скорее всего вы попадете ему в нос или щеку, и последствия будут трагичными для вас.

Спокойный и «нежный» подход также является основой для другого метода. Вы должны медленно и осторожно добраться рукой до мошонки насильника и неожиданно сдавить ее со всей силой. Подобное сжатие приведет любого мужчину к болевому шоку такой силы, что он обезумеет от боли и будет не в состоянии что-либо сделать. Женщине трудно понять, что это за боль, так как в женском организме нет аналога, соответствующего этому мужскому органу, но не сомневайтесь, что такое воздействие произведет должный эффект.¹

---

¹ Бут Н. Д. Как избежать сексуального насилия // Предупреждение и расследование сексуального насилия.— М., 1993.

Конечно, лучше всего не попадать в ситуации, где женщина может быть подвергнута сексуальному нападению и даже убита. Поэтому необходимо избегать темных и безлюдных мест (Анна, шедшая вечером через парк, совершила явную глупость), во всяком случае не появляться там без надежного сопровождения, не принимать сомнительных предложений незнакомых и малознакомых мужчин, например посетить их квартиру или прогуляться там, где половая агрессия возможна, и т. д. Иными словами, нужно проявлять элементарную житейскую осторожность и постоянно помнить, что личная безопасность очень часто находится в руках самого человека.

Предметом особой заботы должны быть дети и подростки, которые в силу своих возрастных особенностей излишне доверчивы, неосторожны, не могут оценить грозящую им опасность, да и вообще не думают или даже не знают о ней. Во время самостоятельных прогулок или игр вне дома они всегда должны быть под присмотром взрослых, дома же их желательно не оставлять наедине с незнакомыми мужчинами или с лицами, не внушающими доверия, особенно если они в нетрезвом состоянии. Абсолютно правы родители, которые предупреждают детей о том, чтобы они не доверяли посторонним, не соглашались бы следовать за ними, не поддавались на сладости и т. д., не получив разрешения родных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы вполне осознаем, что не смогли ответить на все вопросы, возникающие в связи с уголовно наказуемыми сексуальными действиями. Этих вопросов, конечно же, великое множество — природа и причины таких действий, личность преступника и потерпевшего, механизмы их взаимодействия в конкретной ситуации, особенности последней и ее воздействие на поступки «включенных» в нее лиц, специфика раскрытия, расследования и предупреждения половых правонарушений, содержание работы по исправлению половых преступников в местах лишения свободы. Не менее актуальны проблемы отношения государства, общества и отдельных социальных групп к половым преступлениям и к лицам, виновным в их совершении. Естественно, что такие отношения самые разные.

Особого внимания требуют жертвы сексуальных посягательств, в первую очередь в плане их понимания и оказания всесторонней помощи. Важность именно этой проблемы определяется прежде всего тем, что в нашей стране потерпевшие от половых правонарушений часто оказываются в более чем бедственном положении. Их нередко преследуют, унижают, оскорбляют, угрожают, даже подвергают физическому воздействию. Страшась расправ, под влиянием страха и шантажа многие женщины, подвергшиеся насилию, не заявляют об этом либо, уже обратившись в правоохранительные органы, затем меняют свои показания, тем самым предоставляя насильнику полную безнаказанность, об опасности которой излишне говорить. Жизнь немалой части детей и подростков — жертв половых посягательств в силу не оказания им психологической, психотерапевтической и материальной помощи, а также злой молвы может быть изувечена на долгие годы.

Вот почему надо внимательно изучить опыт некоторых зарубежных стран, где государство берет на себя расходы по переселению потерпевших в другие города и районы, по их лечению, а в некоторых случаях — их охрану.

Разумеется, все это не снимает вопроса о «вине» жертвы во многих сексуальных преступлениях, однако это ни в коей мере не свидетельствует о том, что их не надо защищать и оказывать иную помощь. При этом всегда нужно помнить, что потерпевшие, особенно в случаях внезапного нападения ранее незнакомого лица, своим достоинством, честью, а нередко и жизнью расплачиваются за то, что тяжело переживает совершенно посторонний им человек, за все его подлинные и мнимые обиды и унижения, к которым они, конечно, не имеют никакого отношения. Особенно страшно, когда подвергаются насилию и гибнут дети, в чем обычно виноваты и их родители — своей неосторожностью, неосмотрительностью, не проявлением должной заботы и попечения в отношении своих детей, а порою и полным равнодушием к ним.

В случае совершения серийных изнасилований или сексуальных убийств виновные со своими жертвами до нападения на них не имели, как правило, никаких контактов, а поэтому, казалось бы, не могли питать к ним ни ненависти, ни вражды. И тем не менее по причинам, о которых подробно говорилось выше, одни преступники воспринимали потерпевших именно как врагов, но не индивидуализированных, а как близких представителей угрожающих им сил, как какие-то символы, а другие — лишь как некий объект, с которым необходимо произвести определенные сексуальные и насильственные манипуляции. В том и другом случае проявлялось полное равнодушие к их тяжким страданиям и мучениям, что во много раз повышает общественную опасность названных преступлений и преступников.

Что же делать с этими опаснейшими преступниками, с этими безжалостными «охотниками», не ведающими сострадания? Мы полагаем, что лица, виновные в сексуальных убийствах двух и более человек, должны подвергаться смертной казни, в более редких, даже исключительных, случаях и при наличии необходимых оснований — приговариваться к пожизненному лишению свободы без возможности помилования

и сокращения срока наказания, причем отбывать его в наиболее суровых условиях.

Заслуживает особого рассмотрения вопрос о том, как поступать с теми, кто уже совершал половые правонарушения и весьма вероятно их повторение, но уже в гораздо более тяжких формах. Как уже отмечалось выше, многие серийные сексуальные убийцы начинали с развратных действий в отношении несовершеннолетних и, так сказать, с «простых» изнасилований. Выйдя на свободу, некоторые из них стали насиловать уже многих, нередко даже убивать их. Часто это происходило потому, что они не получали необходимой психокоррекционной помощи в период отбывания наказания, а «чисто» воспитательные меры оказались совершенно безуспешными. Но можно представить себе ситуацию, когда осужденный за сексуальное преступление, в том числе менее тяжкое, отказывается от психотерапевтического лечения. Думается, что в этом случае суду следует предоставить право продлить ему срок пребывания в местах лишения свободы, но, разумеется, суд должен быть уверен, что надлежащая помощь достаточно реальна и эффективна.

Большую роль в предупреждении и расследовании насильственных сексуальных преступлений призваны сыграть соответствующие научные исследования, их основной задачей является выявление глубинных истоков таких посягательств и отличительных особенностей преступников, разработка на этой основе практических рекомендаций и предложений. Но здесь у нас успехов не очень много. Это в первую очередь связано с недостаточным развитием теоретических знаний, с вульгарной социологизацией интимной жизни человека и природы его переживаний, с нежеланием и неумением проникнуть в его внутренний трагический мир. Весьма живучими оказались штампы, стремящиеся объяснить все архисложные психические явления и психологию личности в основном с социальных и даже классовых позиций.

Для некоторых исследователей-криминологов человек представляет собой черно-белую и ярко освещенную плоскость без впадин и подъемов, а тем более без бездн и вершин, без черных дыр и туманностей. Поэтому им так легко утверждать, что преступник насилует и убивает, потому что у него низкое образование, он нигде не работал и много пил. Подобная

«легкость мыслей необыкновенная» наносит тяжкий удар практике борьбы с названными преступлениями. Собственно говоря, упомянутые и аналогичные утверждения отражают обывательский уровень и абсолютно непрофессиональны. Однако их придерживаются очень многие сотрудники милиции, прокуратуры, суда, органов, исполняющих уголовное наказание. Отсюда их полная беспомощность в выявлении подлинных причин криминальных сексуальных посягательств, неквалифицированное расследование уголовных дел и неумение изобличить преступников, назначение неадекватных и часто несправедливых уголовных наказаний, неумение должным образом работать с преступником и исправлять его. Понятно, что значительная часть рецидива половых преступлений прямо связана с упомянутыми обстоятельствами.

Мы льстим себя, быть может, и необоснованной надеждой, что настоящая книга будет полезной не только всем тем, кого интересует сложный душевный мир человека, тайные пружины его поступков, часто непонятные ему самому, всем тем, кто обеспокоен ростом насилия в стране, сексуального в том числе, и неудовлетворен состоянием нравственности в целом, но и профессионалам, призванным выполнять свой служебный долг по борьбе с преступной жестокостью. На их внимание хотелось бы особенно рассчитывать.

Мы, авторы этой книги, постарались ознакомить читателя с итогами наших многолетних научных поисков, которые неизменно основывались на изучении конкретных преступников и их кровавых преступлений. Однако наша позиция по отношению к ним никогда не была только обвиняющей, хотя мы и убеждены в необходимости применения к опасным сексуальным преступникам самых суровых мер уголовного наказания. Мы все время пытались понять таких людей и делали это с единственной целью — чтобы общество могло успешнее предупреждать деяния, часто отличающиеся крайней жестокостью, изуверством, варварством, цинизмом, нередко находящиеся по ту сторону всего человеческого, в ином измерении, в ином, каком-то призрачном мире.

Наши исследования продолжаются.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

Глава I

ПРИРОДА СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

1. Что об этом известно в криминологии	9
2. Сексуальное насилие как решение важнейшей жизненной задачи	25
3. Парафилии и их роль в сексуальном насилии	38
4. Сексуальная агрессия: от животного к человеку	74
5. Болезнь или порок?	95
6. Парафилии: общественные и индивидуальные предпосылки	112

Глава II

САМОЕ РАСПРОСТРАНЕННОЕ СЕКСУАЛЬНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ — ИЗНАСИЛОВАНИЕ

1. Общая характеристика	137
2. Насильники	152
3. Жертвы	166
4. Сексуальное насилие типа «Возвращаюсь назад»	184
5. Сексуальное насилие типа «Жажду признания»	198

Глава III

СЕКСУАЛЬНЫЕ УБИЙСТВА

1. Какие убийства можно считать сексуальными?	211
2. Многоэпизодные («серийные») сексуальные убийства	227
3. Феномен Чикатило	245
Долгий кровавый путь	245
Психиатрические и сексопатологические сведения	263
Объяснение злодеяний	276

Глава IV

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СЕКСУАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

1. Как предотвращать сексуальные преступления	288
2. Как уберечься от сексуального насилия	303
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	314

Научно-популярное издание

**Антоян Юрий Миронович,
Ткаченко Андрей Анатольевич**

СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Редактор *Н. Байдинов*
Художественный редактор *Е. Андреева*
Технический редактор *О. Лукоянова*
Корректор *И. Кремнева*

Подписано в печать 17.11.93. Формат 84x108¹/₃₂.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр.-отт. 17,43. Уч.-изд. л. 17,89.
Тираж 50 000 экз. Заказ 3043. «С».

Фирма «Амальтея».
111141 Москва, Зеленый просп., 6-1-194.

Издание осуществлено при участии
РИО МГПО "Мосгорпечать" и фирмы "Издатель"

Отпечатано с готовых диапозитивов в АП «Курск».
305007 г. Курск, ул. Энгельса, 109.